

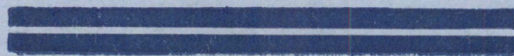
|| 9 ||

НОВЫЙ МИР

НОВЫЙ МИР

|| 1975 ||

9

1975

НОВЫЙ МИР

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Л И Т Е Р А Т У Р Н О - Х У Д О Ж Е С Т В Е Н Н Ы Й
И О Б Щ Е С Т В Е Н Н О - П О Л И Т И Ч Е С К И Й Ж У Р Н А Л

Издается с 1925 г.

№ 9

Сентябрь, 1975 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА	3
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС — Кола ди Риенци, драма в стихах. Перевел с немецкого Лев Гинзбург	5
ВЛАДИМИР ЖУКОВ — Мишка-танкист, стихи	33
ЧИНГИЗ АЙМАТОВ — Ранние журавли, повесть	37
ПАРУЙР СЕВАК — Здравствуй! Стихи. Перевели с армянского В. Микушевич, Ю. Мориз	95
НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ — Симода, роман. Окончание	101
ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС — Из цикла «Ре минор», стихи. Перевел с литовского Л. Миль	129
ИГОРЬ ВЯХИРЕВ — Письмо, стихи	137
АНТАЛ ГИДАШ — Миниатюры. Перевела с венгерского Агнесса Кун	141
ИЗ МОЛОДОЙ ВЬЕТНАМСКОЙ ПОЭЗИИ. Перевели Виктор Широков, Григорий Кружков. Ст. Золотцев	154
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ	
М. ГАНИНА — Мои знакомые диспетчеры	159
ПУБЛИЦИСТИКА	
<i>30 лет со дня провозглашения Демократической Республики Вьетнам</i>	
М. ТКАЧЕВ — Будущее республики	168
В МИРЕ НАУКИ	
ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ — Экологический кризис и социальный прогресс	175
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
ИННА ЧЕЖЕГОВА, МИХАИЛ ДОНСКОЙ — В гостях у доброго короля Рене	202

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
<i>К 100-летию со дня рождения С. Н. Сергеева-Ценского</i>	
ПИСЬМА СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО К Н. С. КЛЕСТОВУ-АНГАРСКОМУ. Публикация Марии Ангарской	227
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Н. ШАМОТА — О человечности нашей партийности	237
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
А. Крушинский. Вьетнамский характер.— Вл. Гусев. Память и боль сердца.— Г. Беляя. Умная ирония Зощенко.— А. Свободня. Фантазии на реальные темы.— Н. Молева. Мир Чюрлёниса.— Д. Урнов. Мэлори и его книга.	272
<i>Политика и наука</i>	
Е. Никифоров. Динамика ленинской мысли.— В. Преображенский. Оружие интеграции наук.— Леонид Лиходеев. Долг и чувство.	272
КОРОТКО О КНИГАХ — Л. Лебедева.— Ахмедхан Абу-Бакар. Солнце в Гнезде Орла. Повесть. ♦ А. Вулис.— А. Акбаров. Гафур Гулям. О жизни и творчестве народного поэта Узбекистана. ♦ Ю. Болдырев.— Г. Бояджиев. Душа театра. А. Аникст. Поэт театра. ♦ Игорь Рацкий.— В. Ивашева. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. ♦ А. Канцедикас.— В. М. Василенко. Народное искусство. Избранные труды о народном творчестве X—XX веков. ♦ Анна Илупина.— Пьетро ди Готтардо Гонзага. 1751—1831. Жизнь и творчество. Сочинения	281
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

Ниже публикуется впервые на русском языке набросок стихотворной драмы молодого Энгельса «Кола ди Риенци». Это произведение было написано, по-видимому, в качестве оперного либретто, как об этом можно судить по письму школьного товарища Энгельса Карла де Хааса немецкому поэту Агольфу Шультсу от 30 сентября 1840 года. Об этом же свидетельствует и характер самого произведения, в отдельных сценах которого текст явно приспособлен для оперного исполнения (дуэты, трио, хоровые ансамбли) и предусмотрены вставные музыкальные эпизоды. Время написания наброска относится, по всей вероятности, к концу 1840 — началу 1841 года.

В качестве сюжетной основы Энгельс избрал события в Риме середины XIV века — развернувшуюся там борьбу между феодальной аристократией и торгово-ремесленным населением. В результате массового восстания римлян в мае 1347 года была провозглашена республика во главе с «народным трибуном» Кола ди Риенци (Риенцо). Решительные меры против знати, стремление утвердить принцип народного суверенитета, добиться объединения Италии сочетались у Риенци с фантастическими идеями восстановления величия Древнего Рима и его мирового владычества. В конце 1347 года вследствие происков феодальных магнатов Риенци был изгнан из Рима, но в августе 1354 года при поддержке римского папы, резиденция которого в то время находилась во французском городе Авиньоне, и с помощью наемных войск, возглавляемых иноземными конготьерами, он снова пришел к власти. Однако и на этот раз его правление оказалось непродолжительным. Деспотические устремления, непомерное честолюбие, тяжелое налоговое бремя, которое было взвалено на народные массы для содержания наемников и войны с аристократами, подорвали престиж Риенци. 8 октября 1354 года вспыхнуло восстание, во время которого Риенци был убит. Действие драмы Энгельса относится ко второму периоду правления Риенци.

Рукопись наброска носит черновой характер. В ряде мест имеются авторские поправки и зачеркивания, дополнения на полях. На одной из страниц на полях воспроизведены инициалы «F. E.» и подпись Энгельса. Зарисовки, сделанные автором на ряде страниц, частично относятся к сюжету драмы, частично не связаны с ним (есть и сатирические рисунки). Последние страницы содержат переработанный вариант начала первой сцены первого акта.

Это сочинение дает возможность полнее представить литературную деятельность молодого Энгельса и является новым источником для характеристики его интересов и революционно-демократических убеждений. Как видно, Энгельс обладал незаурядным драматургическим дарованием. В драме ярко обрисованы образы не только главного героя, но и других персонажей, ее сюжет насыщен острыми социальными конфликтами, переплетающимися с личными коллизиями, подлинно трагическими ситуациями. Богат и эмоционально выразителен язык произведения.

К образу Кола ди Риенци и к связанным с его именем событиям обращались несколько современных Энгельсу известных литераторов. В 1835 году английский писатель Эдуард Булвер-Литтон выпустил большой исторический роман «Риенци, или Последний из трибунов», приобретший широкую популярность и положенный в основу оперы Р. Вагнера «Риенци». В 1840 году в Дрездене состоялась премьера трагедии немецкого поэта и драматурга Юлиуса Мозена «Кола Риенци, последний народный трибун римлян». Однако и по сюжетной канве и в значительной мере по составу действующих лиц, а главное, по трактовке исторических событий и их главных участников драма Энгельса весьма существенно отличается от того, что было написано его литературными предшественниками. Энгельсом было создано в полном смысле оригинальное литературное произведение, которое отражает его собственное понимание истории и его художественные принципы. Стремление воспроизвести черты изображаемой эпохи, приблизить художественный портрет исторических деятелей к действительности, избежать искусственной романтической приподнятости, строгость и лаконизм в обрисовке образов, отсутствие дидактики — все это говорит о несомненном тяготении молодого Энгельса к реализму. Ф. Энгельс видит в народе не только справедливого судью, воздающего должное историческим деятелям, но и активную силу, влияющую на самый ход событий. Одна из центральных идей драмы: в поддержке народных масс, в тесной связи с ними — залог силы и влияния любой исторической личности; утрата этой поддержки чревата гибелью, как это и происходит в финальной сцене драмы с Кола ди Риенци.

Ярко нарисовав картины социальной и политической борьбы в средневековой Италии, Энгельс вывел, помимо Риенци, ряд других фигур, имевших реальные исторические прототипы: Стефано Колонну — нагменного и заносчивого феодала, главу влиятельного аристократическо-патрицианского рода; кондотьера Монреалея (этот выходец из Прованса больше известен под именем фра Мореале); не исключено, что прообразом народного вождя Батисты послужил некий Франческо Барончелли, который в 1353 году, за год до возвращения в Рим Риенци, возглавлял антиаристократическую народную партию и даже с титулом «народный трибун» некоторое время стоял во главе городского управления.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

★

КОЛА ДИ РИЕНЦИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Форум в Риме, на заднем плане — Капитолий.
Колонна и другие патриции выходят на сцену. Вскоре вслед за ними — народ,
предводительствуемый Батистой.

Патриции

Колонна, бежим! Народ поднялся!
От черни безумной нам не спастись!

Колонна

Бежать?! Колонна должен бежать
От накали. от возбужденных толп,
От тех, кого втоптывал я
Ногою в грязь?
Бегите, трусы! Я остаюсь...

Патриции

Город затоплен бушующим морем.
Это их ярость клокочет! Идем!..

На сцену вторгается народ во главе с Батистой

Батиста

Что случилось, господа?
Суматоха, шум, движенье...
Вы бежите? Навсегда?!

· Колонна (*патрициям*)

О, какое униженье!

Батиста

Огорчен неимоверно
Вашим бегством весь народ...

Колонна и патриции

Прочь с дороги, наглый сброд!

Батиста

Мы служить вам будем верно...

Колонна (*обращаясь к патрициям*)
Обнажить мечи!..

Батиста

Беда!

Присягаем, господа,
Вас лелеять, нежить, холить,
О свободе не глаголить,
Даже в мыслях не позволить
Восставать и бунтовать!
Мы сочтем за благодать,
За великую удачу
Вам детей и жён отдать
И добро свое в придачу.
Только режьте нас и жгите,
Бейте, вешайте, стригите,
Истязайте нас плетьюми,
Чтоб мы сделались людьми,
Искупив свой грех безмерный...
Вас любя душою верной,
Наш народ живет одним:
Чтобы вы остались с ним!

Колонна (*патрициям*)

Что вы скажете на это?

Патриции

Прочь с дороги! Сгинь со света!

Колонна

Прочь с дороги, сброд злосчастный!
Иль вам вправду незнаком
Голос мой — свирепый гром,
Иль доселе слишком мало
Вас моя нога топтала
И трещали черепа?
Прочь, безмозглая толпа!
Я — владыка ваш! Узнали?!

ВАРИАНТ НАЧАЛА ПЕРВОЙ СЦЕНЫ

Колонна, Орсини, Орландо Орсини. На заднем плане — народ.
Патриции выступают вперед и вначале стоят в углу сцены.

Орсини

Отступать пора, Колонна!
Видишь — ринулся народ.

К о л о н н а

Наша воля непреклонна
Пересилить этот сброд.

О р с и н и

Но хотя бы раз нельзя ли
Отступить? Бежим! Бежим!..

О р л а н д о

Прочь, покуда нас не смяли!
Гнев толпы неудержим!

К о л о н н а

Перед кем вы спасовали?
Я пробьюсь! И — гибель им!..

Батиста (*выходит из толпы народа. Народ приближается*)

Что случилось, господа?
Суматоха, шум, движенье...
Вы бежите? Навсегда?!

О р с и н и

О, какое унижение!

Б а т и с т а

Огорчен неимоверно
Вашим бегством весь народ...

К о л о н н а, О р с и н и, О р л а н д о

Прочь с дороги, наглый сброд!

Б а т и с т а

Мы служить вам будем верно...

К о л о н н а (*обращаясь к патрициям*)

Обнажить мечи!..

Б а т и с т а

Беда!

Присягаем, господа,
Вас лелеять, нежить, холить,
О свободе не глаголить,
Даже в мыслях не позволить
Восставать и бунтовать!
Мы сочтем за благодать,
За великую удачу

Вам детей и жен отдать
И добро свое в придачу.
Только режьте нас и жгите,
Бейте, вешайте, стригите,
Истязайте нас плетью,
Чтоб мы сделались людьми,
Искупив свой грех безмерный...
Вас любя душою верной,
Наш народ живет одним:
Чтобы вы остались с ним!

К о л о н н а (*патрициям*)

Что вы скажете на это?!

К о л о н н а, О р с и н и, О р л а н д о
Прочь с дороги! Сгинь со света!

К о л о н н а

Прочь с дороги, сброд злосчастный!
Иль вам вправду незнаком
Голос мой — свирепый гром,
Иль доселе слишком мало
Вас моя нога топтала
И трещали черепа?
Прочь, безмозглая толпа!
Я — владыка ваш! Узнали?!

Н а р о д

Долой! Гони их!

К о л о н н а (*патрициям*)

Обнажить мечи!.. Жизнь на кону!

Н а р о д

Долой! Мы свободны!

Б а т и с т а

Останьтесь с нами, молим вас...

П а т р и ц и и

Бежим! Ужасна ярость толпы!
Но мести час ударит!

К о л о н н а

Беснуйся, черны!
Я готов отступить!
Но мы возвратимся
И страшен будет наш гнев!

Н а р о д

Долой! Долой!

Колонна и патриции уходят. Народ разделяется на два хора, из которых первый громче второго.

Б а т и с т а

Страх трясет господ вельможных —
Ищут выходов возможных.
Герцог, князь, маркиз, барон
Убрались отсюда вон.
Только проку в этом мало,
Что всего от нас удрало
Десять мелких бесенят.
Их, конечно, оттеснят,
Но при этом помнить надо:
Главный повелитель ада
Вскоре явится сюда —
Вот в чем главная беда!
Тех господ трибун заменит
И на всех ярмо наденет,
Что во много раз страшней,
Чем ярмо минувших дней.

П е р в ы й х о р

Славься, трибун! Славься, спаситель народа!
Кто оскорбленьем посмеет его запятнать?

В т о р о й х о р

Долой его! Прочь!

Б а т и с т а

Он на былых господ похож.
Плох, как они, и столь же хорош.
Он скажет много пышных фраз,
А так ему плевать на нас.
Тираны — за дверь, а деспот — в дверь!
И как раньше шло, так пойдет и теперь!

П е р в ы й х о р

Умолкни, клеветник!

В т о р о й х о р

Нет, продолжай!

Б а т и с т а

Он на былых господ похож,
Плох, как они, и столь же хорош...

П е р в ы й х о р

Изменник! Не черни принесшего свободу!
Трибуну слава! Слава Риенци!
Долой предателя! Бей его! Бей!

Второй хор

Долой тирана! Проклят будь, Риенци!
Смерть трибуну! Мы защитим тебя!

Батиста

Он скажет...

и т. д. ...

Тираны...

и т. д. ...

Замешательство. Пушечная стрельба. Вдали возникает музыка торжественного шествия.
Общее изумление.

Оба хора

Вот он идет! Навстречу! Навстречу!

Первый хор

Да здравствует освободитель народа!

Второй хор

Хоть он пока что крепок,
Скоро падет и он
Пред нашей мезтью,
Как пали другие.

Оба хора

Ему навстречу!

Все уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дворец Колонны, комната Камиллы.

Камилла

Что на улицах творится?
Грохот, шум, столпотворенье,
Вопли ярости слепой,
Окровавленные флаги
Над бушующей толпой!..
И я слышу: со ступеней
Белой лестницы дворца
Гулом грозных обвинений
Моего клянут отца.

Ах, отец! Пред дикой лавиной
Смерть ли сможешь от нас отвести
И защиту, опору единую
В приснодеве Марии найти?
Несказанным я страхом охвачена
За тебя, мой отец!
О, неужто надежда утрачена?
Неужели — конец?

Разбежались стража, слуги,
В замке я сейчас одна
И в невыносимом испуге
Смерти ждать обречена.
Но, о боже!.. Скачет кто-то...
То на вздыбленном коне
Сквозь дворцовые ворота
Вальтер мой летит ко мне!

Входит Монреаль.

К а м и л л а

Ради всего святого, Монреаль!
Как вы решились?

Монреаль (*падая к ее ногам*)

О моя Камилла!

К а м и л л а

Как вы вступить решились в этот дом,
Куда закрыт вам вход моим отцом?
И если он вас встретит здесь, ничто
Вас от его меча спасти не сможет!

Монреаль

О сладкая жена! Иль ты забыла,
Что есть любовь, связующая нас?
Ты ей клялась, когда меня любила
И плакала в тот давний звездный час.

К а м и л л а

Оставь меня! О боже,
Рвется сердце в моей груди...

Монреаль

Любимая! Безумства пламя
Лицо мое нещадно жжет!
Иль все, что было между нами,
Душа твоя не сбережет?

К а м и л л а

Я на тебя взглянуть не вправе,
Мне быть с тобою не дано.
Но сердце — молвлю не лукава —
Безмерной болью сведено.
Я рвусь к тебе...

Монреаль

Я припадаю
К твоим стопам... Горю в огне...

И на земле я пропадаю,
И в небе нет спасенья мне.

К а м и л л а

Обречена на злую долю,
Свою любовь скрывала я.
Нет больше сил! Дам сердцу волю!
Навеки, Вальтер, я твоя!

О б а

Победу счастье одержало!
Что мир в безумии своем,
Коварство, злоба, смерти жало,
Что гибель, если мы вдвоем?
Пускай позор, пускай бесчестье
На нас с тобою низойдет —
До той поры, пока мы вместе.
Звезда над нами не зайдет!

К а м и л л а

Но объясни мне, Вальтер, отчего
Бесчинствует на улицах народ
И где — ответь мне — мой отец?
Что с ним?

М о н р е а л ь

Отец твой в безопасности. Не бойся.
С патрициями во дворце Орсини
Совет он держит: уходить иль нет?
Трибун взял власть. И оттого ликует
Толпа.
Он молнией внезапной вторгся к нам.
Еще и оглянуться не успели,
Как он уж был у городских ворот.
Отец твой с приближенными своими
Сейчас прибудет, чтобы увести
Тебя в надежное укрытие.
Взгляни: спешит его отряд.
А вот он сам, седой и грозный...
Литавры медные гремят...
Но я бегу... Пока не поздно...

К а м и л л а

Мой Вальтер! Жизнь, как ночь, черна.
Но за меня не бойся, милый.
Навеки я тебе верна,
Стремлюсь к тебе я всею силой!

М о н р е а л ь

Итак, прощай, моя любовь!
И пусть мы расстаемся ныне,

Судьба меня причалит вновь
К тебе, святой моей княгине.
И явью давний станет сон.
Цель хоть трудна, но достижима:
Я возведу тебя на трон,
Ты станешь королевой Рима!

К а м и л л а

О, что мне блеск земной тщеты,
Любой довольствуюсь судьбою,
Изгнаньем, бездной нищеты,
Но только чтоб мне быть с тобою!

О б а

Победу счастье одержало...
и т. д. ...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Народ устремляется на сцену и выстраивается на заднем плане, в то время как на передний план выходят Батиста и хор недовольных. Триумфальное шествие.

Хор народа

Славься, трибун, освободитель народа!
Славься, Риенци, огчизны отец!

Шествие разворачивается.

Б а т и с т а

Орду наемников ведя,
Он корчит из себя вождя!
Но как огня страшась народа,
Он не протянет и полгода.

Хор народа.

Ликуйте, дурни! Грянет час —
Беда уму научит вас.

Хор недовольных

Долой чужеземных наемников!
Долой тирана!
Будь проклят, душитель народа!
Дрожи, осквернитель святынь!
Долой чужеземцев! Долой!

Хор народа

Слава, слава, слава трибуну!
Отцу отечества — слава!

Б а т и с т а

Глядите, как заулыбался:
 Смошенничал — и не попался!
 Что за осанка, что за вид!
 И все ж на плаху угодит!
 Ах, как он съежится, как струсит,
 Когда его народ раскусит!

Хор народа — как прежде.

Р и е н ц и (*стоя на трибуне*)

Итак, я снова среди вас,
 Достойнейшие римляне! И снова
 Предо мной священные места:
 Великий Капитолий, вечный Форум.
 Вы ликованием встретили меня,
 За что вам бесконечно благодарен
 И богом здесь торжественно клянусь
 Жизнь посвятить свободе вашей,
 Дабы,
 Велик и волен, древний Рим восстал
 Навеки из своих развалин!
 Я
 Забуду отдых и покой,
 Покуда Рим во всем своем величье
 Вновь не воспрянет,
 Всем народам мира сияя и указывая путь.
 Рим, как феникс,
 Поднимется из пепла,
 Став еще прекрасней,
 Величавее,
 Чем прежде.
 И да вернется вновь и навсегда
 Былое время
 Римского всевластья!

Хор народа (как выше).

Занавес опускается

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Палестрина. Комната в доме Колонны. Вначале время от времени слышны отдаленные выстрелы. К о л о н н а, К а м и л л а.

К а м и л л а

Ради Христа, что случилось, отец?
 С мрачными лицами тебя покидают друзья.
 Все ближе, ближе
 Доносится грохот орудий.
 Отец, мы погибли? Скажи!..

К о л о н н а

Успокойся, Камилла, и слушай!
 Алчущий власти Орсини
 Перечить осмелился мне,
 Равных требуя прав
 И желая встать рядом со мною!
 Я не пошел на уступки.
 Так стал неизбежным раскол.
 Вдруг сын его входит и молвит:
 «Отцы дорогие!
 Сегодня, в час крайней угрозы извне,
 Всего нам важнее — единство.
 И я вас объединю!
 Вот что, Колонна, отдай за меня
 Дочь свою замуж,
 Давно любимую мной
 Прекрасную деву Камиллу.
 И если священные узы
 Свяжут ваших детей,
 То объединитесь и вы
 И вас ничто не рассорит!..»
 «Что ж, я согласен, — сказал отец его, —
 Но ты, Колонна, я вижу,
 Колеблешься?
 А если так,
 То утром я вместе с отрядом своим
 Покину дворец,
 Чтоб помириться с трибуном.
 Тогда посмотрим,
 Как ты один оборонишь эту крепость!..»
 Вот что сказал он,
 И ты, моя дочь,
 Нынче еще до заката солнца —
 Я дал на это согласие —
 Обручишься с юным Орсини.
 Ступай приготовься!..

К а м и л л а

О боже! Что делать?!

К о л о н н а

Ты недовольна, побиться готов об заклад!
 Могу признаться: и сам я не очень этому рад.
 Не о жалкой короне Орсини, а о короне другой,
 Бывало, мечтал я для дочери дорогой.
 Завоевавший княжества, царства, материка —
 Лишь тот домогаться мог бы твоей руки!
 Вот как я думал, чего я хотел, поверь...
 Но как быть теперь?..

К а м и л л а

За что мне эта кара,
 За что я гибну ныне?
 За то, чтоб ваша свара

Утихла наконец?!
 Иль, отдана утратам,
 Зачахну, как в пустыне,
 И с недругом заклятым
 Пойду я под венец?!
 Ах, отец, умоляю: прости!
 Не говори ни слова,
 За тебя умереть готова,
 Но замуж за Орсини никогда не смогу пойти!

К о л о н н а

Неужто злые духи тебе затмили разум?
 Не позволю
 Нарушать мою волю!
 Смеешь ли не повиноваться отцовским приказам?!

К а м и л л а

Что же, пусть участь моя решена,
 Но слову, данному
 Ему, долгожданному,
 Буду верна!

К о л о н н а

Мнишь, я тебя отдам за Монреалья?!
 Оставь надежду! Слышишь? Никогда
 Не потерплю я этого стыда!
 Зятек неплох, но для меня — едва ли!
 Знай: насильники и воры,
 Палачи и мародеры
 Не осквернят достойный род Колонн!

К а м и л л а

Нет, не нарушу
 Клятву священную,
 Не запятнаю душу
 Изменю.
 В мрачную бездну пусть бросят меня —
 Вальтер, и в горе с тобой не расстанемся!
 Верными верности нашей останемся
 И доживем до счастливого дня!

К о л о н н а

Ты лучше правде посмотри в лицо:
 Крепость смять силась,
 Ядра взбесились
 И вражеское все геснее кольцо.
 О, ведомо ль тебе, что ждет
 Тебя и всех, когда
 Последний бастион падет
 И в крепость ворвется беда?
 И кто спасет тебя, кто от смерти избавит,
 Когда лапа наемника горло сдавит?

К а м и л л а

Кто защитит меня? Мой верный Вальтер!
Я верю: он придет! А если нет,
То от позора
Спасет меня кинжал.

К о л о н н а

Но ведь то Монреалья отряды,
Не милуя, не щадя,
Нас держат в кольце осады,
На помощь трибуну придя.
И вдруг —
Он, Монреаль, твой супруг?! .

К а м и л л а

Я буду вечно ему верна!

К о л о н н а

Ты образумиться не хочешь?

К а м и л л а

Я все сказала...

К о л о н н а

Все? Сполна?
Мои седины ты порочишь!
Прочь, строптивица, отсюда!
Я твою умерю прыть!

К а м и л л а

Верность клятве — не причуда!

К о л о н н а

Стоит только дню уплыть...

К а м и л л а

Верность друга сердцем чуя...

К о л о н н а

Ты отца почувешь власть!

К а м и л л а

Это пламя...

К о л о н н а

Затопчу я!

К а м и л л а

Эта страсть...

К о л о н н а

Остынет страсть!

К а м и л л а

Эта верность...

К о л о н н а

Я разрушу
Верность эту без труда...

К а м и л л а

Что б там ни было, не струшу.

К о л о н н а, К а м и л л а

Ты?! { Вовеки!
          { Никогда!

К а м и л л а

Чем бы жизнь ни угрожала,
Буду верной до конца!

К о л о н н а

Ты еще не задрожала
Перед волею отца?

К а м и л л а, К о л о н н а

Покорись!   { Мне внемли!
Не покорюсь я! { Не в силах внять!
Верной быть ему клянусь я! { меня понять!
Поспеши!

С л у г а (входит)

Синьор, там ждет незнакомец.
Он намерен сообщить вам важные вести,
Только имя свое назвать не желает.

К о л о н н а

Впустить его!

Слуга уходит. В плаще и шляпе входит Монреаль, снимает шляпу и распахивает плащ.

К а м и л л а

О боже!

К о л о н н а

Монреаль!.. Как вы осмелились переступить
 Порог моего дома,
 Вы, чьи наемники нас обступили,
 Вы, кто связался с нашим врагом,
 Вы, кто похитил сердце
 Моей единственной дочери?!

М о н р е а л ь

Спокойствие, мой доблестный синьор!
 Прошу покорно выслушать меня.
 Надеюсь, вы еще не позабыли,
 Как я был изгнан вами лишь за то,
 Что о Камилле завел однажды разговор?
 Теперь я мщу, как мне велит мой долг
 И рыцарская честь...
 Вас окружили ратники мои.
 От гула пушек башни Палестрины
 Шатаются... Один мой знак —
 И в крепость
 Ворвется ошалевшая орда.
 Вы все обречены.
 Кто вас спасет? Кто?!
 Вы молчите?!
 Что ж. Я спасу вас.
 Вы слышите ли? Я!
 Скажите слово — и от Палестрины
 Войска немедля отойдут,
 А вас
 В красе и в славе поведу я в Рим.

К о л о н н а

Изменник! Вы бросаете трибуна?
 Но где же ваша рыцарская честь?
 Я смерть готов измене предпочесть!

М о н р е а л ь

Изменник?! В чем вы видите измену?
 Отнюдь не мною — братьями моими
 Трибуну были посланы войска,
 Что я воспринимал с неодобреньем.
 И кто, скажите, может помешать
 Мне отозвать свои войска?! Никто!
 Я так и поступлю. Но и от вас
 Я требую принять мое условие:
 Отдайте мне по доброй воле то,
 Что мог бы силой я завоевать...

К о л о н н а

Что требуете вы?

Монреаль

В Романье и в провинции Анкона
 Несметные подвластны мне войска.
 Я, не имея собственной земли,
 Во много раз могущественней всех
 Правителей Италии.
 И вот я требую от вас:
 Согласно дайте, чтобы власть над Римом
 Я взял
 И чтобы на престол со мною
 Взошла моя супруга —
 Ваша дочь!

Колонна задумчиво прохаживается по сцене.

Камилла

Слышишь, отец? Иль я не говорила:
 Явится Вальтер и всех нас спасет!
 Чуяло сердце: верность храня,
 Милый в беде не оставит меня.

Монреаль

О, мог ли я в столь страшный час покинуть
 Любимую мою? Ее отца?

Колонна

Что ж, коли так, я жертвую Орсини
 С завистливым его высокомерьем.
 Пусть он падет! А мы взнесем ее ввысь!
 Мой сын! Вот дочь моя! Возьми ее,
 Введи ее властительницей в Рим!..
 Так радуйся, Камила!
 Конец былым раздорам.
 Ты снова жизнь вкусила,
 К любимому припав.

Камилла

Любви святая сила!
 Над болью, над позором,
 Над смертью торжествует
 Любовь, вражду поправ!

Монреаль

И на тебя взираю
 Я просветленным взором.
 Мы всё преодолели,
 Так много испытал!

Камилла

О день блаженный счастья!

М о н р е а л ь

О радость возвращения!

К а м и л л а

О сладостная плата
За дни былых тревог!

К о л о н н а

Вы обрели друг друга,
И да хранит вас бог!

В с е т р о е

Спасенные судьбою,
Утешенные ей,
С надеждою святою
Мы ждем грядущих дней.
Наш долгий путь отмечен
Враждой — в огне, в крови.
Но вспыхнул, чист и вечен,
Нетленный свет любви!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в доме Риенци.

Риенци (*держит бумагу в руке*)

Предателям проклятье! Клеветою
Они меня решили оглушить
От моего народа и твердят,
Что пью я кровь народа, пот народа...
Пусть трижды будут прокляты они!
Но если так случится, что народ
Останется мне верен, то меня
Грядущее навеки оправдает!
О мой народ! Не для тебя ли
Я гнет, неволю — все сносил,
Чтоб палачи затрепетали!
Не я ль, скажи, провозгласил
Великий клич: «Долой тиранов!»—
Чтоб ты, задавленный народ,
Очнулся, сказочно воспрянув,
Как новый, смелый, вольный род!

Прямо в очи смерти глядя,
Сколько раз я был гоним
Лишь твоей свободы ради
И тобой дышал одним.
Жил, готовый к мукам ада,
Ад сносил из года в год.
Благодарности не надо!
Я не жду хвалебных од.

Нет! Жертву распрей и расправы,
 Освободить хотел я Рим,
 Восстановление римской славы
 Я делом почитал святым.
 И если гордый, ясноликий
 Рим будет снова воскрешен,
 То, значит, был не зря свершен
 В сей жизни подвиг мой великий...

Н и н а (входит)

Мой Кола! Это правда? Снова
 Ты жертва заговора злого?
 Вновь над твоей священной главой
 Беда нависла тучей грозовой?

Р и е н ц и

Дорогая жена, успокойся!
 Их не так уж много,
 Властолюбцев, завистников
 Вроде предателя Вальтера Монреаля,
 Которые подбивают народ
 Восстать и свергнуть меня.
 Нет! С помощью божьей,
 Силен поддержкой народа,
 Я одолею предателей.
 И прежде чем почувствуют опасность,
 В оплату за их измену
 Падут их презренные головы!
 Так пусть враги идут стеною,
 Но я спокоен неспроста:
 Ведь ты, жена моя, со мною
 И совесть у меня чиста!

Н и н а

Мой Кола! Страх свирепый, бурный
 Меня охватывает во сне.
 С тех пор как ты в мантии ходишь пурпурной,
 Ты мертвенно-бледен являешься мне.

К о л а

Жена, не бойся страхов ложных!
 Никто меня не покорит.
 Иль над шипеньем змей ничтожных
 Орел привольно не парит?

Н и н а

Ах, отчего я горько плачу,
 Поймешь ты, Кола, или нет?
 Как только я тебя утрачу,
 Тотчас утрачу жизни свет.

К о л а

Оставь, оставь пустые страхи!
Велик тот бой, что я веду.
Не буду я лежать во прахе,
Пока до цели не дойду,
Пока, свободный, не заблещет
Мой Рим в могуществе былом
И мир, как встарь, не вострепещет
Перед так долго спавшим львом!

Но чем судьба мне ни ответит
В огне борьбы, в боях крутых —
Ужели путь мой не осветит
Взгляд верных чистых глаз твоих?

Н и н а

На все, мой Кола, воля божья,
Все предначертано судьбой.
Но знай, что ты мне всех дороже!
В беде и в смерти я — с тобой!

О б а

Обнимемся! И будь что будет:
Обман, измена, смертный час.
И если нас весь мир забудет,
Любовь останется при нас.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Зал во дворце Колонны, торжественно украшенный для пиршества. Монреаль, Батиста, хор гостей.

М о н р е а л ь

Так властвуй, буйное вино!
Веселье знойное, цари!
Который час — не все ль равно!
Пей и на время не смотри!
Чтоб без печали
Песни звучали
До пробужденья ясной зари!

Х о р

Бокалы — чем они полней,
Тем больше, больше в нас огня.
И чем пьяней мы, тем сильнее,
Прочь малодушие гоня!
Чтоб без печали
Песни звучали
До наступления ясного дня!

Б а т и с т а

О! Песня! Кто ее поет?

Монреаль

Эй, мальчик, дай-ка лютню мне!
Я вас потешу провансальской песней,
Напевом милой родины моей,
Твореньем благородных трубадуров.

(Следует вставка — любовная песня.)

Батиста

Женщинам слава!

Хор

Женщинам слава! За женщин! Нальем
Чаши святым искрометным вином!
Женщинам слава!

Монреаль

Эй, слуги, наливайте!
Lagrima Cristi, Monte Falerne!
Лучшие вина подать нам сюда!
Пейте и пойте!

Хор

Бокалы — чем они полней...
и т. д. ...

Раздается удар капитолийского колокола.

Батиста

Эй, что это? Вы слышите? Ударил
Капитолийский колокол...

Монреаль

О нет! Ничто не может омрачить наш праздник!
Веселье продолжается! Живей!

Батиста

За вас хочу бокал поднять,
За вашу доблестную рать,
И пусть скорее к нам придет
Тот миг, когда трибун падет.
Мой клич летит и вширь и вдаль:
Будь славен, Вальтер Монреаль!

Хор

Наш клич летит и вширь и вдаль:
Будь славен наш синьор,
Наш Вальтер Монреаль!

Хор монахов

Requiem aeternam dona eis
Domine! Et lux perpetua
Luceat eis! ¹

Монреаль

Друзья мои, что вас тревожит? Вздор!
Гнусавить про смерть предоставим попам —
Румяная жизнь улыбается нам!

Хор монахов поет «Die irae, dies illa»².

Спасибо вам, друзья! Перекричим
Монаший хор
Радостным кличем:
«Славься, вечный город!»

Хор

Будь славен, Рим, вечный город!
Да здравствует!

и т. д. ...

Хор на улице: «Ne me perdas, illa die, quia pius es!»³.

Монреаль

А эту чашу пьем за смерть трибуна,
Предателя, который, выжав из народа пот,
Пробрался в Капитолий!
Но мщенье близко! Раньше, чем он ждет,
Настанет мщенье!

Хор

Трибун с престола да падет,
Он от расплаты не уйдет!

В дверь трижды стучат. Вламываются.

Монреаль

Войдите, вы, непрошенные гости!

Трибун в пурпурной мантии, отделанной горностаем, входит в сопровождении
вооруженной свиты. Молчание.

Риенци

Значит, ты веселишься, Монреаль,
В то время как колокол Капитолия
И хор священников возвещает,
Что твоих братьев отправляют на смерть?
Так знай же, и знайте вы все!..

¹ Господи, даруй им вечный покой, и вечный свет да воссиял им! (Лат.)

² «День гнева, тот день» (лат.).

³ «Не погуби меня в сей день, ибо ты милостив!» (Лат.)

Х о р

Judex ergo nunc tedebit...⁴

Р и е н ц и

Пробил ваш час.
И плата за измену
Уже назначена.

Монреалья и Батисту уводят.
Занавес опускается

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в доме Риенци.

Н и н а (*задыхаясь, врывается в комнату*)

Спаси, отец небесный!
Спаси, святая дева!
В неистовстве гнева
Бушует толпа!
Голодная, дикая,
Горланя и гикая,
С окраин сбегается,
Надвигается,
Слепа и тупа.
Им нет укрощенья!
Им нет насыщенья!
Их жажда отмщенья!
Их вопль возмущенья!
Погибель нас ждет!..

Пусть же тот нас не покинет,
Кто избавил мир от зла,
Ангел божий пусть раскинет
Необъятные крыла.
О, услышьте наши стоны,
Иль сомнет нас и сотрет
Злобный, дикий, ослепленный.
Обезумевший народ!

Толпа не растает —
Препоны взломала.
Все нарастает
Безумие шквала.
Блеснули мечи,
Смерти лучи.
Копья взметнулись!..

Где надежда на спасение?
Лапа смерти душит нас.
Отврати, о провидение,
Роковой, ужасный час.

⁴ И судия тогда вознегодует... (Лат.)

Р и е н ц и (входит)

Случилось то, чего и я не ждал!
Народ восстал против меня,
Требуя казни моей
За казнь Батисты и Монреалья!

Н и н а

О, дорогой Кола!
Все ближе, ближе опасность!
Спаси себя и меня!

Р и е н ц и

Спокойной будь, любимая жена!
Опасность еще не так близка.
Еще я молод, полон сил и выйду,
Бесстрашен и упорен,
Против охваченных безумьем толп,
Гордо перед ними
Предстану я.

Огонь очей я смог сберечь,
Мой лоб не ведает морщин,
А речь моя остра, как меч.
Еще страшиться нет причин!
Пусть смерть, пусть ад со всех сторон!
Я все равно не отступлю
И завоеванный мной грон
Врагам вовек не уступлю!

Н и н а

Послушайся меня хоть раз!
Напор толпы не удержим.
Спаси себя, меня, всех нас!
Молю тебя: бежим!

Р и е н ц и

Бежать, как трусу? Никогда!

Н и н а

О Кола! Срок не упусти!..

Р и е н ц и

В бой! В бой! Рука моя тверда,
Чтоб прочь врагов смести!

Н и н а

Такой народ не заслужил,
Чтоб ты был в жертву принесен!

Р и е н ц и

Пусть знают, для чего я жил,
 Коль погружусь я в смертный сон.
 Я жил, всю жизнь дыша одним:
 Чтобы воскрес великий Рим...

Н и н а

Все, видно, решено судьбой.
 И я отсюда не уйду,
 Чтоб, счастье разделив с тобой,
 Отныне разделить беду.

Р и е н ц и

Весь век служить тебе готов!..
 Когда своей добьюсь я цели,
 Жена, узрю я не в тебе ли
 Награду от самих богов?

Н и н а

Ты так могуч, прекрасен, смел,
 Ты наделен великой силой,
 И умереть с тобою, милый,—
 Вот в чем завиднейший удел!

Р и е н ц и

Так что ж! Вперед! Пусть грянет бой!
 О верная моя супруга!
 Верны в любви, обняв друг друга,
 Готовы мы к судьбе любой!
 И пусть нам всюду и везде
 Грозят мечом, кинжалом, ядом,
 Мы будем вместе, будем рядом,
 Готовы к счастью иль к беде!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Перед Капитолием.

К а м и л л а (с распушенными волосами, с мечом в руке)

Вот пробил час
 Долгожданного мщения.
 Нет дела священнее,
 Чем правая месть!
 Кровью убийцы,
 Мой верный возлюбленный,
 Подло загубленный,
 Будь отомщен!
 Убита любовь.
 Гнев пылающий мой,
 Меч,
 Ярко-красною кровью омой!

Была я женою —
 Фурией стану,
 Мстить не устану
 Тому, кто смертельную рану
 Предательски
 Другу нанес моему!
 Прочь состраданье!
 Прочь робость, смущенье!
 Лишь мщенье, лишь мщенье
 За злодеянье —
 Вот моя цель!
 Толпа приближается.
 Снова и снова
 Ярость готова
 Все сжечь, все смести!
 Что ж! Пусть так будет!
 Рухни, Риенци,
 С трона в могилу,
 Где тот, кого больше жизни любила,
 Тот, кто был послан мне горькой судьбой,
 Убитый тобою,
 Ждет встречи с тобой!

К народу, который собирается вокруг нее.

Мстите! Действуйте! Не ждите!
 Совесть требует расплаты!
 В пышные его палаты
 Грозно судьями войдите!
 Гнев пусть правит вашей волей!
 Ярость праведную множьте!
 И, ворвавшись в Капитолий,
 В прах тирана уничтожьте!

Х о р

Отомщенье! Отомщенье! В Капитолий!..

К а м и л л а

Пусть безмерные невзгоды
 На его главу падут!
 Смерть губителю свободы!
 Да свершится правый суд!
 Пусть он, кровью истекая,
 Здесь умрет, у ваших ног,
 Дух презренный испуская,—
 Вот предательства итог!

Х о р

Пусть он...

и т. д. ...

Входит Риенци, за ним Нина.

Р и е н ц и

Граждане Рима! Отчего, скажите,
 С мечами вы и копьями в руках

Здесь, перед Капитолием, толлитесь?
 Ужель лишился вашего доверья
 Я, тот, кто вами избран был когда-то,
 Кого вы сами мантией пурпурной
 Недавно облекли? Так в чем же, в чем,
 Ответьте, я виновен перед вами?
 О, дайте мне свое закончить дело,
 Восстановить прекрасный, гордый Рим,
 Вновь сделать вас властителями мира,
 В согласии с законами свободы
 Живущими на собственной земле!
 Не поддавайтесь гласу клеветы.
 Меня ж судите по моим поступкам.

К а м и л л а

О, не поддавайтесь лести,
 Лжи не слушайте его!
 Только в беспощадной мести
 Вижу ваше торжество.

Х о р

Мы не поддадимся лести,
 Ибо ложь в речах его!
 Только в беспощадной мести
 Ныне наше торжество!

Они бросаются на него.

Н и н а

Боже, боже!

Р и е н ц и

Прочь с дороги, наглецы!

Н и н а

Ужели вас мой плач не тронет? Сжальтесь!..

К а м и л л а

О, триумф! Пью мести чашу!
 Пламень мести запылал!

Х о р

Ты украл свободу нашу!
 Час возмездия настал!

Н и н а

Чью вы кровь пролить хотите?
 Кровь того, кто жил для вас?
 Если вам так кровь нужна,
 Не его — мою возьмите!

К а м и л л а

Жалость прочь! Месть! Месть одна
Пусть господствует сейчас!

Н и н а

Он хотел для вас свободы..
Сжальтесь... О, мой плач! Мой стон!..

К а м и л л а

Римляне! Одни невзгоды
Вам взвалил на плечи он!

Х о р

Отомстим за те невзгоды,
Что взвалил на римлян он!

Н и н а

Сжальтесь!

К а м и л л а

Господу в угоду
Мстите!..

Н и н а

О, позор какой!

К а м и л л а

Он украл у вас свободу!
Мстите твердою рукой!

Х о р

Он украл у нас свободу!
Мстим бестрепетной рукой!

Н и н а

Люди! Ведь гуман кровавый
Вас опутал! Месть слепит!

К а м и л л а

Пусть же гнев народа правый
Гордеца испепелит!

Н и н а

Сжальтесь!..

К а м и л л а

Думайте о мести!

Н и н а

Стойте! Он невинен!

К а м и л л а

Ложь!

Х о р

Всё!.. Конец! От нашей мести
Ты, предатель, не уйдешь!..⁵

Перевел с немецкого ЛЕВ ГИНЗБУРГ.

От переводчика. Текст пьесы Фридриха Энгельса «Кола ди Риенци» поражает сложностью и разнообразием стихотворных приемов. Здесь налицо и строгий классический ямб, и влияние античных свободных размеров в хоровых партиях, и свойственный немецкой народной поэзии рашный стих. Особенно примечательна близость к немецкому фольклору: примерно в то время, когда писалась драма, Энгельс, как известно, изучал «немецкие народные книги» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 41, стр. 11—19). Эти авторские приемы служат лучшему прояснению психологических характеристик, приданию действию большей динамики, гражданского темперамента.

Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность С. Ал. Ошерову, который сверил перевод с немецким оригиналом и дал мне ряд весьма ценных советов.

---

⁵ Первая публикация драмы Энгельса «Кола ди Риенци» осуществлена на языке оригинала в ФРГ Михаэлем Книримом, который и нашел ее в одном из архивов ФРГ. См.: Friedrich Engels. Cola di Rienzi. Ein unbekannter dramatischer Entwurf. Herausgegeben vom Friedrich-Engels-Haus, Wuppertal, und Karl-Marx-Haus, Trier, 1974. Перевод текста драмы с немецкого выполнен Львом Гинзбургом и просмотрен сектором произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ВЛАДИМИР ЖУКОВ

★

МИШКА-ТАНКИСТ

На кладбище освободителей Белграда
есть надгробие, на котором выбита корот-
кая надпись: «Мишка-танкист».

Когда окажешься в Белграде,
не поспешай в театр-музей,
на блеск реклам безделья ради
оторопело не глазей,
не останавливайся с каждым
и у киосков не толчись..

Тридцатый год
своих сограждан
в Белграде ждет один танкист.

Он головным
в сорок четвертом,
когда Белград костром горел,
в полуслепой «тридцатьчетверке»
в столицу Сербии влетел.

И как сумел танкист прорваться
через бессмертья коридор,
и вполовину разобраться
не могут сербы до сих пор.

Была лишь
жизнь в боезапасе,
когда припасы вышли все...
И темно-красные лампы
за ним тянулись по шоссе.

И перекашивала жажда
рот,
прикоснувшийся к огню,
когда он,
страждущий и страшный,
из люка выпал на броню.

Какие утренние дали
увидел он?
Какой земли?..

Давно простил он людям то и это
и был прекрасен мужеством своим...
И отдалилась от тебя Победа
и на колени пала перед ним.

1974.

ПОГОНЫ

Светлой памяти комбата
В. С. Богдавленского.

Из цепочки выхватила память
и к глазам придвинула тот день...
Сумасшедшим запахом сирень
снова сбила с ног меня на камень.
И сижу на камне я. Сижу.
На лице веснушки ощущаю.
В небеса словацкие гляжу,
красоту ландшафта отмечаю.

На высотах слился горизонт
с елками,
их надвое ломая.
Там и погромыхивает фронт.
А в долине — тыл...
Начало мая.
Солнышко по-мирному печет,
от зимы меня отогревает.
Ходко
речка Быстрица течет,
галечник цветной перебирает...

Отошла, оттаяла душа —
даже гимнастерку я снимаю
и погон военный не спеша
повседневным, мирным заменяю.
(На Отдельный артпульбатальон
загодя
для будущего лада
офицерских
сорок пар погон
отвалил по блату мне завскладом.
— Скоро все закончится, представь!..
Вот и захвати в расположеенье.
Подели. И для себя оставь.
Нацепить —
дадим распоряженье...)

Я погоны сдал по накладной.
Ночью поделили их немудро.
А к рассвету грянул смертный бой...
Высоту вернули мы под утро.

На повозке
меж лопат, гранат

и сирени лиловатых веток
 холодел,
     как будто спал комбат
 в золотых погонах в два просвета.

1974.

ДОРОГА НА КУРСЫ

На курсы я спешил не быстро,
 дышал апрелем сорок третий год...
 Еловыми стволами путь был выстлан
 в две колени
     среди хлябей и болот.

Я чувствовал себя почти спокойным,
 хоть из-под ног
     и ускользала гать.

Поскольку,
     если жахнет дальнобойный,
 от смерти все равно не ускакать.

В болотах, братцы, некуда податься!
 Вот снова труп
     из-под настила всплыл,
 и снова
     метров двадцать на пятнадцать
 чужой тротил разворотил настил...

Моих обмоток
     краги-невидимки
 немецким бутсам явно не чета,
 и желтые английские ботинки
 фильтруют воду легче решета.

И все ж на свете нет меня счастливей:
 мне двадцать три и я еще живой!
 Насквозь прошитый ледянящим ливнем
 на трассе прифронтово-тыловой.

В пути-дороге испарила влагу
 и потеплела стеганка моя...
 И за печатью в целости бумага,
 с какой
 в штаб фронта
 направляюсь я.

1975.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

★

РАННИЕ ЖУРАВЛИ

Повесть

Сыну Аскару.

Аксай, Коксай, Сарысай — земли
обошел,
Но нигде такую, как ты, не нашел...

Киргизская народная песня.

* * *

И приходит к Иову вестник и говорит:
«А отроков сразили острием меча...»

Книга «Иова».

* * *

Вновь и вновь пахари пашут поле,
Вновь и вновь бросают зерно в землю,
Вновь и вновь дожди посылает небо...

.....

С надеждой люди пашут поле,
С надеждой люди семена сеют,
С надеждой люди уходят в море...

*«Тхерагагха» 527.—536. Из памятников
древнеиндийской литературы.*

1

О зябшая, закутанная в грубовязаную шерстяную шаль, учительница Инкамал-апай рассказывала на уроке географии о Цейлоне, о том сказочном острове, что находится в океане близ берегов Индии. На школьной карте этот Цейлон выглядел каплей под выменем большой земли. А послушаешь — чего там только нет: и обезьяны, и слоны, и бананы (фрукты какие-то), и чай самый лучший в мире, и всякие другие диковинные плоды и невиданные растения. Но самое завидное — жара там такая, что живи себе и круглый год в ус не дуй: ни тебе сапог, ни шапки, ни портянок, ни шубы не нужно совсем. А дрова и вовсе ни к чему. А раз так, не надо ходить в поле за кураем, не надо таскать на себе, согнувшись в три погибели, тяжеленные вязанки хвороста домой. Вот где жизнь! Ходи себе как ходится, грейся на солнце, а нет — прохлаждайся в тени. Днем и ночью на Цейлоне теплынь, благодать, лето за летом идет. Купайся себе сколько влезет, хоть с утра и до вечера. Надоест — ну тогда птицеверблюдов¹ гоняй, птицеверблюды-то там водятся, непременно

¹ Птицеверблюды (страусы) — тюякуш (тюрк.).

должны водиться, где же им еще быть, этим огромным и глупым птицам. Умные птицы на Цейлоне — пожалуйста, тоже есть: попугай. Захочешь — поймаешь попугая, научишь его петь и смеяться, а заодно и танцевать. А что — попугай такая птица, все может. Говорят, есть попугаи, которые читать умеют. Кто-то из айльных сам видел на джамбульском базаре читающего попугая. Газету поднесешь попугаю, он и шпарит без запинки...

Да, чего только нет на Цейлоне, каких только чудес. Живи себе и ни о чем не думай. Главное, не попадаться при этом на глаза баюплангатору. Тот с кнутом ходит. Цейлонцев по спине стегает, как рабов. Угнетатель! Ха, да ему врезать в ухо так, чтобы в глазах засветилось. Кнут отобрать, а самого заставить работать. И никаких поблажек эксплуататорам и разным другим капиталистам, никаких разговоров: работай сам за себя, и все! Известно, от них ведь и фашисты происходят... Вот и война оттого... Сколько уже людей в айле погибло на фронте. Мать каждый день плачет, не говорит ничего, а плачет, боится, что отца убьют. А соседке сказала: куда я, говорит, тогда с четырьмя...

Поеживаясь в стылом классе, терпеливо переживая приступы кашля у ребят, Инкамал-апай продолжала рассказывать про Цейлон, про моря, про жаркие страны. Веря и не веря услышанному (уж очень распрекрасно получалось в тех краях), Султанмурат искренне жалел в тот час, что живет не на Цейлоне. «Вот где жизнь!» — думал он, поглядывая краем глаза в окно. Это он умел. Вроде смотрит на учителя, а сам любитесь в окно. Но за окном ничего особенного не происходило. За окном непогодило. Снег сыпал жесткой, секущей крупую. Снежинки тупо шуршали, скреблись, ударяясь в стекла. На стеклах выросла наледь. Помутнели окна. Замазка по краям оконных переплетов взбухла от холода, местами обвалилась на подоконник, залитый чернилами. «На Цейлоне, наверно, и замазка не нужна, — думал он. — А зачем она? Да и окна к чему, да и домов самих не нужно. Соорудил себе шалашик, накрыл листьями — и живи...»

От окна все время поддувало, слышно было даже, как ветер пошвыстывает украдкой в щелях рамы, уж очень холодило правый бок от окна. Придется терпеть. Инкамал-апай сама пересадила его сюда, к окну. «Ты, — говорит, — Султанмурат, самый сильный в классе. Ты выдюжишь». А раньше, до холодов, здесь сидела Мырзагуль, ее перевели на место Султанмурата. Там не так дует. Но лучше было бы, если б ее оставили тут же, на этой парте. Все равно холод он на себя принимает. Сидели бы рядышком. А то подойдешь на перемене, а она краснеет. Со всеми, как со всеми, а подойдет он, она краснеет и убегает. Не гоняться же за ней. Совсем засмеют. Эти девчонки всегда горазды придумывать что-нибудь. Сразу пойдут записочки: «Султанмурат + Мырзагуль = эки ашык²». А так сидели бы рядышком — и ничего не скажешь...

За окном несло. Сыплет снег, сыплет... В ясный день глянешь из класса, горы всегда перед глазами. Сама школа на пригорке, над айлом стоит высоко. Айл внизу, школа наверху. Потому отсюда, из школы, видимость хорошая. Дальние снежные горы как на картинке видны. Сейчас же едва угадывались во мгле их угрюмые очертания.

Ноги стынут, и руки стынут. Даже спина мерзнет. До чего холодно в классе! Раньше, до войны, школу топили слежавшимся овечьим кизяком. Как уголь: сильно горел тот кизяк. А теперь привезут

² Эки ашык — двое влюбленных.

соломы. Ну погудит-погудит солома в печах, а толку нет. Через пару дней и соломы нет. Один сор только от соломы.

Жаль, что климат в Таласских горах не такой, как в жарких странах. Климат другой, и жизнь была бы другая. Свои слоны водились бы. На слонах ездили бы, как на быках. А что, не побоялись бы. Первым сел бы на слона, прямо на голову между ушами, как нарисовано в учебнике, и поехал бы по айлу. Тут народ со всех сторон: «Смотрите, бегите — Султанмурат, сын Бекбая, на слоне!» Пусть тогда Мырзагуль полюбовалась, пожалела бы... Подумаешь, красавица! Нельзя уж подойти. И обезьяну завел бы себе. И попугая, читающего газету. Усадил бы их тоже на слона позади себя. Места-то хватит, на слоновой спине всем классом можно разместиться. Это уж точно, как пить дать! Не с чужих слов, сам знает.

Слона живого он видел своими глазами, об этом всем известно, и обезьяну живую видел и разных других зверей. Об этом все знают в айле, сколько раз сам рассказывал. Да, повезло ему тогда, почастливилось...

До войны, как раз за год до войны произошел этот знаменательный в его жизни случай. Тоже было лето. Сено косили как раз. Отец его, Бекбай, в тот год возил горючее из Джамбула на нефтесклад здешней МТС. Каждый колхоз обязан был выделить транспорт для извоза. Отец подшучивал, цену себе набивал: я, говорит, не простой арабачек, а золотой — за меня, за моих коней, за бричку колхоз плату получает от казны. Я, говорит, колхозу банковские деньги добываю. Потому бухгалтер, завидев меня, с лошади слезает поздороваться...

Бричка у отца была специально оборудована для перевозки керосина. Кузова нет, а просто четыре колеса с двумя большими железными бочками, уложенными в гнезда подушек, впереди, на самом облучке, сиденье для ездового. Вот и вся телега. На сиденье том вдвоем ехать можно, а троем уже нельзя, не поместиться. Но зато лошади были подобраны самые что ни на есть лучшие. Хорошая, крепкая пара была в упряжи у отца.

Чалый мерин Чабдар и гнедой мерин Чонтору. И сбруя подогнана к ним добротная, как по примерке. Хомуты, постромки из казенной яловой кожи, смазанные дегтем. Рви — не порвешь. А иначе нельзя в таком дальнем извозе. Отец любил прочность, порядок в деле. Держал всегда хороший ход лошадей. Бывало, как побегут Чабдар и Чонтору в лад, в равном усердии, гривами вскидывая, покачиваясь на плавном ходу, как две рыбины, рядом плывущие, любо смотреть! Люди издали узнавали по стуку колес: «Это Бекбай покати́л в Джамбул». Туда и обратно — два дня занимало. Назад возвращался Бекбай — вроде и не проделал сотню с лишним километров. Удивлялись люди: «У Бекбая бричка, как поезд по рельсам, идет!» Удивлялись они не случайно. Уставшую или нерадивую упряжь можно по скрипу колес узнать. Пока проедет мимо, душу вымотает. А у Бекбая кони всегда были на свежем ходу. Потому, наверно, и поручали ему самые ответственные поездки.

Так вот в позапрошлом году, только отучились, только каникулы начались, отец однажды говорит:

— Хочешь, в город возьму?

Султанмурат чуть не задохнулся от радости. А то бы! Как отгадал отец, что ему в город давно хотелось! Ведь он еще ни разу в городе не бывал. Вот здорово!

— Только ты того, не очень шуми,— лукаво пригрозил отец.— А то младшие такой бунт поднимут, что и не уедешь никуда.

Это верно. Аджимурат, тот моложе на три года, ни в чем и никогда не уступит. Упрямый, как ишак. Когда отец дома, к нему не

пробьешься, бывало, из-за Аджимурата. Все он крутится возле отца. Точно бы он один, а другие вовсе не в счет. Две младшие сестренки, они ведь совсем маленькие тогда были, и те, бывало, с плачем завоевывали отцовские ласки. Соседи и те не понимали, что за привязанность такая младшего сына к отцу. Бабка Аруукан — строгая, сухая, как палка, со скрипучим голосом, ее все боятся. Так вот она не раз и не два предупреждала, ухватив корявыми пальцами Аджимурата за ухо:

— Ой, не к добру ты липнешь к отцу, сорванец! Быть на земле большой беде! Где это видано, чтобы мальчишка так тосковал по живому отцу! Что это за дитя такое? Ой, люди, попомните мои слова, на всех нас накличет он беду!

Мать отшепчется, отплюется, подзатыльника отвесит Аджимурату, но бабке Аруукан прекословить не смела. Ее все боялись.

А она, бабка Аруукан, не зря говорила, выходит. Так оно и случилось. Жалко Аджимурата. Он уже большой, в третьем классе, старается виду не показывать, держится, особенно при матери, а на самом деле так и ждет, что отец вернется с фронта не сегодня-завтра. Ложась спать, он шепчет, как взрослый, ночную молитву: «Дай бог, дай бог, чтобы отец завтра приехал». И так каждый день. Чудной. Думает, уснет, проснется — и все изменится, произойдет какое чудо?

Но если бы отец вернулся живой с войны, тогда пускай будет он весь аджимуратовским и пусть носит Аджимурата на руках, на голове. Только бы приехал наконец. Лишь бы увидеть его живым и здоровым. С него, с Султанмурата, и этого счастья хватило бы. Только бы вернулся отец.

Как бы он теперь хотел, чтобы повторилось то событие в семье, когда отец возвратился с Чуйского канала. Туда, на стройку, он уезжал позапрошлогодним летом, тоже ездовым, на целых пять месяцев, все лето и осень там пробыл на вывозе грунта. Стахановцем стал.

А приехал домой под вечер. Колеса вдруг застучали на дворе, кони фыркнули. Дети вскочили. Отец! Худющий, загорелый, точно цыган, обросший. И одежда на нем, говорила потом мать, как на бродяге. Сапоги только новые, хромовые. Аджимурат первым добежал, кинулся на шею отца и прилип, как вцепился, так и не отпуская. А сам плачет взахлеб и только одно твердит:

— Ата, атаке, ата, атаке...³

Отец прижимает его к себе, и тоже слезы на глазах. Тут соседи сбежались. Смотрят и тоже плачут. А мать, смущенная и счастливая, бегаёт вокруг, хочет отнять Аджимурата от отца:

— Да отпусти же ты, отца! Хватит. Не ты один. Дай и другим. Ну какой же ты неразумный. Боже, посмотри, вон пришли поздравиться...

А тот ни в какую...

Султанмурат почувствовал, как что-то стронулось в нем внутри и поползло горячим набухшим комом к горлу. Во рту стало солоно. А еще говорил, что никогда ни за что не заплачет. Он тут же взял себя в руки. Встряхнулся.

А урок шел. Инкамал-апай рассказывала теперь уже про Яву, про Борнео, про Австралию. Опять же — чудесные земли, вечное лето. Крокодилы, обезьяны, пальмы и разные неслыханные вещи. А кенгуру — это чудо из чудес! Детеныша в сумку на брюхе кинет и скачет с ним, носит его при себе. Придумала же кенгуру, или, вернее, придумалось же такое в природе...

³ Ата, атаке — папа, папочка.

Вот кенгуру он не видел. Чего не видел, того не видел. А жаль. Но зато слона, обезьяну и всяких других зверей посмотрел вблизи. Руку протянуть — достанешь...

В тот день, когда отец сказал, что возьмет его с собой в город, Султанмурат не знал, куда себя деть. Его распирало от нетерпения, от восторга, но вот беда — сказать об этом никому не смел. Если бы Аджимурат узнал, был бы большой рев: почему ему, Султанмурату, можно, а мне нельзя, почему отец берет его с собой, а почему меня не берет? И что ты тут скажешь? И потому к неумейной радости и ожиданию завтрашнего путешествия примешивалось чувство какой-то вины перед братом. И все-таки очень подмывало рассказать братишке и сестренкам о предстоящем событии. Очень хотелось открыться. Но отец и особенно мать наказали строго-настрого не делать этого. Пусть младшие узнают, когда уже он будет в пути. Так лучше. С большим-большим трудом сумел он преодолеть себя, сохранить этот секрет. Чуть не умер, извелся от тайны. Зато в тот день он был так прилежен, так предупредителен, так заботлив и добр со всеми, как никогда. Все делал, везде поспевал. И теленка переарканил пастись на новое место, и картошку окучивал в огороде, и матери помог стирать, и самую младшую, Алматай, умыл, когда та упала в грязь, и еще, и еще переделал много разных дел. Короче говоря, в тот день он был таким старательным, что даже мать не утерпела, прыснула со смеху, качая головой.

— Что это на тебя нашло? — пряча улыбку, говорила она. — Всегда бы такой — вот счастье-то! Как бы не сглазить! А может, не отпускать тебя в город? Уж больно помощник ты у меня хороший.

Но это она так, к слову. А сама тесто поставила, лепешек напекла на дорогу и разной другой снеди. Масла натопила, тоже в дорогу, в бутылку налила.

Вечером пили чай всей семьей из самовара. Со сметаной, с горячими лепешками. На дворе расположились, у арыка, под яблоней. Отец сидел в окружении младших — с одного боку Аджимурат, с другого девочки. Мать чай наливала, а Султанмурат подавал пиалы, углей досыпал в самовар. С удовольствием все это делал. А сам все думал, что завтра он уже будет в городе. Отец раза два подмигнул ему. Мало того — разыграл на глазах брата.

— А что, Аджике, — прихлебывая чай, обратился он к младшему сыну, — черногривого своего не объездил еще?

— Нет, ата, — начал жаловаться Аджимурат. — Он такой вредный оказался. Ходит за мной, как собачонок. Я его кормлю, пою, один раз он даже в школу прибежал. Стоял под окном, ждал, когда я выйду на перемену, весь класс видел. А садиться на себя не позволяет, сбрасывает тут же и еще лягается...

— И некому тебе помочь объездить его как следует? — посетовал отец вроде бы между делом.

— Я это сделаю, Аджике, — с готовностью отозвался Султанмурат. — Обязательно сам объезжу...

— Ура-а! — сорвался с места младший. — Пошли!

— Ну-ка сядь на место! — осадила его мать. — Сядь, не суетись. Попьете чай как люди, потом успеете.

Речь шла о ишачонке-двухлетке, любимце Аджимурата. Весной того года его подарил детям дядя по матери — Нургазы. К лету ослик здорово вырос, окреп. Пора была объезжать длинноухого, чтобы приучить к седлу, к работе. Ведь в хозяйстве домашнем всегда нужен подсобный ослик — то на мельницу, то за дровами, то подвезти что-нибудь по мелочи. Поэтому и подарил его дядя Нургазы. Но с первых дней им завладел Аджимурат. Упрямый, шумливый мальчишка

окружил ослика такими заботами и опекой, что и не подступит к нему. Чуть что — не трогайте ослика! Я сам его накормлю, я сам его напою. Один раз братья подрались даже из-за этого. Мать наказала старшего, потому что перепало от него младшему. И с тех пор обиду затаил Султанмурат. Когда же настало время объезжать ослика, отмахнулся: раз он твой, сам и объезжай, а меня не проси, мне дела нет. Хотя именно в этом деле Султанмурат был мастак. С детства привык, наловчился. Любил он укрощать неуков. Это как борьба, кто кого. Всех соседских жеребят, бычков, ишачков объезжал всегда он. Молодняк обычно обучает кто-нибудь из ловких мальчишек. Взрослому человеку вес не позволяет. С этой просьбой люди обращались к Султанмурату почтительно: «Султанмурат, милый, будет время, поезди на нашем бычке». Или: «Султаке, дорогой, наставь на ум-разум нашего молодого крикуна ишака. Мухе не дает сесть на спину, кусается, бьется. Кроме тебя, некому сладить...»

Вот какой славой пользовался он, а брату родному отказывал, еще и посмеивался, издевался, когда тот вернулся раза два с любимого ишака и набил себе синяков на лбу. Дразнил Аджимурата:

— Он за тобой вместо собаки будет следом бегать! Ты еще наплачешься с ним!

Эх, как негоже было, оказывается. Только тогда это понял, когда отец намекнул. Вот каким дураком выглядел он, с младшим счеты сводил самым недостойным образом. И теперь, когда предстояла поездка в город, о которой младший не знал, такие угрызение совести и раскаяние захлестнули, что готов был прощения просить, готов был сделать для него все что угодно.

После чая пошли вместе с отцом на лужайку за огородами. Вначале собрали все камни вокруг, забросили их подальше. Потом взнуздали Черногривого — так торжественно называл своего ослика Аджимурат. Отец держал Черногривого за уши, а Султанмурат изловчился накинуть уздечку.

Потом подтянул штаны потуже — дело-то предстояло нелегкое. И тут началось цирковое представление. За время вольготного житья под опекой Аджимурата Черногривый успел, оказывается, дурную привычку обрести. Сразу начал брыкаться, вскидывать задом, шараться по сторонам. Знал уже, ушлый, как сбрасывать седока. Но не тут-то было. Султанмурат падал, однако не мешкал, сразу же поднимался, вспрыгивал на ходу, ложась животом на хребтину Черногривого, вторым приемом оказывался верхом на осле. Тот опять бунтовать, опять падение, опять попытка...

У Султанмурата все это получалось ловко и даже весело. Все дело в том, что надо знать, как падать! Почему люди говорят, что с ишака сильнее ушибешься, чем с лошади или с верблюда? Казалось бы, должно быть наоборот. Секрет заключается в том, что, падая, надо успеть приземлиться на руки. Высота с лошади и тем более с верблюда дает возможность человеку сориентироваться. С ишака неопытный седок падает мешком, не успевает даже сообразить...

Султанмурат это знал по собственному опыту. За него нечего было бояться. Расшумелись, развеселились, раскричались. Отец схватился за живот, хохотал до слез. На шум сбежались мальчишки. У одного из них оказалась собачонка, она решила, что тоже должна принять участие в этой суматохе, и стала с лаем гоняться по пятам за Черногривым. Тот с испугу еще больше припустил, а Султанмурат, на зависть всем, стал показывать «джигитовки», как осовавиахимовцы. На бегу спрыгивал с Черногривого и снова запрыгивал, спрыгивал и снова запрыгивал.

Вот так до войны кавалеристы-осоавиахимовцы тренировались на лугу возле сельсовета. Свои же айльные джигиты занимались после работы. Лозу рубили вскачь. На бегу спрыгивали с седла и снова запрыгивали. Их значками награждали. Красивые были значки, на цепочках, на винтах прикручивались. Завидовали ребята. Всегда сбегались посмотреть, как осоавиахимовцы джигитовали. Где-то они теперь? На конях или в окопах? Конница, говорят, уже не применяется на войне...

И глянув во двор за окном, Султанмурат подумал, что лошади к тому же мерзнут зимой, а танку и холод нипочем. А все равно лошадь лучше!

...То-то была потеха тогда. Вскоре Черногривый стал смиряться. Понял, что требовалось от него: шагом ходил, рысью ходил, по кругу ходил и напрямую...

— А теперь садись,— позвал Султанмурат брата,— езжай, все в порядке!

Разумянился от гордости Аджимурат, пристукнул Черногривого пятками, то туда, то сюда проезжался — все теперь видели, какой у него умелый агай⁴, как тут было не похвастаться!

Вечер стоял светлый, долго не темнело. Вернулись домой усталые, но довольные. Аджимурат верхом на Черногривом въехал во двор позакататься матери.

Он сразу уснул после этого, ничего не подозревая. А Султанмурату не спалось. Думал о том, как завтра очутится в городе, что там увидит, что ожидает его. Засыпая, слышал, как негромко переговаривались отец с матерью.

— Я бы и того взял, вдвоем бы им веселее было,— говорил отец,— да только места нет на этой чертовой бричке. Сидишь там на самом передке, впритык под бочкой. А дорога дальняя, задремлет малый да упадет под колеса.

— Что ты! — перепугалась мать.— Не приведи бог и не думай, не надо,— зашептала она.— В другой раз как-нибудь успеется. Пусть подрастет. Ты и за этим гляди в оба. Думаешь, большой, куда там...

Сладко засыпалось Султанмурату, сладко было слышать, как тихо разговаривают между собой родители, сладко было думать, что утром, рано-рано утром им отправляться с отцом в путь-дорогу...

И уже засыпая, испытал он, замирая сердцем, несказанное удовольствие полета. Странно, откуда он знал, как надо летать. Ходить, бегать, плавать дано человеку. А он летел. Не совсем как птица. Птица машет крылами. А он лишь распротер руки и шевелил кончиками пальцев. И летел плавно, свободно, неизвестно откуда и неизвестно куда, в беззвучном, «улыбающемся» пространстве... То был полет духа, то он рос во сне.

Проснулся вдруг, когда отец тронул за плечо и тихо сказал на ухо:

— Вставай, Султанмурат, поехали.

И прежде чем вскочить с места, на какую-то долю секунды ощутил, как накатилась волна нежности и признательности к отцу за его жесткие усы, прикоснувшиеся к уху, и слова, обращенные к нему. Он еще не знал, что настанет время, когда будет с тоской и болью вспоминать именно это прикосновение отцовских усов, именно эти сказанные им слова: «Вставай, Султанмурат, поехали».

Мать давно уже была на ногах. Она дала сыну выстиранную рубаху, на голову великоватую зеленую фуражку, как у начальников, в прошлом году отец привез ее с Чуйского канала, и ботинки, береженье, тоже привезенные отцом с канала.

⁴ Агай — старший брат.

— Попробуй надень, не жмет? — спросила она про ботинки.

— Нет, не жмет, — сказал Султанмурат. Хотя, конечно, они чуть-чуть жали. Но это не беда, растопчутся.

Когда они выехали со двора, попрощавшись с матерью, и когда бричка-керосиновозка, громыхая, пошла по воде через большой каменный арык, сердце его заколотилось, он вздрогнул, поежился от радости, от холодных брызг, ударивших из-под ног лошадей, и понял, что не во сне, а наяву отправляется в город.

Летний ранний рассвет нарождался, как бы наливаясь прозрачным соком. Солнце еще было где-то очень далеко, за снежными горами. Но оно приближалось исподволь, наклеивалось, готовясь вдруг высунуться, засиять из-за горы. А пока было покойно и свежо на похолодевшей за ночь дороге. Жаль, что никто из ребят не видел, как они выезжали с отцом из аила. Только собаки на окраине брякнули спросонья на колесный перестук...

Дорога же шла по пригоркам к степи, к темнеющей вдали лиловой цепочке невысоких гор. Там, за теми далекими горами, находился Джамбул. Туда лежал их путь.

Сытые лошади деловито трусили ровной рысцей, казалось, не замечая ни сбруи, ни упряжи, бежали себе, привычно пофыркивая и встряхивая челки над глазами. Дорога была им хорошо знакома, в который-то раз проделывали они этот путь; хозяин на месте, вожжи в его руках, а то, что рядом с ним сидел на передке мальчишка, то он тоже был своим и ничем, собственно, не мешал тянуть лямку...

Вот так они ехали, набрав хороший накат, погромыхая и скрипя, как все телеги на свете. А солнце тем временем всходило где-то сбоку, в щелке между горами. Свет и тепло покойно и мягко растекались воздушной волной на припотевшие спины лошадей — Чабдар теперь становился чалым, как перепелиное яйцо, а Чонтору все больше светлел, светло-гнедым становился; свет и тепло коснулись бронзовых скул отца, углубляя жесткие морщинки в прищуре глаз, а руки его, держащие вожжи, стали еще крупнее и жилистей; свет и тепло струились на дорогу, под копыта коней живым бегущим потоком; свет и тепло проникали в тело, в глаза; свет и тепло одаряли жизнью все на земле...

Хорошо, отрадно, вольготно было на душе Султанмурата в то дорожное утро.

— Ну как, проснулся? — пошутил отец.

— Давно уже, — ответил сын.

— Ну тогда держи, — передал ему вожжи.

Султанмурат благодарно улыбнулся, этого он ждал с нетерпением. Можно было и самому попросить, но лучше, когда отец найдет нужным доверить — тут тебе не где-нибудь, а езда по большой дороге. Лошади почувствовали, что управление перешло в другие руки, недобольно уши прижали, куснули друг друга на бегу, точно бы бунтовать-подраться решили при ослабшей власти. Но Султанмурат сразу дал о себе знать — энергично дернул вожжами, прикрикнул:

— Эй вы! Я вам!

Если счастье существует для человека только в настоящем времени и не бывает его ни в прошлом, ни в будущем, то в тот день, в ту поездку Султанмурат испытал его полностью. Не было даже минуты такой, когда бы настроение его чем-либо омрачилось. Сидя рядом с отцом, он был полон достоинства. И оно не покидало его всю дорогу. Громыхая керосиновозка другого, быть может, свела бы с ума, а для него то был ликующий перезвон счастья. Пыль из-под брички, зависающая позади, дорога, по которой катились колеса, лошади, дружно печатающие копытами, ладная сбруя, отдающая потным духом и дегтем, легкие

белые облака, кочующие высоко над головой; еще не засохшие, зрелые травы вокруг, то желтые, то синие, то лиловатые; арйки и ручьи, разлившиеся на переездах, встречные всадники и телеги, придорожные ласточки, юрко снующие взад и вперед, иной раз чуть ли не задевая морды лошадей,— все это было преисполнено счастьем и красотой. Но об этом он не думал, ибо когда счастье есть, о нем не думают. Он чувствовал, что мир устроен так, как лучше не может быть. И что отец у него такой, лучше которого не может быть.

Вот даже желтобокие черноголовые полевые птички всю дорогу поют в колочках или в кустарнике одну и ту же заученную трель неспроста. Они знают, для кого они высвистывают. Они-то знают, как их любит Султанмурат. Птички эти — сарайгыры⁵, а прозываются они так потому, что всю жизнь понукают свистом своим некоего солового жеребца: «Чу, чу, сарайгыр! Чу, чу, сарайгыр!» Чудные птахи сарайгыры. Но, оказывается, на разных языках они поют по-разному. Однажды приехал в аил киномеханик, веселый русский парень. Султанмурат крутился возле, помогал перетаскивать коробки с лентами, а вечером ему за это выпало первому крутить динамо-машину. В динамо-машине вырабатывается электрический ток, а от тока светятся лампочки, а от лампочек свет на побеленной стене — экран, а на экране живые изображения.

Так вот киномеханик этот прислушался и спросил:

— Что это за птичка за забора поет?

— Это сарайгыр,— объяснил ему Султанмурат.

— А что она поет?

— Чу, чу, сарайгыр!

— А что это значит?

— Не знаю. По-русски должно быть: «Но-о, но-о, желтый жеребец!»

— Во-первых, жеребцы желтыми не бывают, но допустим. Но почему все время: «Чу, чу, сарайгыр!»?

— Потому что птичке этой кажется, что она едет на свадьбу верхом на сарайгыре, едет, едет, но не доедет, и потому кричит: «Чу, чу, сарайгыр!»

— А я слышал другое. Будто сарайгыр играл в карты на базаре. И чуть было не выиграл три рубля, но не выиграл. И потому поет: «Чуть, чуть три рубля не выиграл!» И будет свистеть так до тех пор, пока не выиграет эти три рубля.

— Но когда же он их выиграет?

— А никогда. Так же, как никогда на свадьбу не доедет.

— Вот потеха...

Действительно, с виду не очень уж приметная пичужка, а оказалась такая знаменитая.

Сарайгыры пели всю дорогу. Султанмурат улыбался им:

— Поехали с нами и там, на базаре, выиграем три рубля!

А они все высвистывали: «Чу, чу, сарайгыр!» — а в другой раз: «Чуть, чуть три рубля не выиграл!»

Спешил Султанмурат, быстрее, быстрее в город. Солнце уже поднялось над самыми горами. Торопил Султанмурат лошадей:

— Чу, чу, сарайгыр! — Это он относил к Чабдару.— Чу, чу, торайгыр! — Это он относил к Чонтору.

А отец приуныл его немного:

— Ты не очень гони. Кони сами знают. И бегут и тело берегут.

— А который из них лучше, ата, Чабдар или Чонтору?

— Оба хороши. И на шаг и на силу. Работают, как машины. Толь-

⁵ Сарайгыр: сары — соловая масть, айгыр — жеребец.

ко корми вовремя да вдосталь да за упряжью следи — никогда не подведут. Надежные лошадки. В прошлом году вон на Чуйском канале работали в болотистом месте, на сазах. Брички с грузом увязали по самые ступицы. Засядет, бывало, кто-нибудь — и ни туда и ни сюда. Хоть караул кричи. Ну прибегут — выручай. Просят. Как откажешь? Приведу своих Чабдара и Чонтору, перепряжем — и вот ведь смотри: говорим — скотина, а умные, понимают, что неспроста впрягли их в чужую упряжь, что выручать надо. Кнутом я их особо не трогал, только голос подам — и они, дай бог чтобы постромки выдержали, на коленах выползут, вырвут бричку из ухабин. Там их, на Чуйском канале, все знали, завидовали: повезло, говорят, тебе, Бекбай. Может, и повезло, да только уход нужен за лошадьми, тогда и повезет.

Чабдар и Чонтору деловито трусили все той же ровной заводной рысцей, будто им совсем дела не было, что о них говорили. Бежали себе с припотевшими подбрюхами и мокрыми ушами, все так же вскидывая челки на бегу и отмахиваясь от дорожных мух.

— Ата, а который старше? — спросил отца Султанмурат. — Чабдар или Чонтору?

— Чонтору старше года на три. Замечаю я. Чонтору начинает понемногу стареть, сдает иногда. А Чабдар в самой силе. Крепкий, быстрый конь. На нем и на скачках обставишь многих. Раньше о таких лошадях говорили: конь джигита.

Султанмурат обрадовался за Чабдара, потому что Чабдар ему больше нравился. Масть необыкновенная — чалая, в крапинку. Да и сам мерин норова не вредного, красив, силен.

— А мне Чабдар больше нравится, — сказал он отцу. — Чонтору злой. Так и косит глазом.

— Не злой, а умный, — усмехнулся отец. — Не любит, когда ему докучают без дела. — И, помолчав, добавил: — Оба хороши.

Сын тоже согласился.

— Оба хороши, — повторил он, погоняя коней.

Через некоторое время отец сказал:

— Ну-ка, придержи малость, останови бричку. — И посвистел спокойно, выжидательно. — Лошади помочиться хотят, а сказать не могут. Замечать надо.

И в самом деле оба мерина начали мочиться на дорогу шумными, пенистыми струями, а плотная, мелкая, как пудра, пыль под ногами взбухла пузырями, набирая влагу.

Потом они снова двинулись в путь. Дорога все уходила и уходила вперед, а горы позади оставались все дальше и дальше.

Вскоре завиднелись сады городской окраины. На дороге стало оживленней. Здесь отец снова взял вожжи в свои руки. И правильно сделал. Теперь Султанмурату было не до вожжей и не до коней. Начинался город. Он оглушил шумом, красками и запахами. Будто взяли да кинули в бурный поток, и тот понес, кружа и подбрасывая в волнах.

Вот тогда, в тот счастливейший день, и повезло ему как никому на свете: на Атчабаре, на большом джамбульском скотном базаре, оказался приезжий зверинец. Надо же быть такому совпадению: человек первый раз приезжает в город — тут зверинец с невиданными зверями, да еще карусель, да еще аттракцион кривых зеркал.

В комнату смеха он ходил три раза. Нахохочется, успокоится и снова туда, к зеркалам, чудовищным и кривым. Ну и рожи, ну и дела! Век думай, не придумаешь такого — хоть стой, хоть падай!

Оставив брочку для присмотра у знакомого чайханщика, отец водил его по базару. Вначале здоровались с друзьями отца — со здешними узбеками. «Ассалам алейкум! Вот мой старший сын!» — представлял Бекбай сына. Узбеки привечали Султанмурата, привстав с места и прикладывая руку к груди. «Вежливый народ! — довольно отзывался отец. — Узбек не посмотрит, что ты младше годами, — всегда уважит...»

Потом ходили по торговым рядам, по магазинам и, главное, по зверинцу. Проталкиваясь в толпе, заглядывали во все клетки и загоны. Слон, медведи, обезьяны, марышки — кого там только не было...

Особенно запомнился Султанмурату огромный, серо-пепельный, как бугор после выжженной травы, слон, все переступающий с ноги на ногу и раскачивающий хоботом. Вот это да! Стояли люди, глазели на слона и всякие байки рассказывали. Что он мышей боится. Что дразнить его нельзя, не дай бог, сорвется с цепей, порушит весь город на мелкие черепки. Но больше всего понравился Султанмурату рассказ одного старика узбека, тот сказал, что слон — самое умное животное на свете. Хоботом поднимает он здоровенные бревна на лесных работах, но и хоботом младенца подберет с земли, если змея или еще какая-нибудь опасность угрожает ребенку, а взрослых поблизости нет.

Такие рассказы и отцу нравились. Стоял он, удивленно покачивая головой, цокая языком и каждый раз обращался к сыну: «Ты слышал? Вот ведь какие чудеса бывают на свете!»

Ну и, конечно, запомнилась комната смеха. Там над самим собой смеешься сколько тебе влезет...

Султанмурат покосился на Мырзагуль, сидящую через несколько парт. «Тебя бы туда, в комнату смеха! — подумал он озорно. — Сразу бы по-другому заговорила, красавица! Как увидела бы себя в тех зеркалах, перестала бы важничать». Но он тут же устыдился своих мыслей. Чего он к ней пристал, что плохого она ему сделала? Девочка как девочка, ну красивая, красивее всех в классе. Так что, виновата, что ли? Бывает, и «жаман»⁶ схватывает.

Однажды учительница отобрала у нее на уроке зеркальце. Рано, говорит, любоваться начала. Мырзагуль сделалась красной-красной от стыда, чуть не заплакала. А ему почему-то обидно стало за нее. Подумаешь, зеркальце какое-то, а если оно случайно оказалось в ее руках...

Глянув еще раз в ту сторону, Султанмурат пожалел ее. Посинела Мырзагуль, съежилась от холода, глаза влажно поблескивают, как мокрые камни, может быть, она плачет. Ведь у нее и отец и брат на фронте... А он о ней так плохо думает. Вот дурак, действительно дурак.

Многие в классе кашляют от простуды. Может быть, и самому покашлять? И он стал нарочно кашлять, вздрагивать и кривляться. А что, все кашляют, а он чем хуже? Инкамал-апай покосилась на него многозначительно и продолжила свои объяснения.

3

После зверинца и комнаты смеха пошли они на толкучку. И здесь купили подарки. Аджимурату пугач, новенький, красивый, сверкающий металлическим блеском, заглядение, прямо как всамделишный наган. А девочкам какие-то мягкие цветные мячики на резинке. Подергаешь резинку — и мячик подскакивает то вверх, то вниз. Матери платок купили и потом разных сладостей...

Весь базар обошли, все повидали, на карусели только не стал он кататься, да и отец не предложил. Это, говорит, для малышей, а ты уже джигит, года через два женить тебя будем. Пошутил. Ну,

⁶ Ж а м а н — оценка «плохо».

постояли возле карусели, поглядели. А потом отец заторопил. Надо, говорит, успеть на станцию, на нефтебазу, залить бочки — да в обратный путь. Время уже позднее. И правда, солнце уже клонилось за город, когда они приехали на нефтебазу. Отсюда поехали окраиной, подкрепились в попутной чайхане пловом и двинулись назад.

В сумерках покинули пригородные сады и снова очутились на той дороге, по которой приехали днем в город. Вечер стоял теплый, настоящий на запахах летних трав. Лягушки затурчали в придорожных арыках. Лошади шли мерным шагом, с полными бочками не очень-то побежишь. Мало-помалу Султанмурата стало клонить ко сну. Устал. Как не устать — день-то был всем дням день. Жаль, что негде было на бричке растянуться и уснуть. Уж очень хотелось спать. Привалился Султанмурат к плечу отца и заснул как ни в чем не бывало. Время от времени просыпался на ухабинах и снова засыпал неодолимым сном. И, перед тем как уснуть, всякий раз успевал подумать, как здорово, что на свете есть отцы. Покойно и надежно было ему на крепком отцовском плече. А бричка погромыхивала и поскрипывала, кони стучали копытами.

Не помнил Султанмурат, сколько проехали, только вдруг бричка остановилась. Колеса перестали стучать. Все умолкло. Отец поднял его на руки и куда-то понес.

— Вот какой вымахал, не утащишь. Тяжеленный какой стал, — бормотал он, прижимая его к груди.

Потом уложил его на кучу сена, прикрыл фуфайкой и сказал:

— Ты спи, а я выпягу лошадей попастьись.

Султанмурат даже глаз не открыл, так хорошо спалось. Только подумал опять: как здорово, что на свете есть отцы...

Потом он еще раз проснулся, когда отец расшнуровал его ботинки и стащил с ног. Как же они жали, оказывается, целый день, эти ботинки. И как отец догадался, что они жали ноги?

И он снова заснул, ощущая телом полную свободу, точно бы поплыл, отдавшись на волю беспрепятственному течению. Чудилось ему, волны ветра шли перекатами по верхам раздольного разнотравья. Он бежал по той траве, нырял, окунаясь в ее перекаты, и в ту высокую плывущую траву беззвучно падали сверху звезды. То в одном, то в другом месте круто падала бесшумно горящая звезда. Но пока он добежал, звезда угасала. Он знал, что ему снился сон. Просыпаясь иногда, он слышал, как стреноженные лошади кусывали под корень молодую траву и как переступали они вокруг копны, позвякивая отпущенными удилами. Он знал, что отец спит рядом, что ночуют они в поле, что стоит ему открыть глаза — и он действительно увидит звезды, падающие с неба...

Но ему не хотелось открывать глаз, уж очень хорошо спалось. После полуночи стало подхолаживать. Все ближе подвигаясь к отцу, он приткнулся под боком, и тогда отец обнял его спросонья, поплотней прижал к себе. В дороге, в чистом поле, под открытым небом спали они. Это тебе не дома, не на мягкой подушке...

Часто потом вспоминался ему звездный сон...

Перепелка по соседству звонко булькала до самого рассвета, в двух шагах... Наверно, все перепелки на свете счастливые.

— Султанмурат, что с тобой? — Инкамал-апай подошла к его парте, и только тогда он заметил ее.

— Да нет, ничего.— Как бы оправдываясь, Султанмурат встал с места.

В классе все так же было холодно и тихо. Послышались смешки ребят, привычный кашель.

— То ты кашляешь ни с того ни с сего, то не слышишь вопроса,— недовольно проговорила Инкамал-апай, зябко передергивая плечами.— Иди лучше принеси соломы и затопи печь.

Султанмурат с готовностью кинулся исполнять. Еще бы, такое не всегда бывает среди урока. На переменах дежурные приносят в класс солому и протапливают печку, но на уроках такое редкость.

Он выскочил на крыльцо. Ветром и снегом ударило. Эх, это тебе не Цейлон! Пробегая через двор к сараю, где лежала солома, увидел, как спешил с коня председатель колхоза Тыналиев, раненый фронтовик. Сам молодой еще, а ходил кособоко. Сколько-то ребер у него не хватает. Оказывается, он с парашютом прыгал, десантником назывался. А до войны агрономом был, говорят. Султанмурат, однако, этого не помнил. Все довоенное — как иной мир, уже и не верится, что была она, довоенная жизнь...

Захватив большую охапку соломы, Султанмурат вернулся в класс, отворяя двери ногами. Ребята зашушукались, оживились.

— Тише, не отвлекайтесь! — потребовала Инкамал-апай.— А ты, Султанмурат, занимайся своим делом, и без лишнего шума.

В печке, в самой сердцевине нагоревшей соломенной золы сохранился, как младенческое дыхание, тлеющий огонек. Его-то и раздул под пучком соломы. Потом подложил еще пучок, еще и еще, печь загудела, пожирая солому. Успевай только подкидывать. Веселей стало в классе.

Хотелось обернуться к ребятам, показать кое-кому рожу, пошутить, а кое-кому пригрозить кулаком на всякий случай, особенно Анатаю на задней парте. Он, видите ли, самый старший, ему пятнадцать с половиной лет, задиристый, да и к Мырзагуль, случается, пристаёт. Дулю бы ему показать. На, мол, на! Но нельзя этого делать. Учительница строгая. Да и не хочется лишний раз огорчать ее. Что-то в последнее время писем нет от ее единственного сына. Он командир, артиллерист. Очень она им гордится. А муж ее куда-то исчез еще до войны, что-то плохое с ним случилось. Не говорят даже люди, что с ним случилось. Потому она и приехала в аил и стала здесь учительствовать. Сын же ее занимался в педучилище в Джамбуле, оттуда и пошел на фронт. Как увидит в окно верхового почтальона Инкамал-апай, прямо с урока посылает кого-нибудь за письмом. Тот выбегает во двор и, если письмо, во весь дух назад. Существует даже очередь — кому в следующий раз выбегать за письмом для учительницы.

Когда приходит письмо, это целый праздник! Инкамал-апай тут же быстро пробегает глазами коротенькое письмецо и когда поднимает голову от бумаги, то вроде бы другая учительница появляется в классе. Невозможно оставаться спокойным, видя, как радуется твоя учительница с седыми прядями, аккуратно подоткнутыми под платок, невозможно, чтобы сердце не сжалось при виде слез на ее глазах.

— Всем вам, ребята, большой привет. Ваш агай жив-здоров. Воюет,— говорит она, удерживая дрожащий голос, и никак не удается классу скрыть свою радость за нее. Все улыбаются ей, как бы тянутся к ней, разделяя ее счастье. Но в следующую минуту она напоминает: — А теперь, ребята, продолжим наше занятие.

И тогда наступает самое прекрасное, самое лучшее в учении: слова ее как бы умножают свои силы, мысль рождает мысль и все, что она рассказывает, объясняет, доказывает, проникает в ум и души учеников. Это ее взлет, и класс сидит замороженный...

В последние дни что-то тревожит ее, что-то тревожит... И, наверное, потому, когда в дверях класса появляется председатель колхоза

Тыналиев в сопровождении завуча, Инкамал-апай медленно отступает к доске. И все-таки находит в себе силы сказать:

— Встаньте, ребята. А ты, Султанмурат, иди на свое место.

Захлопнув дверцу печки, Султанмурат быстро вернулся к своей парте.

Пришедшие поздоровались.

— Здравствуйте! — ответил им класс.

Наступила настороженная пауза. Никто не кашлянул даже.

— Что-нибудь случилось? — спросила Инкамал-апай перехваченным голосом.

— Ничего плохого не случилось, Инкамал-апай, — успокоил ее сразу Тыналиев. — Я пришел по другому делу. Разговор у меня к ребятам. А что на урок вторгся, извините — мне разрешили, — кивнул он в сторону пожилого завуча.

— Да, разговор важный, — подтвердил завуч. — Садитесь, ребята. Класс разом сел.

Председателя колхоза все знали, хотя председательствовать он стал недавно, с осени, после возвращения с фронта, да и сам он знал, пожалуй, тут всех. Не для знакомства же он пришел. Да и с чего бы? Ученики седьмого класса — это уже приметный в аиле народ. С каждым из них, семиклассников, разговор мог состояться дома, в конторе, на дороге, где придется в аиле. Но чтобы председатель пришел в школу на урок для особого разговора с учениками, такого еще никогда не бывало. Да и что за разговор, какой может быть разговор? Летом другое дело, все до единого работают в колхозе, а сейчас какой разговор?

— Дело у меня такое, — начал Тыналиев, внимательно всматриваясь в напряженные лица ребят и все время сияясь держаться прямее, чтобы не так бросалась в глаза его кособокость. — Холодно у вас в школе, помочь я вам ничем не могу, кроме соломы. А солома, известно, вспыхнет и погаснет. Кизяк, которым прежде топили школу, вывозили с гор вначале вьюком, а потом перегружали в телеги. В прошлом году заниматься этим было некому и некогда. Все на фронте. Есть у меня под замком две тонны угля, которые я купил в Джамбуле у спекулянтов. Это уголь для кузницы. Купил я железа для кузницы, тоже у спекулянтов. Мы с ними когда-нибудь сочтемся. А пока положение очень тяжелое. И на фронте тяжелое. В прошлом году мы не справились, не успели засеять гектаров двести озимой пшеницы. Никто не виноват. Война. Можно и так. Но если везде, во всех колхозах и совхозах недоберут, недосеют, недоделают, как мы у себя, то, может случиться, врага не одолеем. Да, чтобы одолеть такую силу, надо иметь и хлеб и снаряд. Я и пришел к вам, ребята, придется кое-кому из вас оставить пока школу. Время не ждет, надо готовить тягло к весновспашке, а тягло у нас — страшно смотреть, довели, на ногах едва держится. Надо готовить сбрую, а она вся разбитая, надо ремонтировать плуги и сеялки, а инвентарь у нас под снегом... К чему я все это говорю? К тому, что недосеянные площади озимой мы обязаны перекрыть яровыми посевами. Во что бы то ни стало, безоговорочно, как на фронте! А это значит сверх плана собственными силами дополнительно вспахать и засеять двести гектаров яровых. Две-е-сти! Вы понимаете? А где взять силы, на кого опереться? И решили мы ко всему тому, что у нас есть и что уже делается к весенней кампании, подготовить дополнительно еще одну бригаду плугарей, двуххлемешников. Думали, гадали. Женщин послать не можем. Это далеко, в Аксае. Людей нет. Решили обратиться к вам за помощью, к школьникам...

Вот так говорил председатель Тыналиев, суровый и замкнутый человек, ходивший в своей неизменной армейской серой шинели, в которой он, конечно же, мерз, в серой ушанке, с озабоченным заострив-

шимся лицом, а сам молодой еще, скособоченный, с недостающими ребрами, с неразлучной полевой сумкой на боку...

Вот так говорил председатель Тыналиев, стоя у школьной доски с географической картой, возле той самой карты, на которой люди умудрились поместить все земли и моря, включая такие расчудесные теплые страны, как Цейлон, Ява, Суматра, Австралия, где живи себе в удовольствие и плюй в потолок...

Вот так говорил председатель Тыналиев в школе, топленной соломой, от которой больше сора на полу, нежели тепла. И когда он говорил, что надо на далеком Аксае поднять дополнительно сотни гектаров яровых для фронта, пар шел из его рта, как на дворе...

Вот так говорил председатель Тыналиев...

А за окном все вьюжило, кружило, задувало в щели. Султанмурату у окна было видно, как перетаптывался на ветру, как пытался укрыть свою голову от ветра запуржавевший председательский конь у столба. А ветер трепал ему гриву, запрокидывал набок распушенный хвост. Холодно было коню...

Да, тут тебе не Цейлон...

— Не от хорошей жизни я буду отрывать вас от учебы,— объяснил Тыналиев.— Это вынужденная мера. Вы должны понимать. После войны, а может, и раньше, буду жив, сам приведу этих ребят в школу и попрошу, чтобы продолжали учебу. А пока получается вот такая картина...

Потом говорил завуч. Потом снова Тыналиев. Когда в классе началось оживление — ребята стали тянуть руки: я, мол, я хочу на работу,— Тыналиев сразу внес ясность:

— Если кто думает, что мне нужны всякие ученики, тот ошибается. Кто плохо учится, тот плохо работает. А во-вторых, хорошему ученику потом легче будет догонять упущенное время. Ну вот ты, Султанмурат, вроде бы самый большой в классе...

Ребята зашумели:

— У нас Анатай самый большой. Ему скоро шестнадцать лет.

— Я не о возрасте сейчас. О росте говорю. Да и не это главное. Ну вот ты, Султанмурат,— снова обратился к нему председатель.— Ты в прошлом году огороды пахал, так ведь?

— Да,— ответил Султанмурат и встал с места.— Пахал на Аральской улице.

— На двухлемешном, четырехконном?

— Да, на двухлемешном, четырехконном, но я только помогал. То был плуг Сартбая, а его как раз взяли в армию. Огороды запаздывали. Аксакал Чекиш попросил меня помочь.

— Я знаю об этом. Потому с тебя и начал,— сказал председатель.

Все оглянулись на Султанмурата. Он поймал на себе взгляд Мырзагуль. Она глянула на него как-то по-особому, не так, как другие, и сама покраснела вдруг, точно речь шла о ней. И ему стало неловко от этого, даже сердце заколотилось.

— Я тоже пахал огороды! — выкрикнул с места Анатай.

— И я,— вставил Эркинбек.

Вслед за этим еще раздались голоса.

Но Тыналиев попросил тишины.

— Давайте по порядку, ребята. Дело тут серьезное. Начнем с учебы. Как у тебя с учебой? — опять обратился он к Султанмурату.

— Да не очень,— проговорил Султанмурат.

— Что не очень?

— Ну, не очень плохо.

— Но и не очень хорошо,— вставила все это время молчавшая Инкамал-апай.— Я ему всегда говорю: ты мог бы учиться гораздо луч-

ше, в сто раз лучше. Он очень способный. Но вот беда — ветер в голове гуляет.

— Да-а,— задумчиво протянул председатель.— А я-то рассчитывал... Ну ладно. Отец у тебя на фронте. Стало быть, будешь добывать для него хлеб. А как у тебя, Анатай?

— Да так же,— ответил тот, набывшись и поднимаясь с места.

— Выходит, один другого не лучше,— усмехнулся Тыналиев и, помолчав, сказал: — Когда вернетесь снова в школу, поймете цену учения. Знаю я, по себе знаю. Чуть что — а, мол, плевать, пойду работать. Да разве для работы одной живет человек? Как ты думаешь, Анатай?

Анатай начал было что-то объяснять, но потом признался:

— Не знаю.

— Я тоже не все знаю,— сказал Тыналиев,— но не будь войны, пошел бы учиться, еще поучился бы.

В классе послышался откровенный смех. Смешно — совсем уже взрослый человек, сам председатель колхоза, а хочет учиться. А им уже надоело, так надоело в школе!

— А что смешного? — улыбнулся Тыналиев.— Да, ребята, очень хотел бы учиться. Это вы потом, попозже, поймете.

И тут, пользуясь моментом, кто-то в классе перебил председателя:

— Башкарма-агай, а правда, что вы прыгали с самолета?

Тыналиев кивнул.

Мальчишка не унимался:

— Вот здорово! А не страшно? Я один раз с крыши табачного сарая прыгал на кучу сена — и то колени задрожали!

— Да, прыгал. Но только с парашютом, конечно,— объяснил Тыналиев.— Это такой купол над головой, он распускается, как юрта...

— Знаем, знаем,— хором загудел класс.

— Ну так вот, мы были десантом. Прыгать с парашютом — это была наша работа.

— А что такое десант? — снова раздался чей-то голос.

— Десант, говорите? Это отряд подвижный, боевой, который забрасывается или отсылается куда-нибудь для выполнения особого, важного задания. Ясно, понятно?

В классе молчание.

— В десанте может быть несколько человек и много тысяч людей,— объяснил Тыналиев.— Важно, что десант уходит в тыл врага и действует самостоятельно. Если не все понятно, расскажу как-нибудь в другой раз. А сейчас займемся делом. Анатай, ты садись, что ты стоишь? Твой отец тоже на фронте воюет.

— И мой!

— И мой тоже!

— И мой!

— И мой!

Тыналиев поднял руку:

— Я все знаю, ребята. Не думайте, что я только колхозом занят с утра до вечера. Я знаю всех, кто в армии, кто в госпитале. Я всех вас знаю. Потому и пришел к вам. Так вот, Анатай, и ты пойдешь добывать хлеб отцу, и тебе придется на год, а возможно, и больше, оставить школу.

— Я тоже! И я! И я! — начали было высказывать некоторые. Ведь каждый в таких случаях мнит себя героем. А тут такая оказия — в школу не ходи. Работай на лошадах. Чего еще надо?

— Нет, погодите! — успокоил их председатель.— Так не пойдет. Только те, кто уже имел дело с плугом. Вот ты, Эркинбек. Ты тоже пахал огороды? Отец твой погиб под Москвой, я это знаю. Многие отцы и братья погибли. Тебя тоже, Эркинбек, прошу. Помогите нам. При-

дется тебе землю попахать вместо учебы в школе. Ничего не поделаешь. А матери твоей я сам объясню...

Потом председатель Тыналиев назвал еще двоих ребят — Эргеша и Кубаткула. И сказал, чтобы завтра с утра все были на конном дворе на утреннем наряде бригадиров.

Дома уже поздно вечером, когда собирались ко сну, Султанмурат рассказал матери о том, как в школу приезжал председатель колхоза. Мать выслушала молча, устало потирая лоб — целый день в колхозе, на ферме, вечером дома с детьми, — а Аджимурат, глупый, возликовал некстати:

— Вот это да! Не учиться в школе! Плугарем быть, на лошадах! Я тоже хочу!

Мать строго спросила:

— Уроки учил?

— Да, выучил, — ответил Аджимурат.

— Иди ложись спать и ни слова чтобы! Ясно?

А старшему она ничего не сказала.

И только потом, уложив девочек, собираясь задуть лампу, пригорюнилась возле лампы, решила, наверно, что Султанмурат уже спит, заплакала, положив голову на руки. Тихо и долго плакала, вздрагивая худыми плечами. Тяжко стало на душе Султанмурата, хотелось встать, успокоить, приласкать маму, сказать ей какие-то хорошие слова. Но не посмел тревожить ее, пусть одна побудет. Ведь думает сейчас и об отце (как-то он там, на войне), и о детях (четверо их), и о доме, и о разных других нуждах.

Женщина, она есть женщина. Часто они плачут, женщины. И учительница Инкамал-апай, когда ушел председатель Тыналиев из класса, тоже очень расстроилась, растерялась даже. Уже прозвенел звонок на перемену, а она сидела за столом и не уходила. И класс сидел, никто не выбежал, ждали, пока учительница встанет с места и направится к дверям. В дверях-то и заплакала Инкамал-апай. Старалась выдержать, и не получилось. Ушла в слезах. Мырзагуль понесла в учительскую забытую карту и тоже вернулась с мокрыми глазами. Да-а, конечно, женщины есть женщины. Жалеют они всех и потому плачут. А что тут такого, подумаешь, ну год, ну два, а война кончится — снова можно пойти в школу...

С этими мыслями засыпал Султанмурат, прислушиваясь, как мело и мело за окном летучим снегом.

На другой день утром все так же мело. Поземка курилась по насту. Небо отяжелело в сплошных тучах. Замерз Султанмурат, пока дошел до конного двора.

Дело, задуманное председателем Тыналиевым, оказалось гораздо труднее, чем думал Султанмурат вчера. Во-первых, с председателем и бригадиром, тощим рыжебородым старичком Чекишем, раздавшим всем по четыре недоуздки, пошли к загону у старой конюшни. Здесь на заснеженном дворе понуро бродили извозные лошади, перебирая в полупустых яслях объедки сена. Известно, летом, кони бывают справные, зимой теряют тело, но эти — кожа да кости. Работали-работали на них, а зима грянула — бросили в общем дворе. Кормить, следить некому. Корма в обрез. А что есть, берегли на весновспашку.

Ребята остановились в полной растерянности.

— Ну что усталились! — заворчал старый Чекиш. — Думали, вам здесь Манасовых тулпаров⁷ на расчалках будут удерживать? Выбейте с краю — и не ошибетесь. Через двадцать дней любой коняга из этих взыграет, как молодой бычок. Даже и не сомневайтесь! Лошад-

⁷ Манасовы тулпары — легендарные скакуны из войска Манаса, героя народного эпоса «Манас».

ки семижильные — им только корм да уход! А остальное они сами знают!

— Берите, ребята, всем необходимым обеспечим, — подсказал председатель. — Начинайте. Каждому четверка. Какие приглянутся.

И тут случилось неожиданное. Среди этих тощих беспризорных кляч на общем дворе слонялись и отцовские кони — Чабдар и Чонтору. Вначале Султанмурат разглядел Чабдара, по масти чалой признал, потом и Чонтору. Головастые, взъерошенные, на худющих ногах, толкнешь — свалются. Обрадовался и испугался Султанмурат. Вспомнил разом, как ездили с отцом в город. Какие они были, эти кони, в руках отца. И теперь. Как уверенно и прочно бежали в упряжи справные и сильные тогда Чабдар и Чонтору. И теперь.

— Вот они, поглядите, вот кони моего отца! — крикнул Султанмурат, обернувшись к председателю и бригадиру. — Вот эти, Чабдар и Чонтору! Вот они!

— Правильно! Верно! То бекбаевские лошади были! — подтвердил старик Чекиш.

— Бери их себе, раз такое дело! Бери себе отцовских, — распорядился председатель.

К отцовским коням Султанмурат подобрал еще пару — Белохвостого и Карего. Получилась четверка. Упряжь для двухлемешного плуга. Ребята тоже выбрали себе лошадей.

С этого и началось то, ради чего их отозвали из школы в зиму 1943 года...

Работы оказалось много, куда больше, чем можно было предположить. На конном дворе поспевай, да еще каждый день бегали в кузницу помогать старому Барпы и его хромоногому молотобойцу ремонтировать плуги, с которыми предстояло выходить в поле. То, что прежде было выброшено на лом, теперь приходилось раскручивать, развинчивать, очищать от ржавчины и грязи. Даже старые, затупившиеся лемеха, уже отслужившие свое, и те заново пошли в дело. Кузнецы бились над ними, оттягивали жало, закаляли в огне и воде. Не каждый лемех удавалось отковать, но если удавалось, Барпы торжествовал. В таких случаях он заставлял молотобойца подняться на крышу кузницы кликнуть ребят с конного двора.

— Эй вы, плугари! — звал их хромоногий молотобоец с крыши. — Бегите сюда, устак⁸ вас зовет к себе!

Ребята прибегали. И тогда старый Барпы доставал с полки еще горячий, увесистый, воронено-сизый, наново откованный лемех.

— На, держи, — предлагал он тому, чья очередь была на получение запасного лемеха. — Бери, бери, поддержи в руках. Полюбуйся. Примерь иди к плугу. Прикинь, как он ляжет под отвал. А! Красота! Как жених с невестой сошлись! А на пашне сверкать будет почище ташкентского зеркала. Рожи-то свои будете разглядывать в таком лемехе! А может, и девчонке какой подарить вместо зеркала, а? Вот будет вечный подарок! А теперь положи вон там, к себе на полку. Увезешь потом на поле. Вот так. В другой раз будет другому. Всем будет. Никого не оставлю без лемехов. Каждому по три пары заготовлю. Единственно зубы себе новые отковать не смогу, а все остальное сработаю. Лемеха вам будут. Вы еще, ребята, много раз вспомните нас на поле. Ведь что главное в плуге — лемех! Ради лемеха все остальное устроено. Лемех силен — борозда сильна. Лемех затупился — плугарь не годится. Вот ведь какая сказка...

Хорош он был, старый Барпы. Всю жизнь в кузнице. Прихвастнуть любил, но дело свое знал.

⁸ Устаке — мастер.

В шорную мастерскую тоже приходилось часто наведываться. Бригадир Чекиш объясал. Помогите, говорит, сбрую налаживать. Без сбруи, говорит, никуда не двинетесь. Плуги будут, кони будут, но без сбруи все впустую. Тоже верно. Потому каждый заботился, помогал шорникам как умел подогнать загодя сбрую для своих коней.

Но главное, самое основное дело заключалось в уходе за тяглом, за лошадьми. Целый день с утра и до вечера, еще и поздний вечер уходил на работу в конюшне. Домой добирались лишь к ночи, задав на ночь последнюю порцию сена. Спешить, спешить надо было!

Времени оставалось в обрез. Шел уже конец января. Стало быть, на выхаживание тягла оставалось тридцать, от силы тридцать пять дней. Успеют ли рабочие лошади восстановить и обновить силы к началу пахоты — зависело теперь только от самих плугарей. Конь спит, такое уж он создание, а в кормушке перед ним всегда должен быть корм, и днем и ночью...

По расчетам Тыналиева, в конце февраля, сразу, как только земля освободится от снега, плуги должны выйти в Аксайское урочище. Когда-то, в какие-то далекие времена, люди пахали и сеяли на Аксае. Но потом аксайские поля остались почему-то заброшенными. Возможно, потому, что Аксай — место далекое, безлюдное. Да и поля там не поливные, и лежат они все больше по пригоркам... Бригадир Чекиш рассказывал, отец еще ему говорил, что с Аксае пахарь или по миру пойдет, или народ будет скликать, чтобы помогли хлеб вывезти. Перво-наперво — вовремя отсеять. А второе — от дождей зависит урожай на Аксае. Так говорил старик Чекиш.

«Земледелец всегда рискует, но всегда надеется» — так говорил Тыналиев. На то и рассчитывал Тыналиев, на то и готовил силы плугарей — с надеждой, что будет дождь на счастье и будет хлеб аксайский...

Дни шли. К концу недели кони заметно повеселели, отъелись немного, дело пошло на поправку. Днем уже солнце пригревало. Зима вроде задумалась, засобиралась. И потому на день лошадей выводили на солнцепек, к наружным акурам⁹. На солнцепеке лошади лучше едят и быстрее входят в тело. Все пять четверок, двадцать голов аксайского десанта, стояли в один ряд у длинного акура вдоль забора. К утреннему обходу председателя ребята были уже наготове, каждый возле своей четверки. Это Тыналиев назвал их аксайским десантом. Отсюда и пошло — бригадиры, возчики, конюхи называли их не иначе как десант, десантники, аксайские лошади, аксайское сено, аксайские плуги. Проходя мимо конного двора, люди теперь заглядывали узнать, как дела у десанта. Об аксайском десанте весь аил уже говорил. И все знали, что командиром десанта Тыналиев назначил сына Бекбая Султанмурата. Назначение это не обошлось, правда, без сшибки с Анатаем. Тот сразу заспорил:

— А почему командир Султанмурат? Может быть, мы его не хотим!

Султанмурата эти слова обожгли. Не утерпел:

— А я вовсе не хочу быть командиром! Хочешь, так сам будь!

Ребята, Эркинбек и Кубаткул, тоже вмешались:

— Ты, Анатай, завидуешь!

— Что тебе, жалко? Раз сказали -- значит, командир Султанмурат!

А Эргеш заступился за Анатая:

— А чем Анатай не годится? Он сильный! Только ростом чуть ни-

---

⁹ А к ур — глинобитные кормушки для стойловых лошадей.

же Султанмурата. В школе мы выбирали старосту, давайте и командира выбирать... А то чуть что — Султанмурат, Султанмурат!

Тыналиев молча слушал их, а потом усмехнулся, покачал головой и вдруг посерьезнел, суровым стал.

— Ну-ка прекратите шум! — приказал он. — Идите сюда. Встаньте в ряд. Вот так, шеренгой. Раз уж вы десант, то будьте десантом. А теперь слушайте меня. Запомните, командир не избирается. Командир назначается вышестоящим начальником.

— А того начальника кто назначает? — перебил Эргеш.

— Еще более вышестоящий начальник!

Наступило молчание.

— Вот что, ребята, — продолжал председатель. — Война идет, и придется нам жить по-военному. Учтите, я отвечаю за вас головой. У двоих отцы погибли, у троих отцы на фронте. Я отвечаю за вас перед живыми и мертвыми. Но я беру на себя эту ответственность потому, что верю вам. Вам же предстоит отправиться с плугами на далекий Аксай. Много дней и ночей будете одни в степи, как десант парашютистов с особым заданием. Как вы там будете жить и работать, если по каждому случаю спорить да кричать начинаете?

Вот так говорил председатель Тыналиев перед строем ребят на конном дворе. Бывший парашютист стоял перед ними все в той же армейской серой шинели, все в той же армейской серой ушанке, с озабоченным, заострившимся лицом, а сам молодой еще, скособоченный, с недостающими ребрами, с неразлучной полевой сумкой на боку.

Вот так говорил председатель Тыналиев перед строем аксайского десанта, командиром которого он назначил сына Бекбая Султанмурата.

— Ты отвечаешь за все, — говорил он. — За людей, за тягло, за плуги, за сбрую. Ты будешь отвечать за пахоту на Аксае. Отвечать — значит, выполнять задание. Не справишься — назначу другого командира. А пока никаких и ничьих возражений не принимаю.

Вот так говорил председатель Тыналиев в тот день на конном дворе перед маленьким строем аксайского десанта.

Плугари преданно и восхищенно смотрели ему в лицо, готовые выполнить любое приказание. Он стоял перед ними, пожалуй, как сам Манас, сивогривый, грозный, в кольчуге, а они перед ним как верные батыры его. Со щитами в руках и мечами на поясах. Кто же были те славные витязи, на кого возлагал Манас надежды свои и дела?

Первым был славный витязь Султанмурат. Пусть не самый старший, пятнадцать шло уже годов. Но за ум и за храбрость командиром назначен был он, сын Бекбая Султанмурат. А отец его, самый лучший из всех отцов, был в то время в походе далеком, на большой войне. Своего боевого коня Чабдара он оставил ему, Султанмурату. Еще братец малый у Султанмурата — Аджимурат. Очень любил он братца, хотя тот, случалось, и досаждал ему. А еще тайно любил Султанмурат красавицу Мырзагуль-бийкеч. Прекрасней всех улыбка у Мырзагуль-бийкеч. А стройна была, как туркестанский тополь, а лицом бела, как снег, а глаза — как костры на горе темной ночью...

Вторым витязем был славный Анатай-батыр. Самый старший в отряде, почти шестнадцати лет. Он ничем никому не уступал, разве ростом чуть-чуть. Зато силой наделен был самой большой. Конь у него, как подбает батыру, прозывался Октору — гнедая стрела! Отец Анатай тоже был на большой войне, в далеком походе. И любил Анатай тоже тайно ту же красавицу луноликую — Мырзагуль-бийкеч. Очень жаждал он поцелуя красавицы...

Третьим витязем был милый юноша Эркинбек-батыр. Самый старший в семье. Друг хороший и верный. Печально вздыхал он, бывало,

и плакал украдкой. Отец его смертью храбрых погиб в том походе далеко, защищая Москву. Конь боевой Эркинбека, как подобало батыру, прозывался Акбайпак-кулук, что означало скакун в белых носках!

А четвертым батыром был Эргеш-батыр. Тоже друг и товарищ. Пятнадцати лет. Свое мнение высказать он любил, в споры вступал. Но в деле надежным был человеком. Отец его тоже на большой войне, в походе далеко. Конь Эргеша, как подобало батыру, прозывался Алтын-туяк — золотое копыто!

Среди этих батыров был еще пятый батыр — Кубаткул-батыр! Тоже пятнадцати лет, тоже самый старший в семье. Отец Кубаткула в том походе далеко, в той большой войне погиб смертью героической в белорусских лесах. Кубаткул неутомимый трудяга был. И очень любил, как всякий батыр, своего боевого коня Жибекжала — шелкогривого скакуна!

Вот такие батыры стояли перед Тыналиевым. А за ними, за их щуплыми плечами, за их головами на тонких шеях стояли у коновязи вдоль длинного акура их плуговые четверки — пять четверок, двадцать кляч извозных, которых предстояло впрячь в двухлемешные плуги и двинуться в далекий Аксай...

На Аксай, на Аксай пашню орать, как только снег сойдет! На Аксай, на Аксай плугом ходить, как только земля задышит!

Но еще снег лежал кругом, лежал еще плотно. Однако дни приближались. И все шло к тому...

5

И приближались те дни...

Плуговые лошадей для Аксая называли по-разному — кто десантные, кто аксайские, — но факт тот, что недели через две они уже выдвигались на конюшне среди других лошадей. Сытые, напоенные, вычищенные аксайцы стояли в ряд вдоль десантного акура, радуя глаз прибывающей силой мускулов, веселым взглядом и чутко прядущими ушами. Проснулся в них конский нор, и каждый конь стал самим собой. Характер, привычки появились забытые. Лошади уже привязались к своим новым хозяевам. Тихо, точно бы шепотом, ласково ржали, оборачиваясь на знакомые голоса и шаги, тянулись шелковистыми доверчивыми губами. И ребята свыкались, уже по-хозяйски покрикивая, лезли чуть ли не под брюхо коням: «А ну-ка, прими ногу, отступи! Стой, стой, дурья башка, успеешь! Ишь тянется, ласкается, хитрюга! Только дулю тебе, ты у меня не один!»

В первые дни плелись, бывало, лошади на водопой как полуслепые, а потом играть стали, особенно возвращаясь с реки. Гоняли их туда все вместе, каждый верхом на своем боевом коне. Султанмурат на Чабдаре, Анатай на Окторе, Эркинбек на Акбайпаке, Эргеш на Алтынтуяке и Кубаткул на Жибекжале. Окружат табунок со всех сторон и гонят к реке.

Зимой важно, чтобы водопой был удобен, чтобы к воде доступ был не скользкий. Тем более когда много лошадей сразу хотят напиться. Потому необходимо заранее обрубать припай у берегов, соломки подстилать на опасных местах. А в сильные морозы бить проруби. Султанмурат и здесь установил строгое дежурство: кому в какой день заниматься подготовкой водопоя.

Не спеша, не толкаясь пили лошади под призором плугарей чистую студеную проточную воду. Вода выбегала сюда из-под льда по каменистой отмели и снова утекала по камням под лед. И подо льдом булькала, позванивала, билась о наст...

Лошади как бы прислушивались, переставали пить, пригревались в коротких солнечных лучах и снова принимались тянуть в себя воду. Напившись, они не спеша выходили на дорогу, возвращаясь в конюшню, начинали играть, храпя, раздувая ноздри, распутив хвосты, носились они взад и вперед, взбрыкивая и вскидываясь на дыбы. Ребята скакали вокруг, гарцевали, шумели.

Прошло еще немного времени, и люди стали заглядывать, чтобы полюбоваться на десантных лошадей. Вроде бы совсем и не те клячи, а заново рожденные. Старики не упускали случая порассуждать на этот счет, что, мол, нет на свете более отзывчивого существа, нежели лошадь, когда она в работающих, добрых руках. Ты ей сделал вот столько добра, с кончик мизинца, а она тебе сторицей оплатит. И разные истории рассказывали: какие были кони в старину!

И только председатель Тыналиев был скуп на похвалу. Взыскательным, колючим взором осматривал он лошадей и прежде всего самих десантников. Проверял как и что, как плуги, как сбруи готовы, почему не залатана чья-то штанина на колене — если матери некогда, трудно самому взять иголку в руки? А попоны, когда наконец попоны будут готовы? На Аксай с собой конюшню не повезешь, по ночам будут холода в степи. Торопил, напоминал, что времени остается все меньше, что на Аксае будет поздно делать то, что сейчас надо делать. Случалось, до криков, до ругани доходило, выговаривал бригадиру Чекишу, когда ездовые на можарах не успевали вовремя подвезти клеверное сено, особо берегаемое для плуговых лошадей, и в первую очередь для аксайских.

И кто еще не высказывал особых восторгов, так это матери. Приходили то одна, то другая, выговаривали, что это за наказание такое, придумали какой-то десант, сроду такого не слышали, мало того что мужья на войне, так теперь и сыновья, как солдаты, ни тебе помощи по хозяйству, ни поговорить по душам, только и пропадают на конюшне с утра и до ночи... И многое другое справедливое, если разобраться.

Султанмурату больше всего перепадало, на то командир. За всех приходилось держать ответ. А держать ответ перед матерями труднее всего. Его мать и вовсе махнула рукой, устала: «Только бы отец живой вернулся с войны, пусть сам рассудит. А с меня довольно. Спихватиться, сынок, когда ноги вытяну, да поздно будет...» Жалко было мать, очень жалко, но что мог поделать Султанмурат, да и любой на его месте. У каждого из десантников по четыре коня и много другой работы. Корми, пои, чисти, корма готовь, и снова корми, пои, чисти, навоз выноси, и снова сначала... А какой это труд промывать и лечить лишай старые, намятые раны на плечах и холках лошадей. Участковый ветфельдшер оставил всякие растворы да мази, лечить приходится самим. Каждый день. Иначе не залечишь. Откормить откормишь, но хомута не наденешь на рану. Вот ведь как. Ни одного коня не было целого, все с болячками на плечах, с разбитыми ногами. Конь не понимает, что его лечат, попробуй удержать.

Когда лошади набрали тело, настоялись, потребовалась проминка, каждого коня каждый день часа полтора рысью гонять, а не то, как говорил бригадир Чекиш, «в плугу вода пойдет с него и пустое место останется». И тут случилась крупная неприятность...

Выехали как-то проминать лошадей все впятером на своих лучших «боевых» конях. Султанмурат на Чабдаре, Анатай на Окторе, Эркинбек на Акбайпаке, Эргеш на Алтынтуяке, Кубаткул на Жибекжале. Вначале рысью, как и полагалось, шли. Вокруг конного двора, потом по улице двинулись, выехали на окраину, здесь по снежному полю порысили. День стоял солнечный, искристый, весенним светом уже

присвечивало в воздухе. Горы в вышине белые-белые и такие спокойные и ясные, что появилась муха на том белом склоне и та была бы услышана и увидена. Приутихла зима, пригревать стало на солнце.

Кони бежали в охотку. Им тоже не терпелось поразмяться, порезвиться. Припустили поводья, быстрее и быстрее. Так и подмывало понестись галопом. Султанмурат впереди. А Анатай подначивал сзади: — Давай быстрее, что так тихо!

Но Султанмурат, как командир, не очень-то разрешал развивать скорость. Проминка — это тебе не скачки. Это работа, тренировка лошадей, чтобы потом, в упряжи, им было легче тянуть. Вот так они шли всем десантом. Развернулись на поле и собрались было назад, как услышали с бугра голоса. То ребята возвращались из школы. Увидели десантников и кричат, руками машут. Десантники в ответ тоже кричат, машут. Свой класс, седьмой, шел с уроков и еще другие классы. Гурьбой шли шумной. И в той гурьбе различил Султанмурат ее, Мырзагуль, узнал сразу. Как он ее отличил, сам не знает, но то была она. По лицу мелькнувшему в полушалке, по фигуре, по походке, по голосу узнал. И она, кажется, узнала его. Она тоже бежала вместе со всеми с бугра, что-то крича и размахивая сумкой. Вроде бы даже крикнула: «Султанмура-а-ат!» И то, как бежала она, раскинув руки, как устремлена была к нему, врезалось в память как вспышка, и понял он разом, что думал и тосковал о ней все эти дни... И от радости точно бы волна какая-то подхватила его, и понесла, и понесла, закружила...

Как-то так получилось, все они поскакали галопом, направляясь туда, к бугру, с которого спускались их одноклассники. Быстро помчались, минули поле и пошли на косогор. Они могли проскочить вдоль бугра по откосу, прогарцевать кавалькадой перед восхищенными взорами, а дальше на конюшню. Султанмурат так и рассчитывал. И вот тут Анатай вырвался вперед. Его Октор был резвый конь.

— Стой, куда ты, не скачи! — предупредил его Султанмурат, но Анатай даже не оглянулся.

Странная мысль ожгла Султанмурата: «Это он хочет, чтобы она увидела его!» И разозлился, не стерпел, загорелся азартом и припустил вслед Чабдара, закричал, заигикал, прилег к гриве, наступать стал Анатая. А Анатай еще больше нахлестывает. И пошли они наперегонки, кто кого, кто первым к ней, кто покажет свое удалство и превосходство. Ох как здорово они неслись! И все равно Чабдар был сильнее, недаром отец говорил, что в нем скрывается большой скакун. Возликовал Султанмурат, настигая Анатая как вихрь! А краем глаза видел, как приостановилась с разбегу гурьба одноклассников, следя за вспыхнувшим состязанием, и видел, видел среди них ее, на нее-то главным образом и смотрел. Ради нее вступил он в это единоборство. И одерживал верх! Обгоняя Анатая, взял чуть выше по склону, чтобы ближе быть к ней, и хорошо, то была великая удача, что пустил Чабдара чуть выше по склону, иначе кто же знает, чем бы все это кончилось. Потому что в следующее мгновение, когда он, поравнявшись бок о бок с Анатаем, обходил его, выигрывая полкорпуса, что-то стряслось в тот момент с Анатаем. Все вскрикнули разом. Натягивая поводья, Султанмурат оглянулся — Анатая позади не было. С трудом умерив разбежавшегося коня, развернулся и тогда увидел, что анатаевский Октор упал, скатился со склона, пропахав в снегу широкий и рваный след, а сам Анатай отлетел в сторону. Ребята бежали к Анатаю, медленно, с трудом встающему со снега.

Перепугался Султанмурат. А когда подскочил, увидел кровь на руках Анатая и еще больше испугался. На секунду встретился взглядом с Мырзагуль. Бледная и растерянная была она и все равно самая красивая... Анатай, прыдя в себя, побежал к коню, барахтающемуся

внизу в сугробе. Запутался конь в поводьях. Тем временем подоспели сзади остальные десантники. Все вместе помогли лошади подняться на ноги. Тут только расслышал Султанмурат голоса и понял, что вроде бы все обошлось благополучно.

Вот таким конфузом обернулась попытка батыров покрасоваться на глазах у Мырзагуль-бийкеч. Стыдно было смотреть ей в глаза. Поспешили молча уехать, пора было возвращаться на конюшню. И только приближаясь к аилу, заметил Эргеш, что Октор под Анатаем хромает.

— Стой! — окликнул он. — Ты что, не видишь, что конь у тебя хромает?

— Хромает? — растерянно спросил Анатай.

— Ну да! И еще как!

— А ну поезжай вперед, — велел Султанмурат. — Поезжай, а мы посмотрим.

В самом деле, Октор сильно припадал на переднюю правую ногу. Стали ощупывать и обнаружили. Сустав запястья начал уже припухать. Скверно получалось. Не знали, как и быть. Готовили, готовили коня к плугу и вот доигрались. Разве можно было устраивать перегонки по заснеженному склону, ведь на каждом шагу лошадь может поскользнуться и покатиться вниз. Так оно и произошло. Хорошо еще сами не убились.

— Это ты виноват! — сказал вдруг Анатай, раскрасневшись и разозлившись. — Это ты пошел наперегонки!

— А разве я тебе не кричал: «Стой, куда ты?»?

— Так не надо было обгонять!

— А зачем же ты поскакал?

Расшумелись, заспорили. До драки чуть не дошли. Однако опомнились. Вернулись на конюшню с проминки с хромым конем. Смурные вернулись, притихшие. Без лишнего шума развели лошадей по своим местам, охромевшего Октора тоже привязали у акура, а как быть дальше, сами не знали. Растерялись, затаились. Понимали, что предстояло отвечать. Ребята говорили Анатаю: иди, мол, доложи конюхам, что и как случилось, вот, мол, захромал Октор, как быть? А он ни в какую:

— Почему я должен идти? Я не виноват. Есть у нас командир. Пусть он докладывает.

И опять заспорили, и опять чуть до драки дело не дошло. Больше всего возмущало Султанмурата то, что Анатай вовсе считал себя невиноватым.

— Баба ты! — обзывал его Султанмурат. — Ты на словах только герой! А чуть что — в кусты! Думаешь, боюсь. Раз случилось такое — сам пойду и расскажу.

— Вот и иди! На то ты командир, — не унимался Анатай.

Пришлось Султанмурату набраться духу, рассказать конюху все как было. Тот всполошился, прибежал, стал осматривать покалеченного коня. Шум был большой. Легко сказать — шуточное ли дело тягло потерять перед самой пахотой. И тут бригадир Чекиш нагрянул. Узнал от кого-то, кто-то успел рассказать. Конюх как раз осматривал ногу Октора — пытался определить, отчего опухоль — растяжение или трещина в кости. И тут топот позади. Все разом обернулись — бригадир Чекиш верхом на коне. Он молча спешился. И пошел к ним грозный и взерошенный:

— Что у вас тут?

— Да вот думаем, аксакал, растяжение или трещина?

— А что думать! — взорвался Чекиш. багровея от гнева. — Да я их сейчас всех под трибунал! Стрелять буду на месте!

Размахивая плеткой, Чекиш кинулся на плугарей. Ребята побежали врассыпную. Чекиш за ними. Догнать никого не удалось, только еще больше посинел старик от удушья и, все больше распаляясь, кричал, грозя кнутом:

— Кому мы доверили плуговых коней? Да это же вредители! Фашисты! Стрелять всех до одного! Сколько трудов, сколько корму извели впустую! А на чем теперь пахать?

Крича и ругаясь на весь двор, он столкнулся с Султанмуратом. Когда ребята побежали, Султанмурат остался на месте. Бледный, перепуганный, он стоял, глядя в упор на бригадира, но бежать от ответа не посмел.

— А-а, это ты! И ты еще смотришь на меня! — И не удержался старик Чекиш, протянул командира десантников плеткой через плечо. Но намахиваясь во второй раз, одумался, захрипел, устрашающе топал ногами: — Беги, сукин сын! Беги, говорю! Убегай! Запорю!

Султанмурат стоял отшатнувшись, инстинктивно загораживая лицо руками, не сводя с бригадира перепуганных глаз. Он ждал, как жгучей полосой стегнет вдоль спины хлыст. И собрал все силы, чтобы не побежать, выдержать, устоять...

— Ну ладно! — вдруг сказал Чекиш, удивившись упрямству парнишки. — Остальное получишь, когда отец вернется с войны. Я и при нем тебе еще всыплю за это дело!

Султанмурат молчал. А Чекиш все не мог успокоиться. Топтался взад-вперед, размахивал руками:

— Ты ему говоришь — беги, а он стоит! Ну подумай, ну где мне угнаться за тобой! Куда мне за вами! Побежал бы ради уважения, и мне легче стало бы! А побить — на тебе одежонка худая, да и телом ты жидковат, не для плетки. Было бы что бить! Ну ладно! Прости старика. Вернется отец, поколотите меня, старого, так и быть! А пока давай показывай, что вы тут натворили...

Такая история приключилась в тот день. Досталось Султанмурату. Поделом. Как тут было удержаться бригадиру от плетки. Сколько труда, сколько стараний пропадало — куда и на что годен хромой конь? Разве на мясо. Но у кого поднимется рука на рабочую скотину? Единственная надежда была в том — Чекиш и другие знающие люди сказали, — что повреждение не опасное. Пришлось отвести анатаевского Октора к одному старику во двор. Он умел пользоваться лошадью. Клевера, овса подвезли и ежедневное дежурство устроили там. Повезло еще, дней через пять Октора привели в конюшню, дело пошло на поправку.

И вообще та неделя выдалась тяжкая. Дома мать приболела. Вначале ей нездоровилось, а потом слегла с сильным жаром в постель. Пришлось Султанмурату оставаться дома, за матерью, за младшими присматривать. Тогда и бросилось ему в глаза, как скудно и бедно стало у них в доме. Когда отец уходил в армию, держали с десяток овец, теперь не осталось ни одной: двух зарезали на мясо, а других продали в уплату на заем, на военный и другие налоги. Хорошо еще корова имелась, вымя наливалось, телиться должна была вскоре, да аджимуратовский ишак Черногривый бродил на задах. Вот и вся живность. И ту кормить оказалось нечем. На крыше сарая сохранялись в снопах сухие бодылья кукурузы. Посчитал, и оказалось, что для коровы на дни отела едва-едва хватит, если зима не затянется, а задержится — кто его знает, как все обернется. Ишак же должен был сам себе добывать пропитание. Колючку и бурьян ел вокруг двора. А с топливом и того хуже — кизяк на исходе, хвороста-курая на несколько дней осталось. А как потом? Собака Актош и та превратилась в доходягу. Приуныл Султанмурат. Стыдно стало перед собой. День и ночь занятый на кон-

ном дворе подготовкой аксайского десанта, не заметил, в какое запустение пришел хозяйство в доме. Разве так было при отце? Сена накашивал отец, на всю зиму и весну хватало. Топлива тоже припасал с избытком. Да что и говорить — вся жизнь была устроена при отце по-иному — надежно, разумно, красиво. И не только дома, а всюду, быть может, во всем мире. Двор их, например, выглядел теперь иначе. Чего-то в нем не хватало, как листьев на дереве по осени. Аил стоит на месте, улицы, дома все те же, а все равно не так, как было при отце. Даже колеса проезжающих по дороге за двором бричек стучат не так радостно, как стучали они при отце, когда он ездил по этим дорогам и на этих же бричках...

Люди, побывавшие в Джамбуле, рассказывали, что в городе такая дороговизна, так голодно и тревожно, что хочется поскорее домой. Значит, и город совсем не тот, каким он был, когда они ездили туда с отцом.

Отчего же так? Выходит, нет отца — и худо стало... Где-то он сейчас, что с ним? Последнее письмо приходило месяца полтора назад. Задерживается, успокаивает мать. Она вздыхает. И действительно, может же письмо задержаться, тем более с фронта. Возможно, там не до писем сейчас никому? В том-то и суть, однако: одно дело, когда письмо задерживается с Чуйского канала, и другое — когда с фронта. Об этом они думают, и мать и все они.

Позавчера к рассвету собака вдруг зашлась от лая, а потом смолкла, заскулила радостно, и раздался стук в окно. Мать встрепенулась, вскочила с постели, хотя и больная лежала. Он тоже кинулся к окну. Кто-то стоял у дома. Мать первая узнала.

— Дядя ваш Нургазы приехал, — сказала она сыну, — иди встретить. — А сама вернулась в постель, стуча от озноба зубами.

Брат матери дядя Нургазы жил в горах, всю жизнь проработал чабаном в соседнем совхозе. Однажды его тоже призвали в армию, хотя он и немолод уже, а из Джамбула его и еще нескольких чабанов вернули домой. При отарах некому стало ходить. Не бросать же стадо на ветер. Хорошо, что дядя Нургазы был, нет-нет да и попроведает. Вот и в этот раз, прослышав, что сестра занемогла, спустился с гор ночью, когда отара в загоне. Ненадолго приехал, узнать что к чему да вернуться пораньше на место.

Обветренный, заиндеветый, в тяжелой шубе, в большом лисьем малахае, в сапогах с кошмяными голенищами выше колен, вошел он, громадный и кряжистый, пропахший холодом и овечьим духом. И сразу в доме стало тесно и шумно. Сбросив шубу, сел подле постели сестры, взял ее горячую руку в свои тяжелые ладони и молча стал прослушивать пульс. Долго, внимательно слушал, держа ее тонкое запястье в своих твердых, трудно гнущихся темно-коричневых пальцах. Что-то знал, что-то постиг он. Кашлянул, призадумавшись, затем пригладил бороду и сказал Султанмурату, улыбаясь одобительно:

— Ничего страшного. Простыла она у вас порядком. Холода в нее вошло много. А я как знал, мяса, сала курдючного прихватил... Горячей шурпы¹⁰ с салом, перцем и луком попей, чтоб пропотела как следует, — посоветовал он сестре. — А ты, Султанмурат, сними с седла курджун, занеси, что там есть, в дом, а курджун освободи... Я недолго задержусь, отару не заставишь ждать.

Пока мать с дядей разговаривали о жите-бытье, Султанмурат успел огонь развести, вскипятить чаю. А тут и младшие проснулись. И сразу все к дяде кинулись с постели, неодетые. Он их кутал в шубу

¹⁰ Шурпа — мясной суп.

подле себя, а они лезли на колени, на шею. Особенно Аджимурат, любимец дяди, тот совсем превратился в дитя. Ласкался, как теленок, хотя и в третий класс уже ходил. Шапку дядину, лисий малахай, надел на себя, камчу дядину в руки, а сам залез на плечи, вроде бы на коня.

— Как тебе не стыдно! Слезы! — Султанмурат сдернул его раза два, но дядя Нургазы сам позволял:

— Не трогай его, не трогай, пусть побалуется.

Вот такое веселое, шумное утро выдалось. Аджимурату пора уже в школу, а он и не собирается. Мать вынуждена была прикрикнуть, он и тогда не спешит, все возле дяди крутится, тот тоже стал упрашивать племянника торопиться. С трудом удалось заставить его одеться. Дело дошло до того, что Султанмурат сам за руку выпроводил брата за двери. Тот упирался и, очутившись за дверью, разревелся. С тем громким ревом и пошел в школу. Жалко стало мальчишку.

Дядя Нургазы рассердился даже.

— Это ты его? — с упреком глянул на Султанмурата.

— Нет, тайаке¹¹, я его не трогал.

— А почему он так заплакал?

— Не трогал он его, — вступилась и мать, поднимая голову с подушки. — Нет, Нургазы, это он с тоски по отцу. Потому и липнут к тебе дети. Извелись мы. Все время только и ждем. Хотя бы весточки. Скоро два месяца как ни слуху...

Дядя Нургазы стал успокаивать мать, просил не плакать, сберегать силы для детей, рассказывал разные случаи, когда человека считали уже не в живых, а от него письмо приходило через полгода. Война, мол, есть война...

В этот раз, подле больной матери, Султанмурат особенно остро почувствовал запустение жизни без отца. Был бы поменьше, как Аджимурат, заревел бы в голос с тоски. И пошел бы, побежал бы с плачем куда глаза глядят. Хотелось хотя бы маленькой надежды. Пусть даже не сразу приедет, но только бы знать, что отец жив, и тогда можно было бы дышать, ждать, держаться. Теперь он хорошо понял свою учительницу Инкамал-апай.

Приходила она однажды на конный двор, ждала, пока запрягут попутную бричку в район. Все в той же грубовязаной шали своей стояла у покосившихся ворот совсем постаревшая, одинокая, с застывшей печалью в глазах. А через день, когда вернулась, не узнать, точно бы подменили старую учительницу. Или, вернее, прежней стала. Даже морщины на лице разгладились. Приветливая, поинтересовалась делами своих учеников. Султанмурат водил ее по двору, показывал десантных лошадей:

— Вот, Инкамал-апай, наши четверки! Вот они все стоят вдоль акура.

— Хорошие лошади, сразу видно, ухоженные, — похвалила Инкамал-апай.

— А если бы вы видели, какие они были, — рассказывал Султанмурат. — Совсем доходяги. В лишаях. Холки натертые, в гное, ноги побитые. А теперь мы и сами их не узнаем. Вот, Инкамал-апай, мой Чабдар. Видите, какой! Отцовский конь. А это Акбакай, вот Джелтаман...

Потом он показывал учительнице сбрую в шорной, уже почти готовую, налаженную для упряжи. Потом пошли посмотреть плуги. Все было в порядке, хоть сейчас запрягай и паши...

Очень довольной осталась Инкамал-апай. И, прощаясь, призналась, что переживала и в душе не согласна была, когда их оторвали

¹¹ Тайаке — дядя по матери.

от учебы, а теперь видит — не зря пошли на эту жертву. Главное теперь — победить, говорила она, и чтобы люди поскорее вернулись с войны, а потом наверстаем упущенное, наверстаем обязательно...

Оказалось, что учительница Инкамал-апай была у какой-то знаменитой гадалки, которая, если добрая весть выйдет, ничего не берет, никакой платы, оттого что сама радуется чужому счастью как своему. Потому врать она не может. Эта гадалка и поведала ей, трижды повторив гадальный расклад, что сын Инкамал-апай жив. И не в плену и не ранен. А только такое у него задание, что писем писать не разрешается. А когда получит на то разрешение, то — сама убедится — письма пойдут одно за другим... Сколько тут правды, сколько нет, но рассказал об этом на конюшне возчик, с которым люди ездили в район.

Подивился было тогда Султанмурат, что сама Инкамал-апай поехала к гадалке, а теперь понял ее страхи и страдания и решил даже посоветовать матери, когда ей станет лучше, съездить к той вещунье, узнать об отце.

Да, тяжело и страшно было думать обо всем этом. Но были и светлые, отрадные мысли, которые возникали как бы сами по себе, как струи воды, поднимающиеся к поверхности в бесшумно кипящей горловине родника. То были мысли о ней, о Мырзагуль. Он вовсе не старался вызывать эти мысли, но они приходили сами собой, как трава из земли, и в том была их радость, их свет, и потому не хотелось расставаться с ними, хотелось думать и думать о ней, о Мырзагуль. И думая о ней, хотелось что-то делать, действовать, не бояться ничего, никаких бед, никаких трудностей. Но больше всего хотелось, чтобы обо всем этом, о том, как он думает о ней и что он думает о ней, знала бы она сама.

Он еще не понимал толком, как называется все то, что с ним происходило. Но смутно догадывался, что, наверно, это и есть любовь, о которой слышал от других и читал в книгах. Не один раз джигиты, уходящие на фронт, просили его отнести запечатанное письмо какой-нибудь девушке или молодой женщине. Он с гордостью исполнял такие секретные поручения. И никогда никому ни словом не проболтался. Разве дело мужчины болтать о таких вещах! А был даже случай, когда дальний родственник попросил его написать такое письмо. Джаманкул молодой, но малограмотный был, кочевал в горах с отарами, в детстве не учился. А тут повестка в армию. Хотелось, наверно, парню попроситься с любимой девушкой, рассказать ей, пусть на бумаге, о своих чувствах, поскольку не принято было в аиле встречаться с девушкой до ее замужества. Вот и пришлось малограмотному Джаманкулу обратиться с просьбой к сыну родственников. Джаманкул диктовал, а Султанмурат писал его слова. Тогда Султанмурату показалась смешной и эта затея и то, как переживал Джаманкул, как волновался, выбирая слова, как пересохло у него в горле, пока закончили они то письмо. А перед этим Султанмурат поартачился, заставил уговаривать себя, получил в подарок ножичек с рукояткой из архарьего рога, не подозревая, что не пройдет и года, как сам столкнется с тем, что так волновало бедного Джаманкула.

Это ведь Джаманкулу принадлежали стихи, сочиненные им в одиночестве в горах, которые Султанмурат теперь вспомнил и повторял про себя:

Аксай, Коксай, Сарысай — земля оботел,
Но нигде такую, как ты, не нашел...

И вдруг он догадался: он тоже напишет ей письмо! И то, что найден способ, не испытывая стыда и страха, высказать, передать на расстоянии свои чувства, вызвало в нем желание немедленно действовать, совершать какие-то хорошие дела, чтобы и другим было так же

хорошо, как и ему, чтобы и другие испытывали такое же счастье, как и он. Прежде всего он должен помочь матери, чтобы быстрее выздоровела, чтобы меньше страшилась за отца, чтобы снова работала на ферме, чтобы дома стало уютно и тепло и чтобы мать немного догадывалась, что ее сын кого-то любит и оттого вокруг все так изменилось к лучшему...

За эти два-три дня, которые он пробыл дома, Султанмурат переделал уйму работы, за целый год столько не сделал бы. Все, что по хозяйству было во дворе и дома наладил, почистил, прибрал. К матери то и дело подходил:

— Как чувствуешь себя? Может быть, что-то надо тебе?

Мать горько улыбалась в ответ:

— Теперь и умирать не страшно. Не беспокойся, если что надо, скажу...

А письмо он написал ночью, когда уже все спали. Очень волновался, хотя никто и ничто не могло ему помешать. Все равно волновался. Вначале обдумывал, с чего начать. И так и эдак примерялся, но всякий раз казалось, что не так и не с того следует начать. Мысли разбегались, как круги на воде от беспорядочно падающих камней. Хотелось сказать обо всем, что вынашивал в мыслях, а как только дело коснулось бумаги, слова не вязались. Прежде всего, хотелось рассказать ей, Мырзагуль, какая она красивая, красивее всех в аиле, и не только в аиле, а во всем мире. Рассказать ей, что для него нет ничего на свете более отрадного, как сидеть в классе и смотреть и смотреть на нее, любоваться ее красотой. Но теперь жизнь обернулась так, что он со своим десантом в школу не ходит, и неизвестно, когда они вернуться на учебу. Теперь он редко ее видит и от этого страдает очень, очень, очень тоскует по ней. Так тоскует, что порой плакать хочется. В этом он не собирался признаваться, мужчина должен оставаться мужчиной, но действительно слезы иной раз подкатывали к горлу. Надо было объяснить ей в письме, что вовсе не зря и не случайно он подходил к ней вроде бы с нахальным видом на переменах и что напрасно она избегала его. У него не было в мыслях ничего плохого. Очень хотелось также объяснить ей тот случай со скачками, когда наглец Анатай вздумал показать, что будто он самый смелый, сильный и вообще самый главный в десанте. Но из этого, как она сама убедилась, у него ничего не вышло. Жаль только, что конь его Октор пострадал. Но самое важное, о чем ему хотелось бы рассказать, — как внезапно узнал ее на бугре в гурьбе одноклассников, и как сразу понял, что любит ее давно и сильно, и то, какая красивая была она, когда бежала с бугра, раскинув руки и что-то крича. Она бежала к нему как музыка, как допад, как пламя огня...

Лампу на подоконнике пришлось раза два подправить. Фитиль нагорал. Хорошо еще мать лежала в другой комнате и не видела, как он сжигает последний керосин. А письмо все не вязалось, и не оттого, что нечего было сказать, а, наоборот, от желания сказать обо всем сразу.

В аиле давно уже перестали светиться окошки, давно уже перестали влзлаивать собаки, давно все спали той глухой февральской ночью в долине под Манасовым снежным хребтом. За окном разливалась непроглядная густая тьма. Во всем мире, казалось ему, остались только они — ночь и он со своими думами о Мырзагуль.

Наконец он решился. Озаглавив свое письмо «Ашыктык кат»¹², написал, что оно предназначено живущей в аиле прекрасной М., свет красоты которой может заменить свет лампы в доме. Дальше написал, что на базаре встречается тысяча людей, а здороваются лишь те, кто

¹² Ашыктык кат — любовное письмо.

хочет подать друг другу руку. Все это он запомнил из письма Джаманкула. Потом заверил, что хочет посвятить свою жизнь ей до последнего дыхания и так далее. В заключение вспомнил Джаманкуловы стихи:

Аксай, Коксай, Сарысай — земли обошел,
Но нигде такую, как ты, не нашел...

6

На другой день, после того как Аджимурат пришел из школы, отправились они с братом за топливом в поле. Оседлали аджимуратовского ишака Черногривого, веревки для вязанок, серпы и рукавицы приторочили к ишачьему седлу. Собаку Актоша позвали с собой. Она охотно побежала с ними. Аджимурат по праву младшего устроился верхом, а старший пошел рядом, погоняя ишака. Не погонишь — не поторопится. Место недалекое. Знал Султанмурат один уголок, богатый хворостом-сухостоем. Далеко было то место, в балке Туюк-Джар. Весной и летом в ту балку стекались со всех сторон талые и особенно дождевые воды. Гремела балка от взбурлившихся ливневых потоков и грозových раскатов, а к осени вымахивали в ней заросли твердостеблстых трав в рост человека. Туда редко кто заглядывал. Зато пустым не вернешься.

Поблизости весь курай давно собран. Вот и пришлось снарядиться в Туюк-Джар. Пообещал Султанмурат матери, что топливом обеспечит, перед тем как уезжать на Аксай.

Вначале Султанмурат шел озабоченный разными мыслями и не очень-то откликался на разговоры словоохотливого брата. Было о чем думать. Приближалось время выхода пахарей на Аксай. Оставались считанные дни. Перед выездом всегда обнаруживается, как много еще не сделано. Особенно по мелочам. А ведь там, на Аксае, и гвоздя не найдешь, если вдруг потребуется. Хорошо, что председатель Тыналиев заглянул накоротке к ним домой. Проведать приехал, как здоровье матери, как дела у командира десанта. Да и сам рассказал кое-что. Рассказал, как будет с жильем на пашне — решили поставить юрту, — как с подвозом кормов и питанием, а главное, хорошо, что поговорил с матерью. Мать в последнее время стала нервной от болезни, оттого, что нет писем от отца. Ну и заспорила с председателем. Говорит: куда вы шлете этих детишек? Сгинут они там, в степи. Не пушу, говорит, сына. Сама больна. Дети малы. От мужа никаких известий. Сена нет, топлива нет в доме. А председатель говорит: сеном поможем самую малость, больше никак нельзя — весновспашка на носу. Насчет топлива ничего не обещал даже. Побледнел даже, будто скрутило его изнутри, и говорит: а насчет детишек в степи, это вы напрасно. И в расчет не возьму ваши слова, хотя в душе понимаю. Это, мол, фронтное задание такое. А раз так — хочешь или не хочешь, не имеет значения. Требуется выполнять. И никаких отговорок. Вот если бы ваши мужья перед атакой начали бы плакать по дому, того нет, этого нет, не топло, не кормлено, куда, мол, нам в атаку! Что бы это было? Кто кому может позволить на войне такое? А для нас Аксай — это наша атака. И идем мы в ту атаку с последними нашими силами — с ребятами школьных лет. Других людей нет.

Вот такой разговор состоялся. И мать жалко и председателя Тыналиева, его тоже надо понять, не от хорошей жизни задумал такое дело. Просил он Султанмурата побыстрее выходить на работу. Время, говорит, в самый край. Как только матери чуть полегчает, так, мол, не задерживайся ни минуты, скорей берись за дела...

Со вчерашнего дня мать немного лучше почувствовала себя, по дому начала кое-что делать. Можно было уже вернуться к ребятам

на конюшню. Однако хоть из-под земли, но требовалось добыть топливо. Нельзя оставлять семью без огня, без тепла...

День стоял предвесенний. Теплый полуденный час. Ни зима, ни весна. Безмятежное согласие сил. Чисто, умиротворенно, просторно вокруг. Кое-где уже темнели широкие рваные прогалины среди осевших, ослабевших снегов. В прозрачном воздухе ослепительно белели громады снеговых гор вдаль. Какая большая земля лежала вокруг, и как много забот было на ней человеку!

Султанмурат приостановился. Попытался разглядеть Аксайское урочище там, на западе, на степном скате предгорий Великого Манасового хребта. Но ничего не разглядел в той дали, называемой аксайской стороной. Только пространство и свет... Вот туда предстояло отправляться днями. Как-то там будет? Что ждет их в том краю? Тревожный холодок пробежал по спине...

Но день был чудесный. Аджимурат, тот совсем ошалел от радости, от вольного дня, оттого, что брат рядом и собака преданно бегаёт возле, что в целом мире они сами по себе, что едут добывать топливо домой. Сам же на ишаке. Голосок тонкий, песни поет разные, еще довоенные:

Бер команда, маршалдар
(Дайте команду, маршалы),
Калбай тегиз чыгабыз
(Все как один выступим).
Мин-миллион жоо келсе да
(Пусть идет тысяча миллионов врагов),
Баарын тегиз жагабыз
(Всех до единого уничтожим).

Эх, глупыш! Дитя несмышленное...

Но Аджимурату дела нет ни до чего. Он самозабвенно продолжал свое:

Бир-эки, да, бир-эки
(Раз и два, раз и два),
Катаранды тюздеп бас
(Держи ровнее строй)...

Султанмурат тоже повеселел. Смешно было смотреть на этого храбреца верхом на ишаке. А когда проезжали мимо прошлогоднего гумна, поутихли невольно. В этом укромном месте, среди полуразвалившихся скирд соломы уже повеяло весной. Тишина полевая. Как отмолотились в прошлом году, так все и утихло здесь. Пахло мокрой соломой, прелью и духом угасшего лета. Валялось в арыке поломанное колесо без обода. И пока сохранялся большой шалаш, крытый обмолоченными снопами. В нем отдыхали от зноя молотильщики. На припеке, посреди тока, где оставалось отваянное охвостье, уже зазеленели густо проросшие стебельки опавших зерен.

Актош засновал, бегал взад-вперед, вынюхивая что-то по гумну, и вспугнул диких голубей. Они выпорхнули из-под нависающей кручи облудневшей соломы. Здесь кормились всю зиму в затишке. Шумно, весело закружили они над полем, держась плотной стремительной стайкой. Актош беззлобно потявкал, побегал вслед и потрусил дальше. Аджимурат тоже покричал, попугал и быстро забыл о них. А Султанмурат долго следил за птицами, любовался их гибким полетом, переливающимся перламутровым блеском перьев на солнце и, заметив, как отделилась от стаи пара сизарей и полетела в сторону бок о бок, вспомнил молодого учителя по математике, ушедшего в армию:

Я сизый голубь, летящий в синем небе,
А ты голубка, летящая крыло в крыло.
Нет счастья большего на белом свете,
Чем неразлучно вместе быть с любимой...

Захмелел учитель у бозокера¹³, когда его провожали, и, уезжая на бричке из аила, долго, пока было слышно, пел о том, что он сизый голубь, летящий в синем небе, а она — голубка, летящая крыло в крыло... Тогда смешной показалась Султанмурату эта песенка, и учитель грозный вдруг оказался таким смешным. А сейчас, провожая взглядом удаляющуюся пару диких голубей, замер, почувствовав озноб в теле. Пронзительно его ударила эта песенка учителя математики. И понял мальчишка, что то он сам, вон тот летящий в синем небе голубь, а то она, летящая с ним бок о бок, крыло в крыло, и дух захватило от желания быть немедленно рядом с ней, с Мырзагуль, чтобы лететь вот так, как эти голуби, выводящие над зимним полем широкий наклонный круг. Вспомнил о письме для нее и решил, что слова песни про голубей «Ак-кептер» тоже должны быть включены в письмо... Все дело теперь заключалось в том, как вручить ей письмо. Он понимал, что при ребятах она никогда не возьмет от него письма. Ведь даже на переменах избегала его. А теперь и в школу он не ходит. Домой к ней не пойдешь, семья строгая... Да и как, даже если прийти, что сказать, как объяснить? Почему, спрашивается, надо вручать письмо, живя в одном аиле?

Но чем больше он думал, тем сильнее хотелось, чтобы она знала о том, как он думает о ней. Очень важно, чрезвычайно важно, необходимо важно было, чтобы она знала об этом.

Всю дорогу думал он то о ней, то о предстоящем выезде на Аксай, то об отце на фронте и не заметил, как добрались до балки Туяк-Джар. Кто-то уже здесь побывал, похозяйничал. Но и того курая, который оставался в овраге по обочинам замерзшего ручья да среди колючей поросли облепихи, и того было предостаточно. Приходилось беспокоиться не о том, как взять курай, а как увезти. Недолго думая принялись за дело. Ишака Черногривого отпустили по прошлогодним травам, пробившимся из-под снега. Актош не требовал заботы, он сам по себе шнырял по балке, вынюхивая неизвестно чего и кого. Братья работали споро. Серпами сжинали сухостой, складывали срезные стебли в кучу, чтобы потом собрать все это в вязанки. Работали молча.

Вскоре стало жарко, разделись — сбросили овчинные колушки. Хорошо жать курай серпом, когда он стоит густо и когда он твердо-стеблистый. Вокруг аила такого не найти. Где там! А здесь одно удовольствие, выжинаешь пучками под самый корень. Курай сухо шуршит и позванивает в коробочках, в стручках сухими семенами, густо осыпаящими снег. И снова остро пахнет горькой пыльцой, как будто летом, как будто в августе. Спину разогнуть трудно. Но курай здесь отменный, жар от него будет сильный. Мать, сестренки останутся довольны. Когда в доме хорошо горит печь, и настроение хорошее...

Они уже сделали немало, собирались было передохнуть, когда вдруг отчаянно и дико залаял Актош. Султанмурат поднял голову и закричал, роняя серп:

— Аджимурат, смотри, лисица!

Впереди по балке, по отвердевшему за зиму насту бежала от собаки вспугнутая лисица, оглядываясь и приостанавливаясь на бегу. Лиса бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу. Она была довольно крупная, с черными торчком ушами и дымчато-красной спиной и таким же дымчато-красным длинным хвостом. Актош яростно и беспорядочно преследовал ее, но чем больше он рвался к добыче, тем больше проваливался в снегу.

— Лови ее! Держи! — завопил Аджимурат, и они бросились на встречу, размахивая серпами.

¹³ Бозокер — человек, изготавливающий хмельной напиток бузу.

Увидев бегущих навстречу людей, лисица круто повернула назад, забежала за колючий кустарник и, когда Актош проскочил мимо по ее прежнему следу, побежала в обратную сторону. Конечно, лиса запросто обвела бы своих преследователей и ушла, но беда ее была в том, что она очутилась в изголовье балки как в мешке, здесь овраг кончался крутыми, обрывистыми, непреодолимыми стенами. Казалось, деваться ей было некуда. Не будь этой шумливой, неугомонной собаки, затаилась бы лиса в зарослях облепихи, попробуй достань ее из сплошных колючек, но собака хоть и дурная, хоть и дворняга, однако оказалась выносливой и настырной. Лай ее не смолкал ни на минуту, и именно лай собачий страшил лису.

А братья, захваченные внезапным событием, бежали за ней сломя голову потные и разгоряченные, оглушенные собственными криками и азартом преследования. Оставалось лисице или сдаваться на милость собаки, или прорываться мимо людей к выходу из оврага.

И лисица огляделась и, вместо того чтобы убежать от людей, пошла к ним навстречу лоб в лоб. Ребята остановились от неожиданности. Лисица почти не торопясь приближалась по гребню снежного вала на дне балки, точно рассчитав возможности идущего по следу и задыхающегося, то и дело проваливающегося в сугробах Актоша. Бедный Актош совсем одурел от лая и бега. Он уже не замечал, как здорово повела его лиса по глубокому насту.

Да и братья оказались не более сообразительными. Оба остановились, замороженные подбегающим чудом — настолько красива была лиса на бегу, как лодка, стремительно пущенная по течению. Лисица шла точно между ними, как бы стараясь пройти посередке, чтобы никому не было обидно. Но затем она взяла чуть левее и проскочила со стороны Султанмурата, в двух-трех шагах от него. За это короткое мгновение он разглядел ее всю как во сне, веря и не веря тому, что видит. Пробегая мимо с напряженно вытянутой головой, лиса посмотрела ему в лицо черными блестящими глазами. Султанмурат успел подивиться этому мудрому звериному взгляду. Такой она и осталась в его памяти — с поднятой головой и так же ровно поднятым пушистым хвостом, с белесым подбрюхом, черными быстрыми лапами и умным, все оценивающим взглядом... Она знала, что Султанмурат не тронет ее.

Он опомнился, когда Аджимурат, швырнув серпом в лисицу, завизжал:

— Бей ее! Бей!

Султанмурат же не успел сделать даже этого, как лисица юркнула в курай, за ней помчался Актош, и они быстро удалились вниз по балке.

— Вот это да! — вырвалось у Султанмурата.

Братья побежали. потом остановились. Лисы и след простыл. Только Актош взлаивал то там, то тут.

— Эх ты, — сказал потом Аджимурат. — Упустил такую лису. Стоишь, даже рукой не шевельнешь.

Султанмурат не знал, что и ответить. Брат был прав.

— А зачем она тебе? — пробормотал он.

— Как зачем? — И не объяснив, что хотел сказать, махнул рукой.

Потом они молча собирали накошенный хворост в общую кучу. Надо было еще немного накопить, чтобы сделать полные вязанки. И тут Аджимурат заговорил обиженно:

— Зачем, зачем, говоришь! Отцу сшили бы лисью шапку, как у дяди Нургазы, а ты стоял!

Султанмурат опешил: значит, вот о чем он думал, гоняясь за лисцей. И теперь пожалел, что не удалось поймать действительно такую

красивую лисицу, и представил себе отца в пушистом теплом малахае, как у дяди Нургазы. Такая шапка очень пошла бы отцу. Мысли Султанмурата прервались всхлипываниями Аджимурата. Братишка сидел на куче хвороста и горько плакал.

— Ты что? Что с тобой? — подошел к нему Султанмурат.

— Ничего, — ответил тот сквозь слезы.

Султанмурат не стал особенно допытываться. Он сразу догадался, вспомнив, как недавно плакал Аджимурат, когда приезжал дядя Нургазы. Понял он, что мальчик расплакался с тоски по отцу. Лисица и лисий малахай были лишь напоминанием...

Не знал Султанмурат, как помочь братишке. Он и сам загрустил. Проникаясь жалостью и состраданием к брату, он решил поделиться с ним самым сокровенным.

— Ты не плачь, Аджике, — сказал он, присаживаясь возле. — Не плачь. Понимаешь, я хочу жениться, когда вернется отец.

Аджимурат перестал плакать, удивленно уставился:

— Жениться?

— Да. Если ты мне поможешь в одном деле.

— Какое дело? — сразу заинтересовался Аджимурат.

— Только ты никому ни слова!

— Никому! Никому не скажу!

Теперь Султанмурат заколебался. Говорить или не говорить? Он молчал в растерянности. Аджимурат начал приставать:

— Ну скажи, какое дело, скажи, Султан. Честное слово, никому ни слова.

Султанмурат pokrылся испариной и, не глядя в лицо брату, с трудом проговорил:

— Надо передать одно письмо одной девушке. В школе.

— А где письмо, какое письмо? — живо придвинулся к брату Аджимурат.

— Потом я тебе покажу. Не здесь же письмо.

— А где?

— Где надо. Потом увидишь.

— А кому, какой девушке?

— Ты ее знаешь. Потом скажу.

— Так скажи сразу!

— Нет, потом.

Аджимурат приставал. Он становился невыносимым. Тяжело вздохнув, Султанмурат вынужденно сказал, запинаясь:

— Письмо надо... это... передать Мырзагуль.

— Какой Мырзагуль? Та, что в вашем классе?

— Да.

— Ура! — заорал то ли от радости, то ли от озорства младший брат. — Я ее знаю, она такая, воображает, что очень красивая! С младшими классами не разговаривает.

— А ты что кричишь? — рассердился старший.

— Ладно, ладно! Не буду! Ты ее любишь, да? Как Айчурек и Семетей¹⁴, да?

— Перестань! — прикрикнул на него Султанмурат.

— А что? Говорить нельзя? — вредничал младший.

— Ну и кричи, залезь вон на те горы и кричи на весь свет!

— Вот и залезу и буду кричать! Ты любишь эту Мырзагуль! Вот! Вот! Ты любишь...

Нахальство младшего вывело из себя старшего брата. Размахнувшись, Султанмурат дал ему крепкого подзатыльника. Тот скривился сразу и заревел на весь овраг:

¹⁴ Айчурек и Семетей — из эпоса «Манас».

— Когда отец на войне, ты меня бить? Ну подожди! Подожди! Ты еще ответишь! — орет во все горло.

Теперь надо было успокоить его. Вот морока! Когда они помирились, Аджимурат говорил, все еще судорожно всхлипывая, все еще размазывая кулаком слезы по лицу:

— Не думай, я никому не скажу, даже маме не скажу. А ты из-за этого драться... А письмо передам. Я тебе сразу хотел сказать, а ты сразу драться... На перемене отдам, отзову в сторону. А ты за это, когда отец вернется с войны, когда отец приедет на станцию и когда все побегут встречать его, ты меня возьми с собой. Мы вдвоем сядем на Чабдара и первыми поскачем впереди всех. Ты и я. Чабдар ведь теперь твой. Ты впереди, а я сзади на коне, и поскачем. И мы сразу отдадим Чабдара отцу, а сами побежим рядом, а навстречу мама и все люди...

Так говорил он, жалуясь, обижаясь и умоляя, и до того растрогал Султанмурата, что тот сам едва удержался от слез. Погорячился, а теперь очень раскаивался, что ударил мальчишку.

— Ладно, Аджике, ты не плачь. Мы с тобой на Чабдаре поскачем, только бы отец вернулся...

Когда собрали весь скошенный курай и когда начали вязать, получилось три добрых вязанки. Султанмурат мастерски умел увязывать хвост. Вначале куча кажется большая, как гора, даже боязно становится, что не унесешь. А потом, если умеючи стянуть веревки, куча раза в три станет меньше. Хорошо стянутая вязанка плотно и ровно лежит на спине, ее и нести удобней. В этот раз ребята сделали две вязанки для вьюка, на то они привели с собой Черногривого, а одну дополнительную вязанку Султанмурат решил взять на себя. Далековато было нести, но лучше уж сразу притащить домой побольше топлива. Да и оставлять такой курай жалко. Отменного хвоста набрали они в балке Туюк-Джар.

Черногривого навьючили так, что ни ушей, ни хвоста не видно. Его повел на поводу Аджимурат. Султанмурат шел следом, сгибаясь под вязанкой, притороченной к плечам особым перекрестным способом — веревка пропускается из-под левой подмышки через грудь на правое плечо, захлестывается с правой стороны у затылка на скользящую петлю, конец которой носильщик держит в руках. При таком способе носильщик может постоянно подтягивать на ходу ослабшие узлы вязанки.

Так они шли — впереди Аджимурат, на поводу у него Черногривый, за ним Султанмурат с ношей на спине, замыкал это шествие дворняга Актош, уже порядком уставший и потому плетущийся позади.

Когда несешь курай, очень важно долго не позволять себе отдыхать. После первого привала интервалы переходов сокращаются — второй привал вполовину первого перехода, третий вполовину второго и так далее. Султанмурат хорошо знал это, потому, рассчитывая силы, шел размеренным шагом, широко расставляя ноги. Теперь он ничего не видел вокруг, смотрел только вперед, под ноги. Чтобы долго не уставать и не ждать скорого отдыха, неся вязанку, лучше всего думать о чем-нибудь.

Шел он и думал, как завтра с утра выйдет на работу на конный двор и снова вступит в свои обязанности командира десанта. Потарапливаться пора. Впереди считанные дни до выхода на Аксай. Лошади вроде бы уже справные, залеченные, плуги и запасные лемеха готовы, сбруя тоже, а все равно двинешься на поле — что-нибудь да и обнаружится, это ведь всегда так. Слова бригадира Чекиша. Бригадир Чекиш говорит: глаз — трус, а рука — храбрец, надо смело вы-

ходить в поле, а там по ходу дела видно будет как и что, всего не предусмотреть. Может быть, он и прав.

Думал Султанмурат, как сделать, чтобы матери облегчить житье. Совсем замоталась она. И на ферме доит, кормит коров, и дома продыху нет. Все сама да сама. Топи, вари, стирай. Девчухи еще малы. А с Аджимурата тоже какой особо спрос. Сам он теперь уже отрезанный ломоть, вот-вот уедет на Аксай, и кто его знает, когда вернется. Сколько надо вспахать, заборонить... А их всего пять упряжек. А остальное тягло и плуги все на старых землях будут работать. Здесь работы еще больше, куда больше. Но тут хотя бы поблизости от аила. В случае чего женщины смогут встать за чапыги. Совсем не женское дело. Но теперь они и арыки копают по пояс глубиной, и воду ведут на поля, и плотины поднимают...

Как быть, как облегчить жизнь матери? Так ничего и не придумал...

Но больше всего думал он о том, что завтра передаст письмо, вот только надо дописать слова из песни «Аккептер». Пытался представить себе Мырзагуль читающей его послание, то, что она подумает при этом. Эх, как трудно, оказывается, писать письмо о любви! Получается совсем вообще-то не то, что хотел бы сказать, никакая бумага не уместит в себе то, что на душе. Интересно, а что она скажет? Она тоже должна написать ответное письмо. А как же иначе? Как он узнает, согласна она или не согласна, чтобы он ее любил? Вот ведь задача. А что, если она не захочет, чтобы он ее любил?.. Тогда как?..

Балка Туюк-Джар давно осталась позади. Заходящее солнце светило теперь спереди и сбоку, в одну сторону лица. Земля сохраняла все то же зимнее спокойствие и величие. Обычно так бывает перед бурей — умиротворенность, услада, затишье, чтобы все это в миг столкнуть, сбить, смешать, разнести вдребезги. В таких случаях надо прошептать: «К добру, к спокойствию!» — чтобы упредить злые силы. Иногда помогает. «К добру, к спокойствию», — сказал про себя Султанмурат, высматривая впереди удобное место для первого привала.

Место приходится выбирать с горочкой, такое, чтобы затем легко встать на ноги. Сначала носильщик курая раскачивается на спине, лежа на вязанке, раскачивается вместе с вязанкой не очень сильно, если больше, чем следует, вязанка перекатится через голову, а носильщик растянется, как лягушка. Раскачавшись, надо упасть на колени, потом с колена встать на ногу, на вторую и затем с заклинанием «о, пирим!» выпрямиться насколько позволит груз. Зато проще простого отдыхать — надо смело падать навзничь.

Султанмурат упал навзничь на вязанку и на миг зажмурил глаза. Ах, как хорошо было распустить веревки на груди! Он лежал, блаженствуя, прикидывая, где будет следующий привал. Когда он сможет, отдыхая после тяжелого перехода, думать только о ней?

— Только ты быстрее ответь на мое письмо, слышишь? — сказал он беззвучным шепотом, улыбаясь себе. И прислушался.

Огромная, прекрасная тишина покоилась на земле в светлом, незаметно смеркающемся предвечерии.

7

И приближались те дни...

Тревожное, томительное ожидание ответа от Мырзагуль не покидало его весь день, пока он не сваливался к ночи мертвецким сном... Он думал об этом все время, чем бы ни занимался, что бы ни делал. Работал, выкладываясь, командовал своим десантом, а в мыс-

лях только и ждал, когда наконец прибежит на конюшню Аджимурат из школы, когда принесет долгожданный ответ. У них с Аджимуратом были даже свои условные сигналы. Если Мырзагуль дала ответ, то Аджимурат должен бежать вприпрыжку, размахивая руками, прыг-скак, если нет, то не бежать, а идти и чтобы руки были в карманах.

Султанмурат все время поглядывал в ту сторону. Но что ни день, братишка приходил, держа руки в карманах. Огорчался, недоумевал Султанмурат. Терпение иссякало. Допытывался, спрашивал и переспрашивал Аджимурата, что она ему сказала при встрече, как он к ней подошел и какой при этом состоялся разговор. Придя домой, заставал брата уже давно спящим. А хотелось выспросить еще какие-то подробности. Но выспрашивать-то особенно было нечего. По словам Аджимурата, эта несносная Мырзагуль-бийкеч вовсе ни о чем не говорила с ним на переменах, а делала вид, что ничего не знает, ничего не помнит. Вроде бы никакого письма она не получила. Стоит себе на переменах, разговаривает с подругами, а его, Аджимурата, не замечает, пока сам не подойдет, не потянет за руку.

Не понимал Султанмурат, что бы это значило. Если Мырзагуль не желает иметь с ним ничего общего, почему не ответит, почему не скажет об этом прямо? Почему молчит, неужели не догадывается она, как мучительно, как тяжело ждать ответа?

С этими мыслями он засыпал, а утром, начиная день, снова думал об этом. И уже времени не оставалось ждать. Снега вокруг быстро шли на убыль. Вот-вот отойдет мерзлота и задышит земля, вот-вот проляжет первая борозда на поле, а там поспевай только...

Однажды Султанмурат сказал брату:

— Скажи ей, что скоро я уеду в Аксай, надолго уеду...

Ответ вернулся односложный...

— «Знаю» — передала она, и больше ничего.

Терялся он в догадках. Иной раз хотелось побежать в школу, дожидаться перемены, увидеть ее и узнать самому, что все это значит. Но не решался. Все, что прежде казалось проще простого, теперь стало почти непреодолимым. Страх, робость, стыдливость и сомнение, как переменчивая погода в горах, сотрясали его душу...

Да и работу не бросишь. Работы невпроворот. Быть командиром десанта оказалось не очень-то легко. Все так же с утра и до вечера работа, работа, и чем ближе подходил срок выхода на Аксай, тем больше всяких забот наваливалось.

Наступающая весна, однако, не только умножила заботы, но и украшала, обновляла, будоражила их жизнь. По-весеннему стало на водопое, веселей, просторней. Лед исчез как дым. Заново открывшаяся речка весело бежала, кувыркалась по каменистому перекаату. Каждая галька на дне переливалась светом и тенью в быстро текущем зеленоватом потоке. Лошади шумно вбегали теперь табуном на середину речки, поднимая тучи брызг из-под копыт. И ребята верхами туда же, в ту кучу. Смех, вскрики от холодных брызг, наскоки...

Именно в такой момент, находясь на водопое, увидел ее Султанмурат. На переступках через речку увидел и обмер. Отчего бы, казалось, обмер? Мырзагуль была не одна. Четверо было их, девушек. Они возвращались из школы. Он мог бы их и не увидеть. Мало ли людей ходит по той дороге, перепрыгивая по переступкам через речку. Но вот же посчастливилось! Глянул случайно и обмер, придержавая Чабдара на месте, сразу узнал ее. Она шла по переступкам и тоже узнала его, закачалась на переходе, балансируя руками, и, выйдя на берег, приостановилась, еще раз бросила взгляд в его сторону. И уходя с подругами, несколько раз оглядывалась. Каждый раз, ког-

да она оборачивалась в его сторону, он готов был поскакать, полететь за ней — за обещанным счастьем, чтобы сразу, не таясь, не робея сказать ей, как он любит ее. И что без нее жизнь не может быть жизнью. И каждый раз не хватало духу, каждый раз, когда она оборачивалась в его сторону, он умирал и воскресал. Она уже скрылась с подругами в начале Аральской улицы, а он все удерживал Чабдара посреди речки, и уже кони напились и вышли на берег. Ребята их стогнали в кучу, чтобы двинуться на конный двор, а он оставался на месте, делая вид, что все еще поит Чабдара...

А после думал об этом и удивлялся, ругал себя, что не догадывался раньше увидеть ее, встретить на этом пути, когда она идет из школы. Да, там, на переступках через речку, всегда можно столкнуться как бы невзначай. Как же раньше не приходило это в голову? Конечно же, надо самому действовать, встретить ее и узнать от нее самой, что она думает о его письме.

Он понял потом, что встречи такие могли быть каждый божий день, если бы их десант пригонял лошадей на водопой чуть попозже обычного. Очень досадно было Султанмурату сознавать, что всякий раз после того, как они угоняли лошадей с водопоя, появлялась почти там же Мырзагуль, а он не мог сообразить такого пустякового дела. Страдает, мучается, когда все так просто...

Теперь он решил дожждаться ее. На другой день Султанмурат задержался на речке, сказал ребятам, что скоро вернется, сделает хорошую пробежку Чабдару, а ребят попросил приглядеть пока за его лошадьми после водопоя: привязать их на место, задать им корм.

И опять Анатай!

Он не торопился возвращаться с водопоя и других задерживал.

— А я знаю, кого ты ждешь, — сказал он вызывающе.

Ох и противный тип!

Султанмурат тоже хорош. Нет чтобы спокойно урезонить: «Знаешь, ну и хорошо. Ты не ошибаешься», так он вместо этого обозвал Анатая:

— А ты шпион фашистский!

— Это кто шпион? Я шпион?

— Ты шпион!

— А ну докажи! Если я шпион, пусть меня расстреляет трибунал! А нет, я тебе морду набью!

И они сшиблись, понукнули коней навстречу друг другу и, тесня друг друга, закружились посреди речки. Угрожающе орала, метала свирепые взгляды, стягивали друг друга с коней. Ребята на берегу смеялись, потешались, подзадоривали, а они, как петухи, не на шутку разошлись. Вода закипела вокруг, разлеталась брызгами, спотыкались кони в воде, скрежеща подковами по камням, и тогда Эркинбек крикнул:

— Эй вы, опять лошадей покалечить хотите!

Сразу одумались, обрадовались даже, что нашлась веская причина, и разошлись без лишних слов.

Но все равно настроение было испорчено. Когда ребята угнали лошадей на конюшню, Султанмурат все еще тяжело дышал и, чтобы как-то унять себя, поехал рысцой вдоль речки, все время поглядывая на дорогу. Далеко не уехал, повернул назад и тут увидел ее. Как и вчера, Мырзагуль возвращалась с подружками. Шли они себе, занятые своими разговорами, и дела им не было, что кто-то тут чуть было не подрался сейчас за одну из них, что кто-то страдает, изводится в кручине по одной из них. Мать перепугалась недавно за сына: «Что с тобой? Уж не болен ли ты? С лица сошел как!» Успокоил маму, а сам взял зеркало, давно не смотрелся, все

некогда, и действительно здорово изменился, оказывается, за последнее время. Глаза блестят, как у больного, лицо вытянулось, шея сделалась длинной, вроде бы даже две морщинки, две складочки залегли между бровями, а на верхней губе темный пушок появился. Если на свет рассматривать, а так не видно. Вот это да! Совсем другой стал, не узнать... Отец, пожалуй, и не сразу признает, когда вернется...

Он подъезжал на коне сбоку и, приближаясь, заметил, как Мырзагуль глянула раза два в сторону водопоя, точно бы высматривала кого-то. А когда увидела его, вздрогнула от неожиданности, приостановилась, но потом быстро пошла вместе с подругами. Они как ни в чем не бывало перескочили с переступки на переступку через речку и пошли по домам. А он обогнал их стороной, точно бы спешил куда-то по делу, выехал огородами на улицу, чтобы попасть ей навстречу. Он увидел ее из одного конца улицы в другом конце. Здесь он поехал медленно. И чем ближе сходились они, тем страшней становилось. Ему казалось, что вся улица смотрит в окна, в двери, следит за ними, и все ждут, как они встретятся и что он скажет ей.

А она шла навстречу не очень быстро. Не понимал он, что произошло, почему он так волнуется. Ведь учились вместе в одном классе, ничего не стоило отобрать у нее что-то и даже обидеть, а теперь приближался с трепетом и робостью в душе. Теперь ему хотелось избежать этой встречи, но было уже поздно. И, наверное, она каким-то образом почувствовала его состояние. Когда оставалось совсем немного, она вдруг заспешила и, не дойдя до своего дома, свернула во двор к соседям. Он обрадовался, облегченно вздохнул. И был очень благодарен ей. Как страшно, оказывается, встретиться один на один...

А потом корил себя и ругал за малодушие. Плохо спал ночью и, проснувшись на рассвете, думал о ней, дал себе слово, что сегодня во что бы то ни стало подойдет к ней, и запросто заговорит, и спросит совершенно серьезно, намерена ли она отвечать на его письмо и когда. Если нет, то никакой обиды, днями ему уезжать на Аксай и пусть все это останется между ними. Так и скажет.

С этим твердым решением начинал он тот день, с этим намерением работал, с этим намерением еще раз отправился на речку после водопоя. Ехал на Чабдаре. Проехался берегом в ту и другую сторону. При этом невольно обратил внимание, что в самом аиле на крышах и с теневой стороны снега совсем не осталось, а на буграх, там, где изрядно намело за зиму, снег еще держался сжимающимися темно-серыми пятнами. Как амебы, каких рисовали они когда-то в тетрадах на уроках зоологии.

Вчера же на конном дворе председатель Тыналиев и бригадир Чекиш устроили смотр аксайскому десанту. Все плуги были пронумерованы и закреплены за плугарями. Султанмурату достался плуг номер один. Затем каждый обрядил своих лошадей в сбруи, показал, как он с этим справляется, а потом показал, как он запрягает свою четверку в плуг. И тогда все пять упряжек выстроились в ряд. В общем-то, со стороны смотреть, здорово, внушительно получалось! Как тачанки, только вместо тачанок плуги. Лошади сильные, сбруи подогнанные, плуги блестят от смазки. Плугари подтянутые, каждый возле своей упряжи. Председатель Тыналиев ходил перед десантом суровый, как командующий армией. К каждому подходил:

— Доложи свою готовность!

— Докладываю. Имею в наличии четыре подкованных коня, четыре исправных хомута, четыре шлеи, восемь постромков, одно седло,

один кнут, один двухлемешный плуг с тремя парами запасных лемехов.

Прямо как в армии! Только бригадир Чекиш хмурился. Ну конечно, он старик, где ему понять!

Смотр прошел хорошо. Но по двум пунктам все же завалились десантники. Председатель Тыналиев подозвал всех к упряжи Эр-геша.

— Ну-ка обнаружьте неполадку в сбруе,— предложил он.

Все пересмотрели, все перещупали, но ничего такого найти не сумели. Тогда председатель Тыналиев сам показал:

— А это что? Вы разве не видите, что ремень у гнедого коренника на боку перекручен. Вот, смотрите! А в работе перекрученный ремень будет натирать бок коню. Лошадь сказать об этом не может. Будет тянуть, а на другой день бок вспухнет, коня уже не запряжешь. А где я вам найду запасного коня? Их у меня нет! Значит, плуг будет простаивать из-за халатного отношения к сбруе! Ну-ка подумайте, имеем мы право допустить такое? Ради чего мы готовились всю зиму?..

Стыдно было всем. Такой пустяк, казалось бы, и надо же!

— Султанмурат,— наставлял председатель Тыналиев,— ты как командир десанта обязан каждый раз перед началом работы проверять, кто как запряг лошадей. Ясно?

— Ясно, товарищ председатель!

Второй пункт, по которому погорел десант, оказался более серьезным. Причем погорел сам командир. Председатель Тыналиев спросил их:

— Ответьте мне, где будете оставлять сбрую на ночь после работы?

Думали, гадали, отвечали по-разному. Решили, что в поле, возле плугов.

— А ты как думаешь, командир?

— Я тоже так думаю. На полосе, где распряжем, там и оставим сбрую, возле плугов. Не носить же ее с собой!

— Нет, неверно. Сбрую нельзя оставлять на ночь в поле. Не потому, что ее кто-то возьмет. На Аксае некому ее взять. А потому, что ночью может пойти дождь или снег. Сбруя намочнет. Это сырмятная кожа. И могут лиса или сурок погрызть сбрую в поле. Ясно, о чем идет речь? Значит, что из этого следует? Плуг остается на поле. Выпряженных лошадей со сбруей приводите на стан. У вас юрта, в которой вы будете жить. Юрта только одна. Другой юрты у меня нет. Сбрую каждый вносит в юрту и складывает аккуратно на то место, где он будет спать. Ясно? Спать со сбруей в изголовье! Таков закон! Это ваше оружие! А каждый солдат прежде всего бережет оружие!

Вот так говорил председатель Тыналиев в тот день перед аксайским отрядом, выстроенным для смотра в полной боевой готовности.

Вот так говорил председатель Тыналиев накануне выхода десанта на Аксай. Те дни приближались. И все шло к тому...

Вот так говорил председатель Тыналиев, наставляя их умному...

Вот так...

Да, вполне могло случиться, что дня через три-четыре, если погода не испортится, двинутся они на Аксай, и тогда, конечно, не увидятся с Мырзагуль до самого лета. Подумав об этом, Султанмурат испугался. Трудно, невозможно было представить себе такое — не видеть ее, пусть хоть издали, столько времени! А еще собрался заявить ей сегодня, что, мол, да или нет, если нет, так что ж, не такая уж беда, ждать некогда, на Аксае дела поважнее...

Султанмурат все поглядывал на дорогу, проезжая берегом. И уже начал беспокоиться. Время уже выходило. Но вот они, девушки! Однако Мырзагуль среди них не оказалось. Подружки ее шли, а ее нет. Вначале Султанмурат огорчился. Что ж оставалось, раз такое дело. Расстроенный поехал на конный двор. Но дорогой его охватила тревога: а вдруг она заболела или еще что-нибудь случилось. Эта тревога возрастала, он почувствовал, что ни в коем случае не сможет унять ее, пока не узнает причины. Решил спросить у девушек. Повернул Чабдара вслед за ними. И тут увидел ее. Мырзагуль возвращалась одна. Она уже приближалась к переступкам на речке. Султанмурат припустил слегка Чабдара, чтобы успеть встретиться на переступках, а сам до того обрадовался, так сильно, оказывается, испугался за эти минуты, что сам не заметил, как сорвалось с уст: «Родная моя!»

Он встретил ее на переступках. Спрыгнул с коня и, держа его на поводу, ждал, когда она выйдет на берег к нему.

Она шла к нему, глядя на него, улыбаясь ему.

— Смотри не упади! — крикнул он ей, хотя упасть с таких широких, выложенных поверху дерном переступок было невозможно. Как хорошо, что она шла по переступкам! Как хорошо, что на этой капризной горной речке не удерживались никакие мосты и мостики!

Он ждал, протянув ей руку, а она шла к нему, все время глядя на него и улыбаясь.

— Смотри не упади! — сказал он еще раз.

А она ничего не отвечала. Она только улыбалась ему. И тем было сказано все, что хотел бы он знать. Какой же он был чудак, писал какие-то письма, терзался, ждал ответа...

Он взял ее ладонь, когда она протянула ему руку. Столько лет учась в одном классе, не знал он, оказывается, какая чуткая и понятливая у нее рука. «Вот я здесь! — сказала рука. — Я так рада! Разве ты не чувствуешь, как я рада?» И тут он посмотрел ей в лицо. И поразился — в ней он узнал себя! Как и он, она стала совсем другой за это время, выросла, вытянулась, и глаза светились странным, рассеянным блеском, как после болезни. Она стала похожа на него, потому что она тоже постоянно думала, не спала ночами, потому что она тоже любила и эта любовь сделала ее похожей на него. И от этого она стала еще красивее и еще родней. Вся она была обещанием счастья. Все это он познал и почувствовал в одно мгновение.

— А я думал, ты заболела, — сказал он ей дрогнувшим голосом.

Мырзагуль ничего не ответила на эти слова, а сказала другое:

— Вот. — Она достала предназначенный ему сверточек. — Это тебе! — И не задерживаясь пошла дальше.

Сколько раз потом вновь и вновь рассматривал он этот вышитый шелком платочек! Доставал из кармана, и снова прятал, и снова рассматривал. Величиной с тетрадный лист, платочек был ярко расшит по краям узорами, цветочками, листиками, а в одном углу были обозначены красными нитками две большие и одна маленькая буквы среди узоров: «S.ç.M.», что означало «Султанмурат джана Мырзагуль» — «Султанмурат и Мырзагуль». Эти латинские буквы, которые они изучали в школе еще до реформы киргизского алфавита, и были ответом на его многословное письмо и стихи.

Султанмурат вернулся на конный двор, едва сдерживая торжествующую радость. Он понимал, что это такое счастье, которым невозможно поделиться с другими, что оно предназначено только ему и что никто другой не сможет быть так счастлив, как он. И, однако, очень хотелось рассказать ребятам о сегодняшней встрече, показать им подаренный ему платочек...

Зато работалось хорошо. Ребята чистили лошадей после водопоя, носили в ведрах овес, закладывали в кормушки сено. Он сразу включился в дело. Быстро прошелся скребком по упругим, налитым силой спинам и бокам своих коней, побежал за овсом. И все время чувствовал платочек в нагрудном кармане перешитой солдатской гимнастерки. Будто там горел незримый огонек. И от этого ему было радостно и тревожно. Радостно оттого, что откликнулась Мырзагуль на его любовь, и тревожно, потому что было началом неведомого...

Потом он побежал за сеном к люцерновой скирде за конюшней. Здесь было тихо, солнечно, сильно пахло сухими травами. Ему очень захотелось еще раз посмотреть на свой платочек. Достал из кармана и стал разглядывать его, улавливая среди травяных запахов особый запах платочка, вроде бы хорошим мылом пахло. Однажды в школе он почувствовал, как пахнут ее волосы. И теперь вспомнил, это был ее запах. Так он стоял наедине с платочком, и вдруг кто-то выхватил его. Оглянулся — Анатай!

— А-а, ты уже платочки получаешь от нее!

Султанмурат густо покраснел:

— Дай сюда!

— А ты не спеши. Сперва погляжу.

— А я тебе говорю, дай сюда!

— Да не кричи ты, отдам. Нужен очень!

— Отдай немедленно!

— А ты посильней кричи! Кричи, что у тебя дареный платочек отобрали! — И сунул его в карман.

Что произошло дальше, Султанмурат уже не помнил. Только мелькнуло перед ним искаженное злобой и испугом лицо Анатая, затем он со всей силой нанес еще удар, а потом отлетел в сторону от резкого толчка в живот. Перегнулся, падая, но тут же вскочил на ноги и рванулся из-под скирды с еще большей ненавистью и яростью на подлого Анатая. Прибежали ребята. Заметались. Втроем стали разнимать их. Просили, умоляли, повисали у них на руках, но те снова и снова кидались друг на друга, сшибаясь в жаркой, безжалостной драке. «Отдай! Отдай!» — только одно твердил Султанмурат, понимая, что исход может быть лишь один: или умереть, или вернуть платочек. Анатай был кряжистый, сильный, действовал он хладнокровно, но на стороне Султанмурата была справедливость и право. И он безоглядно нападал, хотя часто оказывался сбитым с ног. В последний раз он упал на вилы, валявшиеся подле скирды. И тут руки сами схватились за вилы. Он вскочил с вилами наперевес. Ребята закричали, отбегая по сторонам:

— Стой!

— Остановись!

— Опомнись!

Анатай стоял перед ним, тяжело дыша, растопырив руки и ноги, озираясь, куда бы отскочить, но бежать ему было некуда. С одной стороны скирда, с другой — стена конюшни. Именно в эти минуты Султанмурат обрел твердость духа. Он понимал, что это крайность, но другого выхода не было.

— Отдай, — сказал он Анатаю, — иначе будет плохо!

— Да на! На! — заторопился Анатай, пытаясь обратить все в шутку. — Тоже мне! Пошутить нельзя! Дурак! — И он кинул ему платочек.

Султанмурат положил его в нагрудный кармашек. Страшная минута миновала. Ребята облегченно вздохнули, загалдели, и только тогда почувствовал Султанмурат, как кружится голова, как трясутся руки и ноги. Сплевывая кровь из разбитой губы, пошел как пьяный за скирду, упал на сено и, лежа на спине, отдышался, пришел в себя...

К вечеру они с Анатаем хотя и не помирились, но общие дела заставили их пойти навстречу друг другу. И все же оставался осадок в душе, стыдно было, что все так глупо получилось. Но при этом Султанмурат понимал, что прошел важное испытание, что, прояви он малодушие, прежде всего сам перестал бы уважать себя. А такой человек не может и не должен быть командиром десанта.

В этом он убедился в тот же день, когда под вечер приехали на конный двор председатель Тыналиев и бригадир Чекиш. Лошади их пришли с дальнего пути усталые, заляпанные грязью. Тыналиев и старик Чекиш с рассветом уехали в Аксайское урочище и вот только вернулись. Довольные приехали. Через пару дней можно двинуться на Аксай. Степь задышала. Земли удобной много. Паши сколько сможешь. Загоны определили. Место полевого стана выбрали. Осталось обосноваться там и начать то, ради чего готовились всю зиму.

— Ну как, ребята? — обратился к ним Тыналиев. — Как настроение? Какие есть предложения, замечания? Высказывайте, чтобы потом не спохватиться, когда уже будете далеко от аила.

Ребята молчали, ничего такого, требующего немедленного решения, вроде бы и не было, и все-таки никто не взял на себя ответственность сказать последнее слово.

— У нас есть командир, — промолвил Эргеш. — Он все знает, пусть сам скажет.

И тогда Султанмурат сказал, что пока никаких неполадок или другой нужды нет, все продумано, обувь отремонтирована, одежда залатана, укрываться берут шубы, короче говоря — они, их плуги и кони готовы в любой день приступить к работе, как только земля поспеет.

Потом обсудили разные другие дела — о кашеваре, о топливе, о юрте — и пришли к общему выводу, что дня через два-три если погода не изменится, если не пойдет снег, то пора выходить в поле...

А погода стояла хорошая, хотя и облачная, но с большими окнами — солнце то выглянет, то спрячется, земля парила, пахло сырой, освобождающейся из-под снега землей...

И приближались те дни... И все шло к тому...

Как ни готовились, а перед самым выездом опять обнаружилась уйма мелких дел. Оказалось, что не хватает двух попон, те, что имелись, были совсем старые, дырявые, их нечего было везти с собой на Аксай. Ночи ранней весны холодные, почти зимние, особенно в первые дни пахоты... Чекиш говорил, что прежде, когда пахали еще сохой, в первые дни, бывало, ждут до полудня, пока оттает земля после ночных заморозков... А продрогший за ночь конь, не покрытый попоной, уже не рабочее тягло.

Пришлось побегать Султанмурату то в контору, то к председателю, то к бригадиру, пока сумели купить для колхоза в аиле еще две добротные попоны...

И в этой бедотне и заботах больше всего ждал он времени выезда с конями на водопой. Хотелось повидать Мырзагуль перед отъездом, встретив ее, как в тот раз, у переступок через речку... Каждый раз надеялся — и не удавалось. Спешил Султанмурат, не было времени ждать. И потому он все время ощущал какую-то недоговоренность, недосказанность, остающуюся в их отношениях, и какую-то смутную, тревожную вину свою за то, что они могут не свидеться перед выездом. Он знал, что и Мырзагуль думает о нем, в этом он убедился в тот раз по первому ее взгляду, когда в ней он как бы узнал себя. Однако

он не допускал даже мысли, что Мырзагуль сама будет искать встречи с ним. Девичья гордость и честь не могли того позволить. Девушка уже сказала свое слово, она вручила ему вышитый платочек, а все остальное уже его заботы, мужские...

Конечно, он сумел бы встретиться с ней перед отъездом, он так и рассчитывал, если бы не новое несчастье. Накануне выезда на Аксай, когда десантники собирались гнать своих лошадей на прощальный водопой, после которого Султанмурат и хотел дожидаться Мырзагуль, у самых ворот конного двора при выезде на водопой встретил их бригадир Чекиш. Он был хмур и неприветлив. Рыжая бороденка всклокочена, шапка надвинута на самые глаза.

— Вы куда?

— Коней поить.

— Постойте. Вот что, Анатай, ты иди домой. Мать у тебя заболела. Иди, иди, сейчас. Слезай с коня. А вы, ребята, быстро на водопой и быстро назад. Чтобы мигом, я вас жду здесь!

И дорогой на речку, погоняя табунок на рысях, смотрел Султанмурат на дорогу и, возвращаясь, оглядывался: нет, не видно Мырзагуль. Не время еще было ей возвращаться из школы. И что это старик Чекиш так заторопил их? Что стряслось? Если бы не это, сегодня обязательно дождался бы ее! Так хотелось снова повидаться на переступках...

Когда они вернулись на конный двор и поставили лошадей по своим местам, старик Чекиш собрал их, четверых, отозвал в сторонку.

— Разговор есть, — буркнул он.

Потом предложил сесть. Все сели на корточки, подпирая спинами стену дувала. Председатель Тыналиев любил разговаривать стоя, сам стоял и чтобы перед ним люди стояли, а бригадир Чекиш наоборот — он предпочитал разговор неторопливый, сидячий. Старик, одним словом. Вот они расположились, и тогда Чекиш, сумрачно поглаживая взъерошенную рыжую бороду, начал:

— Хочу я вам сказать, джигиты, вы уже не малые дети. Рано вам пришлось вкусить горечь жизни. По горячему ступать, в холоде спать. Значит, судьба такая выпала. Вот и сегодня у одного из вас большая беда — отец Анатай, Сатаркул, убит на фронте. Вы уже не дети, когда у одного несчастье, другой ему опорой должен служить. Собирайтесь. Будете встречать и провозжать людей. Лошадей принимать. Сейчас соберется народ у дома покойного Сатаркула, и вам надлежит там быть. И не хнычьте возле Анатай, как малолетние, если плакать, то плачьте громко, по-мужски, чтобы ясно было, что плачут верные друзья Анатай. Со мной пойдете, с тем я вас и поторопил...

Они шли гуськом по тропинке к дому Анатай на окраине улицы. Такими же небольшими молчаливыми кучками верховой и пеший народ уже стекался с разных сторон.

День стоял переменчивый. То солнце проглянет, то снова облака, то вдруг ветерок северный, низовой потянет пронизывающим голени холодом. С тяжелой, изнывающей от страха и жалости душой шел Султанмурат к дому Анатай. Жутко было, потому что через минуту-другую всплеснется в аиле, как пламя пожара над крышей, еще один великий плач, и еще одного человека, родившегося и выросшего под этими отцовскими горами, не дождутся с войны, никогда и никто его не увидит... «А что с отцом, до сих пор нет ни писем, ни вестей никаких? Что с ним? Мать уже без ума от страха. Только бы не это, только бы не так!»

Они уже приближались ко двору, когда в доме Анатай раздался пронзительный вопль, и этот плач, умножаясь, выхлестнулся во двор и на улицу, где толпился народ...

Идя следом за Чекишем, десантники громко заплакали, заголосили вместе, как учил их Чекиш:

— О, отец наш Сатаркул, славный отец наш Сатаркул, где мы тебя увидим теперь, где ты сложил свою золотую голову?

В эту минуту, в минуту общего горя, отец Анатая Сатаркул воистину был их родным отцом, и воистину в ту минуту он был славен, потому как величие каждого человека познается их близкими лишь тогда, когда они его лишаются... Так было всегда и так будет...

— О, отец наш Сатаркул, славный отец наш Сатаркул, где мы тебя увидим теперь, где ты сложил свою золотую голову?

С этими скорбными словами десантники проследовали за Чекишем через толпу и, войдя во двор, увидели у самых дверей Анатая. Горе умаляет человека. Самый старший из них, грозный и сильный Анатай оказался совсем беззащитным мальцом. Раздавленный свалившимся на его плечи горем, он по-детски, в голос рыдал, приткнувшись к стене, как жеребенок в непогоду. Лицо его вспухло от слез. А рядом громко плакали младшие его братья и сестры.

Друзья подошли к Анатаю. Увидя их, Анатай заплакал еще больше, как бы жалуясь им на свое горе, на то несчастье, которое совершалось на глазах у всех. Он просил тем самым защитить его, помочь ему. Эта беззащитность Анатая больше всего потрясла Султанмурата. А они растерянно топтались возле, не зная, как быть, как утешить товарища. Никто, кажется, ничем не мог ему помочь. И никто не подозревал, что Султанмурат только что выскочил со двора с автоматом в руке и побежал с ним прямо туда, прямо в ту сторону, где шла война, без передыха прямо на фронт, и там, крича от ярости и гнева, плача и крича, расстреливал фашистов очередями, очередями, очередями из неиссякаемого, неумолкающего автомата за убитого отца друга своего Анатая, за причиненные аилу страдания и беды...

Жалко, что не было у него автомата!

И тогда Султанмурат сказал Анатаю (ведь он был командиром десанта):

— Не плачь, Анатай! Что ж делать. Вот у Эркинбека и Кубаткула тоже отцы погибли на фронте. Сам знаешь. От моего отца тоже писем нет давно. Война. Сам понимаешь. Ты только скажи, Анатай, мы тебе поможем. Ты только скажи, что сделать, чтобы тебе стало легче...

Но Анатай, приткнувшись к стене, судорожно вздрагивая плечами, не мог ничего выдать из себя. Эти слова не утешили его, наоборот — горько разбередили, и он стал задыхаться от нахлынувших слез, посинел от удушья. Султанмурат побежал, принес ему в ковше воды.

И с этого момента он почувствовал себя ответственным за то, что тут происходило. Он понял, что надо действовать, как-то помогать людям. Вчетвером они носили воду из речки, кололи дрова, разводили огонь в самоварах, собранных от соседей, встречали и провожали, верховым старикам помогали спешиться...

А народ все шел и шел. Одни приходили высказать соболезнование семье погибшего, другие уходили, выполнив свой долг. А десантники оставались весь день во дворе Анатая.

Самые трудные минуты пережил Султанмурат, когда пришла учительница Инкамал-апай и с ней девочки седьмого класса, и среди них Мырзагуль. Так плакала Инкамал-апай, так убивалась, обняв Анатая, невозможно было смотреть без слез. Предсказания знаменитой гадалки о сыне учительницы не сбывались, да и не верила она им. Вот и плакала в тревожном предчувствии, дала волю слезам, чтобы облегчить изнывающую душу. Девочки тоже плакали возле учительницы своей, а Мырзагуль стояла, опустив голову, плача беззвучно,

быть может, тоже вспомнив отца и брата, и ни разу не взглянула в его сторону. Даже в этом, в сострадании и горе, она была красивее всех. Она вызывала в нем самое глубокое сочувствие и гордость ею. Хотелось подойти к ней, обнять ее и заплакать, соединить свою печаль с ее печалью...

...Ах, Мырзагуль, ах, Мырзагуль-бийкеч,
Я сизый голубь, летящий в синем небе,
А ты голубка, летящая крыло в крыло...

И потом, когда зазвучала во дворе молитва и когда все, кто был, умолкнув, остались каждый наедине с собой, раскрыв перед лицом ладони и глядя в них как в книгу судеб, слушали торжественную и певучую речь молитвы, пришедшей сюда тысячелетие назад из неведомой Аравии, возвещавшей вечность мира в рождениях и смерти, предназначенной в этот раз убитому на войне отцу Анатая Сатаркулу — Султанмурат и тогда, среди молитвы той, подняв глаза над ладонями, посмотрел на нее. Вместе со всеми сосредоточенная, юная Мырзагуль была прекрасна. Глубокая задумчивость покоилась на ее лице. Но она не смотрела на него.

Так она и ушла, не обмолвившись с ним ни словом, лишь грустно задержав на нем взгляд перед уходом и кивнув ему. Ах, Мырзагуль, ах, Мырзагуль-бийкеч...

Плач в доме покойного Сатаркула утихал понемногу. Наступало отрезвляющее жестокое затишье примирения с утратой. Плач — это протест, бунт, несогласие; гораздо страшнее осмысление необратимости случившегося. Вот тогда посещают человека самые мрачные мысли.

Анатай сидел у стены, уронив голову. Страшно было Султанмурату смотреть на него. Дерзкого, сильного, злого Анатая растоптало несчастье. Уж лучше бы он кричал, плакал, уж лучше бы рвал на себе одежду и метался.

Султанмурат не знал, как вызволить его из этого горестного безысходного одиночества. Но надо было помочь ему, надо было во что бы то ни стало заставить его почувствовать, что он не один, что рядом люди, готовые голову положить за него.

— Пошли, Анатай, у меня к тебе отдельный разговор, — сказал ему Султанмурат.

Анатай встал с места, и они отошли за угол.

— Ты не думай, Анатай, — начал Султанмурат, очень волнуясь, с трудом подбирая слова. — Ведь я это самое... Если хочешь, я отдам тебе тот платочек насовсем.

Анатай горестно улыбнулся.

— Что ты, Султан! Не надо, — ответил он. — Это твое, и ты его никому не отдавай. А я... Ты меня прости, что я тогда, ты меня прости, забудь. Я больше никогда так не буду, Султан. Мне уже ничего не надо... Мой отец, он был... Мы так ждали... — И, захлебываясь, давясь слезами, Анатай снова зарыдал.

Теперь они плакали вместе наедине со временем, в котором они жили и росли...

Третий день ходили плуги по Аксайскому урочищу. Третий день не умолкая понукали, погоняли плугари своих коней. И выгорбился темно-бурой полосой по увалу свежевспаханный начальный загон аксайских десантников. Задел был уже заметный, глаз радовался. Теперь как погода поведет себя, так и дело пойдет.

В этом огромном предгорном пространстве у подножья Великого Манасового хребта хранилась давно никем не нарушаемая тишина.

Отсюда начиналась Аксайская степь, уходящая в чимкентские и ташкентские безводные земли. В этом нетронутым просторе степного изголовьья плуговые упряжи казались крохотными жуками, ползущими по горбине, оставляя за собой длинный взрыхленный след.

Пока здесь ходило три плуга. Эргеша и Кубаткула задержали на несколько дней в аиле — бросили на подмогу, на бороньбу озимых, чтобы успеть закрыть влагу в почве. Ясно, нужное, срочное дело, но и на Аксае время не ждет: чтобы успеть засеять такой клин, какой наметили, надо поставить весь десант на лемех с рассвета до вечера, иначе не успеть, иначе все труды пропадут. Султанмурат беспокоился, ждал прибытия оставшихся двух упряжек со дня на день. Обещали, из-за этого поругался он с бригадиром Чекишем. Серьезно поругался.

— Передайте,— говорит,— аксакал, пусть председатель Тыналиев приезжает, пусть разберется. Тремя плугами здесь делать нечего. Задачу не выполним...

А старик Чекиш? А что старик Чекиш, он волосы рвал на себе. И понял Султанмурат, как трудно в колхозе умному, понимающему бригадиру. Хочет сделать все с толком, вовремя, по порядку, а везде все горит, как пожар под ногами, хочет успеть сделать по весне то, другое, десятое, а сил нет, людей нет, харчей нет. Голову вытянет — хвост увязнет. Сидел он тут вчера, думу думал. В аиле время голодное. Запасы уже на исходе, до нового урожая далеко. Скот отощал, дохнет от бескормицы, резать нет смысла. Для большого за килограммом мяса едут на базар. Кило мяса стоит столько, сколько раньше целая туша. Но едут. Даже не едут, идут пешком за тридцать—сорок километров. Ездовые лошади едва тянут ноги. Выедешь — останешься пропадать в пути. Только и успели подготовить тягло к севу. Тягло справное, но тоже ненадолго при такой нагрузке.

Если думать обо всем этом, страшно становится. Но самая великая беда — война на фронтах, конца краю не видно. Одно утешение, одна неугаемая надежда — побеждать начали немцев, повсюду теснят их, гонят...

Сегодня с утра вроде бы погода заладилась. Облачно было, но над горами прорывалось иной раз солнце, разгуливалось небо над головой, снова хмурилось и снова закрывалось. А в обед резко похолодало и потемнело окрест. Снег или дождь, что-то собирается... Очень уж сумрачно стало вокруг. Выходя на пахоту после обеда, плугарям пришлось захватить мешки, чтобы закрыть головы от дождя или снега.

Шли по начатому загону со свалом борозды внутрь. Первым шел Султанмурат, вторым шагах в двухстах — Анатай, замыкающим, почти в полуверсте, — Эркинбек. Сегодня плугари были в поле одни. Три плугаря и великие горы впереди. Три плугаря и великая степь позади. Председатель Тыналиев сумел побывать здесь лишь поначалу. Дел у него много, ускакал, оставив бригадира Чекиша налаживать пахоту. Сегодня и Чекиш уехал требовать оставшиеся в аиле упряжи Эргеша и Кубаткула. Вот и получилось, на третий день остались плугари сами по себе — с плугами, с конями, с землей, которую предназначено было пахать и пахать, чтобы было где урожаем собирать, чтобы было чем насытиться людям...

Загон находился далеко от полевого стана — от юрты, в которой они жили, от стожка клеверного сена, от мешков овса, от всего того, что было теперь их домом. На полевом стане оставалась лишь старая повариха. Больше ворчит, больше жалуется, что топливо сырое, что того нет, этого нет, вместо того чтобы вовремя приготовить еду. В поле кусок лепешки и горячая похлебка — большего не потребуешь. А она

все ворчит, прокликает жизнь, как будто ее кто-то в чем-то упрекает. В аиле ее мало знали. Пришлая откуда-то. Другие не могут бросить дома — дети, хозяйство, а она согласилась приехать на Аксай, чтобы прокормиться возле плугарей. Пусть кормится на здоровье, только бы вовремя готовила еду. А она все суетится и не поспевает. Помочь ей пахарям некогда. Потому как лошадь — это не машина, не трактор, который выключил и сам пошел. Залил бак и поехал. Пахарь работает на поле сам как лошадь, а после кормит, поит, ухаживает за четверкой плуговых лошадей и, добираясь до юрты, валится с ног... А на рассвете снова за дело... Самое трудное встать на рассвете...

Главная забота пахаря — чтобы плуги ходили, чтобы лошади, втягиваясь в работу, сохраняли тело, чтобы хватило их сил до конца весны. Это важно. Очень важно. В первый день, когда начали пахать, через каждые десять—двадцать шагов лошади останавливались передохнуть. Задыхались. Пришлось чуть приподнять лемеха, уменьшить глубину вспашки. Но это вынужденная мера до тех пор, пока тягло втянется в хомут.

Сегодня уже заметно лучше пошла работа. Дружной берут кони, свыкаются, идут четверки, тесно сомкнувшись, припадая к земле, вытянув от напряжения шеи, как бурлаки на картинке в учебнике. Шаг за шагом, шаг за шагом тянут и тянут плуг, режущий лемехами толщу земную.

Но погода подводит. Вот уже снегом запахло, замелькали редкие белые хлопья... Значит, зима недобрала еще свое, значит, решила напомнить о себе на прощание. Зря она это делает. Для пахарей очень некстати...

Султанмурат успел накинуть на голову мешок, но все равно это не спасало его от снегопада. Сидя верхом на бороздовом коне в середине упряжки, размахивая над головой кнутом, он все время открывался ветру то с одной, то с другой стороны. Снег пошел густой, волглый, быстро тающий. Замельтешило, закружило вокруг. В плывущей снежной мгле скрылись горы, мир сомкнулся. И только понукающие крики плугарей носились в этой мгле, как крики птиц, захваченных глухим ненастьем.

А плуги шли. Черные плуги то появлялись на пригорке, как на гребне волны, то снова исчезали в низине...

Припадая к борозде, словно бы выползая из самой земли, шли четверки жадно дышащих, карабкающихся лошадей. Снег мгновенно таял на их горячих, напряженных спинах, стекая ручьями по бокам. Тяжело коням, очень тяжело, земля намокла, заскользила под копытами, сбруя отяжелела от влаги, лемеха застревают, засасываются в липнущих пластах целины. Но нельзя останавливать плуги. Надо пахать. Завтра, когда глянет солнце, эти борозды проветрятся и пашня будет готова. Нельзя терять времени.

Плуг застрял. Султанмурат то и дело слезал с седла, счищал кнутовищем комья глины с лемехов и, покричав следующим сзади Анатаю и Эркинбеку, услышав их ответные голоса, снова протискивался между мокрыми сбруями и телами лошадей к бороздовому коню, снова вскарабкивался в седло, и снова пахарь шел вперед.

А снег не переставал. Плыли черные упряжи плугов, как корабли в белом тумане. И в той кружащей снежной тишине, поглотившей все звуки, носились над полем лишь оклики плугарей:

— Ана-та-ай!

— Эркин-бе-ек!

— Султанмура-а-ат!

По лицу стекала вода, то ли талый снег, то ли пот; руки на поводьях взбухли, посинели от холода и сырости, ноги сдавлены с обеих

сторон боками лошадей, трущихся друг о друга, больно ногам, хочется их куда-то убрать и некуда, но Султанмурат понимал, что по нему, по следу его идут Анатай и Эркинбек, что втроем они — шесть лемехов, что не имеет он права останавливать среди дня шесть лемехов, пашущих аксайскую землю. Только бы кони выдюжили, только бы кони не сдались. И потому он мысленно обращался к ним, внушал им:

«Потерпите, рожденные от Камбар-Аты¹⁵, подружной налегайте. Ведь не каждый день будет так тяжело. Сегодня снег, а завтра его не будет. Вперед, вперед, чу, чу! Потерпите, рожденные от Чолпон-Аты, вон впереди конец загона, сейчас мы развернемся там и пойдем в обратную сторону. Потерпите, не сбавляйте шаг. Я не имею права избавить вас от плугов. Для этого мы вас готовили всю зиму. Другого выхода нет. Я гоню вас по мягкой и твердой земле, вам тяжело, но иначе хлеб не рождается. Старик Чекиш говорит, что так было и так будет вовеки. Он говорит, что хлеб, каждый кусок хлеба полит потом, только не все это знают и не все думают об этом, когда едят. А нам очень нужен хлеб. Очень нужен. Потому мы с вами здесь, на Аксае.

Чабдар, ты мой брат, ты мой бороздовый конь. Ты тянешь плуг и меня несешь на себе. Прости, что и тебя хлещу кнутом. Так надо. Не обижайся, Чабдар.

Чонтору, ты идешь слева, ты ступаешь по пашне, тебе тяжелее всех, но ты самый сильный после Чабдара. Тебя, Чонтору, отец мой Бекбай всегда хвалил. Помнишь? А помнишь, как все мы ездили в город... Писем нет от отца давно уже, это страшно, вам, лошадям, этого не понять. Когда люди на войне долго не пишут — это очень страшно. Мать совсем исхудала от тоски и страха. Когда оплакивали анатаевского отца, больше всех и сильнее всех плакали Инкамал-апай и мать. Они что-то знают, что-то недоброе, но не говорят. Они что-то знают... Чу, чу, Чонтору, я не позволю тебе сдаваться. Вперед, Чонтору! Держись!

И ты, Белохвостый, ты тоже мой брат. Ты идешь справа от меня, в середине упряжи. Ты должен здорово тянуть, вы с Чабдаром коренники. Ты красивый конь, у тебя необыкновенный белый хвост. Но ты не сдавайся, не падай духом. Я не позволю тебе уставать. Чу, чу, Белохвостый! Не подводи!

Брат мой, Карий, ты простой и хороший конь. Когда я выбирал тебя в свою четверку, я очень надеялся на тебя. Ты работяга и нравом смирен. Я и тебя очень уважаю. Ты идешь с самого края, и тебя всегда видно. По тебе судят со стороны, как дела наши, Карий, брат мой. И я тебя не обижу, ты только тяни, тяни, не сдавайся. Я тебе обещаю: когда мы закончим пахать и сеять на Аксае, когда мы будем возвращаться в аил, ты будешь идти также с краем, чтобы все видели тебя. И мы проедем мимо ее дома, и когда она выбежит на улицу, то сразу увидит тебя, Карий, брат мой. Мне так и не удалось повидаться с ней перед отъездом. Платочек ее при мне, он всегда при мне. Он спрятан от снега и дождя. Я о ней всегда, все время думаю. Я не могу о ней не думать. Если я перестану о ней думать, все опустеет и мне неинтересно будет жить...

Чу, чу, рожденные от Камбар-Аты! Дружной налегайте, вперед, вперед! Чу! Чу!.. А снег все идет, все идет! Какой мокрый снег. Измокли мы все с головы до ног. И ветер поддувает. Хорошо, если стряпуха наша догадалась прикрыть сено попонами. А если не догадается, намокнет сено, пропадет. Чем вас кормить будем — двенадцать голов? Надо было сказать ей перед отъездом, забыл, не думал, что снег повалит.

¹⁵ Камбар-Ата — мифический покровитель лошадей.

Странная она старуха, глаз у нее завидуший. Лошадей наших все расхваливает, не наглядится. Какие справные, говорит, кони, хорошо кормленные. Жира, говорит, на боках в два пальца. В прежние времена, мол, таких лошадей резали на больших поминках. В те времена, говорит, мясо ели до отвала. И когда варили конину в сорокаведерных котлах, то жир — зардеп¹⁶, слово-то какое, — говорит, снимали сверху, зачерпывали допона половником, уносили для больных. Тем жиром, говорит, попоить больного — сразу встанет на ноги. Вот ведь ненасытная, только о жире и думает. Как бы не сглазила лошадей. Да ну ее! В школе же говорили, что сглаз — это вранье. Пусть себе болтает, лишь бы вовремя еду готовила. А вчера удивила, мясо горного козла сварила. Худющий козел, но все-таки. Проезжали, говорит, какие-то охотники с гор, двое, завернули на огонек в юрту и вот оставили часть добычи. Спасибо тем охотникам, обычай знающие люди, выходит. Хотят, чтобы и в другой раз удача была им на охоте — первому встречному уделили полагающуюся долю. А мы, конечно, первые встречные на их пути, если они спускались с гор, вокруг никого. Скачи в горы, скачи в степь — никого не встретишь. А снег не перестает. Вот зарядил... Совсем выбились из сил...»

Лошади остановились, изнемогли... Султанмурат слез с седла, с трудом удерживаясь на отекавших, сдавленных ногах, как пьяный прошелся, ковыляя вокруг упряжи. И так ему сделалось больно, невыносимо жалко взмыленных лошадей, дрожащих, мокрых от ушей и до копыт, тяжело, запаленно дышащих, что от жалости застонал.

А снег все падал и таял, падал и таял на дымящихся лошадиных спинах. Султанмурат сбросил с головы намокший тяжелый мешок, непослушными, окоченевшими руками растягивал петли сбруи, а потом не выдержал, разрыдался, обнимая шею Чабдара, и, плача, шептал: «Простите меня, простите!» — ощущая на губах горячий горько-соленый вкус конского пота...

— Эй, Султанмурат! Ты что там? — донесся голос Анатая, приближавшегося по борозде.

— Давай распрягай! — крикнул в ответ Султанмурат.

10

Зато утро следующего дня выдалось ясное и чистое. Никаких следов вчерашнего ненастья. Только сырость, только бодрящий холодок, только легкий румянец над землей, только подновленный белый снег на горах. Раннее солнце выкатывалось из-за гор, оповещая мир о себе ликующим, разливающимся вполне заревом весеннего восхода. Весь обширный Аксай со всеми его логами, равнинами, пригорками и низинами проглядывался далеко-далеко. Зато горы Великого Манасового хребта, подле которых они родились и выросли, казалось, подошли в ночи поближе — неправдоподобно, но шагнули горы в ту ночь в Аксай, к ним, чтобы, проснувшись поутру, пахари изумились их величию, их красоте и могуществу.

Близко и далеко, рядом и недоступно сияли на восходе горные края...

Да, великое утро занималось в тот день на Аксае. На пашню вышли не спеша, решили подождать, чтобы землю обветрило.

А тем временем лошадей поскребли, сбрую привели в порядок, пересыпали подмокший овес. Солнце быстро нагрело. И тогда они двинулись к плугам. Каждый на своей четверке. Плуги засосало во вчерашних бороздах. Втроем выворачивали каждый, очищали лемеха, смазывали колеса. А потом впрягли лошадей, рассчитывали к вечеру

¹⁶ З а р д е п — горячий конский жир-навар.

довершить загон, а с утра передвинуться на новый участок. Работа шла споро. Лошади, отдохнувшие за ночь, ухоженные поутру, бодро трудились. Втянулись, стало быть, теперь уже по-настоящему. Втянулись в нелегкую лямку плуга. Но вчерашняя пахота по снегу оправдала себя — почва обветрилась, вывернутые по снегу пласты рассыпались под лучами солнца на мелкие ровные комочки. Значит, земля не «поломана», не «смята». Значит, пашня качественная.

Хорош был тот день. Бывают такие дни, когда все ладится, когда жизнь понятна, прекрасна, проста. Не зря готовились всю зиму, трудились, школу вынуждены были оставить; аксайский отряд действует, плуги идут, сегодня должны прибыть Эргеш и Кубаткул. Тогда их будет пять плугов, это десять лемехов. Сила. Настоящий десант! А потом посеют, заборонят поля — и тогда жди урожая! Яровой хлеб совсем неплохой хлеб. Бригадир Чекиш говорит, яровой хлеб по урожайности уступает, но самый вкусный хлеб из всех хлебов. Дело пойдет. Дожди будут. Не может быть, чтобы дожди воспротивились, когда столько труда уходит, дожди будут, только бы там, на фронте, держались, наступали наши, чтобы на счастье уродился этот хлеб, не застрял в горле...

Так они шли по загону. Впереди Султанмурат, за ним шагах в двухстах Анатай и почти в полуверсте Эркинбек...

Солнце пригревало все больше. И на глазах зазеленели легким налетом муравы степные пригорки. Как в сказке: едешь в один конец — зеленеет справа, едешь в другой конец — зеленеет слева. Земля влажно дышала обновившимся духом. А плуги шли по Аксаю, оставляя позади гривы свежих борозд...

Вспорхнул жаворонок с земли. Зазвенел, залился неподалеку, и еще где-то запел жаворонок, и еще где-то. Султанмурат улыбнулся. Поют себе в удовольствие, ни дома у них, ни листа, ни ветки над головой, живут себе в голой степи как умеют. И довольны. Весной довольны, солнцем довольны! А где они были вчера, как переждали непогоду? Ну, то теперь позади.

Весна теперь не уступит своего. И работы еще много, это только начало. Ну так что ж! Вот придут сегодня Эргеш и Кубаткул, и тогда всем десантом навалятся, пойдет дело, пойдет...

Погоня упряжку, Султанмурат заметил всадника в стороне. Он проезжал мимо пашни в отдалении, поглядывая в их сторону, путь держал в сторону гор. За плечом ружье. На голове мохнатая зимняя шапка. Конь под ним рыжий, коренастый, выезженный. Ребята тоже заметили его. Стали кричать:

— Эй, охотник, заворачивай к нам!

Но охотник не откликнулся. Он проезжал мимо не приближаясь, все время поглядывая в их сторону. Султанмурат обрадовался его появлению, остановил коней и, привстав на стременах, крикнул в ту сторону:

— Эй, охотник, спасибо за ширалгу¹⁷! Спасибо, говорю! За ширалгу спасибо!

Но тот так и не откликнулся. Вроде бы не слышал и не понимал, о чем речь. Вскоре он скрылся за буграми. Значит, некогда, спешит по своему делу.

А примерно через полчаса появился второй охотник. Он тоже ехал в сторону гор и тоже с ружьем. Но он проезжал другим краем, по другой стороне загона, и тоже издали поглядывал в их сторону, проехал молча, не завернул, не поздоровался с плугарями. А пола-

¹⁷ Ширалга — часть добычи.

гается свернуть с пути, пожелать пахарям здоровья и урожая. Старик Чекиш говорит — люди не те пошли. Может быть, прав он, мудрый старик Чекиш.

А потом было самое волнующее событие.

Первым услышал Анатай. Молодец. Это он закричал что есть мочи:

— Журавли! Журавли летят!

Султанмурат глянул вверх — в чистом, беспредельно синем и беспредельно бездонном небесном просторе летели, медленно кружась, перестраиваясь на ходу, перекликаясь, журавли. Большая стая. Птицы были высоко. Но небо было еще выше. Необъятное огромное небо — и стая журавлей, плывущих живым островком в этой необъятности. Султанмурат смотрел, задрал голову, и лишь потом спохватился, неистово закричал:

— Ура-а! Журавли!

Все трое прекрасно видели, что то были журавли, но кричали друг другу как великую нежданную новость:

— Журавли! Журавли! Журавли!

Султанмурат вспомнил, что ранний прилет журавлей — хорошая примета.

— Ранние журавли — хорошая примета! — крикнул он Анатаю, обернувшись на седле. — Урожай, урожай будет!

— Что, что? — не расслышал Анатай.

— Урожай, урожай будет!

Анатай, обернувшись в сторону Эркинбека, кричал ему в свою очередь:

— Урожай! Урожай будет!

И тот отвечал им:

— Слышу, слышу! Урожай будет!

А журавли плыли, купаясь в голубизне неба, плыли не спеша, кружась на плавнокольшущихся крыльях, перекликаясь то сдержанно, то многоголосо, все разом, и снова в их рядах наступало спокойствие. В прозрачности того дня были хорошо видны их точеные вытянутые шеи, и тонкие клювы, и полуприжатые к телу ноги у одних и плотно прижатые у других. Иногда мелькали в движении белые концы маховых перьев по краям крыльев. Тогда-то, разглядывая птиц, плугари заметили, что стая медленно идет на снижение. Журавли все ниже и ниже спускались к земле, их вроде бы сносило каким-то течением туда, к дальним пригоркам. Никогда в жизни Султанмурат не видел журавлей вблизи. Они всегда проплывали над головой как видение, как сон.

— Смотри, садятся, садятся! — крикнул Султанмурат, и все трое, спрыгнув с седел, оставив плуги и упряжи, кинулись в ту сторону, куда опускалась журавлиная стая.

Быстро бежали. Вовсю! Хотелось увидеть журавлей вблизи: какие они из себя? Вот будет здорово!

Ах, как хорошо бежалось Султанмурату! Земля ложилась под ноги, сама шла навстречу. И вместе с землей снежные горы бежали навстречу, и журавлиная стая, кружащаяся в воздухе, с которой он не спускал глаз, плыла навстречу. Дух захватывало от бега и радости, и на бегу, ликуя, догоняя журавлей, подумал он, что, если журавли обронят перо, он найдет его и сохранит, подарит ей, Мырзагуль, журавлиное перо и расскажет ей все как было. Только бы догнать, только бы увидеть журавлей. Он бежал, неся в душе нахлынувшую нежность к Мырзагуль. Если бы мог, побежал бы он сейчас с журавлиным пером прямо к ней... Прямо к ней с журавлиным пером..

Они бежали, а немигающий жестокий зрачок следил за ними в прорезь прицела, плавно переводя кончик мушки с одного на второго, на третьего. Ненавистно смотрел этот зрачок, как бежали мальчишки в прорези прицела к журавлям. Земля за пределами прицела была такая большая, а они на срезе зыбкой мушки такие крохотные... Небо в прицеле над ними было такое большое, а они на кончике мушки такие маленькие. Щелчком сшибить — и не будет их... Все это в одну секунду могло исчезнуть, перестать мельтешить в прицеле, стоило лишь нажать на спусковой крючок.

— Эх, здорово я их усек, сейчас бы сшиб подряд, не успели бы пикнуть, — сдерживая дыхание, проговорил тот, что целился.

— Брось, дурило! С пулей не шутят, не целься зря, — ответил ему другой, что придерживал лошадей под уздцы среди зарослей курая, в глубиной, как волчье логово, вымоине под бугром.

Целившийся промолчал, играя желваками, но мушки не снял.

— Не высовывайся. тебе говорят, — приказал ему тот, что держал коней. — Набегаются — уйдут. Тебе-то что?

Не подчинился. Лежал, привалившись щетинистой щекой к прикладу, сладостно было ему следить в прорезь прицела за бегущими недоумками, ошалевшими от криков журавлей. Зло брало. Бегут и смеются! Бегут и смеются! Вот радость-то! Перещелкал бы тремя выстрелами, даже не трепыхнулись бы. Бегут и смеются! И чего, спрашивается? Бегут и смеются...

Долго бежали плугари, но когда прибежали на пригорок, увидели, что журавли снова набирали высоту... Значит, раздумали. А может быть, только показалось, что журавли садятся?

Ребята остановились, переводя дыхание. Запалились. А Султанмурат пробежал еще дальше и остановился, провожая журавлиную стаю со слезами на глазах...

Потом они вернулись и снова распахивали аксайскую землю. Хороший был день, замечательный. Пополудни приехала можара колхозная с сеном для коней. Картошки, мяса, муки, дров привез им возчик и сказал, что бригадир Чекиш велел передать — завтра прибудет сам и вместе с ним упряжки Эргеша и Кубаткула. Скажи, говорит, Султанмурату и ребятам: пусть не расстраиваются, все решено уже, завтра десант будет в полном составе. В обязательном порядке. И еще через пару дней приедет к ним на Аксай и председатель Тыналиев. Вот такие вести привез возчик можары. Все вместе пообедали, и, когда собирались отправиться снова на пашню, стряпуха сказала Султанмурату, что хочет съездить в аил, завтра вернется с бригадиром Чекишем, что у нее в аиле какие-то срочные дела и что она должна привезти мыла для стирки. А чтобы они не остались без нее голодными, она напекла им лепешек на целый день и оставляет готовый суп, который они смогут подогреть себе. Как не хотелось Султанмурату, чтобы она уезжала, но пришлось согласиться. Не будешь же спорить, задерживать взрослого человека.

С тем пахари отправились к своим плугам. Весь остаток дня допахивали загон. К вечеру завершили. Теперь можно было окинуть взглядом — большое поле подняли. Первое поле. А сколько еще пахать впереди. Но зачин есть. Без зачина же нет продолжения.

Уже в сумерках закруглили последнюю борозду, запахали огрехи на поворотах и, недолго мешкая, перетасили плуги на соседний загон, чтобы завтра с утра начать с нового места новую полосу.

Пока выпрягли лошадей и пока приехали на полевой стан, стем-

нело. Пусто на стане. Стряпуха давно уехала. Ну пусть, вернется ведь завтра.

Устали за день порядком. Не спеша рассупонили хомуты, поскидали их с конских шей, убрали сбрую в юрту, каждый на свое место. А лошадей, все двенадцать голов, тоже поставили на свои места у старой жогады без колес, привезенной на полевой стан вместо кормушки. Да, каждого коня поставили на свое место к сену в жогаде. Решили, что утром пораньше встанут, чтобы почистить коней от засохшего пота. Умылись впотьмах, потом разложили костерок в юрте и при свете костра поужинали всухомятку, разогревать сил не хватило.

Легли спать. Султанмурат уснул позже всех. Перед сном он еще раз вышел из юрты глянуть на лошадей. Кони спокойно стояли, уткнувшись мордами в сено, деловито хрумкали сухим клевером, пофыркивали с устатку. Да, спокойно стояли, голова к голове, по шесть коней с каждой стороны жогады.

Погода обещала быть спокойной. Луна на ущербе, совсем мало ее осталось.

Султанмурат походил немного, почему-то ему страшно было. Безлюдье, мертвая тишина, непроглядная бескрайняя ночь. Занятый делом и заботами, не замечал он, оказывается, как страшно здесь ночью в глухой степи. Он поспешил вернуться в юрту. Умогнулся на своем месте и долго еще не засыпал. Лежал с открытыми глазами во тьме. Думал о разном, вспоминал. Загрустил, затосковал вдруг по дому. Как там мать без него? От отца, стало быть, все нет и нет никаких вестей. Было бы какое письмо, возчик бы ему сегодня привез, да еще суюнчу¹⁸ потребовал бы. Отдал бы все, что захотел бы он. Да только что отдавать. У него тут ничего нет. Пообещал бы полмешка пшеницы, осень в колхозе выдадут хлеба, вот и отдал бы. Думая об этом, он вздыхал горестно, припоминая, как Аджимурат взял с него слово, что если отец вернется с войны, то встречать его на станцию поскочат они вместе верхом на Чабдаре, он как старший впереди, а младший позади. И то, как, встретив отца, они отдадут ему Чабдара, а сами побегут рядом, а навстречу мать и много близких людей... Да, случись такое счастье, из пуга выпряг бы Чабдара и поскакал бы... Потом он во сто раз больше отработал бы...

Султанмурат тихо заплакал, потому что смутно понимал, что такого счастья, возможно, никогда не будет...

Потом он улыбнулся себе во тьме, вспоминая, как встретил у переступок на речке Мырзагуль. Даже сейчас он помнил прикосновение ее руки и то, как рука ее сказала: «Я рада! Я очень рада! Ты разве не чувствуешь, как я рада!» И то, как в ней он узнал тогда себя, и как был потрясен этим, и как был рад тому, что она — это он. Спит, наверно, уже Мырзагуль. А может быть, в эту минуту думает о нем. Ведь она — это он. Султанмурат нащупал ее платочек, спрятанный в кармашке гимнастерки, погладил его...

И так он забылся, заснул. Крепко уснул. Потом какой-то дурной сон навалился. Кто-то душил его, руки крутил. Тогда он проснулся и не успел закричать от испуга, как чья-то увесистая жесткая ладонь, разящая крепкой махоркой, зажала ему рот.

— Молчи, если хочешь жить! — сказал ему на ухо хрипло дышащий махоркой, сопящий человек. Он разжал ему челюсти, растискивая их до ломоты железной пятерней, затолкал в рот тряпку, и пока Султанмурат сообразил, что происходит, руки его были крепко стянуты веревкой за спину. Холодющий пот прошиб, и тело стало дрожать само по себе. Что за люди эти двое в юрте, зачем они его связали?

¹⁸ Суюнча — подарок за радостную весть.

— Ну, этот готов, — прошептал один другому. — Давай тех.

Они копошились в темноте там, где спал Анатай. Анатай вскрикнул, забарахтался, но и его скрутили.

А Эркинбека ударили, кажется, по голове, он застонал и сразу утих.

Султанмурат все еще не мог понять, что происходит. Кляп распирал ему рот, он задыхался, руки сводило от веревок. В юрте стояла полная тьма. Но кто они, зачем эти люди здесь, зачем они так поступали с ними, чего они хотят, может быть, они хотят убить их? За что?

Султанмурат стал рваться, метаться, и тогда один из тех придавил его коленом и, стуча по голове твердым, железным пальцем, сказал негромко, но внятно:

— Брось брыкаться. Слышишь? Ты тут, кажется, главный. Мы вас связали, вы не будете отвечать, вы ни при чем. Запомнил? — говорил он, стуча то и дело железным ногтем по голове. — Будете умными — все обойдется. Когда вас найдут здесь, расскажете все как было. Какой с вас спрос! Но если что, если кто трепыхнется сейчас, прежде времени, прибью, как щенят. Душу вон! Тихо лежите. Не подохнете.

И они вышли из юрты, шумно дыша, ругаясь и отхаркиваясь. Султанмурат слышал, как они возились у коновязи, что-то делали, кони испуганно перетаптывались, храпели, шарахались. А через некоторое время послышался топот многих копыт, щелканье кнута, опять какая-то ругань, и топот коней стал удаляться и вскоре совсем затих.

Только тогда дошел до Султанмурата весь ужас случившегося. Конокрады увели их плуговых коней! Обида, ярость разрывали душу. Он метался, пытаясь ослабить руки, но из этого ничего не получалось. И, задыхаясь, он стал крутить головой, выталкивая языком кляп. Во рту горело, кровоточило, распирало. И все-таки удалось наконец выплюнуть проклятый кляп изо рта. Как на свободу вырвался. Голова закружилась от притока воздуха в легкие.

— Ребята, это я! — подал он голос, приподнимая голову. — Это я! Это я говорю!

Но никто ему не ответил. Он услышал, как зашевелились Анатай и Эркинбек на своих местах.

— Ребята, — сказал он тогда, — не бойтесь. Я сейчас. Я сейчас что-нибудь придумаю. Вы только слушайте меня. Анатай, пошевелись, где ты?

Анатай замычал, заерзал, приподнимаясь с места.

— Анатай, подожди! Будь на месте! — Султанмурат покатился к нему через ворох одежды, сбруи. — А теперь ложись спиной ко мне, подставляй свои руки. Слышишь, спиной ко мне, подставляй руки...

Теперь они лежали спиной друг к другу и Султанмурат нащупал веревки на руках друга. Командуя Анатаю, как лечь и как повернуться, нащупал узлы. Уговаривая Анатаю потерпеть, перенести боль в руках, все-таки нашел, зацепил какую-то петлю, веревка ослабла. А там Анатай сам выдрал свои руки на свободу...

Конокрады уходили не спеша. Уходили то рысью, то полугалопом, в темноте не очень-то поскачешь, да и не было необходимости уносить ноги сломя голову. Сработано чисто. И от кого бежать — от мальцов? За сто верст вокруг ни души. А мальцы лежат связанные, сопят в две дырочки. Пусть благодарят судьбу, что еще так обошлось...

Они уводили с собой четырех коней. Рассчитали по паре на каждого. Больше не возьмешь. Дай бог этих проглотить, чтобы в горле не застряло... Путь предстоял далекий, по безлюдным местам. Дня три только до пригородов Ташкента. Да там еще. Только бы добраться.

А там дело плевое. На Алайском базаре в Ташкенте мясо пойдет на расхват по килограммам, по граммам, люди там торговые, умелые. Сплавят. То их забота. А за четырех отменных коней, мясо которых сейчас на вес золота, деньги как увезти? Вот задача, кроме смеха! Куда столько денег! Вот это хапанули! Быстрее бы уж. Все! Теперь ищи ветра в поле. Деньги будут — сгинуть нетрудно. Да и пора, давно пора уже ноги уносить отсюда, пока не накрыли. А накроют — крышка! Трибунал. Только хрен им ишачий! Деньги будут — жизнь будет! За Ташкентом сколько еще городов и земель...

Не зря говорят — судьба. Совсем доходили уже. Ну-ка побегай по горам в мороз и стужу, пока добудешь его, архара, а добудешь — мясо паршивое по этой поре: дикое, одни жилы. Не угрызешь. Да и патроны были уже на исходе. Долго не протянули бы. А тут кто бы мог подумать — как с неба свалились на Аксай эти мальцы с плугами. Сам бог послал! Есть он, есть наверху — каждому свое определил.

Брали с краю, не выбирали, лошадки все как на подбор, по два пальца жира на ребрах, таких сейчас во всем свете не сыщешь. Уваристое мясо будет — оближешься. Есть он, есть бог наверху, есть! Послал добычу, послал удачу!..

Они уходили не спеша. Незачем было вес лошадей терять. Такие лошадки мясникам на Алайском базаре и не снятся. Выкладывай деньги, жмоты, получай!..

Вот они, красавцы, все четыре, на длинных поводьях ременных, заранее заготовленных, рысят, пофыркивают, знали бы, куда их угоняют. Угон тоже продуман. Табуном не угонишь, разбегутся. Один держит поводья в руках, сам посередке в седле, а кони по бокам на длинных поводьях, два справа, два слева. А напарник сзади на рыжем коне, погоняет хлыстом, не дает задерживаться. Только так. Не спеша, но и не тихо. С умом, с умом требуется дело делать...

13

Чабдар оказался на месте. На Чабдара вскочил Султанмурат, выбежав из юрты, и, кружась на нем, успел прокричать:

— Анатай, скачи в аил! Не задерживайся! Скачи! Зови наших! А я придержу их! Я догоню их. Только ты быстрее! А ты, Эркинбек, будь здесь и ни на шаг никуда. Ясно? Скачи, Анатай, скачи!..

А сам унесся на Чабдаре в ту сторону, куда ушли конокрады, судя по топоту угона.

Вперед, Чабдар, брат мой Чабдар, вперед, догони их, догони! Я не упаду, я не расшибусь. Не бойся за меня. Вперед, Чабдар! Если погибнем, то вместе, только скачи быстрее, быстрее, я понимаю — темно. Страшно, и тебе страшно. И все равно вперед. Быстрее, быстрее! Где они? Что там мелькнуло впереди? Что-то там движется. Только бы не упустить. Вперед, Чабдар, вперед... Не упади, Чабдар, не упади...

14

— Погоня! — испуганно крикнул один из конокрадов, уловив приближающийся топот скачущего коня.

И они припустили, пошли галопом, потом вскачь. Теперь прохладаться было некогда. Теперь или пан, или пропал! Теперь бежать. Теперь уходить без оглядки.

Ведущий стянул поближе в кулаке поводья угоняемых коней, прилег к седлу. А напарник, нахлестывая сзади кнутом, погоняя что есть мочи, торопил. От топота множества бегущих копыт земля загудела.

Ветер засвистел в ушах. Ночь стремительно летела навстречу черной, бескрайней, гремящей рекой.

— Стой! Не уйдете, сто-ой! — кричал им Султанмурат, все ближе и ближе настигая их кучу. Но его голос доносился лишь урывками в бешеном гуле скачки.

Чабдар! Великий конь Чабдар! Отцовский конь Чабдар! Как он шел! Точно бы понимал, что не может не догнать и не может, не имеет права упасть в этой страшной скачке по Аксаю среди ночи.

Султанмурат быстро поравнялся с конокрадами, пошел краем, им-то с лошадьми на поводу не так легко было уходить.

— Отдайте наших лошадей! Отдайте! Мы на них пашем! — кричал Султанмурат.

Напарник повернул на скаку, кинулся к нему зверем, хотел сшибить с коня. Но тот увильнул. Молодец, Чабдар, молодец!

Уходя от преследующего конокрада, Султанмурат выскочил вперед, зашел сбоку кучи и стал теснить, заворачивать ведущего с конями.

— Назад! Назад! — кричал он.

— Уйди, убью! — орал тот, разворачивая коней, но Султанмурат снова выходил вперед, снова теснил, мешал прямому ходу.

И так они шли. Напарник всякий раз отгонял его, а он выходил то с одной, то с другой стороны, встревал на пути, мешал угону.

А потом прогремел выстрел. Султанмурат не услышал его, увидел лишь яркую вспышку и успел поразиться освещенному на миг огромному пространству Акса и черной куче лошадей и людей, дико скачущих мимо него...

А сам, падая с лошади, отлетел в сторону, покатился кубарем, обжигаясь о каменистую твердь, и, вскочив на ноги, сразу понял, что конь под ним не просто споткнулся. Лошадь билась на боку, колотясь головой о землю, хрипела и отчаянно сучила ногами, точно бы все еще порывалась бежать...

Истошно крича от боли и ярости, сам не ведая того, что делает, Султанмурат кинулся вслед за конокрадами:

— Сто-ой! Не уйдете! Догоню! Вы убили Чабдара! Отцовского коня Чабдара!

Он бежал не помня себя, он бежал в ярости и негодовании, он бежал и бежал за ними, словно бы мог догнать их, остановить и вернуть назад. Угон уходил, стучали копыта во тьме, угон уходил, открываясь все дальше, а он не мог и не желал примириться—пытался догнать. Он бежал, казалось ему, охваченный пламенем, все тело его саднило, особенно лицо и руки, ободранные в кровь. Чем быстрее и дольше бежал он, тем нестерпимей горели лицо и руки...

Потом он упал, покатился по земле, захлебываясь, невозможная удушье. Он не знал, куда деть лицо и куда деть руки от невыносимой боли. Он коржился, вопил, стонал, ненавидя эту ночь, ненавидя этот яркий, возникающий всплесками огненным свет в глазах...

Он слышал, как постепенно удалялся, угасал топот угона. Все слабей и глуше вздрагивала земля, поглощая далекий бег копыт, и вскоре все стихло вокруг, замерло...

И тогда он встал, побрел назад, рыдая громко и горько. Никак и ничем не мог он утешить себя, и некому было утешить его в безлюдном ночном Аксае. Плача, вспомнил он, как обещал Аджимурату взять его с собой, когда отец вернется с войны. Нет, теперь уж им с Аджимуратом не придется скакать на станцию встречать отца с фронта на отцовском коне Чабдаре. И теперь не посеять им на Аксае столько хлеба, сколько требовалось. И не будет теперь того дня, торжественного и радостного, когда они вернутся с аксайских полей, волоча

за собой в упряжках плуги, сияющие зеркальными, напаханными лемехами. И не выйдет она на улицу порадоваться, не увидит его въезд в аил и не восхитится им, не подивится ему... Сокрушались мечты. Оттого и плакал он...

15

Принюхиваясь на бегу и все явственней ухватывая по ветру запах свежей крови, волк бежал куцым скоком, все ближе выходя к тому месту, откуда доносился этот сильный, возбуждающий его дух. То был крупный, хотя и отощавший за зиму старый зверь с жесткой кабаньей холкой. Он перебился зиму — пока бродили на Аксае сайгаки, теперь они ушли с Аксае в Большие пески на расплод. Молодые волчьи стаи держались в горах, перехватывая ослабевших архаров на тропах, а он переживал самую тяжкую пору. Ждал появления сурков после зимней спячки. Со дня на день ждал, с часу на час. Вот-вот должны были сурки потянуться на солнце. То было бы спасением. Как долго лежали сурки в земле, в своих глубоких, недоступных норах! Как голодно и тоскливо было жить волку в эти дни на Аксае!

Волк бежал на манящий запах крови, испытывая закипающую глухую злобу, в опасении, как бы кто другой не завладел добычей... То была большая еда, то была конина. Запах пота и мяса дурманил, кружил голову! За всю свою жизнь раза три или четыре удавалось ему вместе со стаей загонять лошадей.

Волк бежал, роняя слюну из полураскрытой пасти, волк бежал, испытывая острые схватки в пустом желудке. Волк бежал белесой скачущей тенью в сереющей мгле предрассветной ночи.

Как ни хотелось волку с налета кинуться на добычу, инстинкт сработал — переборол себя, сделал круг поодаль. И тут он оцепенел — человек оказался возле убитой лошади. Человек привстал испуганно.

— Эй! — вскинулся Султанмурат и притопнул ногой.

Волк отпрянул, неохотно потрусил в сторону, туго зажав хвост между ногами. Надо было уходить. Здесь человек. Человек мешал завладеть добычей. Отбежав немного, волк резко остановился и, глухо рыча, обернулся к человеку. Сизым злобным всполохом вспыхнули волчьи глаза. Пригнув голову, скалясь и свирепея, волк начал медленно приближаться.

Султанмурат приостановил его угрожающим криком и успел сдернуть с головы Чабдара уздечку. Он быстро скрутил уздечку жгутом, намотав вокруг нее поводья, а тяжелые железные удила выпростал наружу. Теперь удила были его оружием.

Волк подошел еще ближе, прижался к земле, вздыбив загривок, и замер перед прыжком, как сжатая пружина.

Султанмурат первый раз в жизни отчетливо услышал свое сердце — оно обозначилось в груди напряженно сжимающимся комом...

Султанмурат стоял наготове, пригнувшись, с уздечкой наотмашь...

ПАРУЙР СЕВАК

★

ЗДРАВСТВУЙ!

С армянского

Здравствуй!
Одно-единственное слово произношу,
Действительное, как паспорт с печатью на все времена,
В этом слове моя биография,
Анкета моя.

Мне хотелось бы,
Очень хотелось бы,
Чтобы стало всемирным паспортом
Это слово
Для всех.

Мне хотелось бы,
Очень хотелось бы,
Чтобы слово это волшебное,
Открывая все двери в мире,
Обеспечивало успех.

«Здравствуй!» — скажешь ты скорому поезду,
Кораблю или самолету,
И не нужно другого билета.

«Здравствуй!» — скажешь ты незнакомке,
И тебя незнакомка полюбит
Или вместо ответа
Улыбнется смущенно,
Если кто-нибудь с нею
Поздоровался до тебя.

«Здравствуй!» — скажешь ты ясному небу,
И прольется желанный дождик.
«Здравствуй!» —
Скажешь земле пустынной,
И колосья в ответ поклонятся.

«Здравствуй!» —
Скажешь ты смерти,
И смерть сама догадается,
Что явилась к тебе не вовремя.

Здравствуй — значит: «Сезам, отворись!»
«Здравствуй!» —

Скажешь медведю,
И могут с медведем играть наши дети.
Не бывает игрушек занятней на свете.
И в починке медведь не нуждается.
Лишь медведь заводной повреждается.
Со змеею как с тростью старик бы ходил.
Согласился бы нам чемоданом служить

крокодил.

Заменяли бы вешалку людям олени.
Буря выла бы только на сцене.
Человеком воистину стал бы тогда человек.

Добрый час, добрый день, добрый век,
Если в мире добро воцарилось
И у нас на устах водворилось.

Здравствуй! —
Вот он, мой паспорт,
Моя биография,
Вот вам анкета моя.
Весь я в слове одном.
Я
И ты,
Вы,
Они,
Человечество, здравствуй!

В невозможном возможное,
В мире повсюду для нас,
Нет, не только завтра — сейчас
Это слово единственное, всемогущее:

Здравствуй!

19 февраля 1964 г. Ереван.

УТРЕННИЙ СВЕТ

Утренний свет,
Едва пробужденный,
Чистый, студеный:
И есть и нет.

Мир наш первичный
Слишком привычный.
С ним разлучаюсь,
Нет! Отключаюсь!
Я сам не свой:
Сосуд пустой,
Не просто пустой,
А безвоздушный,
Приют радушный
Для мира нового,
Пока еще не готового.
Этот мир мой невиданный,

Неведомый, неожиданный .
 На себе испытаю,
 Как подобает врачу,
 И человечеству мир мой вручу.

Всяких иллюзий лишенный,
 Надеждою вооруженный,
 В мире проблематичном
 Больше не буду судить
 О бытии по несбыточному,
 Тешась воздушными замками, словно

дитя,
 И за подделку фальшивой монетой платя;
 Отчаиваться не намерен я,
 В силах своих уверен я.

Я сам, едва пробужденный,
 Свежей водою студеной,
 Студеной, чистой, снежной,
 Ради весны неизбежной,
 Лицо себе освежаю,
 Лицо больного, и снова
 Любого другого больного,
 Веру, страну, человека
 Живительным омовеньем,
 Целительным прикосновеньем
 К жизни я возвращаю
 И новый день возвещаю
 Ресницам, губам, лицам,
 Людям, зверям, птицам.

Как никогда я зорек,
 И каждый из вас мне дорог;
 В каждом из вас таится
 Что-нибудь неповторимое,
 Зримое или незримое,
 Что-нибудь, мною любимое,
 С тех пор как, четвероногие,
 Мы две ноги потеряли,
 Оставшись на двух ногах.
 И с высоты непреклонной
 Камнем лечу вниз
 И достигаю лона —
 Низменности отдаленной,
 Где в плодоносной жиже
 Жизнь сама зарождается
 Миллионами лет,
 И языком камня
 Произношу: «Аз, буки»,
 Что означает «солнце»
 Или «да будет свет!».

16 марта 1967 г. Арзни.

Перевел В. МИКУШЕВИЧ

Быть может, от этих когтистых ветвей,
 Быть может, от стужи, согнувшей меня по дороге
 И вынуждающей дальше идти по снегам
 (Я хочу прижаться к твоим рукам)...

Она ли кончает письмо, я ли вместо нее —
 Сам не пойму:
 «Все вопросы мои оставь без ответа,
 Но ответь по совести только на это:
 Весна отшумела —
 Я увидеть тебя не сумела,
 Лето вослед отшумело —
 Я увидеть тебя не сумела,
 Осень вослед отшумела —
 Я увидеть тебя не сумела,
 И зима отшумит —
 Не увижу тебя.
 А где наше время года в их черед,
 То, пятое?.. Неужели никогда и нигде?»

1 февраля 1963 г. Ереван.

МИРУ НУЖНА ЧИСТОТА

Чистота нужна миру, да, нужна —
 В облике героев, грустью осененных,
 На гибель обреченных... от вечной неприкаянности.
 И в облике тех женщин, которые при жизни
 Из всех мужчин на свете знали одного...
 И в облике мужчин, чьи фигуры хмуры,
 Под ноги глядят, плечи их понуры,
 Но — мысли их свободно
 Летят куда угодно и когда угодно
 И взмывают ввысь
 Помимо нашей воли,
 А когда устанут,
 Чайками садятся
 На океан всемирный
 Людской судьбы и боли...

Чистота нужна в облике улыбки —
 Чтобы мы вошли в сладкий жар улыбки,
 Как вошла пчела в свой медовый дом.

Чистота нужна в облике живом
 Смеха — чтобы вдруг раздавался взрыв.
 Никого вокруг не спросив,
 Чтоб катил поток, с головы до ног обдавал и мыл
 Без мочал, без мыл.

Чистота нужна в облике гвоздики,
 Пусть к земле она пригвоздит земное,
 Землю склеит пусть с воздухом, и с ними
 Склеит нас пускай аромат гвоздики.
 Чистота нужна в песне соловья,
 Чтобы азбукой, только ему известной,
 Ему одному, только птице чудесной,

Впредь всегда посылать в мирозданье приветы
И, быть может, услышать оттуда ответы,
Нам неведомые, серьезные, звездные...

Чистота нужна
И в облике, видишь, той птицы —
Пунцовая шапка, черное тело,—
Той птицы,
Которая к небу воздела
Свой клюв, чтоб молиться.
И вот она молится, как кардинал без паствы,
Совсем не за наши души,
А только за чистоту этого древнего мира...

Нужна чистота!..

Чистота нужна,
Чтобы даже окаменелые камни
Внутренне ощущали себя
В прежнем, жидком существовании,
Чтобы даже растенья могли выдыхать...
солнечный свет,
А не только незримый поток углерода,
Чтобы впредь человек себя чувствовал так
хорошо,
Как мелодия в величественном храме природы,
Как цвет — на гениальной картине природы
И словно игрушка, которую держит дитя природы..
Миру нужна чистота ребенка,
Того ребенка,
Которого ежедневно рождают на свет
Даже нечистые люди,
Даже они, нечистые люди,
Потому что... миру нужна чистота!..

27, 31 ноября 1965 г. Чанахчи.

Перевела Ю. МОРИЦ.

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

★

СИМОДА *

Роман

Адмирал и Посьет говорили все про свое.
— Что же будет с американским договором? — спрашивал Путятин.

— Подобраны разные титулы: тенно, микадо, дай-ри. Также и для сиогуна — кубо.

Адмирал с небольшим отрядом шел из города Симода. Между склонами гор часто показывался океан, напоминая, что теперь путь свободен, договор подписан, можно уходить из Японии...

В прошлом году Роджерс шел на Сахалин, и Перри требовал от Японии уступить юг Сахалина для американской базы торгового и военного флота. Японцы ответили — Сахалин не наш, там русские.

Путятин, узнав о таких претензиях Перри, заявил: «Сахалин русский, там посты и гавань Анива наша!»

Теперь англичане подготовили морскую экспедицию с десантами на Сахалин. Сайлес в разговоре с Посьетом как бы ждал подтверждения, что русские знают это.

Путятин шел на величайший риск из величайшей осторожности, он оставлял в договоре пункт о совместном владении. Выхода иного не было. Они рады, что мы признали за ними Матсмай, который они сами еще до сих пор как-то неуверенно считали своим. Они понимают, что главный их враг и причина всех причин неудач — собственная самоизоляция. Но мы могли бы потерять Сахалин, полагает Путятин. Путятин всегда считал англичан главным противником и самой большой силой в мире, больше всего опасался их, а не японцев и американцев и полагал, что нельзя прежде всего англичанам утвердиться на Сахалине. А с японцев англичане теперь и потребовать ничего не могут, тут уж вмешалась бы Америка, которая сама хотела занять юг Сахалина...

Алексей знал, чего хотят сторонники так называемого прогрессивного развития. Некоторые личности в Петербурге рассуждали так: нам не нужны ледяные пустыни. Никакое умное правительство и разумный государь не будут убивать деньги на пробуждение диких пустынь Севера. Надо идти в населенные страны. Ставить там гарнизоны, строить порты и эксплуатировать людей там, где они живут массами. Занимать деньги у западных банкиров и вкладывать их в предприятия, железные дороги, строить их не у нас, а в других странах, выходить на Адриатическое море, как англичане

---

* Окончание. Начало см. «Новый мир» №№ 7, 8 с. г.

в Индию. Предприятия в странах густо населенных сразу дадут доходы. Тогда уж можно и о развитии Сибири подумать.

Петербург жаждет дивидендов, капиталистического развития. Турцию занять! Пролиты! Предлог всегда есть. Балканы! Не позволять Австрии носа туда сунуть!

И на эскадре поговаривали, что надо бы занять порт Нагасаки, контролировать воды китайских морей и угрожать торговым путям... Но дианские офицеры не сочувствовали таким взглядам. Что же думает Евфимий Васильевич? Неужели все наши добрые дела в Японии послужат лишь банкирам?

Говорили, что казна наша бедна, чтобы исполнять замыслы Муравьева и пробуждать Сибирь, нужны средства и предприимчивые люди из народа. Невельской, бывало, бранился: «Займы? Вы что, господа! Мало вам, что мужик у вас пьян, вы хотите все государство превратить в должника по процентам!» Ему возражали: «Отстали, отстали! Куда как отстали от Европы! Надо банки открывать, проводить железные дороги!» «Вы постройте железную дорогу через Сибирь!» — отвечал на это Невельской.

Это суждение Невельского запомнилось Сибирцеву, верно, на всю жизнь...

Но про самую главную причину, из-за которой Путятин уступил, он написал в письме великому князю Константину.

Тсутсуй и Кавадзи хотя и обещали подписать договор в Нагасаки и были любезны и приветливы с Путятиным в Симода, сочувствовали ему и помогали его людям, потерпевшим бедствие, но они дали понять, что ни за что не подпишут трактата, если он не уступит. Кавадзи держался на переговорах очень жестко и твердо требовал своего, хотя на уме у него, может быть, и были какие-то иные намерения. Если же мы не заключили бы трактата, то в эту тяжкую пору войны отдали бы Японию под безраздельное влияние наших сильных врагов, с которыми американцы нашли бы общий язык, а мы не смогли бы уравновесить враждебного влияния. Саму Японию стали бы превращать в нашего врага, ее жизнь осталась бы для нас закрытой, а ее порты были бы нам недоступны. Так что все это сделано не только ради престижа и бюрократии!

Но он не мог объяснить это своим молодым офицерам. Пусть поймут сами, не маленькие.

Глава 29

Без свидетелей

Адамс объяснил губернатору Исава, что не признает ратификацию, если не будет подписи главы Японии.

— Поняли меня?

Разговор происходил в старом храме, который разгорожен на узкие комнаты, где временно после цунами разместились послы управления западных приемов.

С Исава скатилось семь потов. Не зря же он видел во сне, что его покусали собаки. Сон в руку. Исава кусали его же друзья — американцы. Это их он видел во сне под видом собак. Нос губернатора совсем повис над толстыми губами, а глаза вот-вот выкатятся.

Комната так узка, что лица Исава и Адамса близки, как у сидящих за одним столом. Адамс сидит на длинной узкой скамье западного высокого образца, и на такой же скамье напротив, у другой

стены, Исава. У двери расположились офицеры Адамса, японские чиновники и переводчики.

— Подписи сиогуну невозможно поставить,— отвечал Исава вежливо.

Разговор опростился до крайности. Сиогун так и называется сиогун, как будто рядовая чиновничья должность. Вот до чего мы доходим с западными людьми!

— Я согласен. Но вы поняли меня?

— Да. Спасибо.

— Я категорически объявляю: подобная ратификация недействительна. От Америки подписал президент. Кто от вас?

— Члены высшего совета выразили волю высшего...

— Подписей членов совета за высшего недостаточно.

— Что же хочет коммодор?

— Кто у вас глава государства? Дай-ри, живущий в Киото? Так я требую подписи самого высшего — дай-ри!

— О-о! — По щекам губернатора покатались новые капли пота.— Это невозможно...

Какие бы мы друзья ни были, но тут никакие подарки делу не помогут. Хотя без подарков во всем мире при деспотиях, при чиновничьих режимах и при демократиях никто ничего не сделает. Во всех странах одинаково! В Азии и на Западе делу сильно помогают подарки, двигая прогресс.

— Почему?

— Дай-ри — бог... и на документах не подписывается.

— Что значит — бог? Давайте разберемся.

— Да, пожалуйста.

— Он на земле живет или на небе?

— На земле...— отвечал японец обиженно. При всей вежливости и расположении к американцам Исава едва терпел. Следовало выйти и распороть себе живот.

— Я требую подписи дай-ри! — сказал Адамс с грубой властью, превращавшей его отечное, расплывшееся лицо в злое и грозное.— Грамотен ли дай-ри? Учат ли дай-ри в детстве?

— Да.

— Тогда пусть подписывает.

— Нет, этого нельзя сделать. Не позволено. Нельзя обратиться с такой просьбой. И, знаете, я не имею права даже говорить... Тогда вам будет прислан другой чиновник...— Исава всхлипнул, не сдержавшись.

— Было нельзя — будет можно. Для Америки все можно. И говорить можно. Неужели вы не понимаете? Мы чтим вашего императора и нижайше просим его подписи.

— Он — бог.

— Пусть и подписывает как бог. В конце концов, должен же когда-то ваш император участвовать в управлении страной! Мне кажется, что это не он не хочет подписывать. А это вы, чиновники... Это не я, а Путятин так думает... Они, по-моему, прикрываются высшим существом,— обратился Адамс к своим офицерам.— Это все их хитрости.

— Ваш бог может поставить подпись на американском договоре? — вдруг с интересом и как бы дружески спросил американцев Эйноске.

Адамс сказал Исава, что питает лучшие чувства и глубокое уважение к японскому государю, но что несоблюдение обязательств, взятых на себя уполномоченными японского правительства, вызовет воз-

мущение во всей Америке, что у Америки могущественный флот и что гнев американцев станет безграничным.

Накануне он подарил переводчику журналы для Исава «Мэгзин ревью», где помещено в разворот страниц изображение парада американского военного флота, и все японцы теперь, конечно, эту картину видели.

— Ущерб Японии может быть велик, но унижение еще более ужасное, потеря престижа перед своим же народом, и более всего в глазах князей.

Исава опять стал возражать, повторяя старые доводы и чуть ли не отказываясь от самой сути заключенного договора. Он сказал, что Япония не хочет принять американских консулов, вся страна против.

— Как?! — бешено вскричал Адамс.

«Не хотят ли они все расторгнуть?» Отвислая кожа на дряблых жирных щеках покрылась красными пятнами, мешки ее запрыгали. Адамс сжал кулаки.

Теперь, когда Путятин нет, следовало действовать единственным способом, который оставался в распоряжении и который японцы понимали.

— Дай-ри! — закричал он на Исава. — Все, что в договоре! Или... Или...

— Нельзя... совершенно...

— Тогда сиогуна!

— Как это можно так менять? — в тон ему закричал Исава, нашедший удобный миг и повод для подражания Адамсу. — То так, то этак... Так и так. Так и так! — переворачивал он в воздухе ладонь.

Его чиновники-японцы засмеялись. Переводчик Эйноске сказал Адамсу, что решено послать срочное письмо в Эдо.

— Америка вас выучит! Необходимо этот дух выветрить! — кричал Адамс и наконец в изнеможении спросил: — Где Кавадзи-сама?

...Кавадзи тем временем в своем храме занимался изучением копий американского договора. Он ждал прибытия делегации для приема Адамса, а также подлинников договора, чтобы проверить их в свою очередь.

Адамс возвратился на корабль с головной болью. Проходя по палубе, он сделал вид, что ударил кулаком по огромному жерлу пушки, и сказал сопровождающему его Эйноске:

— Вот вам что надо! Тогда будут все обещания исполнены. И мы вас не будем щадить. Мы всю Японию сожжем дотла, если нам понадобится.

Эйноске улыбался. Он приехал будто бы за обещанными американскими газетами, чтобы вечером читать их содержание Кавадзи и Тсутсуй и постараться их уговорить. Очень хорошо описываются иногда события в Европе и происходящая война. Очень приятны также отношения западных держав между собой! Приятно знать. Подобные сведения в Японии держатся в секрете.

Коммодор вызвал к себе врача, а потом капитана Мак-Клуни и артиллерийского офицера.

Артиллерист, блондин среднего роста, с прямыми волосами и вздернутым носом, был заикой. Но команды офицер выкрикивал всегда ясно и четко. Он никогда не заикался на учениях и в бою.

— Наведите дальнобойную пушку на город как бы во время занятий, но оставьте ее наведенной на Симоду.

Офицер ушел наверх, и вскоре раздался свисток, слышно было, как лязгнули, прогибаясь, рельсы, заскрипела палуба, и орудие легко заскользило. Корабль вздрогнул...

С берега сразу увидели, что огромная пушка поехала по кругу и нацелилась на город, прямо на скопище храмов. Шпионы и полицейские сразу побежали извещать об этом.

Ниже храмов, у воды, стояла общая баня. Из нее, прикрываясь, выбегали испуганные японки и смотрели на повернутое жерло чудовища.

Американские матросы облепили борта «Поухатана» и махали голым японкам шляпами.

Из бани появилась одетая старуха и, подняв кимоно, присела за баней напротив «Поухатана» оправиться — спиной к Америке.

Толпа матросов на палубе как по команде отпрянула и разошлась.

Утром к пароходу подошла лодка. Чиновник Хирояма и переводчик Тацуноске поднялись на борт «Поухатана». Хирояма Кендзиро прибыл из Эдо.

Кендзиро сказал, что очень представительная делегация едет из столицы в Симода для обмена ратификациями с послом Адамсом, очень спешит и скоро прибудет. Хирояма всех поздравлял и благодарил. Он был так восторжен, что добиться от него больше ничего не удалось.

На следующий день явился второй губернатор, или, как называли американцы, «лейтенант-губернатор», и сказал, что уполномоченные прибыли.

Адамс ответил, что ждать больше некогда, немедленно надо все обсудить, что он отдал все продукты русским и не может задерживаться.

Японцы заверили, что все будет очень скоро сделано и что, не понимая английского текста, просят еще раз перевести ратифицированный в Америке договор на голландский.

Адамс напомнил, что одна копия на голландском получена японцами в прошлом году.

Адамсу было заявлено, что в прошлый раз американцы оставили в Симода связки религиозных книг. Японцы просят взять все книги обратно, все сразу, и что в противном случае возникнут очень серьезные недоразумения. Это затруднит дальнейшие переговоры, и хорошие отношения будут нарушены.

— Везите книги ко мне,— сказал Адамс.

-- Это очень трудно...

— Тогда поступите с ними как сочтете нужным.

Этого-то и надо было, важен прецедент уничтожения миссионерских книг по распоряжению посла Америки.

— Мы часть привезем сюда.

Эйноске, приехавший с вице-губернатором, сказал от себя Адамсу, что уполномоченные будут очень внимательны и опоздали не по своей вине. И тут же, как это он умел, ввернул как будто свое неодобрительное замечание, что в этом году особенные условия и что больше послов не могли прислать, но что благоприятным обстоятельством оказалось окончание переговоров с Россией.

Что это значит? Адамс догадывался, что сказано в ответ на его ссылки на общественное мнение свободной Америки и на упоминание о могуществе флота. Переводчик Лобшэйд, сообразительный и чуткий на обиды, подтвердил, что японцы мелочно мстят.

...В управлении западных приемов состоялось заседание с самыми «высшими уполномоченными», как рекомендовал прибывших из Эдо чиновников лейтенант-губернатор.

Перед Адамсом целый ансамбль великолепных фигур, знатная картинная делегация, на вид гораздо эффектней и представительней той, что вела переговоры с Перри.

Возглавлял ее знакомый Адамса — как мумия, сухой Тода, князь Идзу, с запавшими настороженными глазами и темными большими глазницами, похож лицом на белого каторжника. Но известно по прошлым встречам, что это остроумный и светский человек, друг Америки. От имени Японии Тода первым подписывал в Канагава договор с Перри. Теперь с ним Исава и еще трое японцев.

Все были представлены друг другу, названы имена и звания.

Адамс готов был поверить, что честь оказана и почетный обычай соблюден. Но после заседания Тацуноске сделал темный намек, и тут же всплыл Эйноске. Адамс уехал и просил Лобшэйда все у них разузнать.

К вечеру все выяснилось. Из Эдо прибыл князь Тода. Но ученый Кога Кенидзиро включен в делегацию для приема Адамса из делегации приема русских. Он тут и жил, ниоткуда не приезжал.

— А главный чиновник Чжу Робэни?

— Это Чуробэ. Из делегации, принимавшей Путятина.

Так все вранье! Заставили ожидать окончания переговоров с Россией и поручили прием Адамса тем же чиновникам. Не делегация прибыла, а единственный Тода!

Пока Адамс тянул японцев из лужи, он сам в нее погряз, незаметно для себя втянулся в те условности и церемонии, которых сам до сих пор не признавал. «Но разве в этом дело!» — опомнился он.

На следующем заседании Тода сказал, что договор прибыл для сравнения с тем договором, который привезли американцы, но что английского никто не знает и сверять надо китайские и голландские копии. Но потом их, конечно, надо сверить с подписанными Америкой и Японией.

Копии сверяли, но главные подлинники не показывали.

Адамс сказал:

— Если ратификация договора, доставленного вами из Эдо, произведена без подписи августейшего суверена Японии, как требует статья двенадцатая договора, заключенного в Канагаве, то я не могу принять документ в обмен на договор, привезенный мной из Соединенных Штатов. Договор подписан президентом, скреплен его печатью и одобрен конгрессом. Я подготовлю письмо на имя канцлера Абэ Исе но ками и пошлю его губернатору со своим офицером, и прошу любезности незамедлительно переслать письмо в Эдо. Я обязан также поставить в известность президента сколь возможно скорее, чтобы он мог сразу предпринять меры, которые он найдет соответствующими чести и достоинству страны.

Адамс добавил, что он требует подписи светского императора с наименованием его титула «кубо», как советовал мистер Лобшэйд, опытный миссионер из Китая.

Спорили долго про титулы, и наконец Тода испугался или притворился испуганным и сказал:

— Мы согласны, что имя светского императора должно быть... упомянуто... при заключении договора.

Не давая разгореться гневу Адамса, японцы заявили, что удаляются всей делегацией, чтобы обсудить подробности, и тогда поговорят в большом согласии и с уважением.

Возвратившись, Тода заявил, что делегация еще будет все обсуждать.

— Хотя бы так, — сказал Адамс, — чтобы сказано было, что император поручил ратификацию этим лицам, этим пяти лицам высшего правительства. Поняли? Надо объяснить, что эти пять подписей и их печать — это и есть подпись императора. Да чтобы сиогун заверил и сам подписался.

Все происходило 13 февраля в храме Черакуди, где сад уже начинал цвести. С Адамсом были переводчик Лобшэйд, высокий, как столб, черноглазый и яростный на вид лейтенант Коль, которого японцы почему-то стеснялись, лейтенант Пегрэйм, господа Елдридж и Крэйг и корабельный клерк — целая свита молодых и строгих личностей, похожих на сыщиков. Все в устрашающих усах и бородах и в узких полосатых брюках, от которых ноги американцев делались еще длиннее. Все при оружии и с мощными кулаками. Такие личности ходят подле каждого адмирала цивилизованной страны при переговорах и даже толкают плечами как бы нечаянно.

Тода заявил, что слово «кубо» совершенно неприемлемо, не может быть употреблено. Это ошибочное, вульгарное слово. Наименование очень вульгарное, употребляемое только очень простым народом.

Уловка? Или щелчок по носу Лобшэйду с его претензиями на знание Японии?

— Лучше,— продолжал Тода,— употребить слова «тай кун», что означает «гранд лорд» или «август суверен». И это слово уже шестьдесят лет употребляется в международной переписке с иностранными государствами.

— С какими? Разве у вас...

— Да... С великими империями-соседями... С Кореей. Из Кореи пишут «тай кун». И мы в Корею. А слово «кубо» как очень вульгарное совершенно неприемлемо для официального правительства документа, и это было бы неприлично.

Адамс долго еще слушал эти упреки.

— Так что же решим окончательно? — спросил он.

Японец Тода был совершенно брит и лыс, у него нет даже косички на темени. Он, право, похож на беглого каторжника из нью-йоркской тюрьмы. Он окончательно выматывал нервы американского посла. А прошлый раз Тода был таким покладистым, и на все соглашался при переговорах с Перри, и сидел с ним рядом. Американцы поначалу принимали за чистую монету его титул принца и были польщены, но теперь оказывается, что этих принцев в Японии тысячи.

— Слова «тай кун» также уже употреблялись нами при переписке с Россией и Голландией,— сказал «беглый каторжник» с таким видом, словно окончательно успокаивал Адамса.

Клялись, что никогда еще не было, чтобы тенно подписывал... И что сиогун никогда не подписывал. А сейчас уверяли, что все будет, как Адамс просит? И при этом будет так, как много раз было при переписке с Кореей, Голландией и Россией.

А почему не с Китаем? Про Китай не помянули. Да потому, что китайцы позволяли всем писать к своему двору только как от низших к высшему. Народу в Пекине внушается, что все земли управляются из Китая, из Китая все изделия, книги, бумага и все, что на ней напечатано, все короли мира — данники и вассалы Китая, и даже английская королева Виктория. Кроме посла Боуринга в Гонконге, который бомбардирует китайские порты.

Япония, без сомнения, считается низшей и зависимой от Китая. Монарх Японии упоминается в переписке с Китаем только как подчиненный, зависимый от китайского богдыхана, почти как его должник. Хотя японцы читают иероглифы не так и смысл получается другой. Рассказывают, что китайский император подарил своему любимцу все территории на север от Китая без ограничения и конца, и Канаду, и Сибирь, и все, что там дальше за ними, и все неоткрытые земли.

С китайцами еще будут дела похуже, чем тут. Они еще докажут,

что и Америку всю тот император давно уже подарил своему сыну вместе с индейцами и что настанет пора воспоминаний...

Так думал на официальном заседании с японскими дипломатами посол Адамс, не слушая японцев, которые надоели ему переливанием из пустого в порожнее.

На «Поухатане» был назначен прием и, как советовал Путятин, приглашены Кавадзи и Тсутсуй.

— У дай-ри есть ли печать? — спросил Адамс у Кавадзи, принимая его и Тсутсуя в своей библиотеке.

Кавадзи в белоснежной манишке. Важный и модный, собрав в складки лоб, слушал, слегка опершись на тяжелый веер как на скипетр.

— Да, есть, — ответил он.

Гончаров когда-то сказал Кавадзи: «Буду всегда ждать, что ваше имя, Саэмон, окажется в числе творцов новой Японии».

— Япония очень древняя страна, — сказал старичок Тсутсуй, — и у нас созданы сложные и многочисленные... традиции... которых японцы любят придерживаться... Это очень трудно понять западным людям и требует от нас много сил и времени.

— Я достаточно стар, — ответил Адамс, — и все понимаю.

— Вы знаете, я очень рад этому. Я тоже стар, — ответил Тсутсуй. — Я согласен с вами вполне. И чем старше человек, тем опытней. Должен заметить, что я старше по возрасту, чем Соединенные Штаты Америки... — Старик ласково и нежно улыбнулся, и глаза его потонули в морщинках.

Тсутсуй добавил, что совсем недавно он читал о реке Волге и что Волга — настоящая русская река, как Миссисипи — настоящая американская река, и воды этих рек привычны народам России и Америки. И он похвалил русский широкий и великодушный народ на Волге и пожелал, чтобы он там плавал счастливо, у себя на родине.

— Это очень чудесно! — добавил он.

Адамс заговорил. Он стал терпеливо и подробно излагать суть дела и всю его историю. Он говорил долго, твердо и горячо, и в тоне его слышалось полное уважение к Кавадзи, последняя надежда, и это было очень трогательно. Но Кавадзи понимал, что лук у них натянут до предела и что если сейчас все окажется напрасным, тщетным, то больше у них уже не останется терпения. Теперь очевидно, сколько запасов сил у Америки.

— Вы хотите, чтобы на договоре была подпись и печать шегуна? — вдруг резко спросил Кавадзи, кладя руку с выдвинутым локтем на колено и наклоняясь быстро всем телом к Адамсу, как бы делая выпад в сабельном бою.

— Да, мы этого просим нижайше... Это... — И Адамс опять заговорил. — Пожалуйста, гавану, — между прочим предложил он японцу коробку сигар.

— Или вы хотите, чтобы была подпись и печать дай-ри? — спросил Кавадзи, беря сигару, держа ее уверенно в пальцах и делая еще один энергичный выпад.

— Да, но если этого нельзя... то... получить подпись шегуна...

Снова наступило тягостное молчание.

— Но договор Японии и Америки уже ратифицирован, — сказал Кавадзи. — И на договоре имеются подписи, а также печати. Печать дай-ри, императора Японии... также подпись и печать шегуна.

Все стихли.

— Все же нижайше осмелюсь спросить, являются ли в этом случае подписи личными?

— Да, поставлены личные подписи.

Кавадзи обвел послов Америки холодным, но благожелательным взглядом, как бы говоря: слушаем вас со всем вниманием и вежливостью. Теперь я видел, как вы беспокоились. Совершенно так же, как беспокоилась Япония, когда в залив Эдо два года семь месяцев и три дня тому назад вошла эскадра Перри. Спасибо вам. Но нет оснований для ваших беспокойств, как не было оснований у японцев, когда они еще не поняли, что миссия Перри дружеская.

— Но почему же так отказывались послы и губернатор?

— Это ошибка и недоразумение. Они боялись взять на себя ответственность и что-то утверждать. Подписи на договоре не зависят от объяснений и мнений уполномоченных, и это очевидно само собой, когда это видно на документе. Уполномоченные не смели рассуждать ни о чем подобном.

Дальнейший разговор был бессмысленным. Это чудо! Или удивительный обман?

В честь Кавадзи и послов дан был американцами праздник. Но печать полного недоумения, так несвойственного важным и уверенным западным людям, не сходила с лиц американских послов.

На другой день в храме состоялся обмен ратификациями.

Тщательно были рассмотрены все подписи и печати. Японцы дали богатый обед. Но потом на корабле у Адамса собрались миссионеры, японец, ставший американцем, знатоки китайского, Лобшэйд и все дипломаты и до утра всё изучали и спорили. Это подозрительно! Действительно, как объяснили японцы, кроме печатей членов горочью, были поставлены еще какие-то печати. Почему же они упорствовали? Зачем? И как их проверишь? В Японии пока еще нет купленных Америкой журналистов, нет и парламента. Они могли и обмануть... Что это за закорючки? Господи, в чем же дело?

Тревога была написана на каждом лице.

Вызвать свидетелей? Обязать дать особые расписки от имени власти, что эти подписи действительны? Но тогда действительны ли будут подписи властей? Законны ли их подписи? Не подпишут ли они ложного свидетельства? Или же? Или этот Кавадзи — гений! Тогда и совет Путятина дорог. Викинг! Могучий человек!

— Господа! — заявил Адамс. — Довольно сомнений! Наши требования удовлетворены. Я поздравляю всех вас, господа. Все вы преданы мной к награде. Благодарю наш доблестный экипаж.

Посол назначил день и час ухода. Назначен ответный прощальный прием послов, концерт, бал, пир... Приготовлены подарки.

— И довольно! Довольно! Никто у нас более не выдержит этой пытки. Никаких больше сомнений и проверок! Если верим мы, то почему не поверит американское общественное мнение, президент и секретарь флота? Довольно! Пока мы все не стали сумасшедшими от этой мнительности! В плавань! В Америку! Довольно!

В канун прощального приема Кавадзи сидел у себя в храме подавленный и мрачный.

Японцы не так умны и хитры, как это кажется европейцам. Они тугодумы, плохо понимают, если речь идет о чем-то новом. Их мысли узки, отрывисты и малы, как острова. Но еще замечено, что они совсем не такие патриоты, как принято думать. Они свои слабости, хитрости, жадность, пороки — все умеют объяснить службой дай-ри, патриотизмом, но на самом деле это не так.

В битве они с бешеным воодушевлением кидаются в ярости на врага. Да, это так. Но если смело не кинешься вперед, то все равно тебя убьют. Но убьют свои, и с позором. Поэтому нужна сильная и сторожайшая власть.

Но ведь устрашающая сила, все подчиняя себе, довела Японию до позора...

Самое большое препятствие — это наша цивилизация, предрасудки и условности, мы обросли ими, как ракушками. Они губят людей и связывают их. Тут Перри прав.

Если бы Кавадзи спросили высшие силы: чем он недоволен? Я недоволен пунктом договора с Россией о совместном владении Сахалином. Ты хотел бы, как и правительство, взять остров целиком? Да. Или я хотел бы поступить мудро и целиком оставить его России. Я этого хотел, но Путятин почти навязал мне остров. Я знаю, что, пока живы русские и пока Россия великая, могущественная и непобедимая, ей нужен выход в море. У русских много земли, даже слишком много. Им земля не нужна, им нужен выход в море. Теперь между нами и Россией начнется вражда и война из-за этого совместного владения. В русских больше силы, чем во всех других народах, хотя у них нет машин, пароходов. Я мог им сам отдать Сахалин, хотя и требовал весь остров, как мне было приказано. Но я не смел отдать остров. А Путятин не подумал о будущем, и мы вместе совершили ошибку, которая будет нам дорого стоить...

— ...Эй, что ты смотришь? — кричал Сенцов с путятинского вельбота, оставленного адмиралом.

Сенцов жил в Гекусенди и шел на вельботе с Дьяковым, жившим прежде в Аниве и считавшимся японским переводчиком. С ними Авдюха Тряпичкин. Шли мимо парохода. Сенцов завидел знакомых, хлопнул себя по коленке и сделал такое движение, словно дернул шнур от американской пушки.

— Поворачивай орудие на баню! Японка туда мыться пошла!

— Разве Путятин здесь? — спросил пети-офицер.

— Ноу, гоу звей¹, — ответил Авдюха, знавший по-английски. — А нас пятеро... Файв². Остались здесь. Фор сервиллиэнс³.

— Гуд! — крикнул рябой, которого русские звали Кружевным и с которым не раз пили сакэ.

Глава 30

Восхождение на Хаконэ

Кавадзи... всем нам понравился... Он был очень умен, а этого не уважать мудро... каждое его слово, взгляд, даже манеры — все обличало здоровый ум, остроумие, проницательность и опытность. Ум везде одинаков; у умных людей есть одни общие признаки, как и у всех дураков, несмотря на разницу наций...

И. Гончаров, «Фрегат «Паллага».

Кавадзи ехал через горы на север, домой. Он увозил из Симода тяжкий груз забот, впечатлений и мыслей, которые следует претворить в дела. На это не хватит жизни.

С древних времен Симода считается местом необыкновенным, таинственным, сильно влияет на судьбу того, кто побывает в этом городе хотя бы ненадолго. Говорят, что Перри болен, что его карьера окончена. Путятин пришел в Симода с пушками, но высшие силы

¹ Нет, ушел.

² Пять.

³ Для наблюдения.

разоружили его, потопили его корабль и превратили посла в нищего. Тогда он получил права и уважение Японии⁴.

Перед отъездом из Симода Кавадзи еще раз побывал по приглашению Адамса на «Поухатане». Все эти годы он тщательно изучал книги о Европе и Америке. Он зорко следил за переговорами американцев в Японии и за всеми их действиями. Он впервые видел парход, поворотное орудие на рельсах. Конечно, у американцев много замечательного, они богаты и практичны. Они, дважды пригласив Кавадзи, выказали ему честь и уважение. Подразумевалось, что во всех разногласиях может разобраться только он. Американцы благодарили его заранее. «Но японцы все сделали так, как было решено прежде,— ответил Кавадзи.— Просто мне удалось убедить, что все верно».

Кавадзи понял, что партия ученых — его противников — права во многом. Без изучения американской науки и машин Японии трудно будет сохранить независимость и противостоять державам Запада. Поэтому судьба обязывает временно покориться и дружить. Но, заимствуя способы практической жизни и стремление к богатству, нельзя забыть гуманизма в действиях Путятин и его подданных.

Путятин пришел в Японию тоже с артиллерией. Обстоятельства сложились не в его пользу, и у него не хватило сил настоять на том, чего он желал. Это понятно, и Кавадзи не обманывался и не обольщался. Корабли и вооружение у Путятин были хуже, чем у американцев. Но человек познается в несчастье. Путятин и его люди выказали большую человечность, они бросили артиллерию как ненужную и не проявили трусости или эгоизма. Напротив, они словно обрадовались, что смогли войти в Японию не как сила, диктующая свои условия, а как «сто тысяч новых граждан», то есть сто тысяч врагов, которые становятся, по китайской пословице, новыми гражданами, когда слезают с коней. Может быть, их просить остаться в Японии? Как это сделать? Они были бы полезны, но это невозможно. У них идет война, и они хотят исполнить свой долг и сражаться.

Требовалось считать иностранцев врагами, а тут были порядочные и честные люди. Оказалось, что у Путятин очень хорошие матросы, все умеют, много работают, не жалуются и терпят. Получается, что русские офицеры умны, матросы работают как боги. А пришли на плохих кораблях и, казалось, были бедны.

У русских очень сильный народ, привыкший к бедности и тяжелому труду. На кораблях Путятин все делается мускулами. У Перри и Адамса парходы ходят без ветра. Есть паровые шлюпки, паровые лебедки, подача грузов паровой силой. Опыт общения с русскими более подготовил Кавадзи ко всем этим сложным американским устройствам.

Путятин — дипломат. Хитер и силен. Иногда он прикрывает свою слабость добротой и человечностью, у него нет иного выхода, и мы не должны обольщаться его чувствами, как и американскими машинами и богатствами. Но консулов мы обязаны принять. В этом он прав.

Говорят, что однажды Путятин объяснял Посъету, и переводчики поняли. Посол будто бы так сказал: «Все дела с Дальним Востоком для Петербурга неясны, столица и правительство не знают. Когда делаются приобретения, им понятно. Но когда уступки — тоже ничего особенного. С этим можно смириться, это мирные соседи, это не Турция!»

⁴ От автора. Жители Симода уверяли меня, что американцы во второй мировой войне первую атомную бомбу бросили в 1945 году именно на их город. Но бомба упала в море и не разорвалась. Об этом есть статьи в японской печати и надписи в музее города.

Не осквернять священной японской земли предков, ни в коем случае не позволять России иметь консулов, для которых придется отдать куски земли, это страшно, позорно, оскорбительно, чистота идеи нарушается. Вот мнение Мито Нариаки. Абэ не отказывается от его советов.

А до Сахалина бакуфу никакого дела нет. Им не Сахалин нужен, им нужен повод, чтобы обелить себя за ошибки в американском договоре чистой устаревших идей, поэтому и лезут из кожи вон и готовы друг друга рубить саблями, но пока кланяются и улыбаются. Им в Эдо свои чиновничьи мелочи дороже всего. Они все хватают себя за нос и за уши, а о стране думают меньше, чем в Петербурге.

— Японцы,— говорил в минуты откровения Накамура Тамея,— очень слабый и впечатлительный народ. В нашей стране очень много людей, которые хотят от кого-нибудь кормиться. Это от привычки служить князьям,— добавлял он с виноватой улыбкой.— Такие любят присосаться и добывать средства из любой благородной идеи. Так было с христианскими проповедниками. И так снова будет, когда страна откроется. К любому обществу и к любому американцу прикрепятся нахлебники, сочувствующие чему угодно, лишь бы их кормили.

— И будут помогать ему познавать особые тайны японской души... Души Востока...— отвечал Кавадзи.

Поэтому в Японии всегда должна быть строжайшая власть с многочисленной полицией, тогда народ будет выказывать чудеса терпения и трудолюбия...

Началось восхождение на высокий и грозный перевал горы Хаконе. В сосновом лесу утрамбованная дорога круто поднимается вверх. Кавадзи идет пешком. Носильщики несут на руках его каго, ящики, портфели, оружие, палатки, платья. Каждую вещь несет особый поданный. Армия вооруженных, целая старинная японская армия, сопровождаемая вельможу, подымается на Хаконе, минуя огромные лавры, сосны и кипарисы. В лесу глухо, темно и тихо.

Путятин по прибытию в Симода для переговоров заявил послам, что желал бы закончить переговоры к Новому году, чтобы Тсутсуй и Кавадзи встретили праздник в кругу своих семейств. Очень трогательно! В словах посла большая любезность и маленькая хитрость, как и полагается. Воин и рыцарь всегда помнит долг и цель. Теперь пожелание Путятина выполнено стараниями японских послов под руководством правительства. Кавадзи едет в Эдо! И он везет свой портрет, нарисованный Можайским...

Где-то в этом лесу как в море плавали лесные киты⁵, прыгали и бегали лисицы и ходил благородный олень...

Молодой самурай по просьбе господина прокричал лисицей. И горы крутыми склонами в черно-зеленом лесу отозвались. Знаменитое эхо Хаконе, чуткое, как душа Японии.

Близка вершина.

Кипарисники расступились, и открылось чистое тихое озеро, в котором во всем блеске и во весь рост и мощь отражалась божественная Фудзи.

Сначала он увидел Фудзи в озере. Вся от подножия в ледяных покрывалах, с мятежной озабоченной головой, в рассеянных мучительных туманах. Такой она и отражалась в тихом озере. Потом поднял глаза, и, как голубое пламя в снегах, вспыхнуло до зенита небо.

Захотелось преклониться, встать на колени. После молитвы начали подъем. В узком проходе между скал стояли вооруженные воины.

⁵ Лесные киты — так называют кабанов.

Высокий и худой светлоглазый полицейский офицер, переведенный сюда из Эдо как на самый ответственный участок, встречал посланца бакуфу низким и почтительным поклоном. Свирепая и беспощадная стража Хаконе склонилась перед Кавадзи. Здесь обыскивали и проверяли каждого, кто шел в Эдо и обратно. Тут неподкупная стража.

Начальник заставы — ставленник Мито Нариаки, и он понимает охрану Японии старомодно и очень примитивно, как все реакционеры. Ночуя здесь в прошлый раз, Кавадзи сказал высокому стражу, что Япония не должна больше воображать себя неприступной. Чуждые и вредные влияния врываются в Эдо, минуя стражу на Хаконе. Япония теперь будет почти бессильна, если не заведет пароходов.

«Моя застава бессильна? Кавадзи не верит мне? Он сам бывший начальник береговой охраны Японии! Так это он, наверно, сам первый предатель. Он хочет разрушить нашу веру и нашу стойкость. Конечно, если ослабятся сердца стражей на Хаконе, то в столицу могут проникнуть враги. Но этого не будет». Пока Кавадзи вел переговоры в Симода, страж написал множество доносов на Кавадзи, надеясь, что тому пошлют приказ совершить сеппуку⁶. Но вот Кавадзи снова тут. Надо постараться заметить еще что-нибудь подозрительное и опять написать несколько доносов и послать их веером в учреждения столицы.

Кавадзи, поднявшийся на Хаконе во главе сильного и важного военного шестивой старинного образца, помышлял лишь о том, чтобы поставить новые, более искусные заставы. Ота из Хэда купил гору у князя Мидзуно, оставаясь крестьянином князя. У Ота корабли и ломбарды, у него огромная торговля, его капитал вложен в разные общества и в самые разнообразные предприятия в нескольких городах. Крестьянин Ота богаче, чем вельможи. Кавадзи все дано, но все зависит от его положения на службе, от покровительства более высокого вельможи. Такие, как Ота, ворочают делами в Эдо, они богаче самураев, а самураи, угрожая им саблями, зависят от них и берут у них займы деньги для нарядов жен и дочерей.

Кавадзи сказал стражу на Хаконе за чаем, что сила варварских машин и образованность западных людей прорывают все преграды, невозможно удержать. И если он, страж границы, не будет изучать машины и западные науки, то Японии грозит опасность. Найдены варварами другие перевалы, не через Хаконе, но еще более опасные.

— Где?

Японец, полицейский офицер с границы, не понимал совершенно. Он даже забыл в этот миг о своих намерениях доносить на Кавадзи.

Кавадзи спешил к Новому году. Он простился с отражением Фудзи в голубом зеркале горного озера и, ссутулившись, весь погруженный в думы, побрел пешком по битой дороге среди хвойного леса.

Из новогодних обычаев некоторые очень нравились ему. Например, чтение законов. На четвертый день праздника крестьян собирали в домах и старосты читали законы государства. Это чудесно! Так народ приучается мыслить государственно. Никто не смеет отговориться незнанием законов. В этот праздник будет читаться новый закон об отмене запрета строить корабли для дальних плаваний. Какое возбуждение охватит весь японский народ! Каждый захочет построить. Тут же каждому будет сказано: тебе нельзя! Но этот новый закон окажется таким контрастом по отношению ко многим старым и ветхим законам шегуната, которые прочтутся в этот же день. Эти законы — как старая застава на Хаконе. Кому надо лезть через Хаконе, когда

⁶ Сеппука — то же, что харакири.

идут пароходы прямо в Эдо, пойдут товары, пойдут купцы, появятся консулы. В сердце каждого японца родится то новое, чего не может увидеть застава на Хаконе, какой бы чиновничьей и самурайской честностью и опытом ни владел ее начальник. Глупый и честный солдат! Его ждут потрясения! Он ловит своих и на своих пишет доносы!

Чудесный случай послали боги, разбив «Диану» в море Суруга. Путятин и его люди в Японии. Вот где маленькая точка, на которую можно опереться. О такой точке мечтал западный Архимед! И-чин дурак! Но не он один дурак. Старая мать не могла подать ему разумного совета. Красавица из деревни могла бы выйти замуж. Если связь до брака считалась бы виной, то крестьянство вокруг Симода перемерло бы без риса, которым платят моряки за любовь, оставаясь в гавани в непогоду. Даже дворянство невзыскательно к девице до брака. Жизнь придворных дам известна... Сам Кавадзи смирился. Жизнь Сато была изуродована.

И-чин решил смутить русскую армию, полагая, что знает, в чем слаб ее дух. И-чин дурак? И-чин хитрит и хочет быть прогрессивным!

Даже на самых южных Курилах русские крестили айбов! Этого Кавадзи не ожидал. Собственные японские документы свидетельствуют против него! Русские крестили и на Итурупе и на Кунашире! Японцы, считая себя в своей стране как в крепости, плавали вокруг Кунашира на сэнкокуфунэ или на лодках и только впоследствии поставили укрепления. Крещение оскверняет людей и земли, по японским понятиям! Если бы японцам в старину принадлежал Кунашир, то крещение там было бы совершенно невозможно! Ужасный довод! И на Сахалине жили крещеные! Вот результат полной изоляции! Лучше не заглядывать в древние документы, а обратиться к политическим теориям ученых! Еще в эру Бунко, да и прежде были умы, провозглашавшие, что японцам необходимо захватить Камчатку и Сахалин. Сахалин на одной параллели с Францией, и там построить южную столицу Японии, японский Париж. Камчатка на параллели Англии, и там поставить северную и главную столицу, японский Лондон. Страну на островах Ниппон превратить в рай и заповедник, а всю военную и экономическую мощь развивать на новых территориях, называя их Эссо.

Путятин, конечно, полагал, что на территории Сахалина при совместном владении японцы будут втянуты в общение с их крещеными инородцами. Впервые за всю свою историю! Если японцы захотят продолжать политику изоляции, они сами уйдут с Сахалина. Если же не уйдут, то втянутся и переменятся. Там никакое бакуфу не удержит их от крещения! Вот чего хочет посол!

Важнейшее — это флот. Вот в чем новая жизнь!

...Можайский говорит, что винт в воздухе будет двигать летающие корабли, как сейчас на море. Это чудесно. Любой ценой, во что бы то ни стало Кавадзи должен задержать русских в Хэда! Добиться, чтобы в Хэда строились корабли европейского типа.

Путятин говорит, что японцы — народ самый старательный на свете и потому гениальный и великий. Это изящная похвала! На самом деле японцы очень тупой народ, но очень упрямый. Пример тому — начальник на погранзаставе. Мы очень туго что-нибудь понимаем. В городе, который был разрушен, среди руин и нищеты принимаем иностранцев и показываем им Японию с самой плохой стороны. Правительственные чиновники сидели голодом. Это позорно для Японии. Во всякой другой стране сразу после цунами просто переменяли бы порт для приема иностранцев. А у нас?

Ночью, когда мы возвращались из Гекусенди, то увидели при свете луны разрушенный порт. Очень страшно. Кога тоже так думал. Все

объясняется преданностью и традицией, когда это уже не нужно. Даже договор русские отправляют в Петербург не в ящике, который не могло сделать правительство, а в личной шкатулке моего чиновника! Не в государственном ящике! Это ошибка Японии!

Неприязнь к Кога стала еще сильнее, может быть оттого, что взгляды часто совпадали и хорошее, прогрессивное мнение они оспаривали друг у друга.

Какая бедность в Симода! Но открыт роскошный салон «Свободная Америка» на частные деньги и с субсидией И-чин. А сам Кавадзи ел шарики из риса и плохую рыбу. Но что же это за государство, что за политика, что за приемы?!

Когда в аристократической семье дочь обучают женскому языку, то стараются, чтобы она ласково и мягко говорила. Но мещанки, не имеющие воспитания, слишком стараются подражать и ласково говорить не зная меры — получается безобразие, сразу видна невоспитанность. Так же бывает и с дипломатами, которые хотят казаться вежливыми. Так и мы сами очень смешно выглядим, неумело подражая западным людям.

На другой день Кавадзи явился к канцлеру Абэ. Болен умный Абэ. Обязательная неподвижность губит его. Важность ужасна, от нее ожирение. Он готов закрыть лицо руками от ужасов и мучений, которые ждут его, тридцатисемилетнего молодого человека. Он не может, как европеец, ходить во дворец пешком, купаться и плавать, заняться спортом, ехать лечиться в Баден-Баден.

Многие японцы за Америку. И конечно, японцам надо учиться у Америки, а не у России. Но изучение России тоже необходимо. В Киото говорят об американских машинах, но простой народ больше значения придает мешку риса, который бедный матрос принес семье умирающих с голоду.

Абэ полагал: надо замалчивать все, что сделали морские солдаты для японских голодных семей и что делает Путятин для Японии.

Князя подают совет: не выпускать Путятина из Японии, пока он не уступит в вопросе о консулах. Может быть, так придется поступить.

За бумажными перегородками в замке Эдо Кавадзи докладывал. Он сказал, что в вопросе о консулах надо уступить. Абэ не дал окончательного решения.

Вечером влиятельные вельможи съехались в загородный дом Сазмона. Беседа шла на короткой ноге, совершенно по-западному.

— Мы хотели бы более подробно знать о западном мышлении,— сказал молодой канцлер Абэ.

— Господа,— начал Кавадзи,— Путятин и его офицеры обижаются на то, что по следу их ходят и каждое их слово записывают мецке. Я согласен с адмиралом Путятиным. До каких пор мы будем поступать так варварски и примитивно, более играя в наблюдение, чем наблюдая? Что надо нам в современном положении? Изучение иностранцев в их странах, изучение их народа, машин, от умственной и общественной жизни до способов выработки их оружия, также банковское дело, экономику, транспорт, все их многообразные достижения. А не слежка по пятам! Теперь они быстро перенимают у нас подозрительность. Но мы не должны обольщаться. Мы должны быть бдительны. Это глупая чиновничья игра в разведывание чужих намерений при полном бессилье. Это мертвые догмы реакционеров. Так сказал бы адмирал и посол Путятин на моем месте...

На столах стояли коробки сигар, буылки виски и западный шоколад.

Все согласились, что западный человек мог бы так сказать. Кавадзи гениально копирует западных людей. Кавадзи — мецке высшего класса, он проник в душу Путятин и Адамса. Втайне каждый хотел бы того, чего, по словам Кавадзи, потребовал бы Путятин, если бы он был японцем. Как же это сделать? Кто первый осмелится сказать, что это не Путятин так сказал бы, а он сам?.. Кажется, Кавадзи первый осмеливается.

В японской истории для детей теперь будет написано, что японский князь из рода Токугава сам построил первое судно западного типа. Но каков окажется корабль на самом деле? Дети об этом не узнают. Полное уважение к князю Мито в правительстве и в народе! И в истории.

«Наш таинственный, прекрасный город скоро откроется миру!» — проводив гостей, думал Кавадзи, идя в павильон Сато.

От ветра с моря гудели вершины вековых кусуноки, среди стволов которых за городом построены летние резиденции вельмож.

Когда-нибудь совершится то, ради чего трудится Кавадзи. Япония откроется миру, откроются университеты. Наука и образование будут доступны всем. Армия будет по западному образцу. Построится флот... Но вельможа, служивший шегуну, должен уйти вместе с ним. Уйти с той властью, которой он служил. Только это благородно. Уйти в леса и жить как монах под дырявым зонтиком или уйти из жизни...

Когда он осуществит свои мечты, он будет не нужен бушующей толпе молодых капиталистов, карьеристов, важных чиновников, а тем более для социалистов! Он открывает ворота Японии в будущее. И народ пойдет через новые, еще более жестокие страдания. Но он верит в свой народ. Разве достойно объяснять, зачем он всю жизнь трудился? Нет, ниже его достоинства! Он не будет вспарывать себе живот. Он возьмет в свои руки барабанный револьвер и, показывая, что, верный традициям, он был новым человеком, приложит револьвер к своему виску. Он останется верен Японии будущего!⁷

— Милая Сато!

Она тонкая, в темном кимоно, с тонкой шеей, с огромными глазами, которые кажутся больными или слегка пьяными. Их зрачки странно расширены, как у курильщицы. Глаза слегка испуганы, но прекрасны.

Сато ждала, стоя среди комнаты, где почти пусто, но где во всем утонченный вкус и высокое искусство.

Сато мягко, как западная балерина, поклонилась и присела, опустившись, чуть не коснувшись коленями пола.

Глава 31

Возвращение в Хэда

Последняя походная ночь застала путников, или странников, как говорил Сибирцев, в деревне Матсузаки, где все жители знали и ждали посла Путятин.

Только теперь, когда Алексей добровольно отказался от возвращения в Россию, его потянуло туда, а тут, кажется, ни на что смотреть не хотелось. Что казалось прежде ярким, чудесным и заманчивым, потускнело и перестало существовать.

⁷ Впоследствии, когда произошла так называемая реставрация Мейджи и восстановление власти императора, Кавадзи имел возможность сотрудничать с новым правительством, но покончил жизнь самоубийством, застрелившись из револьвера.

Над близкими лапами сосен занималось красное зарево, и стали видны все их черные лапы и кисти длинных игл, как у пиний или кедров. Собиралась всходить ущербная луна, она скоро совсем исчезнет и народится вновь, и с ее рождением в виде слабой серебряной травинки начнется буддийский Новый год, и весь народ запирует и загуляет, останутся работы, наступит самый большой праздник... И леса понемногу начнут просыпаться, и вся страна превратится в сплошной ухоженный сад, украшенный храмами и пагодами. А у нас уже минули крещенские морозы, купанья в прорубях, водосвятия, святки, прошли гаданья, крещенские вечера и уже заговенье...

Поутру все собрались со смехом и шутками, а когда зашагали по хорошей утрамбованной дороге, уже почувствовалось, что скоро наступит труд, скудная рабочая жизнь, нешуточные испытания.

Чем ближе Хэда, тем чаще вспоминается жизнь там и Оюки. Как она сожалела, когда Алексей уезжал... Оюки приближалась, как сама судьба. Он сам от Верочки отказался надолго. Когда он заявил, что не пойдет на «Поухатане», сердце его печально екнуло, словно закрылся замок. Ведь он вытянул жребий идти в Америку и в Петербург через Германию. Он мог бы повидать ее. Отказывался из рыцарства, из гордости перед американцами, из верности товарищам. Иного выхода не было. Это его долг! Нечего сожалеть, как бы страшно ни было. Он смотрел в лицо смерти и ждал ее. Но смерть его миновала, однако судьба подготовила другой удар.

— Надо уметь и уступать! — вдруг услышал он слова Путятин.

Сразу разговор утек совсем в другую сторону по ряду офицеров, шедших гуськом за адмиралом.

— Мы им строим судно — вот наша уступка!

Мысли и фразы тем отрывистей, чем сильнее устаешь. Жарко, тропа идет то вверх, то вниз.

Кто-то сказал о Пьющих Воду, как один матрос принес рис в такую семью.

— Господа офицеры, — сказал Путятин, — и в Англии это есть. Но не Пьющие Воду, там и воды такой нет, как здесь... Дышащие Воздухом! Так называются батраки, изъезженные старые кони, костистые, рослые, изношенные люди с волосами, как пакля, харкающие кровью или угольной пылью. Кроме права дышать воздухом, у них нет никаких прав. Их дети, подрастая, пополняют собой лондонские тюрьмы и трущобы. Дышащие Воздухом, господа!

Память о переговорах еще была свежа, но голова высвободилась на время, и можно запросто поговорить на пешем переходе в лесу со своими офицерами. Но нельзя всего сказать им, раскрыть всех его забот на будущее...

Он полагал, что в Императорской гавани надо строить порт и город. Но центр нового края должен быть южнее, где-то близ гавани Посьета, где бухты не замерзают либо замерзают ненадолго. Только там!

Такова забота на будущее, о которой и в Петербурге не знают. И знать не хотят. Путятину придется взяться за все самому. Тем более договор, заключенный в Симода, сделан, как и подобает.

А в рассуждениях его офицеров — распущенность, маниловщина!

— А вы знаете, что у японцев гейши исполняют сцены раздевания догола?..

— Вы видели?

— Нет. Но Кавадзи обещал показать.

— Это, может быть, в Европу надо перевезти и там открыть кабаре с гейшами.

— Как будто европейских артисток нельзя научить! Им уж немного осталось снять...

Алексея и Верочку сближала не светская жизнь: верховая езда, балы и опера, рождественские вечера. Верочка, как и Алексей, выросла в деревне. В детстве она бегала без надзора с детьми крепостных, ездила верхом поить крестьянских лошадей. Она развивалась в деревне. Любила читать рассказы Тургенева и даже сказала однажды Алексею, что вот, мол, во многих книгах изображается светская жизнь или битвы, военные подвиги, великие преобразования, а как бедны мыслью многие такие книги по сравнению с рассказами Тургенева о ничтожных, казалось бы, рабах. Теперь, простившись снова, может быть навсегда, Алексей почувствовал, как ему все это дорого.

На повороте дороги встретились лейтенант Энквист, матросы Маточкин и Рудаков и мецке Танака. Матросы и японец встали в ряд и выткнулись. Энквист рапортовал.

Путятин спросил о Лесовском.

— Степан Степанович был болен. Сегодня первый день как встал. Дорогу дальше размыло, надо идти вниз и по берегу над обрывом. Александр Сергеевич там ждет, приготовлены баркасы.

Японцы уже известили Лесовского и Мусина-Пушкина, что посол приближается и что он с большим успехом заключил договор. Они придавали значение прибытию посла и потребовали от офицеров торжественной встречи.

— Хотели сами устроить церемонию, но мы взяли на себя.

— А что Степан Степанович?

— Он упал на стапеле, чуть спину не сломал и отлеживался эти дни.

Адмирал велел задержаться матросу Маточкину. Энквист пошел вниз с Посьетом.

— Что у вас нового? — спросил Путятин.

— А вот пойдете на шлюпке, ваше превосходительство, так все увидите. Климат тут плохой. Все болеют.

— А в лагере?

— Все пока славу богу... Все живы.

— А корова дает молоко?

— Корова доится. Только Пушкин отставил Берзина от дойки. Грозил его расстрелять и посадил под арест.

— За что же?

— Не могу знать. Степан Степанович вернулись и всё о нас заботятся,— говорил Маточкин.— Подавали пример, купались в холодном море и нас уговаривали. Выйдут из воды и стоят на ветру, не торопятся, пока денщик вытрет полотенцем. А придут в казарму и чихнут. Глухарев говорит: «Вы нездоровы, ваше высокородие. Не заболите от купанья. Сейчас не время». «Много ты, старый дурак, понимаешь! Это полезно для здоровья. Идя на войну, моряку надо закалиться». Пока холодно было, и им обходилось. А стало теплей, и они упали на стапеле и сразу слегли. Горели, говорят, как в огне, бредили и все призывали плотников, кричали: «Спасите меня!»

«Упал, анафема, с доски,— подумал матрос.— Видно, кто-то подстроил живодеру!»

«Да уж известно, что могло присниться, если не знал, выживет ли»,— размышлял Путятин.

Оставалось каких-нибудь полверсты, и пока их идешь, еще можно почувствовать себя простым человеком.

— Алексей Николаевич, и почему вы все стараетесь знакомиться с японками, а нет у вас дружбы с самими японцами?

«Вы ведь сами тоже не с англичанами дружны, а англичанку выбрали»,— хотелось ответить Леше.

— Вот я... японцам посоветовал лучших и самых разумных плотников отправить в Европу или Америку учиться. Это будущие инженеры и строители новой Японии. Так?

— Да, так точно, Евфимий Васильевич!

— Почему же ни у кого из вас нет дружбы с ними? Посмотрите в будущее. Уйдем и будем хвастаться победами над дамами!

— А вы подружились с кем-нибудь из японцев, Евфимий Васильевич? Они ведь народ уклончивый...

— А японки не уклончивы? Я когда-то дал вам приказание и совет, еще на корабле, обучаться японскому языку у Гошкевича. Тогда вы на меня посмотрели, как американцы говорят, с синим видом, а теперь благодарны мне. Японский язык еще как вам пригодится! Хотя и не всегда для дела! Вот теперь я даю вам совет: подружитесь с молодым, энергичным японцем, у которого есть будущее. Это нужно и вам и России! Ведь вам придется жить с соседями. Вот отец Махов подружился с бонзами. Гошкевич — с докторами и учеными. Азию надо изучать. Из-за невнимания к азиатским странам, из-за нашей проевропейской устремленности, из-за неумения отличать великие страны Азии и великие цивилизованные народы от племен, обитающих в лесах, мы можем быть ввергнуты в ужасные несчастья. Какие-то, мол, старинные сомнения, отсталая цивилизация... Подумаешь, столько-то ей тысяч лет! А мы Европа с пушками и с театрами. Конечно, хорошо, певцы хорошие и все есть. Но знать, изучать, увидеть, найти в каждом народе то, что заслуживает уважения... И тогда не будет неожиданной резни, не прорвется веками накопленная обида.

За деревьями открылась бухта.

Около двух шлюпок стояли матросы в киверах и с ружьями. Четырехугольником построился духовой оркестр и сияет медными начищенными трубами. Гребцы держат весла вверх.

«Вот и конец отдохновения души!» — подумал Путятин. Предстояло снова стать грозным адмиралом, морским королем и всех забрать в свои руки, в жесткие рукавицы.

Воздуха много, горы расступились, солнце сияет в голубом воздухе, Фудзи растаяла, в небе висит лишь одна ее шляпа.

В шлюпке Путятин встал от удивления. Он глазам не верил. В ущелье Быка построен целый город. Трубы дымят. Вся площадь застроена, по ущелью сделана лесотаска со спуском бревен на веревках, края которых намотаны на блоки внизу и сверху, на горе что-то вроде подъемного шкафа на американском пароходе, но без паровой силы. Стоит грохот, звенят молоты, свистят пилы. Но удивительней всего, что стапель готов... Над стапелем возводятся стропила.

Пушкин не знает толка в постройке судов. Лесовский болел. Колокольцов долго был в отлучке, а дело тут, как видно, ни на час не останавливалось. Кто же все это совершил? Глазам не верилось.

Не разрешив офицерам разойтись по квартирам, Путятин приказал немедленно собраться всем в храме Хосенди.

Капитан Лесовский сидел за столом в старом, выцветшем сюртуке. Он бледен, похудел.

— Ежедневно после молитвы и завтрака приказываю назначать строевые ученья, — заговорил адмирал. Он говорил о том, что в людей надо «вдохнуть душу», воодушевить их... пересмотреть оружие, обувь, одежду... Парусные ученья, занятия, молитвы. Идет пост...

Про постройку пока не говорили, надо сначала все посмотреть.

«Мы говорили, что у Сайлеса и Джексона рожи как у обезьян. И прикусы нечеловечьи... А мы сами? Вот все офицеры в сборе. Что

за рожи! У Пушкина так лицо сморщилось, что торчат лишь нос и усы. У второго штурмана и у артиллериста появились бороды. Еще один,—Путятин на миг позабыл фамилию этого офицера,—щупл, мал, а каким козырем держится! Лыс, а виски фабрит, усы как у таракана, у другого — моржовые. Еще видна лысеющая голова, как из седых гвоздей — стрижка «ежом». А каковы физиономии, таковы и интересы: сплетни, обиды грошовой, размышления о наградах и выгодах. Барон Шиллинг, белый совершенно, поминутно меняет выражение узкого лица, все время выражает оттенки важности, собственного превосходства. У этого усы нежно выхолены. А вот Зеленой...»

— Господа! — заговорил капитан тускло, большими глазами зорко приглядываясь ко всем. Усы и у него как моржовые, лик вечного придиры, служаки.— Напоминаю вам, что новый устав нашего флота, который составлен его высочеством генерал-адмиралом великим князем Константином, гуманен. Но это не значит, что мы можем распускать людей.

Лесовский назвал раздел и номер параграфа. Вот уже сердится «швабра», как называют американцы своих капитанов и старших офицеров.

— Прошу всех действовать согласно уставу! Офицер подает пример соблюдения высокой нравственности нижним чинам и несет как за себя, так и за них полную ответственность. Действуя личным примером. Личный пример, господа офицеры...

Леша вышел со всеми вместе. Вот он и дома. Вот родник, каменные ворота.

Офицеры веселой гурьбой вошли в тихий, теплый от солнца двор своего храма, спеша к восьмикомнатной пристройке их дома. Дверь ее распахнулась, и навстречу выбежала Оюки. Лицо ее сияло, волосы из-под светлой наколки падали на оранжевое кимоно. Большая, со стройными ногами, распахнув сильные руки и сияя, как наскучавшийся ребенок, она кинулась с разбегу к Сибирцеву прямо на грудь и крепко обняла его за шею и поцеловала.

— А-ре-са! А-ре-са! — в восторге восклицала девушка.— Говорю по-русски! Говорю по-русски! — Она держала его за рукав и вела в дом.

— Молока почему нет? — спросил Путятин, садясь с капитаном обедать. Он после заключения договора всю дорогу шел и думал, что придет в Хэда и попьет молока.

— Молока нет больше, Евфимий Васильевич,— безразлично ответил Лесовский,— тут не до молока.

«Он в своем уме? — подумал Путятин.— Как? Зная, что это так важно для меня. Ведь мой труд зависит от здоровья... Такая неделикатность... Впрочем, он болел».

— Почему же нет молока? — Путятин обиделся, как давно с ним не бывало. Много ли ему надо самому? И даже этого не могли! Он и так скромен до крайности!

Тем временем Лесовский, кажется, опомнился и с большим вниманием сказал:

— Александр Сергеевич Мусин-Пушкин посадил матреса Берзиня, доившего корову, под арест, и корову некому стало доить... Я был болен все это время и только сегодня узнал...

Суть дела не менялась. Евфимий Васильевич обратился к адъютанту:

— Ко мне лейтенанта Мусина-Пушкина!

Усатый Пушкин вошел с сознанием полной правоты и готовности головой ответить за все, что тут им сделано во время болезни капитана.

— Почему у вас Берзинь под арестом? Зачем лучших матросов наказываете?

— Какой же он лучший? Он лгал. Он уличен в проступке, Евфимий Васильевич. Жил с японкой. Он предстанет перед военным судом, как в военное время.

— Сейчас же сюда Берзиня!

Пушкин еще тверд был, в душе считал себя правым и хотел доказать адмиралу. Лесовский молчал. Пришел Берзинь с часовым.

— Почему корова не доится? — спросил адмирал. — Ведь если вымя запущено, все пропало... Как тут быть? Я ни жить, ни работать тут не смогу без молока. На корабле у меня лекарства были, да все потонуло. Теперь одна надежда...

— Евфимий Васильевич, — плача, заговорил похудевший, изможденный матрос, слезы заливали его щеки, — корова-то ничего...

— Как ничего? — Путятин, казалось, рехнулся. — Как? Молчать! — Он вскочил и ударил матроса по уху. — Я тебя! Я тебя... Я тебе... Ах ты...

— Евфимий... Евфимий Вас... корова-то доится... корова доится... Клянусь вам! — приговаривал Берзинь.

— Доится? — Адмирал опустил руки.

— Да, теленок ведь у нее, он сосет. Я справлялся... — «Сволочь, какая рука крепкая!» — подумал Берзинь. — За корову не беспокойтесь, Евфимий Васильевич. Дозвольте мне взять с собой часового и сходить. Мы живо доставим вам молоко!

Адмирал схватился за голову: «Какой позор!»

— Я не забыл интересы вашего превосходительства, — со всей старательностью оправдывался Мусин-Пушкин. — Я посылал доить унтер-офицера... Матросы отказывались, говорили, что не казацкое дело...

— Я вам этого не прощу.

Берзинь и часовой внесли два кувшина из-под сакэ, наполненные молоком.

— А ты ступай под арест и там пока сиди, — сказал адмирал. — Спасибо тебе, братец.

— Разрешите освободить его в таком случае! — закричал Мусин-Пушкин. — Зачем так издеваться надо мной?

— Ах, это вы за себя так беспокоитесь?

— Я служу верой и правдой...

За храмом раздавался оглушительный дружный хохот молодых голосов. Все офицеры и юнкера там.

Шел бой петухов. Юнкера, стравливая своих любимцев, с криками хватали петухов, кидали их на противников.

— Где вы петухов раздобыли? — спрашивал Сибирцев.

— Пока мы не были в Хэда, тут много воды утекло, — отвечал Зеленой.

— Капитан может задать вам распеканцию, — заметил Шиллинг.

— Что вы! Наш капитан уже другой!

Тут раздался всеобщий восторженный крик. Большой петух был сбит маленьким рыжим соперником.

Юнкера велели японцам забирать петухов, и сборище стало расходиться. Обсуждались выигрыши. Четверо юнкеров бойко и бодро шагали в ногу одной шеренгой.

Хэда, Эдо и Симода,
Труля-ля-ля-ля-ля,—

запел Лазарев.

Нет девицам перевода,
Труля-ля-ля-ля-ля,—

подхватили его товарищи.

В отдалении четверо японских парней, держа в руках петухов, шли так же дружно в ногу за юнкерами.

Ва шу ду ри ва го ро ре
Ка ки ку кэ ко,—

лихо запел фальцетом шустрый паренек. Его товарищи, совершенно как юнкера, подхватили басами:

Хэда, Эдо и Шимода,
Па пи пу пэ по.

...— «Я ру-бу-ру» — что это? — спрашивала Оюки у Алеши.

— А как же юнкер Урусов?

— Это ни-ше-во. Сюрюкеги-сан не рубуру.

— Завтра вечером, Оюки, приходите опять на урок,— сказал Алеша, провожая ее до дома.

— Спасибо,— отозвалась Оюки и присела, как светская барышня, подхватив кимоно, как платье, и исчезла в воротах своего дома.

В офицерском флигеле трещит печь. Явился капитан и прошелся по «каютам».

— Ваша Оюки мне вчера заявила,— сказал он Сибирцеву,— «Не рубуру Японию!»... Что она говорит! Это она купила петухов юнкерам и пробудила во всех азарт.

Сибирцев уже знал, что вопреки уставу все ставят на петухов, играют на деньги. Он смолчал.

— Всё женские хитрости вашей влюбленной! — с оттенком легкого упрека заявил Степан Степанович и пошел дальше.

Японцы укрепили весь берег у моря. Стапель, на котором заложен корабль, стоит на мозаичной подставке из розового камня, словно это часть величественного замка сиогунов в Эдо, где точно такими же камнями выложены подъезды к мостам, перекинутым через рвы, и угрюмые стены парка-крепости с лесами розовой вишни и сливы. Тот же камень и те же руки.

Японцы все это сами предложили и сами сделали с полного одобрения капитана и Колокольцова. Еще сложили из камней маленькую пристань и стенку причала. В самой стене под стапелем оставлена низкая часть, через которую будет спускаться корабль. Словом, японцы постарались, чтобы вокруг строившегося корабля все выглядело красиво и аккуратно и был порядок и чтобы ничего не казалось вокруг небрежно разбросанным и берег не захламлялся.

Но все же никто из японцев не верил, что такой корабль сможет каким-то способом пройти через большое расстояние по площадке до этой стенки. А потом что? Спрыгнет в воду? Нет, это невозможно. И в то же время каждый ждал разрешения загадки, зная, что у западных людей во всем есть свои чудесные приемы, которые втайне держались от Японии, как великие голландские открытия. Никто не верил, но все готовы были охотно поверить, если будут представлены доказательства.

Так объяснял Алеше по-японски Ябадоо, сопровождавший его на стапель и все время заглядывавший в глаза при поклонах. Ябадоо знал, конечно, что офицер почти ничего не понимает, но удержаться не мог. Конечно, высокие мысли кто-то опять украдет и выдаст за свои, поэтому лучше говорить иностранцу, который не понимает. Эта наша восточная система очень важная и правильная.

Алеша нравился старому самураю еще и потому, что перепутал все карты Ота. Это просто потеха. Все знают, Оюки от родственника императора отстраняется, не подчиняется старику. Это необычно! Но сам Ареса только учит ее, хочет из девки сделать вторую Мурасаки Сикибу или рыцаря-девку, как во Франции. Это очень ученый и честный человек и настоящий мужчина, очень сильный. Он не развратничает совершенно. У таких терпеливых русских богатырей вся сила идет только на служение идее императора и на сражения с врагами.

Богатырь познается в ученье и терпенье. Это главное. Кто умеет терпеть и не безобразничает, тот обязательно победит. Американские матросы обучат скоро всю Японию безобразиям, и удивительно, как в грязной западной жизни может сохраниться такой благородный, девственный рыцарь! Конечно, у Ареса будут сильные и здоровые дети, не как у американцев и не как у Ябадоо, который всегда много пакостничал и сейчас еще готов. Говорят, в Америке родится много уродов как результат полной свободы и высокой цивилизации. Совершенно как у самураев.

Ябадоо очень любит Колокольцова как своего зятя, и это очень большой успех, он полюбит и Ареса, который все же, наверно, хотя и временно, но будет зятем Ота, наверно, иначе из него богатырь императора не получится. Награда потребует вас, Ареса-сан.

Ябадоо-сан охотно переманил бы и Сибирцева к себе. У Ябадоо еще есть дочери. Ябадоо решительно намерен изучать русский язык и Россию.

Конечно, Оюки красивая, гениальная и демоническая. Она несравнимая. Это женщина будущей Японии. Пока еще ребенок, но постигла женским чувством законы Запада и купила для Сюрюкети и принцев-лодырей нескольких пегухов. Такой ум очень веселый, и насмешки ее очень женские, и есть коварство. Оюки могла бы понравиться самому Ябадоо во всех отношениях... Но Ябадоо полагает о себе, что сам терпелив, как рыцарь-богатырь. Нет вины, когда невольно замечаешь, если ярко бросается в глаза...

Деревня Хэда — это не Симода. Деревня Хэда очень дружная, патриархальная. Русские моряки дружат с плотниками, но об этом вся речь еще впереди. Пока развращенности не имеется, безнравственность совершенно отсутствует. Только самого Ябадоо можно упрекнуть за прошлое. Но это происходит только от его знакомства с литературой и живописью, вообще от интереса к искусству, который у него с ранних лет, с поездок на базары и ярмарки. Хотя он живет в деревне, но, как дворянин и хозяин ломбарда и магазина старых вещей, считает себя эстетом.

Ареса, конечно, мало понял из этой исповеди. Но Ябадоо хотел объяснить иностранцу, почему он охотно оказывал гостеприимство западным людям в своем доме. Но при этом строго запрещал что-то подобное поднадзорным рыбакам. Его же дом был как бы опытным, лабораторией, созданной по частной инициативе старого патриота, виноватого в расточительстве собственных сил и здоровья как в годы своей молодости, так и в старости.

В десяти сажнях от каменной стены стоял весь в свежем дереве вполне готовый стапель — сооружение из кедровых и сосновых балок, продольных и поперечных, среди которых в углублении уже заложена основа будущего корабля — киль. К нему начнут теперь пришиваться все части будущего корабля.

Дальше к ущелью японский и русский порядок и беспорядок перемешались. Дымят кузницы, идет перестук молотов, визжат и поют пилы и рубанки, всюду плотники, пильщики, грузчики. Сверху по желобу, устроенному на крутизне, ползут вниз бревна. Кажется, все приспособились, приладились друг к другу, каждый нашел свое место, и целая верфь работает как один согласный организм.

Подошел адмирал с Колокольцовым. От удовольствия Путятин затряс головой. Он зяб сегодня на жестком ветру и ежился, как дряхлый старик. В Хэда холодней, чем в Симода. Но тут же вынул руки, которые держал в широких рукавах как в муфте, и поднялся по ступенькам на стапель.

За ним поднялись офицеры, переводчики, унтер-офицеры Аввакумов и Глухарев и старшины японских плотничьих артелей.

— Молебен при закладке отслужили?

— Да, отец Василий...— отвечал Колокольцов.— Японцы не протестовали.

Путятин нагнулся и погладил дерево.

— Столярная работа,— сказал Евфимий Васильевич и глянул на пожилого плотника Оаке.

Тот подумал, что адмирал заметил неровность, за которой он, Оаке, недосмотрел. Оаке поклонился, показывая, что готов отвечать мужественно и все исправить, надо только указать.

— Не хуже, Евфимий Васильевич, чем в Архангельске,— сказал Аввакумов.

Адмирал стал обходить стапель. Колокольцов продолжал давать объяснения.

Глухарев замечал, что Александр Александрович ошибается. «Молодо — зелено!»

За последние дни на стапеле за всем смотрел самурай Ябадоо. Ничего не знает и только делает вид, что распоряжается. Его хлебом не корми — дай поважничать. Спросит через переводчика: «Вы что сейчас делаете?» «А мы вот ставим столбы, будет кнехт, за него закрепим шхуну». — «А-а! Хорошо! Приказываю крепко поставить эти столбы и закрепить за них кость дракона, при этом смотреть без упущений!» — «Да не за столбы, а за перекладину». Но ему и нечего говорить, он все равно ничего не понимает. Ябадоо отойдет, а переводчик плюнет ему вслед или скажет такое слово по-русски, что все засмеются. Японские плотники не ставят самурая ни в грош. Ябадоо делает вид, что не слышит.

— Я очень вам благодарен,— сказал Евфимий Васильевич,— всегда считал вас дельным офицером. Но вы превзошли мои ожидания.

— Рад стараться, Евфимий Васильевич! — ответил Колокольцов сурово, как бы еще более озабоченный предстоящим дальнейшим делом.

— Завтра праздничный день. Японский Новый год. Работы остановите. Объясните людям.

«Конечно, мы не новинку строим...— признавался себе Алексей.— Азы, первая грамота! Американцы показали, каким быть должен современный флот. Мы преподаем лишь первый, но, может быть, главный урок, начало начал...»

На «Поухатане» большая и отлично подобранная морская библиотека со всевозможными чертежами и схемами. Романов там нет, но для дела, для самообразования есть все. Скажут, что узость понятий. Мы и самого Перри склонны были подозревать в узости взглядов... А оказывается, что это далеко не так.

Александра Можайского тянуло к живым машинам, схему и планы он изучал меньше, чем современное машинное отделение на «Поухатане».

Теперь новейшие корабли военного флота строятся из железа. Давно уже построен «Принсетон» со стальным корпусом, который Перри хотел включить в свою эскадру. На «Поухатане» всюду клепаная сталь.

Все, о чем читал еще прежде, когда учился и служил, ожило на «Поухатане». Близким стал изобретатель Джон Эриксон, творец новейших устройств, применяемых на «Поухатане», вроде механической подачи зарядов к орудиям. «Снаряд, заменяющий бомбу, на принятых бомбических орудиях,— объяснил Пегрэйм,— это изобретение Джона Эриксона».

Да где же теперь сам Эриксон? Американцы улыбнулись невесело. Изобретатель уволен. Почему? Во время испытания новейшей пушки «Миротворец» в присутствии президента и правительства лопнул ствол, убило семь человек, в том числе двух министров.

При чем же тут Эриксон? Мало ли что бывает при испытаниях. Но у Эриксона дела много и без американского флота. А вот наш Александр Федорович рисует машины с чужого позволения. Вот судьба своего изобретателя! А он немало дельного советует адмиралу...

На «Диане» и «Палладе» старые чугунные пушки... На фрегате под каждым орудием висели в полнейшем порядке банник, приборник и пыжевник, и много старания требовалось от матроса, чтобы вся эта старинная мощь содержалась как следует.

Может быть, поэтому и Евфимий Васильевич угрюм, ведь он тоже знает много нового. Однако из старой чугунной пушки славно поразить врага, коли нет другой. Таких судов, как «Поухатан», и цельноклепанных из стали мониторов нет, кажется, и в английском флоте под Севастополем. Союзники бомбардируют там из старых пушек ядрами и бомбами.

Поначалу американцы не желали назначать Перри командующим экспедицией в Японию. Не за то, как мы думаем, что он отстал. Напротив, он много крови всем испортил, всю свою жизнь требуя обновлений и улучшений. Перри представляется теперь совсем в другом свете.

Сегодня Алексей вступил в командование своей ротой, строил ее в лагере, здоровался. Люди, как ему казалось, довольны его возвращением. Теперь он обошел работы, на которых они заняты.

На днях, как только станет известно об уходе американцев, восемьдесят человек из числа строевых, немастеров, отправятся за пушками в Симода. Адмирал говорил, что вот-вот будут письма от Исава-чин.

За последнее время Алексею казалось, что жизнь готовит его к чему-то более значительному, чего сам он пока не предугадывает. Он много наблюдает, и начинает зарождаться чувство протеста против препятствий, вяжущих руки. Пример Можайского перед глазами. От Саши мог бы быть большой толк.

Подшел Аввакумов:

— Завтра праздник у японцев, Новый год, ваше благородие, вот Цуди приглашает нас с Глухаревым. Дозвольте нам пойти.

Японец тут же, держа шляпу в руках, переминался с ноги на ногу. Поодаль с неприязнью смотрит на все это Глухарев, которому, верно, хочется завтра погулять и выпить.

— Пожалуйста, идите.

Адмирал уже предупреждал офицеров, чтобы по приглашению благонадежных японцев и под их ответственность людей отпускать на праздник с унтер-офицерами или под наблюдением более солидных матросов из пожилых. А молодых крепко держать в лагере и не выпускать, а заниматься с ними священнику.

Алексей пошел домой на баркасе. Вчера лег поздно, не купавшись, и сегодня в дорожной одежде, рубашка пахла потом, а портянки, верно, сгнили, весь в грязи, словно трудился пилой и топором всю неделю. А вокруг все готовились к празднику, к Новому году. Надо было и ему привести себя в порядок, белье приготовлено еще с вечера. Может быть, когда отмоешься, и настроение станет получше.

Алексей пришел в дом при храме и, открыв дверь, увидел, что Оюки сидит у него в комнате и плачет.

— Что с вами, Оюки? Оюки...

Она хотела показать, как ей тяжело, но когда Ареса-сан вошел, на самом деле горько расплакалась.

— Оюки! Оюки! — нагнулся он.

Она, блестя слезами на широко раскрытых глазах, заговорила с обидой, что у всех праздник, а у нее нет праздника, у нее очень болит сердце.

— Ну, знаете, Оюки, это капризы! Напрасно!

— Нету напрасно! — с жаром воскликнула она. У нее такой вид, словно готова кинуться на шею. — Разве я хуже других? Зачем это западное уважение? Зачем и для чего мне учиться западным наукам? Зачем мне эта почтительность? Я знаю, вы скажете, это не западный обычай! Ничего подобного! Я не маленькая! Это вы меня, Ареса-сан, не считаете красивой... — И воскликнула по-русски: — Нету напрасно!

Оюки много думала. Она уверена, что у Ареса-сан, конечно, есть на родине любовь. И не одна. И все его любят горячо. Все картинки, которые он показывал, изображали молодых и прекрасных женщин: наездница в цирке, девушка с ружьем на баррикадах, танцовщица в кабаре, леди на балу, светская барышня танцует вальс с молодым кавалером. И все они, конечно, влюблены в него. Они открывают грудь и показывают ему плечи. Это за него они, как европейские женщины, сражаются с ружьем на баррикадах и спешат к нему на конях и танцуют только перед ним. Вот какая память у него о западных женщинах! Это мучительно! А ей нет места среди них...

— Это все ты? — спрашивала она, плача и показывая картинки.

— Нет, это не я. Оюки, я уже говорил вам, что это не я.

Алеша опустил на колени и хотел обнять ее.

— Но ты меня не любишь! — воскликнула Оюки-сан. Огромные глаза ее от гнева были еще больше, а волосы на вид стали гуще и пышнее. — Это еще хуже! Выпросить себе ласку? Нет!

Очень жаль ее. А как хороша, когда встала в полный рост. Как гибко перегнулась, кланяясь и грациозно отступая, чуть не касаясь пыльного пола в глубоком поклоне, и исчезла...

— Вы ее не щадите, Алексей Николаевич, — раздался за перегородкой голос Зеленого, — что вы с ней церемонитесь!

На другой день Оюки-сан явилась к Сибирцеву с поздравлением и цветами. Она принесла и тетрадь. Очень старательно писала буквы

и слова. Казалось, отбросила прочь все свои переживания и Новый год теперь не имеет для нее значения.

— Не орин, а один, Оюки-сан.

— Один,—повторяла девушка.—О-чен ту-руду-но, Ареса-сан.

Потом она сказала, нельзя уже заниматься, что Ареса-сан уже надо идти в дом Ябадоо-сан. Принесла ему горячий чай, помогла собраться, открыла дверь и показала, что двое японцев ждут, чтобы проводить его.

На пир к Ябадоо пришли Путятин, Лесовский, все офицеры. У двора собралось полсотни рыбаков, все в новых кушаках и обуви.

Гуськом танцуя, они пошли в дом, каждый падал ниц перед Ябадоо, подымаясь, кланялся и танцевал, все пели и прославляли императора.

Ябадоо сидел рядом с Путятиным. А рыбаки все шли и танцевали, и даже битый рыбак из дома «У Горы» уже выздоровел, и он тоже танцевал и пел песню, в которой сказано, как счастливо ему жить при императоре, а сам поглядывал то на Путятину, то на своего врага Ябадоо, полагая, что это очень высокая цивилизация обнаруживается, когда два смертельных врага так дружески сидят, пьют и веселятся вместе, а истерзали его только для того, чтобы все рыбаки знали, что Путятин враг и его люди тоже враги Японии, их надо презирать!

Мимо храма, куда возвратился с праздника адмирал, двигалось множество японцев, молодых и старых, с женами, детьми и внуками, все с праздничными украшениями, в яркой одежде, останавливаясь, низко кланялись перед воротами храма, многие входили во двор и в храм, кланялись изображениям, и все спрашивали, где Путятин.

Дежуривший офицер Пещуров показывал на дверь сбоку от алтаря. Японцы кланялись и двери Путятина.

Вечером зажглось множество разноцветных фонарей. Люди шли и шли. В ночной тьме поплыли оранжевые шары, голубые рыбы, огненные карпы, зелено-желтые драконы... Бедная, нищая Хэда засияла, как волшебный мир.

Маршировали в ногу молодые рыбаки и в несколько голосов что-то пели по-японски, а потом все подхватывали припев:

Ефи фу фэ фо!

Запевалы опять начинали по-своему, а хор подхватывал:

Па пи пу пэ по!

— Это они про Евфимия Путятину,—сказал Гошкевич, стоявший у ворот с офицерами.

После праздников, когда трубы задымились над крышами кузниц, Сибирцев явился на стапель.

— Ну, как работа? — спрашивал он.

— Смолу гоним,—отвечал Глухарев.—Японцев научили, и они канаты вьют, медники обмеривают размеры...

В чистом утреннем небе летел караван гусей, похожих на столбец черных иероглифов на голубой бумаге.

В воскресенье во время занятий Оюки коснулась руки Алексея, потом повела головой, чуть тронула пышными волосами его щеку и настороженно вздрогнула.

— Что такое? —спросил он, чувствуя ее тревогу.

Оюки быстро встала и откатила широкую раму, заклеенную прозрачной бумагой в решетнике.

Вечерело. У окна бушевал торжественный белый цвет, словно весь лес покрыт снегом. Тяжелые ветви в махровом цвету вровень с подоконником тянулись, как руки в снежинках, подымаясь вверх. Природа звала жить и любоваться, она была празднично бела. Торжество розовой белизны открывалось в четырехугольнике окна, как на картине за отдернутой художником занавесью.

— А на нэ...— Оюки подала знак прислушаться.

Коо ке тѐ... коо ке тѐ — тихо раздалось в лесу.

— Коо ке тѐ...— прошептала Оюки и подняла свои огненные большие глаза.— Это со-ро-вей!

— Соловей? Коо ке тѐ? — спросил Алексей.

Коо ке тѐ, коо ке тѐ...— торжественно и громко защелкал первый соловей. Коо ке тѐ... коо ке тѐ... коо ке тѐ...

ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС

★

ИЗ ЦИКЛА «РЕ МИНОР»

С литовского

От автора. Все эпиграфы этого цикла взяты из писем М. К. Чюрлёниса. Сам же цикл есть попытка понять мир художника. Чюрлёнис, живописец и музыкант,— главное действующее лицо стихотворений.

ОАЗИС ХИМЕР

1

...Однажды я был на лугу, где было много-много цветов, а над цветущим лугом было такое высокое-высокое небо, очень синее и прозрачное, и не было ни одного облачка на всем небе...

Луг — ровный, словно клавиатура рояля.
Мелодично, стройно звучат на ветру цветы.
Голубая крышка луга-рояля откинута.
Лучи — будто ноты. На зеркальной подставке
Сияет солнечная партитура хорала. В зелени
Нежной травы вскипают аккорды красных тюльпанов.
Этот хорал, я знаю, надо бы переложить для тебя
В более легкое что-то. В луговую сонату,
В скерцо... Под рукой у меня разноцветная темпера
И разлинованное лучами прозрачное летнее небо.

Все-таки красочен мир. И все его краски
Усилены щебетом, щелканьем, воркованием.
Обидно только, что этот радужный мир —
Всего лишь оазис в бескрайней вселенской пустыне.
В ней заглохнет моя луговая соната...

Ах, до чего ж высоко выписанное синей пастелью
Благословенное небо июля!.. И ни одного
Минорного облачка. Даже плакать хочется...

2

...Какая-то дивная гармония... все существует
как чудесный сплав красок, как сочетание вели-
колепных аккордов...

Этот мир являет собой
Гармонию красок и звуков.

Люди — живые мазки
 И к тому же певучие ноты
 На холсте без оправы,
 На партитуре вечности.
 Всех четырех стихий
 Радужные аккорды —
 Даже черных туч диссонансы —
 Скомпонованы, слажены,
 Исполнены мудрого смысла.
 Но вот беда: постоянно
 Некоторые детали
 Кому-то кажутся лишними,
 И чаще всего — прекрасные,
 Звучащие ярко и чисто,
 Словно лазурный Джотто...
 Я боюсь, что однажды
 Звуки сменит безмолвие,
 А цвета полиняют разом,
 Увянут, как хризантемы
 На ноябрьском погосте.
 Боюсь, что из всех красок
 Многоцветного мира
 Останутся только две.
 Ведь с приходом зимы
 Начинает господствовать
 Черно-белая амальгама
 И человек становится
 Либо ангелом, либо демоном.
 Ох, ни к чему эта графика,
 Уж лучше полутона...

3

...Помнишь, какой мячик света ты мне дала...

Где ты нашла этот мячик? Таких
 Чудес давно уже нет в природе.
 Такой световой мячик могла раздобыть
 Разве что Нефертити, послав за ним слуг
 В золотую пустыню, где солнечный шар
 Прыгает, кувиркается и резвится,
 Как вырвавшееся на свободу дитя.
 Там, только там и можно поймать силками,
 Точно красную птицу феникс, этот
 Комок лучей. Только сама Нефертити
 Могла подарить властелину
 Такое дивное диво, чтобы он наколол его
 На острие своей пирамиды... Признайся,
 Где ты нашла этот мячик? К нему
 Боязно прикоснуться. Ведь чудес
 Вообще на земле уже не осталось.
 Где ты нашла это, последнее?
 Дай на него наглядеться,
 Покажи еще раз,
 Хоть издали...

4

...Я хотел бы окружить тебя маем, его душистыми цветами и тишиной, а под ноги тебе постелить красивейший ковер Махарани, вытканый из золотой паутины и хризантем, которые белее снега, я хотел бы, чтобы, покоясь на нем, ты слушала тишину, которая и есть песнь Нового Языка...

Я хочу говорить с тобой на Новом Наречье,
Хочу говорить словами беззвучными,
Подобными пчелам, живущим в янтарных слитках:
Желтый кристалл выпил жужжанье пчелы,
Но ведь она говорит с теми, кто хочет
Слышать, разговаривает из своего немыслимого
Далека. Я хочу говорить словами неслышными
И емкими, словно курган, в котором лежат
Наконечники стрел, кувшин и амулет,
Законсервированные бронзовыми временами.

Я хочу спеть тебе песнь на Новом Наречье,
Песнь из песенника тишины, в котором,
Словно в настенной глазури храма Астарты,
Замурована голубизна соловьиного щебета,
Спеть прозрачным дискантом облаков,
Голосом полной ночной тишины...

Я хочу говорить с тобою словами, которыми
Переговариваются в челнах саркофагов
Плывущие в вечность прекрасные мумии.
Ведь они говорят и с живыми, а слов не слышно.
И я не хочу балласта слов. Словарь
Тишины богат. Ведь нам же понятно,
Что излагает мим, правда? Я тоже
Хочу излагать, а не разглагольствовать,
Хочу метать молнии, но не греметь...

Опасны наши слова, они разрушают своды
Хранилища самых дивных плодов. Не надо
Шумов: эти грабли рвут паутину божественной мысли.
Наговорено слишком много. Для покаяния
Нужна тишина. Нужны немые слова. Нужен Новый Язык...

5

...Белый Цветок Полевой, Владычица Неведомых Краев, Непроходимых Лесов, Островов Счастья, помнишь, как мы отдыхали в Оазисе, в тени кокосовых пальм? Надвигалась страшная буря. Приблизилась ужасающе тяжелая туча и полупустыни заволокла своею тенью, словно пологом. Мы были спокойны — ты улыбалась, а большой лев и львица покорно лизали твои стопы..

Кинозал зеленого оазиса. Голубое полотно
Водоема. Красный готический небосвод.
Пальмовое пианино, на котором изредка ветер
Бренчит. Веер резной листвы, которым
Себя остужает солнце — идол с плоским ликом,
Залитым облачком пота. И еще — пирамида,

Этот каменный, по пояс увязший в песке
 Слон, который пытается вытащить
 Из золотистой топи колоды лап,
 Чтобы двинуться вдаль — туда,
 К изжеванной зноем веточке горизонта.
 На боку у слона-пирамиды — полустершиеся
 Иероглифы: точно очередь в кассу.
 Осипший песчаный вихрь встает на хвост,
 Имитируя кобру... Все так и не так,
 Все превратно, неправдоподобно...
 Возле слона-пирамиды позевывают
 Серые львы, тоже каменные и не в меру
 Гривастые... Все так и не так... Здесь,
 В этом кинооазисе, смотришь ты
 Фильмы из жизни своей прародительницы
 Клеопатры. Кругом — та же пустыня. Она —
 Твой смертельный враг. Песок — легионы
 Неистовых римлян: они вот-вот начнут
 Решающий штурм. У тебя остался от царства
 Лишь небольшой оазис, островок, микромир.
 Когда и его отнимут, когда легионы пустыни —
 Исступленные, ярые — выжгут твой островок,
 Когда удушающий зной иссушит твоё затишье,
 Ты не отчаивайся — я возьму тебя на руки,
 Словно легкую, невесомую, вечно юную мумию, и
 Перенесу на холст... Там ты уже не узнаешь
 Тревоги и страха. Там тебе будет спокойно,
 Царица Острова Счастья...

6

...Силуэт, я прижимаю тебя к себе, и лас-
 каю, и чувствую твои губы, и вижу глаза, и то-
 скую...

Я вглядываюсь в синеву ночного окна.
 По усеянному созвездиями холсту
 Черная лебедь моя проплывает —
 Прекрасная и живая,
 Как мумия Нефертити.
 И я не могу понять,
 Почему это звезды
 Проницают ее свободно...
 Вот уже вся она,
 Точно пулями,
 Выщерблена лучами,
 Уже я с трудом различаю
 Сквозящее тело,
 Оно уже все в ячейках,
 Оно уже — словно сито,
 И звезды, его проницая,
 Сыплются мне в окно,
 Точно жар из кузнечного горна...
 Я обнимаю черный стан
 И целую черные губы.
 Две слепящих звезды
 Сверкают в глазницах...
 Я сжимаю в объятиях

Силуэт, зыбкую тень ночную..
 Что же вы натворили, звезды?
 Ради чего
 Выщербили лучами
 Мое сновиденье прекрасное?..

7

...Тогда я выстрою себе отшельническую
 обитель с башней и окнами на все четыре сторо-
 ны света...

Я выстрою отшельническую обитель.
 Из постели и темперы.
 Из шелеста виолончели.
 Из мажорных и минорных аккордов
 Рояля. Из созвучий Петрарки.
 Из листьев травы Уитмена.
 Из узорчатого матерьяла
 Песни Песней.

И никакие вихри

Меня не продуют,
 Никакие молнии не поразят,
 Не оглушат никакие громы.
 Заживу я анахоретом.
 Подружусь,
 Как Фома Аквинский,
 С лесными зверьми и птицами.
 Курчавый барашек
 Заснет у меня на руках,
 Словно святой младенец,
 Две ласточки
 Над сводом окна
 Спят себе жильё,
 И я увижу,
 Что этот глиняный домик
 Нисколько не меньше
 Моего обиталища.
 Я сосчитаю здесь
 Точнее, чем Галилей —
 Этот приниженный поднадзорный лунатик, —
 Все творения Рекса¹
 И постараюсь понять,
 Какие из них
 Создателю удались,
 А какие нет,
 И занесу свои доводы и заключения
 В астральные фолианты,
 А потом
 Кто-то другой,
 Заметив мои ошибки —
 Они неизбежны, —
 Выправит их
 И возвестит обновленную правду
 О творениях Рекса,
 В том числе и о себе.

¹ «Рекс» — название самого большого полотна Черлэниса; Рекс на этой картине — двуединое олицетворение доброго и злого начал.

Фараоновы приношения (взятка за вечность
 Прежде была гораздо крупней, чем сегодня,
 А с нас двоих и вовсе нечего взять).
 Ну вот мы и летим. Ты разве не чувствуешь?
 Поблескивает внизу яйцеобразный кристалл,
 Зеленеют нефритовые квадраты. Дымятся ромбы
 Топазов. Синеют медузы озер. Города —
 Словно красные крабы. А прямо над нами
 Сверкают алмазные звезды. Все-таки
 Удивительно хорошо яркое это кольцо!
 И до чего же тщательно отшлифовал все камни
 Искусник Рекс, прежде чем увенчать
 Свой благородный палец! В особенности Земля
 Веселит Рексово око. Она — его слабость
 И лучшее украшение. Его алчная радость,
 Непридающая забава. Он зорко следит
 За тем, чтобы этот камень чистой воды
 Не замутило что-нибудь непоправимо,
 Чтобы он в пустоту нечаянно не сорвался...

Но если к земным мелочам приглядеться,
 То они вовсе не так уж роскошны. Вон там,
 Как раз посередке, желтеет щербинка. Это
 Обыкновенная деревушка. Соломой крытые кровли,
 Коньки деревянные... Но почему же над ней
 Склонились два бородатых седых короля? Зачем
 Они здесь? Почему они так озабоченно смотрят
 На эту бедную дзукийскую² деревушку? К тому же
 Один из них бережно держит ее на руках...
 Может быть, чародеи они?..

Над деревней

Восходящее солнце уже набухло, словно
 Красная клюква Дайнавских болот... Что означает
 Этот макет? Какая корысть от него двоим
 Венценосцам?..

Все это — мое детство.

Эти бревенчатые дома. И соломой крытые кровли.
 И коньки деревянные. И длинные, точно ракеты,
 Колодезные журавли. Это — сказка пастушеская.
 Нет и не было на земле таких венценосцев.
 Но все же вот они — видишь? — держат в руках
 Мою деревушку и судьбу мне гадают... Здесь
 Умерло мое детство. И здесь же за околицей сразу
 Простерлась оранжевая пустыня, именуемая иначе
 Большой жизнью... Раздался шакалий вой,
 И мгновенно выступили из морщинистого песка
 Обглоданные скелеты странников. И все это —
 Рядом, тут же... Слона, человека и птицы
 Скелеты... И мелкий летучий песок, из рук,
 Словно золото, ускользающий... И эти
 Единороги пустыни — тысячелетние пирамиды,
 Норовящие вздеть на рога жестокое солнце,
 Разъяренное, лютое, стремящееся искрошить
 Злобные многогранники... В этом бою они
 Коротают века. И никто не хочет победы...

² Дзукия — название юго-восточной части Литвы.

Вновь от порога я начинаю свой путь. И опять
 Меня обступают цветные видения. Вот синяя,
 Словно болотный цветок, человеческая тоска.
 Вот страх человека — черная пасть шакаля.
 А вот его алая жажда к жизни... И все это
 Хочет в раму войти, на одном холсте разместиться...
 Милая, как мне быть?.. Ладонь приложи
 К моему воспаленному лбу... Вот так... Хорошо...
 Сейчас мне, наверное, снова приснится мальчик,
 Семенящий один по неоглядной пустыне. Он опять
 Спотыкается о вынырнувшие из золотого песка
 Скелеты Авеля, Каина и многих-многих других...
 Встает, отряхивает с ладоней песчаное золото
 И дальше идет. Куда? К звездному замку. Торопится
 К замку, а попадает в дзукийскую деревушку, где
 Кровли крыты соломой. Но зато колодезные журавли
 Нацелены в небо. И потому-то отсюда
 Небеса достижимее, чем из замковой башни.
 И потому сюда же явились два седых короля...

Но мертвенно улыбается сфинкс пустыни.
 Раздается шипение, и уже на пути у ребенка —
 Длинная нескончаемая, как вереница
 Его грядущих страданий, змея... Ох, как долго
 Мучился он от ее укусов... На теле его и сейчас
 Багровеют рубцы от острых ее резцов. Но теперь
 Яд уже не опасен. Уже началось странствие вспять,
 В младенчество, а потом — в материнское лоно.
 Начался самый трудный отрезок пути — подъем
 На отвесную гору, где заканчивается земля
 И начинается небо, где атрофируются руки
 И отрастают крылья...

Сидит на краю бездны
 Белоголовый младенец и тянется пухлой ручонкой
 К праздничному кружку одуванчика. Может быть,
 Он и дотянется до цветка и тогда превратится
 В звезду, окажется где-нибудь на Млечном Пути...
 Два бородатых седых короля склонили над ним
 Венценосные головы...

А ведь все только сказкою
 Было. Молчат короли. Все пришло из молчания
 И туда же уходит. Звучат аккорды молчания...

Перевел Л. МИЛЬ.

ИГОРЬ ВЯХИРЕВ

★

ПИСЬМО

Хочу говорить языком телеграмм:
Понятней, быстрее и короче.
«Тоскую. Жду встречи. Не сплю по ночам.
Люблю тебя очень и очень».
Слова эти стары, как Ветхий завет,
Как сказки и притчи о чуде...
Но я ль виноват, что за тысячи лет
До нас их придумали люди?
Но здесь под огнем, в лихорадках атак,
В огне, и в земле, и в чаду мы.
И эти слова я пишу тебе так,
Как будто я сам их придумал.
Я видел такое, что раньше не смог,
Пожалуй, увидеть во сне бы.
Я знаю, как гибель встает из-под ног
И коршуном падает с неба.
Мы шли напролом по кровавой земле
В жару, и в дожди, и в морозы.
И часто бывало, что снился нам хлеб,
А сзади тащились обозы.
И помни, читая записку мою,—
Здесь каждое нежное слово
Раздроблено пулей, разбито в бою
И мною придумано снова!

1943.

* * *

Брезентовая серая палатка.
Тесовая неструганая дверь.
Ко мне опять подходит лихорадка
На мягких лапах, как мохнатый зверь.
Она идет, чтобы сперва напомнить
О пустяке, прочитанном вдвоем,
О мягких креслах, об уюте комнат,
И встать у двери в облике твоём.
Потом трубой без аккомпанемента,
Как визг, как свист, все нервы теребя,
В лихом безостановочном крещендо
Она опять навяжет мне гебя.
И ты прильнешь к пульсирующим ранам,
Но боль сожжет прохладные уста,

А ты сольешься с ветром и туманом,
 И — лучше боль, чем снова пустота.
 А ты пройдешь сквозь засухи и жары,
 И зазвенит колосьями земля.
 Ты встанешь в мутной оргии пожара
 И под стенами древнего Кремля.
 Ты к нам придешь, тебя не тронут пули,
 Еще сильнее разгорится бой,
 И смутный шелест мирного июля
 С далеких нив ты принесешь с собой.
 Ты вскрикнешь под штыком головореза,
 Недохрипев последнего «прости».
 И в дымном вихре рваного железа
 Мы за тебя доскажем: «Отомсти!»
 Но бой стихает. В маленькой палате
 Смолкает грозный отдаленный гул...
 А ты войдешь в косынке и в халате
 И скажешь: «Тише! Кажется, заснул...»

1945.

* * *

Через броню, из-под железных век,
 Через туман и тучи грозовые
 Смотрел неандертальский человек
 В упор на вожделенную Россию.
 Как вырос он с тех пор, как взял со старта,
 Как он окреп в игрушечной борьбе.
 Он пол-Европы стасовал, как карты,
 И отобрал все козыри себе.
 И душный запах дыма, гнили, смерти,
 Взметенный бурей у альпийских скал,
 Крутил смерчи в Варшаве и Бизерте
 И на трондхеймских скалах не стихал.
 И в тот суровый год, когда впервые
 Заговорили пушки на Руси,
 Ей целый мир шептал: «Спаси, Россия»,
 Как шепчут только: «Господи, спаси!»

1947.

Возвращение

Колесных переборов
 Ворчливая гроза.
 У дальних семафоров
 Зеленые глаза.
 Пути в холодном глянце
 Коверкают луну.
 Бегут секунды станций
 Огнями по окну.
 Огнями в клочьях дыма,
 Полями с тенью хат...
 И снова мимо, мимо,
 Навстречу и назад.
 И паром на мгновенье
 Закрытые кусты
 Шатающейся тенью

Летят из темноты.
 Тяжелые строенья,
 Перроны, поезда,
 Шатающейся тенью
 Бои, фронты, года,
 Штыки, стволы орудий,
 Команды на бегу.
 И скрюченные люди
 В оранжевом снегу.
 Затем ли, не затем ли,
 Но стоило идти,
 Чтоб целовали землю
 Хоть пять из десяти.
 Чтоб ветер, пролетая,
 Подслушивал слова:
 «Встречай, страна родная,
 Я — жив, и ты — жива!»

1946.

* * *

Мы не палили городов,
 Мы не стремились к грозной славе,
 Мы понимали: слезы вдов
 В Берлине те же, что в Варшаве.
 Нет, просто мир был крепкой чашей,
 И, с непривычки чуть хмельна,
 По всей земле победе нашей
 Салютовала тишина.
 Еще не подсчитав потери,
 Еще в пыли, еще в дыму
 Лежал Берлин, пока не веря
 На целом свете никому.
 Умолкли старые команды,
 Не слышно новых. Он в слезах
 Не от позора фатерланда,
 А о погибших сыновьях.
 Он вспоминает тридцать третий,
 Он понимает, что не зря
 Под хлесткий свист свинца и плети
 Легли тогда концлагеря.
 К какой кровавой магистрали
 Привел тот след, привел тот бред,
 Что здесь со всех трибун орали
 И тискали в столбцы газет!
 Но тот, кто выплатил сторицей
 Всю дань, всю боль за все года,
 Уже шептал: «Не повторится»,
 Уже чеканил: «Никогда!»

1947.

Земля

Не уноси ее на счастье
 В кармане, в ладанке, в горсти.
 Нет у земли волшебной власти
 Ни обнадежить, ни спасти.

Нужны ветра, и расстоянья,
И детский смех, и дым жилья.
Ее простор — твоё дыхание,
Её дыхание — жизнь твоёя.

О, как я остро понял это,
Навек запомнив с той поры,
Когда земля в лихое лето
Зажгла солдатские костры.

Мы в смертной огненной купели
Ловили воздух жадным ртом...
Лишь месть и гнев служили цели,
А жизнь и свет... Потом, потом!

1955.

АНТАЛ ГИДАШ

★

МИНИАТЮРЫ

I

Апрель 1919 года.
По приказу повелителей версальской «мирной» конференции — Клемансо, Ллойд-Джорджа, Вильсона — белые армии двух соседних буржуазных государств бросились в наступление на молодую Венгерскую Советскую Республику.

Красноармейские полки на фронтах дрогнули. Началось беспорядочное отступление.

Совет Народных Комиссаров мобилизовал рабочих фабрик и заводов. Было принято решение: половина членов правительства должна выехать на восточный и северный фронты.

Через два дня смотр войск на проспекте Андраши.

Выйдут рабочие батальоны заводских предместий — Чепеля, Кишпешта, Уйпешта, Эржебэтфальвы и проспекта Ваци. Одни в военной форме, другие в штатском; винтовки еще без ремней.

В то время я жил на улице Дэлибаб.

Моему отцу — красногвардейцу — дали там хорошую квартиру. И вся наша семья — восемь душ — переселилась в особняк Оскара Ваала, зятя владельца чепельских заводов Манфреда Вайса. Квартиру эту мы получили от Дэжэ Силади¹. У нас впервые в жизни светила электрическая лампочка, а не керосиновая лампа.

...Сквозь открытое окно — на дворе стоит весна — я слышу вдруг, что где-то поблизости играет духовой оркестр.

Со всех ног бегу на проспект Андраши.

Там строятся рабочие полки — Совет Народных Комиссаров проводит смотр.

Раздаются звуки «Интернационала».

Впереди идет человек без шляпы, в штатском костюме, голова чуточку склонена набок. Он отдает честь вооруженным рабочим.

...Тогда увидел я впервые Бела Куна.

II

Июль 1919 года.

Я учился на социально-педагогическом факультете рабочего университета. Был мобилизован туда Наркомпросом.

В тот период, о котором я пишу, как раз Михай Бабич² читал лекцию о Чоконаи³.

Урок кончился. Я пошел домой.

Первая мысль была о Прешове. Красная Армия вошла туда и там

---

¹ Венгерский коммунист, ветеран рабочего движения.

² Известный венгерский поэт XX века.

³ ~~Выдающийся венгерский поэт-просветитель~~ (1773—1805).

провозгласила Советскую республику. Словацкая Советская Республика вступила в Федерацию с Венгерской Советской Республикой.

Потом вспомнил Бабича. В черном сюртуке, в белой сорочке с высоким накрахмаленным воротничком он стоит за кафедрой в университете на Музейном проспекте. Стихи его я знал. Но самого Бабича сейчас увидел впервые.

Медленно шел я по проспекту Андраши, отбивая пальцами на стенах ритм какого-то стихотворения, и думал о том, что этот худой человек в черном сюртуке и белой накрахмаленной сорочке больше похож на того, кто написал стихотворение «Звенит лира над камышами» (его я помнил наизусть), чем на автора «Фортиссимо»⁴.

То, что он, знаменитый поэт, читает нам лекцию, казалось мне таким же естественным, как это июльское солнечное сияние.

Чоконаи!

С ним меня связывала старая дружба. И не потому, что я любил петь его «Эхо» и «К Надежде», и не потому, что уже несколько лет назад объяснился в любви одной девочке с помощью его стихотворения: «Я клянусь тебе, о Лила, что с тех пор, как покорила красота меня твоя...», но меня захватила и печаль стихотворения Эндре Ади⁵ о Чоконаи («В девятнадцать лет человеку сродни печаль — ему легче выдерживать ее!»).

И я шел, бормоча про себя: «Если б он жил нынче, то Лила наверняка вышла бы замуж за этого длинноносого, гонимого поэта».

И вдруг я почувствовал, что очень голоден.

Что дома на обед?

Утром я слышал, сегодня будут давать по карточкам лошадиные головы. Да из них мама сварит отменный гуляш!

Стало быть: Прешов, Бабич, Ади, Чоконаи, Лила, гуляш...

Но вот вижу — на Терезовском проспекте возле какого-то дома собралась огромная толпа.

Да это же партийный комитет VI района!

Слышу: Бела Кун приехал.

Кто-то видел, как он завернул в парадное этого дома.

Все больше и больше набиралось зевак.

Два часа дня. Кто же это такие? Ведь рабочие трудятся на заводах или защищают Советскую Венгрию на фронтах.

— Бела Куна, Бела Куна, хотим послушать Бела Куна! — кричат из толпы.

Этим людям явно хотелось зрелища.

Уже минут пятнадцать кричат, хлопают в ладоши. Народу столько, что даже трамваям пришлось остановиться.

Наконец распахивается дверь верхнего балкона, на балконе — Бела Кун.

— Перестаньте хлопать! Аплодисменты здесь ни к чему, — говорит он. — Ступайте лучше по своим делам. Займитесь чем-нибудь полезным. У нас тоже много дел. Между прочим, мы заняты и тем, чтобы столько людей не било баклуши и не сидело на шее у трудящихся.

Он повернулся и ушел.

...Тогда слышал я впервые Бела Куна.

Ш

Октябрь 1919 года.

Венгерскую пролетарскую революцию сокрушили.

Нас — родителей и шестерых детей — вышвырнули из хорошей квартиры.

⁴ Произведения Михая Бабича.

⁵ Величайший венгерский революционный поэт XX века.

Теперь уже никакой Силади не поможет. Кто знает, где он — в тюрьме или успел бежать за границу?

Мы переехали на временную квартиру. Получили ее по протекции от начальника жилищного управления — отец сшил ему две пары шевровых башмаков, — который назидательно сказал на прощанье:

— Молитесь богу, что хуже не вышло, что в тюрьму вас не упекли.

Мы опять переезжали. Погрузили «мебель» на ручную тележку. Отец впрягся спереди, ребята толкали сзади.

Я нес керосиновую лампу, самую большую семейную драгоценность. Теперь опять ей придется светить.

Лил холодный осенний дождь.

...Уже пошло стояние в очередях за хлебом, салом, сахаром, дровами, керосином. Стояли обычно с полуночи до полудня. Хоть и это все давали по карточкам.

И как раз в ту пору были впервые напечатаны мои стихи в журнале «Новые дороги».

Кроме одного, это были всё любовные стихотворения.

Я торопился домой к матери с еще тепленьким номером, мне не терпелось прочесть ей вслух свои сочинения. До сих пор я ведь скрывал от нее, что пишу стихи.

По счастью, мать была дома одна.

Я начал читать. Но через несколько строк у меня словно горло перехватило.

Я почувствовал: это совсем не то, что нужно моей матери, что ее за душу берет, да и других тоже. Совсем не этим были полны души людей.

— Ну и так далее... — быстро закончил я.

В комнате стояла долгая тишина.

И тут заговорила мать:

— Сынок, я тоже сочинила песню, послушай-ка, спую тебе.

И зардевшись, словно девочка (или поэт, когда он читает вслух свое первое стихотворение), она запела дрожащим от волнения голосом:

Ты опять, Бела Кун, в Будапешт приезжай,
Ты вернись поскорей и народ свой спасай!

...Тогда впервые почувствовал я Бела Куна.

IV

Сентябрь 1924 года.

Спасаясь от ареста, бежал я из Мишкольца в Будапешт, потом отсюда через границу.

Вена. Берлин.

В Вене в издании Компартии Венгрии вышел уже мой сборник стихов «На земле контрреволюции».

Как-то однажды я зашел к Комьятам. Аладар Комьят⁶ только что вернулся домой.

— А ну надень пальто, — сказал он решительно, — и пойдем. Только не спрашивай куда.

Подземная железная дорога. Надземная. Выходим. Окраина. Моабит или Веддинг — не знаю, я еще только неделю в Берлине и с городом незнаком, а спрашивать не полагается.

Наконец останавливаемся возле какого-то дома. Комьят закуривает, оглядывается, и только потом входим мы в парадное.

⁶ Венгерский революционный поэт.

Поднимаемся по лестнице. Комьят нажимает на звонок. За дверью тишина. Комьят ждет. Спокойно. Потом опять прижимает палец к звонку, держит дольше, чем в первый раз. Молчание, ни шороха. Звонит третий раз, теперь уже прерывисто.

Дверь открывается. Мы в прихожей. Оттуда входим в комнату, где за круглым столом сидят человек десять — двенадцать: Дюла Альпари, Бела Ваго, Бела Санто⁷ (это мы к нему пришли на квартиру) и другие.

Во главе стола усатый, бородатый мужчина.

Комьят подталкивает меня в первую голову к нему. Он пожимает мне руку и коротко бросает:

— Бела Кун.

Я не могу промолвить ни слова. Человек, которого преследует полиция всего мира, попросту сидит в комнате за этим столом и просит, чтобы я почитал ему свои стихи.

Слушаю его сильный голос и в полном замешательстве смотрю на него.

Вислые усы, борода — в девятнадцатом году не было ни того, ни другого. Облокотясь о стол, он сидит, небрежно склонив голову на руку. Если бы сам не представился, я бы ни за что не узнал его. Он не старается казаться ни важным, ни «простым», ведет себя так, будто он и не Бела Кун.

— Лучше я вам песни спою, которых нет в этой книге,— говорю я,— ведь стихи вы уже сами прочли.

Он соглашается.

И когда, закончив песни, я по его просьбе спел еще и ту, что была напечатана в книжке:

Эх, повывездило как,
Все болейшь ты, батрак,
По колосьям золотым...—

вижу — на глазах у него слезы. Он встряхивает головой, да так решительно, будто хочет как можно скорее избавиться от них. Потом прозносит сильным голосом:

— А теперь прочтите нам свои стихи!

...Тогда впервые разговаривал я с Бела Куном.

V

31 декабря 1931 года, Москва.

Мы, как и обычно, поужинали. В ту пору еще не принято было встречать Новый год.

За ужином разговор зашел о том, что творится «дома», о том, что столичная управа Будапешта вывесила объявление — требуется пятьсот рабочих для уборки снега, а явилось их пятнадцать тысяч. В том числе безработные врачи, инженеры, учителя. Плата в день — один пенге.

Той порой слова «всемирный экономический кризис» звучали, как в средневековье слово «холера».

После ужина Бела Кун, как всегда, сказал, что сядет работать, и уже направился к письменному столу.

Мы начали прощаться.

Пожимая мне руку, он сказал вдруг:

— Напишите марш, только поскорей. Товарищ один на днях до-

⁷ Видные деятели венгерского рабочего движения.

мой поедет. Да, да, подпольщик. Он выучит ваш марш и в голове ответит его в Венгрию.

— Ладно, — ответил я, — но кто же мои слова на музыку положит?

— Что верно, то верно, — согласился Бела Кун, явно расстроившись.

Но меня это только пуще раззадорило: непременно напишу! И после недолгого раздумья я сказал:

— Уже знаю как... В прошлом году после Харьковского всемирного конгресса писателей мы ездили по Украине, и немецкий писатель Ганс Мархвица выучил меня маршу «Красный Веддинг». Так вот на эту музыку я и напишу. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Бела Кун, и в глазах у него мелькнуло то мгновенное темное сверканье, какое мне пришлось видеть только у него. — Но прошу вас об одном: чтобы этот марш был обращен ко всем трудящимся. Я люблю ваш старый марш «В борьбе нельзя остановиться», однако теперь, как бы вам сказать, теперь напишите что-нибудь более приближенное к конкретной действительности. Пусть в этом марше будет сказано и о Чепеле, и о проспекте Ваца, и о Задунайщине, и об Алфельде... Больше я ничего не скажу, остальное вы и сами знаете.

Мы пошли вместе с Агнеш домой на Пятницкую, где жили в одной коммунальной квартире с Михаилом Роммом, в сумрачной, неприглядной комнатухе.

Я был уже на взводе. Решил, что откладывать нельзя, сегодня же попытаюсь.

И попросил Агнеш сразу лечь спать. А сам сел за стол. Было часов десять вечера. Поначалу я все еще оглядывался, заснула ли она. Спит. Все в порядке. Можно приступать.

За несколько минут до Нового года марш был готов.

Я разбудил Агнеш, спел ей. Но вижу, что спросонья она едва слушает. Еще раз спел.

— Позвонить отцу? Он, наверное, еще не заснул. Сказал же, что у него много работы и ляжет поздно.

Я вышел в переднюю. Там на стене был общий телефон. Попросил номер.

— Товарищ Кун, не сердись, марш готов.

И я начал петь в трубку. Когда дошел до рефрена «Красный Чепель, пусть гудит твой голос», Агнеш вышла и прошептала:

— Тише! Все уже спят.

А по телефонному проводу с Пятницкой на Воздвиженку, через Красную площадь мчалась песня о Венгрии для Венгрии.

«ДВОРИК ТЫ МОЙ, ДВОРИК»

(Бела Барток в Москве)

Зима 1928 года.

Снежная-снежная Москва. И не то чтобы снега тогда выпадало больше, чем теперь, просто убирали его вручную и медленней. И этот снег, сыпавший всю зиму с мечтательным спокойствием, особенно в переулках, только весной превращался в маленькие бурливые ручейки.

Венгерские политэмигранты каждый вторник собирались в особняке в Леонтьевском переулке. Клуб, правда, и в другие дни не пустовал, но по вторникам здесь бывали доклады на какие-нибудь серьезные темы — политические, экономические, литературные, — и начинались они в восемь часов вечера.

Сотни венгров собирались здесь. Народ прибывал начиная с семи часов. Мужчины, женщины, мужья, жены, старые и молодые. Останавливались на лестнице, в коридорах, в зале, чтобы радостно пожать друг другу руки или отрывистым «добрый вечер» намекнуть, что «у меня все еще другое мнение», обрадоваться друг другу или поспорить, как оно уже бывает в жизни, особенно в жизни эмигрантов.

В вестибюле первого этажа Шимон Богдань (старый участник рабочего движения, который еще в начале века книгоношей ходил по деревням и городам) предлагал купить венгерские книги, журналы, газеты, и если не было другого выхода, то отдавал «в кредит». Рядом с ним за другим столиком сидел огромный зычноголосый Миклош Киш, которого все даже с его юных лет помнят только седым (во время революции он был комендантом города Будапешта, а до революции гусарским вахмистром). Он собирал членские взносы не только для русской, но также и для венгерской партии, причем добровольные.

Миклош Киш сидел за столом с тем же видом коменданта революционного города. Всех кругом обводил он строгим взглядом. И этот взгляд не только обнаруживал, выхватывал из толпы, но и притягивал к себе тех, кто запоздал с уплатой членских взносов.

Второй Киш — Лайош Киш, бывший наборщик, а теперь пролетарский писатель, — развешивал вместе с другими членами редколлегии стенную газету, иногда в пять-шесть метров длиной. Комсомольцы бегали-сновали, прикрепляли свою газету к другой стене. Их обступали пионеры — девочки и мальчики. И кругом повсюду порхали венгерские слова: в Леонтьевском переулке каждый вторник собиралась небольшая Венгрия.

Не помню, кто и о чем должен был делать доклад в тот вечер, запомнилось только, что, уже идя по улице, я заметил за падающими снежинками большие буквы афиш, казавшиеся в этом снегопаде синечерными ласточками: «БЕЛА БАРТОК... ФОРТЕПИАННЫЙ КОНЦЕРТ».

Внизу, в вестибюле клуба, каждого входящего встречала такая же афиша. Точно такая же висела над подымавшимися кверху ступеньками лестницы, а позади лотка с книгами даже целых две возвещали: «Бела Барток...»

Шимон Богдань в этот вечер был занят продажей билетов.

— Все будем сидеть вместе, — сообщал он каждому, — причем в первых рядах.

Миклош Киш кивком красивой седой головы направлял плательщиков партийных взносов за билетами к Богданю. Словом, в этот вечер в клубе венгерских политэмигрантов «власть взял в руки» Бела Барток.

Концерт был устроен в Малом зале Консерватории. Венгры скупил первые четыре-пять рядов.

Барток вышел на сцену. Публика, наверное, не могла взять в толк: кто такие сидят там в первых рядах? Рукоплещут не переставая. Иные даже подымались с мест и кричали что-то Бартоку на незнакомом языке. Барток глянул вниз. На него благоговейно глядели горящие, сверкающие глаза: «Это мы здесь. Мы, венгры! Мы, венгры!»

Потом наступила тишина, и Барток заиграл.

Мы сидели в первых рядах — кто запрокинув голову, кто опустив ее, кто закрыв глаза, кто спрятав лицо в руки.

Барток играл. Если б сейчас спросить у меня, что он играл, я назвал бы все известные мне произведения Бартока от «Аллегро барбаро» до «Румынских танцев». И еще добавил бы от всей души, что в тот вечер в Малом зале Московской консерватории он сыграл все то, что написал только десять лет спустя.

Сидевший вместе с политэмигрантами Бела Кун сказал в антракте:
— Подойдите к нему. Приветствуйте и поблагодарите. Сам я ведь не могу... У него дома из-за этого могут выйти неприятности.

Кто пошел и сколько нас пошло — уже запомнил (помню только Ивана Дендеша, Шандора Надя и Миклоша Киша). Во всяком случае, тетенька, сидевшая возле входа на сцену, попыталась преградить нам дорогу.

Но мы ворвались.

Высокий худой Иван Дендеш первый распахнул дверь боковой комнаты, где стоял Барток.

— Мы, венгры... Нашими устами вас приветствует Бела Кун, он просил поблагодарить вас, товарищ... товарищ Барток... за этот вечер...

Барток, словно глазами по клавишам, скользнул взглядом своих незабываемых глаз по нашим лицам и только тут разглядел уставившихся на него людей. Казалось, они даже не смотрели на него, а впивались в него глазами.

— Давно вы здесь? — спросил он так тихо, что стоявшие у дверей не расслышали и все больше вытягивали шеи.

— Кто восемь лет, а кто еще только три года... Я, — сказал Иван Дендеш, — я был военнопленным. Двенадцать лет назад видел в последний раз Венгрию.

— Трудно... так... далеко?

Ни Иван Дендеш, ни другие не ответили.

Застывшая картина сохранилась навеки в памяти у меня. Комната, освещенная яркой электрической лампочкой. Барток, одетый в черное, молча стоит возле выхода на сцену. Перед ним восхищенное, немое сборище людей: делегация эмигрантов венгерской пролетарской революции, которая пришла благодарить и приветствовать музыканта.

Но картину эту сдвинул немилосердный звонок.

Мы снова сидим в зале.

Барток играет «Дворик ты мой, дворик, круглый дворик мой». Руки Бартока вызванивают на рояле полную чистой гармонии мелодию. Казалось, зазвонили живые крохотные колокольчики и будут звонить начиная с горестной страстной пятницы до самого Христова воскресенья.

Со мной рядом сидит Бела Кун. Я чувствую, с ним что-то творится. И не могу не глянуть. Осторожно, украдкой, чтобы не обидеть его.

Слезы катятся у него из глаз. И будто нет ничего естественней на свете: Барток играет, а слезы катятся.

Дворик ты мой, дворик,
Круглый дворик мой.
Сколько подметал я
Все своей рукой.
Подметал я, и довольно,
Пусть метет другой.

И сколько раз вспоминал я этот вечер уже много лет спустя. Сколько слышал из кабинета Бела Куна:

Подметал я, и довольно,
Пусть метет другой.

Но сколько раз слышалась мне эта песня и тогда, когда и голоса его не мог я больше услышать. Во мне он звучал? Или эти слова далеким эхом отдавались, слепые им? Бела Барток играет песню, а Бела Кун ее напевает. И тяжело становилось у меня на сердце, и оно стучало с переборами.

Я выглядывал в окно. Снег идет — от улицы Фурманова до самой Воздвиженки, от Вятки до Тихого океана.

И стоят в этом снегопаде венгерские интернационалисты вместе с интернационалистами других народов, стоят, опустив головы, терзаясь:

Дворик ты мой, дворик...

ПОРТРЕТ

Однажды во время долгой разлуки я получил письмо от жены. Она писала: «Хочу получить твою фотографию. Хочу знать, какой ты, хочу знать, что ты не изменился...» Я написал автопортрет. Вот он.

Дорогая Агнесса!

Ты просишь фотографию. Не могу прислать. Поэтому попытаюсь с помощью букв нарисовать автопортрет.

Трудно дать его объективно, без прикрас, какой он есть на самом деле; не быть самовлюбленным и не предаваться излишнему самобичеванию; не замалчивать свои недостатки и не преувеличивать достоинства.

Кроме того, боюсь, что не хватит и творческого умения, да и другие причины помешают созданию достоверного автопортрета. И еще одно: я ведь, в конечном счете, лирик и сложись иначе мир, да и моя судьба в мире, я так до конца остался бы только лириком. Мне кажется, что и «Господин Фицек» сильнее всего там, где лирика вращает колеса романа.

Все это, вместе взятое, и заставляет меня закутать мой необычный рисунок пером в густые ветви романтики.

Лицо

Если смотришь на него в сумерках, будто и не изменилось, все еще сравнительно молодожавое (мне, конечно, трудно судить — я вижу его ежедневно, например, в оконном стекле). Иногда преобладает лоб, другой раз глаза, бывает — губы.

Но при свете видны изменения — отпечаток последних лет.

На лбу появились неистребимые морщины, они расположены симметрично, точно крылья орла, а нос — будто их гипертрофированное тело: вместе, точно бомбовоз, несут они взрывчатые мысли. А под глазами крылышки, словно маленькие крылья истребителя, истребителя юности моей.

Ведут эту эскадрилью — брови. Они участвовали в тысяче сражений, потрепаны, но все еще реют величественно и черно.

Большие крылья — когда Он грустит, видел что-нибудь дурное во сне или наяву; устал, заработался до смерти — начинают трепетать, дергаться и глубже забираются в свое убежище — лоб. Когда же Он в духе, случается и это, если, скажем, получил от Тебя письмо, отдохнул, или в воскресенье солнце узенькими снопиками пробирается в еще более узкое оконце; Он смотрит на него и думает, что однажды все придет в порядок (да и как может быть иначе?), что скоро Он увидит вас, Тебя, сможет скоро опять заняться тем, с чем себя связал отроду не на шутку, — тогда крылья становятся еле заметными и спокойно реют на лбу.

Голова

Теперь, когда она бритая, это круглый шар, похожий на детскую голову. Наивная, без задних бугорков, только две выпуклости на лбу нарушают ее гладкую поверхность — говорят, это холмы юмора и сатиры.

(Увы, чересчур взрослые люди к юмору относятся с подозрением, а сатиру воспринимают как личное оскорбление.)

Когда волосы отрастают — иногда удается и этого достичь, — они такие беспокойно-живые, словно вьющиеся антенны чувств и мятежных дум, которые роятся под ними. Сами волосы еще сильные и густые. Десятилетний мальчишка, как и прежде, мог бы уцепиться за их темные кольца и повиснуть.

Но время, особенно за последние годы, проткало их уже белой пряжей, и когда закончится эта беспощадная работа — выйдет саван, в который смерть закутает Его жизнь.

Больше половины савана уже готово.

Нос

Выдает переменчивость настроений. От крайней, почти музыкальной нежности до, часто, беспричинной грубости; от детской безжалостности до мужской внимательности; от легкомыслия, необдуманности («как-нибудь да будет») до выработанной последовательности и чувства ответственности — вот о чем повествует Его нос.

Справа энергичный, резко очерченный, почти орлиный. (Хозяин его старается сидеть так, чтоб он виден был с этой стороны.) Слева детский, недоразвитый, тупой — неоформившийся.

При возбуждении ноздри расширяются и дрожат, как будто им воздуха не хватает. Хотя суть в другом: гнев, желания, горе и радость с такой стремительной быстротой пронесаются по вспыхнувшим нервам, что остальные клетки не успевают за этой электронной бурей. В такое время, при таком возбуждении Он ничего не видит, не слышит, не соблюдает ни правил, ни обычаев. Потому и случается, что после важных, решающих для него встреч, разговоров обязательно казнится: вот опять погорячился, опять зря вскипел; вот опять только Он говорил, не слушал, что Ему говорят, чего хотят от Него. (Беда в том, что обычно Он знает заранее, во всяком случае мгновенно чувствует, в чем суть, поэтому Ему уже неинтересны слова, которыми ее обволакивают. Часто Он не скрывает этого от собеседника, чем и наносит ему непоправимое оскорбление.)

Каждый раз дает себе обещание исправиться, но тщетно. Неубузданный жеребец лиризма подхватывает Его опять и увлекает вперед, уносит вдаль, и Он снова оказывается перед зияющей пропастью между действительностью и мечтой; хорошо еще, что до сих пор не сверзился в нее. Но это же помогает Ему босыми ногами шагать по острым черепкам действительности. Ведь Ему ничего не стоит отодвинуть ее и жить в своем, созданном для себя, лучшем мире, который и существует и нет.

В этом один из главных источников Его слабости, но и силы.

Глаза

Обычно влажные, то блестят ребячливой радостью, то расширяются и становятся страшными, как глаза безумца, то грустят так, что, кажется, без слез рыдают, как будто все на свете уже потеряно; а иной раз из них льется бездонная скука. Но достаточно одного слова, движения, какой-нибудь вести — и они снова сверкают; затем вновь впедряются куда-то вдаль — так, наверное, горный водоем смотрит на небеса тихо, прозрачно, долго-долго, впитывая в себя ясное небо.

От этих глаз, видно, трудно оторваться, есть у них какое-то магнетическое поле — они вызывают либо любовь, либо ненависть, но безразличие — никогда.

Если Он весел, глаза Его тоже как будто звонко смеются, хотят

обнять не только тех, кто близко, не только тех, кто живет на свете, но все, что есть в этом бесконечном мироздании.

Хитрости в них нет никакой, и если они пытаются хитрить, тут же выдают себя, будто заявляя: «Сейчас мы хитрые!» — и получается смешно.

Короче говоря, они искренни, и нередко в ущерб Ему. Смотри в них — и, если ты душевно грамотный, все можешь прочесть. Для малограмотных это попросту красивые глаза.

Для Него такое определение звучало всегда оскорбительно.

Рот

Далеко не аскетический. Нижняя губа пухлая, выпячивается. Обидели ее, или тоскует бедняга по теплым краям, где Он жил некогда и которые из этой страшной дали кажутся уже почти субтропиками. Там воздух всегда прозрачный, на ветвях качаются персики, сливы, яблоки, груши, а теперь еще мерещится — будто среди облаков зеленой листвы, точно миллионы лун-лилипутов, блещут лимоны и апельсины; а после летнего дождя чернеет виноград и искрятся грозди, как множество девичьих глаз, как в привольно дышащей ночи мерцающие в вышине хороводы звезд, под которыми веянье ветра нежнее, чем твоя рука, твои слова.

Верхняя губа — дар севера. Она тоньше, задумчивей, рациональней; бросается на бунтующую нижнюю губу, будто тормозя ее страсти... Погоди!.. Не торопись!.. Будь умней!.. Подумай... Но нижняя губа только улыбается, ей смешна эта осторожность, эти «расчеты»; уголки едва заметно поднимаются. «Оставь! — говорят они. — Много ль дала тебе твоя расчетливость?»

Но сам Он ценит этот тормоз. Благодарен ему за то, что инстинкты не взяли верх над Ним, что в целом Он владеет своими страстями, а не страсти владеют Им.

Но когда на Него, как говорится, «находит» — улыбка разбивается вдребезги и владычицей становится опять нижняя губа: она бушует так же, как некогда, — без преград. Глаза расширяются, орлы со лба улетают вдаль; страсть, гнев вырываются — и больше нет границ ни над Ним, ни перед Ним; на пурпурном небе раскалываются черные молнии, дыхание становится порывистым, словно шквалы ветра во время бури. Рот искажается — ибо не для того его создали, чтобы он молчал!

Для Него нет ничего ненавистнее лжи, издевательства над человеком, хитроумно расставленных ловушек, обмана ради овладения властью, беснования в захваченной власти, стремящейся сбить и сбивающей красоту с лица человеческого! Одним словом, нет ненавистнее тех, кого клеймят фашистами.

Ради того, чтобы сохранить человеческий облик, о, сколько людей несли крест, восходили на костер, садились на кол, бесстрашно смотрели в черные дула винтовок, отлично зная, что пуля пробьет им затылок, или вперяли взор в небеса, пока палач накидывал им на шею намыленную петлю.

Неужто все это было напрасно, неужто напрасно прожили все эти люди и теперь благодаря действиям, движимым инстинктом «мое — мое, и твое — мое, и его — мое», Земля, точно лошадиный череп, будет скалиться обнаженными зубами во Вселенную.

Лучше Он в одно лезвие сплавит все страсти свои, будет биться, наступать, отдаст свою звонкую кровь, последнее гневное дыхание, последнюю мечтательную детскую улыбку, без слез пожертвует собой и, рыдая, своей любовью.

Уши

Из всех частей тела, можно сказать, всего изящнее скроены Его уши. В них всегда слышится музыка Океана, гул Вселенной и говор людей. Если ничто другое, так эти уши — явное свидетельство того наивного удивления, доверчивости к людям и чувствительности, без которых не может быть искусства, не может быть настоящего художника.

Руки

Большие. Сильные. Пальцы в непрерывном движении, словно живые дирижерские палочки, — все время передают ритм и дрожь души.

Невольно думаешь: хорошо, что они прикреплены к кисти, иначе всё улетало бы и возвращалось только ночью, когда Он спит, чтобы, как в детстве, смиренно улечься под щеку, отдыхать, спать вместе с Ним и только изредка встрепенуться — так трепыхаются птенчики в теплом гнезде, когда им снится страшная пасть большого зверя.

Пальцы эти видят, слышат не меньше, чем пальцы слепого, чувствуют запах, вкус, осязают. Они точно мембраны пяти органов чувств. Даже во сне неуемны. Хозяин их не любит ласки. Ласкать хочет Он сам и только тогда, когда пылают кровь и чувства.

Вены на руках резко очерчены. Опрометчивый медик сказал бы: ранний склероз. А на самом деле эти руки влекут к себе больше крови, чем обычно требуется для работы; мощному темно-рубиновому потоку нужно более широкое русло, чтобы, покрасневшись в сильных легких, быстрее вернуться домой, проскочить в сердце и торопливо рассказать ему о своих переживаниях на границах чужого мира.

Тело

Недостаточно пропорциональное. Развитое туловище и менее развитые ноги. Сидя Он кажется много выше, чем стоя. Видно, большинством его предков были ремесленниками, вели сидячий образ жизни, и поэтому нижняя часть тела самокритически вынуждена была осознать свою второстепенность. Были случаи, особенно в последние годы, когда этот разрыв огорчал, озадачивал Его, но Он утешался тем, что Маркс, как описывают его, сидя выглядел великаном, а когда вставал, ноги его на целую гениальность отставали от туловища и головы.

Походка

Быстрая. Брюки, будто не поспевая за ногами, стремительно летят, развеваются и словно просят: «Медленней, батюшка, куда торопиться?»

И верно, стремительности в Нем хоть отбавляй. Потому-то и подходит Он частенько к людям ближе, чем нужно и принято (или, как говорится, подпускает их ближе к себе), потому и не умеет соблюдать «должной дистанции», необходимой для сохранения «авторитета». Его несет вперед инерция самоотдачи. Не раз Он уже сожалел об этом и не раз еще будет сожалеть.

Поведение

Бойтся Он только неизвестности. Кулинары общественных интриг нашего времени это великолепно понимают, потому плели и плетут все больше непонятных сетей, которые натягивают и до предела выматывают нервы. Чтобы разгадать загадки этой мучительной неизвестности, Он подходил иногда и к таким людям, с которыми иначе и зняться бы не стал.

Изредка — следуя чужому совету — и Он пытается быть важным, «поддерживать свой авторитет». Но Ему это не к лицу. В такой позе Он чувствует себя прескверно, так, будто это вовсе и не Он. Отвратительно тратить силы на то, «как держаться», да и бесполезно; внутреннее содержание льется такой бурливой струей, что все равно сметает эту шаткую постройку.

В обществе Он тоже разный. Если собравшиеся Ему интересны — загорается, неинтересны — на Него наплывает такая скука, что Он того гляди уснет.

Вообще-то Он лентяй. И сам это знает. Поэтому даже раздраемый нервами — всегда пытается подавлять свою лень. Мог бы сделать гораздо больше и делал бы, если б больше ценил себя и то, что создал, и еще если бы не разбрасывался на всякие мелочи. Как будто недостаточно Ему тех мелочей и препятствий, которые жизнь и без того кидает под ноги, — Он еще сам, как тот виноградарь из сказки, выходит с дубиной во время града и сбивает грозди. В конечном счете это бегство от напряженной работы, желание наслаждаться красотой жизни, любви, природы, желание быть счастливым и беззаботным, как здоровый смеющийся ребенок. Вернее сказать, Он гораздо выше ценит жизнь, чем все, что можно сказать о жизни.

А честолюбия явно недостает для того, чтобы гнаться за признанием. Важнее всего Ему собственное признание — правда, дается оно нелегко. Но уж коли сам доволен, то все прочее становится десятистепенным.

Он революционер.

Хочет господствовать над вещами, а не над людьми. С этого начал, этим и закончит.

Работа дается Ему легко. Потому, наверное, и недостаточно ценит Он свои «песни». «Нравится? Хорошо! Пошли дальше!» Разве птица в лесу раздумывает о достоинствах своей песни? Поет, потому что ей приятно. Потому что другая птица отвечает. Ничего другого ей не нужно. Ну, а ворона? Она только каркать умеет. Скажем честно, представься Ему такая возможность, ворону Он сразу выставит из лесу!

Ему непонятно, почему, когда наступает вечер, а уж тем более летняя заря, — почему все, все не поет вокруг Него: деревья, кусты, трава, чашечки цветов, коровы, небо, луна, собаки, облака, плывущие в серебристом сиянье? Ему кажется, стоит только захотеть — и все существующее споет тысячи чудо-песен. Да, честно говоря, и поет. При этом без всякого усилия и принуждения. Потому-то и приходит Он в отчаянье, если кто-нибудь хочет Его заставить петь. Ведь Он прекрасно знает, что это еще никогда не приводило ни к добру, ни к красоте.

Понимает Он и другое — что без упорной, систематической работы ничего больше не создашь.

И все-таки когда пишется с трудом — унывает, становится угрюм. Думает: «Не стоит... все равно ничего не выйдет...» И хоть и стыдно, но в такую пору не Он управляет нервами, а нервы властвуют над Ним. Верхняя губа сердито корит Его. Он обещает исправиться, клянется — но не всегда держит слово.

С годами Ему все больнее, что Он столько времени потратил зря, жизнь слишком коротка для того, чтобы быть лентяем. Потом тайком лукаво подмигивает — старости-то ведь еще не чувствует, в душе все еще нет «ни одного седого волоса».

Он, как и Дон Кихот, поумнеет только в последний час своей жизни.

Много ли Он занимается собой? В стихах меньше, чем полагается лирику, в жизни больше, чем даже лирику дозволено.

Страдания переносит с трудом. Правда, больше душевные, чем физические. Но если нужно, готов идти на любую муку, быть упрямым, как мул, лучше погибнуть, но не торговать ни собой, ни другими. Всякую всячину держит Он в кладовых души, кроме товара предательства.

Когда садится писать — ничего не видит, не слышит, тогда мир начинает звучать изнутри: чувства, образы, ритмы, любовь — если нет любви, для него погибло все.

Губы раскрываются, точно у человека, который впервые попал в кино: «Ну и ну!» Глаза застилает туман, тот самый, из которого, по Канту — Лапласу, произошел мир. Когда в такую минуту Его спрашивают о чем-нибудь, Он отвечает тупо, вяло, если не приходит в ярость из-за того, что помешали.

Говорят, что Он «творит».

Черта с два!

Ребенок играет. Один. Замечтавшись. Смотрит впервые на дрожащие звезды. Знает, что еще ничего не знает, что звезды страшно, до боли далеки, что эта бесконечность, безвременно сжимает сердце, что грустно от этой дали и тишины так же, как летним вечером, когда жужжат комары... О чем жужжат? О чем же? И все вибрирует кругом: воздух, закат, темнеющее небо, вечерний взгляд коров, сонный короткий птичий щебет, дыхание друзей, солдат, которые в пяти тысячах километрах. И такая в это время тишь... Она шире, чем земля, глубже, чем небо, прозрачнее, чем южный воздух, и таинственней, чем влюбленные звезды, которые лучами ищут друг друга.

Умеет ли Он по-прежнему сердиться? Еще как! Больше чем когда-либо ненавидит Он бесчеловечность. За человека, за ту землю, которую называют родиной, Он в любую минуту готов вступить в бой с высоко поднятой головой и пусть даже с последней песней на устах.

Потому что Он бесконечно любит не только человека, но и все прекрасное, что создал человек. Ведь Он и сам явился в мир, чтобы утверждать: нет создания прекраснее человека, если он действительно человек. И никто, ничто не переубедит Его в этом.

Потому любит Он и Тебя. Ведь в Тебе воплощено все то, что можно назвать человеческим. Знает, что встреча с Тобой — а он предчувствовал ее заранее и за тысячи километров — предрешена судьбой.

Все, что создает, отдает сначала Тебе, чтобы Ты, как мастер Золотых дел, ставила пробу, и только после этого стих или проза может идти своей дорогой.

Так иди к Ней и ты, мой автопортрет, ведь более благодарного читателя вряд ли найдешь. Пускай Она радуется, пусть этот заненастившийся мир будет таким, каким он станет, когда Она вновь встретится с тем, с кого написан этот портрет.

Перевела с венгерского АГНЕССА КУН.

ИЗ МОЛОДОЙ ВЬЕТНАМСКОЙ ПОЭЗИИ

СУАН КУИНЬ

★

Победа

Мы победили!
Улицы Сайгона
сейчас полны ликующих людей.
Мы всех героев
вспомним поименно,
народа подвиг
нынче стал ясней!
Мы победили!
Полную победу
мы одержали в вековой войне!
И знамя со звездой
по всей стране
мы пронесем!..
Сейчас сосед соседу,
друг другу,
сын отцу и маме дочь
спешат открыть взволнованную душу,
но в первый миг —
молчанья не нарушим...
Нас душат слезы...
Расступилась ночь.
Стучат сердца.
Поют рассветно птицы.
И стало слышно, как растет трава.
Победа!
И измученные лица
омолодила неба синева.
Победа, как волны огромной гребень,
взнесла до звезд героев имена,
они видны, как флаги в чистом небе...
А многие — открыла вновь страна:
жен, проводивших в дальнюю дорогу
мужей любимых; матерей седых,
своих детей воспитывавших строго
и революции отдавших их...
Шли долго дети следом за отцами,
сменяли внуки дедов на пути.

В той эстафете
 пылкими сердцами
 одна владела страсть:
 дойти, дойти!
 Мы помним все дороги и тропинки,
 как бились за любую пядь земли,
 как победили в смертном поединке
 и сердце, словно знамя, пронесли!
 Чтобы не бились больше разобщенно
 сердца людей, чтобы была страна
 единой горной цепью Чыонгшона,
 как будто позвоночником, сильна.
 Разбито вражьих замыслов коварство.
 Улыбчив лик серебряной луны.
 Вьетнам, Вьетнам, ты снова — государство,
 в котором братья не разобщены!
 Давайте завтра рано на рассвете
 сплетем венки из сказочных цветов
 и принесем дары простые эти
 к могилам павших братьев и отцов,
 товарищей, замученных в охранке,
 товарищей, не встретивших зари...
 Священны их безгласные останки.
 Их кровь на каждом знамени гори!
 Давайте все мы за руки возьмемся!
 Мы вместе будем строить новый мир!
 Достойны будем павших!
 В этот миг
 мы в верности заветам их клянемся!
 Достойны будем павших!
 Лес цветов
 пусть в необъятном небе вырастает,
 пусть гром орудий, свет прожекторов
 о праздниках отныне возвещает!
 Одни слова у всех на языке,
 я слышу их от друга, от соседа,
 от матери. Пульсирует в виске:
 Вьетнам, Вьетнам, к тебе пришла победа!

1 мая 1975 года.

Перевел ВИКТОР ШИРОКОВ.

НГУЕН ДЫК МАУ

На холме, поросшем травой

Я сижу на холме, там, где свежей травы бахрома
 Маскирует зеленым сыпучие ямы воронок.
 Теплый ветер гудит надо мной. Из семян оброненных
 Прорастают деревья, из которых построят дома.

Стадо сельское рядом пасется. Покой. Тишина.
 Лишь на шеях у буйволов побрякивают погремущки.
 Эти дети-подпаски — как будто из давнего, мирного сна...
 Но присмотришься к играм, на детские глянешь игрушки —
 И поймешь, как недавно по этим местам прогремела война.
 Я зеленое глажу, и вдруг набредает рука
 На холодную горсточку гильз, друг на друга похожих,
 Словно зернышки риса из одного колоска, —
 И взрывается память, и озноб пробегает по коже!
 Я хочу отыскать на израненной этой земле
 Имена наших братьев — погибших, но не побежденных,
 Чтобы сердцем понять, как трава поднялась на золе,
 Как явились цветы на изрытых воронками склонах.
 ...Теплый ветер гудит надо мной. Из семян оброненных
 Прорастают деревья, чтоб строить дома на земле.

Перевел ГРИГОРИЙ КРУЖКОБ.

ФАМ ТИЕН ЗУАТ

Десять минут отдыха

Час пути. Отдых десять минут.
 Этим утром на марше с отрядом шагая,
 Твой учительский день я представил, родная:
 Час — урок. Отдых — десять минут.

Все на свете неповторимо
 В годы мужества и перемен.
 О любимая, жизнью мы схвачены в плен!
 Все на свете неповторимо.

В день воскресный, когда ты грустишь обо мне,
 Я в лесу по трясинам иду непролазным,
 А когда ты стоишь у доски перед классом,
 Горный ветер шумит надо мной в вышине.

Ты цветы из бумаги творишь папиросной,
 В детском танце серебряно вьется фольга.
 В этот миг вокруг меня рвутся бомбы врага
 И в траве серебрится металл смертоносный.

Ты на черной доске мелом пишешь,
 Я же трассы веду в черноте пулевые.
 С двух сторон след огня и следы меловые
 Этот фронт очертили, любимая, слышишь?

Словно в разных с тобой измерениях живем,
 Наши судьбы лишь малой отметиной схожи:
 Ты по десять минут отдыхаешь — я тоже.
 Слышишь, гонг раздается над школьным крыльцом? ¹

¹ В школах Вьетнама перемена объявляется ударом в гонг или в барабан.

Только десять минут нам подарено кратких,
 Но мы верим друг другу, как в родину верим свою.
 Скоро враг будет загнан в последнем бою,
 Скоро будет повержен в решающей схватке.

Меж грядущим и нынешним временем нет
 Расхожденья. Лишь десять минут передышка.
 После них на часах вижу вспышку —
 Это времени свет, как звезды пролетающей след.

Сон в лесу

1

На привале мы растянем меж деревьев гамаки
 И заснем, и не тревожат нас лесные ветерки.
 Что на свете может свежестью сравниться
 С пробуждением в терпких зарослях корицы!

2

Я не сплю, заснуть мешают птичьи стоны,
 Тихо дышит мой товарищ утомленный.
 А войска вдоль гор проходят, по холмам,
 И дыханье леса в сон заходит к нам.

3

На железную кровать, на домашнюю постель
 Мы лесную, травяную не сменяем колыбель.
 Вмиг проснешься — за винтовку и в поход.
 А земля захладела... Видно, утро настает.

Перевел СТ. ЗОЛОТЦЕВ.

Дорога жизни

Земли перевороченной пласты,
 Стволы деревьев, дочерна спаленных.
 И тут же рядом — стебли и цветы...
 Бежит дорога среди волн зеленых.

По сторонам листвы живой заслон,
 Лужайки снова свежи и не смяты —
 Неуязвимый щит шумящих крон,
 Травы непробиваемые латы.

И вновь над Чыонгшоном журавли,
 И вновь павлины вышли на поляну...
 И сколько б ран земле ни нанесли,
 Зеленым цветом все затянет раны.

Из цепи гор не выбить ни звена,
И никаким пожарам и корчевьям
Не выжечь трав упорных семена,
Не уничтожить вечные деревья.

И подтверждая это столько лет,
Навстречу нам бежит широкой лентой
Дорога наших болей и побед —
Дорога жизни, ставшая легендой.

Перевел ГРИГОРИЙ КРУЖКОВ.

О ЧЕ Р К И   Ж А Ш И Х   Д Ж Е Й

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

М. ГАНИНА

★

МОИ ЗНАКОМЫЕ ДИСПЕТЧЕРЫ

За последние несколько лет я четырежды побывала на строительстве Камского автозавода. Как и везде, открывала там для себя любопытные судьбы, женские незаурядные характеры. О некоторых из них я расскажу в этом очерке. Мне приятно сделать это именно сейчас, в Международный год женщины.

Снова диспетчерская Автозаводстроя — любимое мое место на КамАЗе. В какой бы точке огромной строительной площадки я ни находилась, обязательно заверну сюда передохнуть, выпить крепкого чаю с домашним вареньем, узнать новости. Все ниточки сходятся сюда, диспетчеры всё знают.

Сегодня я остаюсь тут на сутки дежурить с диспетчером Людой Руденко и оператором Анисьей Исаковной. Люда на КамАЗе четыре года, Анисья Исаковна — три. Люда приехала из Темир-Тау, она швея; Анисья Исаковна жила в городке недалеко от Кургана, девятнадцать лет работала библиотекарем. Это про таких раздраженно говорил мне в июле 1971 года Владислав Александрович Фоменко (тогда он был начальником Автозаводстроя): «Кадры! Портнихи. Ткачихи. Прораб — бывший летчик. Главный диспетчер — капитан парохода... Указывай каждому, где взять доску и куда ее прибить!.. Видите, чем приходится заниматься за такую большую зарплату...»

Люда тоже вспоминает, как, отдежурив в диспетчерской первый раз, расплакалась дома: «Леша, куда ты меня привез! Я швейница, кричать не могу, трактор от бульдозера не отличаю. Рацию вообще первый раз вижу: нажимаю, отпускаю — меня не слышат, я не слышу...»

Ну, теперь научилась. Давно уже научилась различать марки механизмов. Недаром они с мужем жили первое время в шоферском общежитии, по рации научилась разговаривать, кричать тоже научилась. А главное — нажила необходимое диспетчеру умение держать в голове крупнейшее строительное хозяйство всех десяти строительного-монтажных управлений Автозаводстроя, мгновенно ориентироваться: тому песок, этому щебенку и бетон, бетон, бетон — на плиты подвалов, на полы для кузнечных заводов, на тоннели стружкоприемника... «Отказались там? Попробуем переадресовать...» Бортовые машины «МАЗы», «КРАЗы», «БЕЛАЗы», бульдозеры и монтажные краны — все в ее руках, всего в обреш, в ее воле остановить работу в каком-то СМУ или, наоборот, подогнать, чтобы работали быстрее.

Люда Руденко и Анисья Исаковна — одна из лучших диспетчерских пар Автозаводстроя.

— Зинур? Камлетдинов? Куда тебе усилить бетон? Давай исправляй ошибку, пока я добрая! Куда хочешь, хоть за шиворот себе принимай... Сами виноваты, утром полтора часа простояли машины, арматура у вас не была сдана. Камгэс

меня терзает: отказы теперь только в письменном виде подавайте!.. Советую: подумайте лучше, куда переадресовать бетон...

Теперешний начальник Автозаводстроя Гостев издал приказ: диспетчерская пара, принявшая за смену две тысячи кубов бетона, получит сто рублей премии. Пока единственные, кто эту премию заработал, Люда и Анисья Исаковна.

— Было заявлено по Автозаводстрою на наше дежурство две тысячи двести кубов, — рассказывает Люда. — Ну, мы особого внимания не обратили: Гостев жмет на начальников СМУ, те заявляют больше, а потом отказываются, потому что посуда-то все равно не готова! Надо жать, чтобы посуду готовили, а не на заявки. И тут вдруг смотрим — к утру набралось ровно две тысячи! Отказы, конечно, были, но мы быстренько переадресовали бетон в другое СМУ...

Две тысячи кубов бетона, уложенные за сутки. Я помню время, когда 300 кубов были для Автозаводстроя рекордной цифрой и пределом щедрости старенького бетонного завода, выбивавшегося из сил, чтобы обеспечить нужды стройки, выраставшей не по дням, а по часам. На бетонирование дорог, на фундаменты — 300 кубов Автозаводстрою, 500 Металлургстрою, еще надо Промстрою, потом раствор двум Жилстрою, Спецжилстрою и так далее и тому подобное... Теперь размах иной, все считается не сотнями, а десятками сотен.

Я приехала на КамАЗ впервые в июле 1971 года. С доброй тысячи гектаров строительной площадки бульдозеры кончали сдирать слой чернозема и уже рыли, рыли котлованы под фундаменты заводов, планировали площадку под буро-набивные сваи, на литейном торчала частью заполненная опалубка мощных подколонников; на РИЗе (ремонтно-инструментальный завод уже дает продукцию) поднимался рыженький скелет металлоконструкций. Тысяча гектаров, 6 больших заводов, одновременно лезущих из земли!.. Такой строительной площадки я еще не видела. Никто не видел.

Ехал, ехал со всей страны народ и уезжал тоже, потому что надеялись — здесь сразу получают жилье, а Новый город только-только поднимался от нулей, заболел затейливым сочетанием разновеликих сухариков. Размещались по несколько семей в двухкомнатной квартире, жили в конторе — ставили раскладушки после того, как уходили служащие, — жили по деревням, потом привезли вагончики, и начальники трестов стали селить своих лучших работников в эти специально оборудованные и по тогдашней общей тесноте даже комфортабельные домики.

Фоменко перевел отделы управления из каменного здания в палатки, а в комнатах бывшей конторы тоже поселили семейных.

Теперь почти все, кто приехал в тот год, год начала, получили отдельные хорошие квартиры. Дома в Новом городе растут буквально на глазах: приезжаешь — в каком-то застраиваемся квартале готовы только первые этажи, уезжаешь — одиннадцатизэтажные башни накрыты крышами, идут отделочные работы. И качество строительства высокое. Однако в год начала многим как-то не верилось, что это может быть, что когда-нибудь тут будут квартиры, палисадники и чистые широкие проспекты. Мне тоже иной раз, когда я сапогами месила осеннюю грязь на будущем проспекте Мусы Джалиля, перспектива эта казалась очень далекой.

Весь июнь шли дожди, потом простояла жара и великая сушь, а с октября до середины декабря снова шли дожди. И это когда главные работы были в земле и с землей, когда только половина дорог была готова и новая техника, которую страна не скупясь посылала на стройку, буксовала в заплывших жидкой глиной колеях. А стройке, чтобы уложиться в сроки, надо было ежедневно выполнять работ на миллион рублей... Начало было трудным.

Тогда-то я впервые и попала в палаточку диспетчерской Автозаводстроя, стоящую на перекрестке всех дорог. По идее, под этот вылинявший брезент должны были сходиться нити от всех подразделений, работавших на площадке, здесь должен быть центр, оперативный штаб. Но, как и везде, тут тоже все начиналось с «нулей».

Было шесть утра, через час начиналась вторая смена. Сырой ветерок колыхал брезентовые бока палатки; на затоптанном дощатом полу стояло впритык два стола, заваленных бумагами. Не было здесь ни одного, даже плохонького, аппарата современной связи. Покачивалась лампочка на длинном шнуре, грозно копились тишина: Фоменко, катая желваки на скулах, читал записи в диспетчерском журнале — что произошло, что сделано на площадке за ночь. Каждое утро начальника Автозаводстроя начиналось с диспетчерской. Напротив Фоменко, нахолившись после бессонной ночи, сидели диспетчер Валентин Данильченко (он вскоре уехал со стройки) и оператор Лина Гончарова (через год Лина стала одним из лучших диспетчеров Автозаводстроя).

Фоменко я знала по совещаниям в управлении Камгэсэнергостроя, которые упорно посещала первое время, пытаюсь объять и осмыслить дела строительства. Поэтому манера Владислава Александровича глядеть мрачно, исподлобья на незнакомого человека и далеко не сразу соглашаться с тем, что говорит высокое начальство, была мне уже известна. Такое поведение, вероятно, было не самым неправильным в сложившихся обстоятельствах. Я не люблю людей, легко дающих обещания и легко кающихся, когда обещанное не выполняется. По-видимому, эта фраза вызовет усмешку: кто же таких любит? Однако ни один начальник управления не приходит в восторг, если подчиненный говорит ему примерно следующее: «Пока не будет сделано нечто мне подвластное, от чего зависит выполнение вашего приказа, я к этим работам не приступлю». Любому начальнику кажется, что уж пусть лучше пообещает и часть обещанного выполнит, чем вот так, набычвшись, выставив рыжеволосую голову и катая желваки на щеках, упрямо твердить: «Нет». Фоменко вообще недолюбливали на первых порах: он был чужак, из Братска, пока единственный из Братска, неизвестно, что он там строил и как строил. Здесь же большинство составляли люди, построившие ВАЗ или Саратовскую ГЭС, хорошо построившие, цена им была известна, и потому любые их ошибки считались временными. Ходили, правда, слухи, что Фоменко был любимцем легендарного начальника Братскгэсстроя Наймушина, что взяли его с ЛПК (Братского лесопромышленного комплекса, где он был начальником строительства) только по распоряжению сверху, Наймушин наотрез отказывался его отпускать. Но слухи слухами, а дело делом: Автозаводстрой пока плана не выполнял, положение там было неважное.

— «28 июля 1971 года,— медленно произнося слова, прочел Фоменко запись в диспетчерском журнале.— Во вторую смену на объекты строительства поступал песок. Сколько — неизвестно. Сведений нет, их неоткуда брать, мастера на участке не ведут учета...» — Желваки на щеках начальника набухли сильней, взгляд светлых, в рыжих ресницах глаз обрел свинцовую тяжесть.— Так. Допустим... «Машинам с бетоном с ноль часов был дан отказ, потому что съезд в котлован прессово-рамного из-за дождя оставался непроезжим...» — Фоменко покоился недовольно на меня, буркнул диспетчеру как бы между прочим: — Свиношник у вас тут, хоть бы опилками пол посыпали. Где в работе ждать порядка, если в такой грязи сидеть не противно.

Лина вспыхнула, Валентин попытался было отшутиться, но Фоменко перебил его:

— Вы так и будете оставаться дневными и ночными сторожами при палатке, пока ваш штамп не получит силу рубля! Шофера с грузом должны заезжать к вам в диспетчерскую отмечаться. Ваш штамп и штамп мастера — без этого им путевки закрывать не должны! Элементарно. Есть же главный диспетчер, почему я должен вам все это объяснять?

Главный диспетчер, однако, легко относился к тому, что не все ладно в его хозяйстве. Считаю, видно, что со временем наладится само собой. Был он человек добродушный, с подчиненными разговаривал, не повышая голоса, но когда надо налаживать работу на пустом месте, этого, как выяснилось, недостаточно.

— К работе что привыкать? — горько сказал мне тогда Фоменко.— К работе привычки не надо. К беспорядкам привыкнуть не могу... Дал начальству список, чтобы вызвали тридцать специалистов из Братска. Когда есть на кого опе-

реться, можно работать. А если человек привык не работать, тут уж учи не учи, кричи не кричи... — Добавил, усмехнувшись: — Если бы от крика что-то строилось, осел первым строителем был бы.

В следующий свой приезд — осенью того же года — я застала новое солидное пополнение «братских». Речной капитан вернулся на прежнюю работу, а главным диспетчером стала Елизавета Борисовна Борина, работавшая диспетчером в Братске и пытавшаяся перенести на Автозаводстрой налаженные братские порядки. Было это, конечно, непросто, но в конце концов многое удалось.

Сейчас вагончик диспетчерской стоит неподалеку от арки, при въезде на Автозаводстрой. На арке написано: «Главное, ребята, сердцем не стареть!» Таковую же надпись я видела за много тысяч километров отсюда, при въезде на БРАЗ — Братский алюминиевый завод, производящий лучший в мире алюминий. Видно, поначалу братчане сильно скучали по родной Сибири, вот и старались обставить площадку привычным. Говорят, у иногородних комиссий, приезжающих с ревизиями на Автозаводстрой, надпись эта неизменно вызывает улыбку и, возможно, сердца ревизоров смягчаются.

Полы в диспетчерской крыты линолеумом, обувь постоянные посетители и хозяева оставляют в тамбуре. Тем не менее за дежурство полы моются раза три: в диспетчерской теперь работают одни женщины, здесь как бы их второй дом, ну и хочется, чтобы было чисто, уютно.

В вагончике три комнаты: телетайпная, кабинет главного диспетчера и диспетчерская. Перед окошечком в тамбуре, когда кончаются и начинаются смены, толпятся шоферы с путевками и талонами. Диспетчерский штамп давно уже получил ту самую силу рубля, о которой говорил Фоменко: главная бухгалтерия имеет у себя номера диспетчерских штампов и талончик или путевку с неуказанным номером не оплатят. Есть в вагончике, кроме телетайпа, рация, и громкая связь, и телефоны с белыми клавишами переключателей каналов.

— Обидно, — сказала я Фоменко в свой последний приезд, — только все более или менее наладилось, обрело систему — и уже скоро конец строительства.

— Конец? — Он удивился. — Да здесь еще строить и строить! Вторая очередь заводов пойдег, гражданские сооружения, да мало ли... Конец!..

— Вера Андреевна! — кричит Люда в телефон диспетчеру Камгэсэнерго-строения Сорокиной: у нее в руках весь бетон, текущий по дорогам КамАЗа на объекты с двух заводов, РВЗ-1 и РВЗ-2. — Однако мы весь заявленный на эту смену бетон выбрали. Мне бы еще машины три? Поищите?

Вера Андреевна отвечает сразу: все перемены направлений бетона у нее в голбе.

— С РВЗ-1 могу подкинуть, литейный отказался. Куда тебе направлять?

— Подбетонка тоннеля, восьмой участок! — И, нажав клавишу, Люда переключается на строймастера, попросившего дополнительный бетон: — Виталий, как заезжать к тебе? Встреть, сейчас пойдут машины! Люди есть, всё? Ну, молодец! — И объясняет мне: — Без заявки даем ему бетон: посуду подготовил быстро, мы не ожидали... — Похрустывая пальцами, хитро улыбается: — Эх, где бы еще отличиться?

Я включаю чайник: можно теперь и перекусить и чайку попить. Утренняя битва с распределением по заявкам вышедшего транспорта окончена, «зилки» и «МАЗы» отметились и бегают по дорогам, отказов пока нет, телефон молчит.

Люда принимается чистить картошку для обеда.

Звонит телефон, Анисья Исаковна снимает трубку.

— С метеоцентра звонят, — говорит она Люде. — В ближайшие час-два ожидается северный ветер с порывами двадцать четыре—двадцать девять метров в секунду до конца дня. Вот подарочек, спасибо.

— Звони, сообщай субподрядчикам, которые на крышах работают... РВЗ-1? — звонит Люда на растворобетонный завод. — Сколько «зилков» с бетоном в первое СМУ направили? Девочки, почему не считаете? Потом будете гово-

речь, что мы на вас капаем!.. Зинур, Камлетдинов! — переключается она на другой канал. — Десять «зильков» к тебе само мало будет ходить! Смотри у меня!

— Пускай ходят! — доносится из микрофона ломкий голос молодого диспетчера СМУ-5 Камлетдинова. — Там яма большая, в крайнем случае шапкой сверху навалим. Не страшно!

Обедаем наскоро. В перерывах между телефонными звонками Люда рассказывает, как однажды — она еще тогда работала оператором с Линой Гончаровой — зашли к ним в диспетчерскую Фоменко и Гостев. Было часов одиннадцать вечера, они с Линой как раз обед готовили, картошку чистили.

— Фоменко веселый, гасук набор съехал, волосы растрепаны, — вспоминает Люда. — А Гостев сел напротив меня да как крикнет: «Что вы тут кухню устроили?» У меня от страха язык отнялся, а Лина говорит: «Вы же знаете, Владимир Николаевич, мы не можем диспетчерскую оставить, особенно ночью. Телефон без конца звонит, не дай бог где пожар...» «Ну хоть не в этой комнате готовьте, — сменил Гостев гнев на милость. — Рабочее место все-таки...» А Фоменко сказал: «Оставь их, молодцы девчата, что на обед не уходят. И правда не дай бог пожар, в такую сушь и железо горит».

И впрямь молодцы! Ни минуты зря не тратят: звонки прекратились на какое-то время — заполняют простыни сводок о выходе автотранспорта и механизмов, бетон начали считать, сколько куда уже вывезли. Каждый раз, сидя здесь, я заново проникаюсь серьезностью значения хорошей диспетчерской службы для большой стройки. Дирижер в оркестре...

Приехала на вахтовом «зилке» Александра Ивановна Ананьина, сейчас она исполняет обязанности главного диспетчера Автозаводстроя, а Елизавета Борисовна Борина пошла на повышение — стала главным диспетчером Камгэсэнергостроя, внедряет прогрессивные методы организации диспетчерской службы в масштабе всего КамАЗа.

Надо заметить, за эти годы братчане заняли прочное место в руководящих службах КамАЗа, доказав, что методы сибирских крупных строителей, отлично применимы и тут. Большая половина начальников СМУ Автозаводстроя — братчане; Гостев тоже из Братска; первый камазовский братчанин Фоменко теперь начальник всего строительства. Перед его уходом из Автозаводстроя трест получил переходящее знамя Министерства энергетики и электрификации СССР, занял по всем показателям первое место по отрасли.

Александра Ивановна Ананьина с утра пораньше ездила по автохозяйствам, выбивала транспорт и механизмы. Не сверх заявок, а в пределах заявок, в пределах спущенных лимитов — все равно приходится выбивать. Техники на КамАЗе много, страна не спугнется, но и масштабы работ велики. Кроме Автозаводстроя, тут еще 9 стройуправлений, потому и приходится слышать в диспетчерской разговоры такого рода:

— Вы что, думаете, дали заявку — и все? Если бы с наших заявок росли эти стеновозы! Будет возможность — дадим. — И по другому каналу диспетчерам автохозяйства: — Девушки, что-то транспорта вы дали нам мало! Это Автозаводстрой беспокоит. Может, у вас есть один стеновоз?..

— Хоть бы в субботу кран «СМК» дали, девчата! — без особой надежды умоляет мастер какого-то участка.

— Нету! — отвечает Александра Ивановна: не первый этот мастер с утра пораньше терзает ее по поводу заявленного, но не полученного десятитонного крана. — Ну что мы, родим вам этот «СМК»?

День близился к концу, опять наступило некоторое затишье. Александра Ивановна и Люда рассказывают мне, как они почти одновременно начали работать в диспетчерской СМУ механизаторов у покойного теперь Алпатова. Александра Ивановна привыкла быстро, хотя, как и Люда, до КамАЗа была швейницей и большинство механизмов, ползающих и бегающих по здешним дорогам, раньше в глаза не видела.

— Мы с Людой стали любимой диспетчерской парой у Алпатова, — вспоминает Александра Ивановна. — Старались найти быстро выход из любого положе-

ния. Нам, например, удивительно, как это некоторые диспетчеры СМУ не знают, где у них какие работы ведутся. У нас на стене схема висела, сами отмечали на ней, куда что идет, у мастеров спрашивали. Алпатов посмотрит, сходит проверить, правильно ли отмечаем. А потом и проверять перестал... У нас там диспетчер царь и бог был, это здесь первое время мастера и начальники СМУ мимо диспетчерской ходили...

Звонит шофер «зилка» из СМУ-1: приехал с бетоном на кузнечный завод, где кладут черные полы, а там уже нет ни мастера, ни рабочих, хотя до конца смены еще целый час. Нашел бригадира, а тот ему: «На кой черт приехал, мы тебя не ждали, у нас мероприятие запланировано!»

— Ой, не знаю, что мне с ними делать! — кричит Люда в трубку. — То миксера у них два часа простояли, то теперь отказ, работу раньше кончили! Подожди, буду звонить Прихожану, пусть с ними разбирается.

Петр Прихожан — братчанин, начальник СМУ-1, возводящего на КамАЗе кузнечные заводы. Люда звонит ему в контору: хоть и поздний вечер, но начальники СМУ, как правило, задерживаются. Неожиданно трубку поднимает начальник Автозаводстроя Гостев, и Лида, растерявшись, краснея, высказывает ему претензии к СМУ-1.

После Гостева трубку берет Петр Прихожан, я слышу его раздраженный голос. Люда опять начинает объяснять, в чем беда, а Прихожан то и дело перебивает ее:

— Короче... Короче...

— Звоните своему диспетчеру, он вам коротко объяснит! — парирует Люда, набравшись смелости, затем снова соединяется с шофером: — Подожди, сейчас примут у тебя бетон! Начальство подключилось...

Двадцать минут второго. Запели птицы. Появилась светлая полоса на небе. Притихли мои диспетчеры, усталость берет свое.

Анисья Исаковна считает бетон, принятый за сутки, обзванивает диспетчерские.

— Скоро Кошкин будет звонить, — говорит Люда, поглядев на часы.

Я знаю Дмитрия Павловича Кошкина, начальника производственного отдела Автозаводстроя.

— Почему же именно в это время?

— Может, воды напиться встает. Всегда в один и тот же час звонит, спрашивает, сколько бетона приняли.

— Зинур! — кричит Люда в трубку. — Куда ты тридцать пять кубов бетона дел? Мы с Анисьей Исаковной насчитали сто двадцать шесть кубов, а ты дал сведения девяносто один!

В трубке сопение, потом наконец голос Зинура:

— В колхоз Чкалова, на полы коровников который идет, забыл показать.

— Ну вот!

— Вы, бывает, тоже забываете.

— С тобой свяжешься, не то забудешь.

— Обещали невесту мне найти, забыли.

— Это ты забыл! Мы невесту тебе посылали — не понравилась. Теперь ищи сам, а заодно тренируй память! — смеется Люда и переключается на другую диспетчерскую: — Люба? Люба, ты у меня прямо прелесть! Сто кубов заявила, сто кубов взяла!

— Целый день ругала ее, — смеется Анисья Исаковна.

— Не поругаешь, так и не поработает.

Диспетчеры мои довольны: Автозаводстрой выбрал весь заявленный бетон.

Семь утра. Скоро начало второй смены, снова у окошечка будут толпиться шоферы с путевками, а Люда и Анисья Исаковна будут торопливо соображать, куда, в какое СМУ, какой механизм необходим. В девять утра пересменка. На дежурство заступит другая диспетчерская пара. Люда и Анисья Исаковна поедут домой отсыпаться...

— Схема, обреченная на прокол... — Константин Корчиц смотрит на Елизавету Борисовну выжидающе и иронично. — Разве только один экскаватор на стройке грузит песок?

— Три, но один из них на ТУ¹, другой сломался. Остается тот самый единственный. Вам действительно позарез нужен песок?

— Женщинам я не вру. Нужен позарез. С пятнадцати песок будет? С нуля будет? Мне нужно точно знать, чтобы организовать рабочих.

— Хорошо, позвоните мне в половине третьего, я вам точно скажу.

Инженер уходит, не настаивая больше, не выклянчивая. Борина приучила людей: если она что-то обещает, то делает, а если говорит «нет», значит, этого действительно нет.

— Ну что еще? — продолжает Елизавета Борисовна, повернувшись ко мне. — Теперь все идет через главную диспетчерскую Камгэс, мы принимаем у диспетчера треста отказ и переадресовываем бетон.

Разговор у нас опять о бетоне, о том, что в заведенном ранее порядке изменилось с приходом нового главного диспетчера.

— Диспетчерам бетонных заводов запретили принимать отказы. Раньше, если какое-то СМУ отказалось, диспетчер треста звонил прямо на завод. Миллион звонков, заводы лихорадило: заказан бетон — не берут, куда девать? А все просто: отказалось СМУ — дежурный диспетчер либо у себя в тресте переадресовывает, либо звонит в главную диспетчерскую. Когда звонят в главную — отказы регистрируют, потом случаи эти разбирают. Тут призадумаетесь, прежде чем отказаться... Элементарно вроде, а вот только додумались... После этого количество ежесуточно принимаемого бетона в целом по Камгэс увеличилось. Когда я пришла, принимали три с половиной тысячи кубов, потом перешли на четыре, а сейчас спокойно принимаем шесть. Должны выйти на семь тысяч, но пока рано. Начали давить на тресты, видим — нереально...

Впервые о Елизавете Борисовне Бориной я узнала осенью 1971 года, вскоре после своего первого приезда на КамАЗ — из письма Валентина Данильченко. Валентин писал мне: «Диспетчер у нас новый, наша, братская. Энергичная, седая и лирическая. Пишет стихи и курит «Шипку»...»

Спустя месяц я снова приехала в Набережные Челны и тогда уже познакомилась с Елизаветой Борисовной. Диспетчерская, как и все отделы управления Автозаводстроя, помещалась в центре строительной площадки в палатке. Утепление еще не закончили, потому в палатке было холодно, промозгло, все ходили простуженные. У Елизаветы Борисовны болели зубы и горло, поверх меховой шапки она замоталась теплым платком. Разговаривать со мной ей было некогда: техника, выделяемая Автозаводстроя, до площадки добиралась далеко не вся, и главный диспетчер, нашим голосом отчаянно произносила в телефонную трубку то жалобные, то грозные монологи, поминала в перерывах между звонками начальника управления механизации и многочисленных начальников автотранспортных хозяйств последними и предпоследними словами.

На работу Елизавета Борисовна уезжала в шесть утра, домой возвращалась в восемь-девять вечера, да и ночью ее могли поднять, если на площадке случилось какое-то ЧП, так что все наши встречи и разговоры происходили первое время в мокрой палаточке диспетчерской. Была Елизавета Борисовна женщиной самолюбивой, переживала, что, несмотря на все ее старания, навести порядок в делах пока не удастся.

Фоменко на совещаниях кричал Бориной: «Не слушаются субподрядчики? Но вы же не дама-регулюровщица, вы главный диспетчер! Добейтесь, чтобы слушались!..»

Она огорчалась, курила свою «Шипку» и иногда даже плакала дома. Добивалась, чтобы заказанная техника выходила на площадку, чтобы «зилки» и «МАЗы» с бетоном разгружались там, куда бетон был заказан, а не там, куда вели хорошие дороги. Нашупывала контакты с заместителями начальника строй-

¹ Технический уход.

ки, ведающими техникой: объемы работ будут возрастать, техники, что дают Автозаводстрою, и сейчас не хватает — какой выход?.. Искали выход совместно, придумали увеличить продолжительность смен у транспортников — не хватало не техники, а механизаторов. «Тут и другое важно, — говорила Елизавета Борисовна, — нельзя считать машины на штуки, а экскаваторы на кубоковши. Нельзя под экскаватор, у которого емкость ковша тридцать пять сотых куба, подавать «БЕЛАЗы», емкость кузова у которых семь с половиной кубометров. И наоборот, под экскаватор, у которого ковш на четыре с половиной куба, подавать трехкубовые «зилки». Это же элементарно...»

В Братске никому бы в голову не пришло, что надо доказывать такие вроде бы само собой разумеющиеся вещи! Здесь доказывали, потому что стройка переживала становление и система работ только еще складывалась.

Потому-то Елизавета Борисовна с утра до вечера пропадала на площадке, ходила в грязных резиновых сапогах, ватнике, обмотанная платком; и лишь спустя полмесяца, придя 7 ноября в гости к Фоменкам, я обнаружила, что главный диспетчер — веселая симпатичная женщина с очень свежим цветом лица, красивыми, коротко стриженными седыми волосами, что она хорошо танцует. Дом у Фоменков очень гостеприимный, хлебосольный, музыкальный. В Братске Светлана Фоменко пела в самодеятельной оперетте, а Владислав Александрович играл на саксофоне в самодеятельном оркестре. Елизавета Борисовна последнее время в Братске в самодеятельности не участвовала, но в застолье вдруг обнаружилось, что у нее точный слух и приятный голос. Что она может сочинить остроумные стишки, ежели надо кого-то поздравить или над кем-то подшутить. Что все они, братские, в том числе и Фоменки, привыкли не пропускать интересные книжные новинки (библиотеки у всех бывших братчан богатейшие), а в Челнах поначалу их огорчало, что книг завозят мало и не те, что хотелось бы... Разговор за столом шел о литературе, меня с пристрастием допытывали о разных событиях в литературном мире.

С той осени минуло три года, связь с КамАЗом у меня не прерывалась: то я приезжала в Челны, то камазовцы посещали Москву, была у меня в гостях как-то и Елизавета Борисовна с дочкой. Так что все, лично касающееся моих знакомых, мне почти сразу становилось известно.

— РБЗ-1? — кричит в трубку Елизавета Борисовна. — Недовозите бетон подразделениям! Машины стоят в очереди под заводом!.. И не надо указывать строителям, куда им везти бетон! Этот блок мы будем начинать... Что это за разговоры?

Она в крепдешиновом платье и лаковых туфлях, седые волосы красиво уложены, широкие брови сведены на переносице. А на гвоздике возле двери висит плащ и стоят резиновые сапоги: в пять утра Елизавету Борисовну вызывали на площадку...

Грузовик... Придет срок, и он выйдет из ворот автосборочного, первый здешний грузовик. Он очень нужен, его ждут, его торопят. Так же, как торопили окончание ВАЗа, населившего дороги и улицы городов разноцветными «жигулятами», так же, как в свое время торопили окончание строительства железных дорог Новокузнецк—Абакан, Абакан—Тайшет, Тайшет—Лена, чтобы везть по ним уголь, руду, лес.

Но я езжу на стройки не только затем, чтобы увидеть, как пошла по сомкнувшимся рельсам эта руда, этот лес. Для меня смысл стройки в людях.

Стройка меняет даже вполне сложившиеся характеры. Четыре года подряд я езжу на КамАЗ, вижу людей. Прежде незнакомых, теперь знакомых ближе, глубже, чем соседи по дому, смотрю, как они меняются под воздействием этой стройки. За четыре года изменились и Евгений Никанорович Батенчук, первый заместитель начальника Камгэсэнергостроя (прежде он строил Вилюйскую ГЭС), и начальник строительства Владислав Александрович Фоменко, и главный диспетчер управления Елизавета Борисовна Борина, и секретарь горкома партии Ирина Донская, и соратник ее Юрий Титов — незаметно для себя, но заметно

для меня. Ведь я приезжаю через какие-то промежутки времени, и перемены бросаются мне в глаза. Все это прекрасные, умные, сильные люди, но КамАЗ, как и всякая стройка, влияет на них, они становятся иными...

Когда в 1971 году Фоменки праздновали впервые в Набережных Челнах в новой квартире без мебели очередной традиционно шумный день рождения, там собрались братчане, пели хором «Прощание с Братском», «ЛЭП-500», «Главное, ребята, сердцем не стареть». Пели хорошо, народ был давно знакомый, спевшийся. Светлана Фоменко бойко аккомпанировала на пианино, Валя Данильченко — на гитаре. В прошлом году при традиционном сборе гостей стоял на буфете огромный портрет «деда», покойного теперь начальника Братскгэстроя Наймушина, но песни уже пелись иные. Сибиряков поразбавили саратовские, вазовские, казанские: жизнь идет, завязываются другие связи, иные старые знакомства ослабевают, новые крепнут. Огромная, трудная стройка КамАЗ, грудно сливались в коллектив, притирались люди. Притерлись. Им будет что вспомнить.

Жаль, не написано еще о КамАЗе хороших песен, те, что написаны, как-то не поются. А дом Фоменков хлебосольный, певучий, музыкальный. И приходится им среди прочих песен, не имеющих к текущему моменту конкретного отношения, вдруг вспоминать: «Только кто мне придумает новый Тайшет, где другую найду Ангару?..» Братск есть Братск, там прошла их молодость, она прекрасна и безвозвратна. КамАЗ — пора их зрелости...

ПУБЛИЦИСТИКА

30 лет со дня провозглашения
Демократической Республики Вьетнам

М. ТКАЧЕВ

★

БУДУЩЕЕ РЕСПУБЛИКИ

До 1945 года почти 95 процентов населения Вьетнама было неграмотно: из каждых 100 человек лишь 3 детей в возрасте 8—16 лет посещали школу и только 2 взрослых умели читать и писать.

Сейчас в ДРВ из каждых 3 человек учится один. В 1975/76 учебном году за парты сядут 5 600 тысяч школьников; в 1975 году будут построены новые школьные здания с 20—25 тысячами учебных помещений на 500 тысяч учеников.

До 1945 года в стране не было практически ни одного детского учреждения.

В 1975 году детские сады ДРВ примут 500 тысяч детей (на 50 тысяч больше, чем в 1974 году).

* * *

Мой сын, ты спишь, тебя сразили звезды,
ребячьим сном от яви заслоня.
Но верю я — пройдя года, как версты,
мою звезду найдешь ты за меня...
Твое лицо я вижу в звездном свете,
твое лицо всю ночь в моем окне,
Ты спишь, мой сын, растешь и, как все дети,
у самых звезд легко паришь во сне.
Расти, мой сын, чтобы хватило роста
достать эпохи нашей небеса!
Смотрю на звезды, вглядываюсь в звезды,
как сыну повзрослевшему в глаза!

(Хай Нен, «Звезды — глаза сына»)

* * *

— Дети, — сказал пригласивший нас к себе на чай премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг, — главная наша проблема.

Он улыбнулся, и глаза его сразу помолодели. Спросил нас о наших семьях и, когда пришел мой черед отвечать, укоризненно покачал головой: я был тогда не женат и детей у меня еще не было. Он повторил:

— Дети — проблема номер один. Всех их надо уберечь, накормить и одеть, выучить в школе и каждому обеспечить на будущее работу, место в техникуме или институте.

...Шла последняя неделя декабря военного семидесятого года, и до победы, ставшей сегодня реальностью, было еще не близко. Но глава правительства республики проблемой номер один называл будущее детей. Таков был государственный подход к этой проблеме, напоминающей о себе в каждом уголке вьетнамской земли детскими улыбками и взглядами открытых, доверчивых глаз.

---

¹ Перевела И. Кашежева.

Помню нашу встречу с прославленным летчиком капитаном Нгуен Ван Баем, который к тому времени сбил 7 вражеских самолетов. Я спросил у него под конец, какое событие считает он самым значительным в своей жизни. Серьезный и сосредоточенный, капитан Нгуен Ван Бай ответил: «В прошлом году у меня родился сын, мы с женой назвали его Хунгом. «Хунг» по-вьетнамски — герой...»

Оно и понятно, ведь ради будущего — в конечном счете именно будущего своих детей — и совершили вьетнамцы революцию в августе сорок пятого. Год с небольшим спустя после революции колонизаторы без объявления войны обрушили на молодую республику удар своей военной мощи. 23 ноября сорок шестого года французские военные корабли подвергли варварскому обстрелу густонаселенные районы Хайфона: среди 20 тысяч убитых было немало детей. 19 декабря в Ханое были атакованы правительственные здания и другие ключевые пункты столицы — и снова от снарядов и пуль гибли дети. Под натиском врага уходили в неприступные леса первые отряды Народной армии. И горше всего солдатам было глядеть на детей, выбегавших навстречу им на дороги, протягивавших им цветы и немудреное угощение: бананы, рисовые коржи, кружки с водой... Солдаты отступали в горы, а дети оставались на равнине. Очень точно передал настроение тех трагических дней уходивший вместе с армией в джунгли писатель Нгуен Туан: «Машины, бегущие по дорогам, прикрыты зелеными ветками. Ребятишки, глядя на эти «самоходные» кусты, кричат и смеются. Им покуда еще невдомек страдания и тяготы войны. Мне хотелось прижать их к сердцу и шепнуть на ухо: «Слушайте, малыши, война, наверное, будет долгой и отнимет у вас многие радости детства. Кто знает, быть может, кому-то из вас суждено потерять матерей и отцов, сестер и братьев. Но... зато вы не станете рабами!»...»

Да, война на долгие годы. И все же — в самые первые недели в партизанских районах начали открываться школы: во времянках под тростниковыми крышами, а вместо колокольчиков и звонков глуховато гудели, созывая учеников, снарядные гильзы, тетрадки шивались из оберточной серой бумаги... Но главное — дети пошли в школу. На счету была каждая горсть риса, каждая таблетка хинина; рис и лекарства шли в первую очередь солдатам действующих частей и детям. А потом, когда в 1950 году в ходе войны наступил перелом и Народная армия стала постепенно отнимать у врага уезд за уездом, город за городом, там, на освобожденной земле, начали открываться новые школы. И в том же 1950 году республика провела свою первую реформу школьного образования, в освобожденных районах была создана единая система девятилетних средних школ. А ведь до победы оставалось еще четыре нелегких года...

В чьих-то, не помню, путевых заметках мне доводилось читать, что вьетнамцы — народ особенно чадолюбивый. Не знаю, есть ли нечадолюбивые народы? Скорее всего дело не в этом. Просто здесь, на этой земле, подчас бывало особенно трудно уберечь и вырастить хрупкие ростки человеческой жизни. Бури, наводнения, засухи, голод и моровые поветрия, нищета, жестокость завоевателей, алчность помещиков и королевских чиновников — от всего этого испокон веку приходилось оберегать детей. Цивилизация нашего века добавила шариковые бомбы, напалм, заботливо возвращенные в пробирках смертоносные бактерии... У моего друга, поэта Те Лан Виена, есть стихи, которые он так и назвал «Трудно быть матерью во Вьетнаме».

Трудно быть матерью во Вьетнаме.
Не приходится учить детей собирать цветы,
А приходится учить их спускаться в бомбоубежище...²

Дети Вьетнама... Двенадцать раз посчастливилось мне побывать на вьетнамской земле, и каждый раз у меня появлялись новые маленькие друзья. Наверно, многие из них уже выросли, а у кого-то из тех малышей, которых я видел в первый приезд, в 1959 году, есть уже и свои дети. Но память моя сохраняет преждее их обличье, звонкие голоса, неуемное любопытство...

² Перевела Р. Казакова.

Вот они танцуют вокруг огромного пестрого льва из папье-маше, а на улицах горят цветные фонарики, на прилавках повсюду горы сладостей, над мостовой переброшены гирлянды из цветов и бумажных лент, на площадях гремят барабаны — в Ханое «Праздник середины осени» — праздник детей. К этому дню из года в год Дядя Хо — президент Хо Ши Мин — писал малышам особые послания в стихах; сейчас стихи посылает им нынешний президент Тон Дык Тханг...

Ребятишки у школы под трели свистка делают зарядку, все в лад прыгая, приседая...

Эвакуированная в сельскую местность школа ханойского района Донгда. Ячейки-убежища между партами; ходы сообщения от классов к щелям; химический кабинет в землянке; общежитие — деревенские хижинки, крытые листьями пальм, в каждой десятка два маленьких кроваток под пологими и одна большая кровать, здесь помещается целый класс с классным руководителем. У малышек привязаны за спиной широкополые шляпы из толстого соломенного жгута — каски, они защищают от осколков и шариков. Но глядя на них, я невольно вспоминаю настоящие стальные каски, пробитые насквозь пущенным с неба металлом. Громят барабан, звенят песни: сегодня открытие нового учебного года. Приехали члены родительского комитета — две мамы и один папа, трое ребят держат их за руки, к остальным не приехал никто: война. Но, в общем-то, дети не учивают — привыкли. Только вот на пороге хижины, где живет первый «а», сидит, понурясь, мальчик. Его зовут Лам Ти Зунг. Учительница говорит мне по секрету, что у Зунга погиб отец — война. Мальчику не рассказывают об этом, но он почему-то грустит, наверно, ждет писем...

Ханой. Дом приемов на улице Нго Кюэна. Мне протягивает сложенную лодочкой ладонь мальчик с обожженным лицом (я уже знаю — это напалм!). Ему тринадцать лет, он с Юга, его зовут Хо Ван Бот. Он рассказывает: 8 июля шестьдесят четвертого года в три часа дня артиллерия сайгонской армии открыла огонь по школе, где в это время шли уроки. Все делалось на современном уровне: с воздуха стрельбой управлял самолет-корректировщик. Но дети успели спрятаться, было только несколько убитых. Потом прилетели реактивные штурмовики и стали бросать бомбы. (Я слушал его и вспоминал, как в июле сорок первого лежал рядом с мамой под колесами теплушки на Кировоградском вокзале и «юнкерсы», без помех заходя на цель, бомбили и обстреливали наш эшелон. Иногда осколки ударяли в рельс, и по нему убегал вдаль протяжный свистящий звук. Когда самолеты ушли, люди вылезли из-под вагонов, но девочка, прятаясь неподалеку от нас, осталась лежать на шпалах...)

Голос Бота звучал глуховато, рассказ давался ему нелегко: штурмовики сбросили, наверно, 50 бомб. Две — это он помнит точно — попали в школу, и она загорелась. Горящий напалм — бомбы были напалмовые — поджег убежище, где прятались дети. Дети стали разбегаться, на них вспыхнула одежда. Самолеты, завершая «операцию», расстреливали бегущих. У Бота горели голова и руки. Но он успел добежать до дому, и родители кое-как затушили пламя. Взрослые кинулись спасать детей. Тогда самолеты вернулись и снова сбросили бомбы. На этот раз была ранена сестра Бота. Всего погибло в тот день 40 детей, 60 было тяжело ранено. Родные повезли раненых на лодках в город Бенче, в больницу. Но у одного из укрепленных постов сайгонские солдаты остановили их «для выяснения» и продержали с четырех утра до полудня. За это время умерло еще 14 детей. Девочка по имени Тьюет перед смертью ослепла и все просила, чтобы ей разрешили веки: она хотела в последний раз увидеть маму. Бот пролежал в больнице почти месяц. За это время умерло еще несколько его друзей. Боту повезло: ожоги зажили и он вернулся домой. Крестьяне заново отстроили школу, и дети пошли учиться. Они восстановили свой сгоревший участок — целый гектар — и снова стали выращивать на нем овощи и бананы. Дети помогали партизанам делать из бамбука и дерева колючие ежи для заграждений, каждый школьник должен был вырыть одну волчью яму... «А тебе не было страшно?» — спросил я. «Нет, — ответил Бот, — я их не боюсь, я их ненавижу». Он принес показать мне свои рисунки и подарил один из них.

Там нарисован был падающий камнем с неба подбитый вражеский самолет. Я подарил ему игрушку—автомобиль с инерционным двигателем. Вот был ошеломлен: он никогда не видел подобной игрушки. И тотчас принялся запускать ее на низеньком столике. Я еще долго разговаривал с земляками Бота, но мальчик не замечал ничего вокруг. Он опомнился, лишь когда я, прощаясь, тронул его за плечо...

Да, с игрушками в республике пока туговато. Девочки сами мастерят себе кукол, мальчики вырезают ружья и сабли. Ну, а механические игрушки и подавно великая редкость. Помню, как однажды мы привезли в Ханой игрушки и медикаменты — подарок советских писателей детскому саду Союза писателей Вьетнама. Груз был большой, благо мы плыли тогда из Владивостока в Хайфон паромом. И когда наш «газик» доставил его к Союзу писателей на улице Нгуен Зу³, сбежавшая со всей округи детвора любовалась этими «сокровищами», среди которых был даже pedalный автомобиль, принимая нас, должно быть, за волшебников, путешествующих инкогнито. С этим автомобилем приключилась тогда забавная история. Принимать подарки в качестве «полномочного представителя» детского сада должен был Суан, сын хорошо известного у нас писателя То Хоая. Едва увидев pedalный автомобиль, он уселся в него и ни в какую не соглашался выйти из «салона» машины. Не отрываясь от руля, он сказал нам благодарственное слово и заявил, что прямо на этой машине и поедет в провинцию, где находился в эвакуации детсад. Говорят, автомобиль этот жив до сих пор, только краска потускнела и облупилась. А на фотографии, которую я держу в руках, он совсем новенький и над ветровым стеклом сияет улыбающаяся физиономия Суана.

Есть у меня в Ханое маленькая приятельница, дочка поэтессы Ань Тхо. Кам Тхо, так зовут девочку, как и мама, пишет стихи и даже печатается. Поэзия детей, кстати, любопытнейшее явление. Она лучшее свидетельство поэтичности вьетнамцев. Их тяги к образному языку искусства, к высокой музыке слова. В этой стране стихи сочиняют почти все, только, естественно, одни лучше, другие хуже. Кам Тхо — поэтесса уже «знаменитая», она печатается с 1968 года (ей было тогда девять лет), стихи ее публиковались в детских книжках и во взрослом журнале Союза писателей. Одно из ее стихотворений называется «Пять кукол-сестричек». Одна из кукол, пишет Кам Тхо,

Впервые пришла
в наш старый дом.
Когда разбомбили дома за углом.

Да, Кам Тхо здесь точна: 22 августа 1967 года, в тот день, когда к ней «пришла» кукла, реактивные самолеты, взлетевшие с американских авианосцев, стерли с лица земли большую часть улицы Хюэ, а от нее до улицы Хоама, где живет Кам Тхо, рукой подать. Среди убитых были и дети. Я видел на улице Хюэ вскоре после бомбежки женщину, рвавшуюся сквозь оцепление к груде битого кирпича и черепицы: там был ее дом, а дома осталась маленькая дочь... Смерть обошла в тот день стороной Кам Тхо и ее дом. Но девочка с улицы Хюэ больше никогда уже не будет играть в куклы.

Кам Тхо пишет о многом, что окружает ее, о диковинах на базаре, куда рыбаки поутру приносят свой улов:

На песке — ни крыши,
Ни скамьи хотя бы —
Лежат, чуть дышат
Рыбы и крабы...
Дядюшки-раки,
сестрицы-креветки —
Усища колышутся,
словно ветки,
Тетки-ракушки,
как звезды под утро.
Светятся блестками
перламутра...

³ Нгуен Зу (1765—1820) — великий вьетнамский поэт.

О многом еще пишет Кам Тхо.

Не знаю, станет ли она поэтессой. Этого пока не знает никто. Но детям нравятся ее стихи. Книжку с ее стихами я однажды нашел у другого моего маленького приятеля, Хоанга. Мы жили в доме у его деда, в деревушке поблизости от города Донгхой. Сам город был разрушен бомбардировками, и остановиться там было, естественно, негде. В хижине деда, построенной на старинный лад, висели на стене похвальный лист, подписанный президентом Хо Ши Мином, и портрет Ленина, а на крыше — благо дни стояли сухие и жаркие — сушились листья крепчайшего табака-самосада. Мы едва успели вытащить из «газика» свои сумки и решить самый сложный вопрос, что делать сперва — есть или бриться (вопрос был решен в пользу бритья), как явился худенький большеглазый мальчуган и, ослепив нас щербатой улыбкой, официально представился как «совладелец» нашего дома. Сообщив вдобавок, что он круглый отличник, перешел в пятый класс, вместе со своим классом помогал взрослым собирать рис и получил благодарности, заботится (он так и сказал «заботится») вместе с ребятами о семьях фронтовиков, прочитал книжку «Витя Малеев в школе и дома» и очень любит жареных креветок. Поэтому, сказал он далее, мы, конечно же, не откажемся ответить на интересующие его вопросы. Мы не отказались. И тогда Хоанг, достав из кармана аккуратно сложенный лист бумаги, зачитал вопросы: как устроено метро? как это так, что зимой в России бывают сильные морозы, а деревья не погибают и звери в лесу тоже? видели ли мы космический корабль и если да, то как он устроен (в подробностях)?.. Мне как говорящему по-вьетнамски пришлось стать главным «ответчиком». Мы выделили специальные часы для наших «симпозиумов», и Хоанг, являясь с исключительной точностью, каждый раз доставал из кармана список вопросов. Я никогда не был энциклопедистом и потому на некоторые вопросы отвечал со скрипом, помогая себе иногда неуклюжими рисунками в блокноте. Рисунки эти Хоанг уносил с собой, так что я к концу нашего пребывания едва не возомнил себя модным художником. Признаться, масштабы неумемного любопытства Хоанга временами ставили меня в тупик. Но однажды все разъяснилось. Мы обычно уезжали из дому на рассвете и возвращались после полудня. И Хоанг, слышав на дороге наш «газик», выбегал нас встречать. Но как-то «газик», не доехав километра четыре до дома, сломался, и мы отправились восвояси пешком. Бесшумно мы подошли к воротам и увидели следующую картину: у дома под деревом, окруженный целой толпой ребятшек, восседал Хоанг. Голосом важным и полнозвучным он вещал наподобие древних пророков. Дети внимали ему молча, боясь шевельнуться. Хоанг, держа в руке один из моих «шедевров», толковал им, что такое хоккей... «Вот это коньки, — говорил он, — они скользят... Люди берут очень твердое мороженое и укладывают его на землю, а потом ездят по нему на коньках. Вот это шайба...» Мы спрятались за воротами, не желая смущать собрание, и дослушали все до конца. На хоккее повестка дня закончилась, и тогда Хоанг, достав лист бумаги, стал записывать имевшиеся у слушателей вопросы, потом аккуратно сложил его и сунул в карман. Мы постояли еще минут пять в нашем укрытии, а потом как ни в чем не бывало вошли во двор...

Надо сказать, что сам Хоанг рисовал гораздо лучше меня и дело это очень любил. Он мечтал о настоящих (то есть масляных) красках, холсте и... золотой раме. Раздобыв уже в Ханое тюбики с красками и несколько кистей, я потом послал их с оказией Хоангу; только вот холста не достал и рамы тоже. Вообще вьетнамские дети, как и все их сверстники в любой стране, любят рисовать. В Ханое ежегодно проводят выставки детских рисунков, а лауреаты потом участвуют и в международных выставках. Кстати, книжку «Алая роза», в которой печатались и стихи Кам Тхо, оформляли сами дети. На обложке помещен рисунок тринадцатилетнего Кхак Хана «Будем хорошо работать!». Красный буйвол тащит по дороге, обсаженной черно-синими деревьями, повозку с глиной; буйволу помогают чегверо мальчишек, толкающих повозку, еще один мальчуган бежит за ними следом, размахивая ученической сумкой; на всех пятерых — красные галстуки. Вдоль дороги попеременно с серо-зелеными тенями лежат оранжевые

отсветы солнца. Вроде бы «вневременной» мирный пейзаж. Но есть в нем одна точная деталь — примета военного времени: на голове у одного из мальчишек соломенная «каска». И сразу становится ясно: ребята помогают взрослым — подвозят к разбомбленной дороге, а может и на новостройку, грунт. Такую картину можно было видеть на дорогах Вьетнама хоть каждый день. А вот на рисунке Нго Тьонга — ему двенадцать лет — война, какой ее видят горожане. С крыш высоченных домов громяют зенитные пушки и пулеметы: командиры — ведь голоса здесь не услышишь — командуют «огонь!» взмахами красных флажков, а с неба, оставая за собой бурые хвосты дыма, падают самолеты. Дальше еще две картинки, уже на другую тему. Пятиклассница До Тхи Там назвала свой рисунок «Покупка новогодних букетов»: женщины в нарядных фиолетовых, красных, голубых и оранжевых платьях с длинными разрезами по бокам и широких белых шароварах и девочки в школьной форме и красных галстуках выбирают цветы — большие яркие пионы и розы.

Конечно же, в ДРВ издаются и книги для детей, написанные взрослыми писателями. Пишут для юных читателей лучшие мастера вьетнамской прозы и поэзии То Хоай и Нгуен Туан, Фам Хо и Во Куанг, Тхань Тинь и Хюи Кан, Те Хань и Нгуен Суан Шань. Есть среди детских авторов и талантливая молодежь. В 1960 году, к пятнадцатилетию республики, вышла «Антология детской литературы» — весьма внушительный том. к нынешнему юбилею уже одним томом не обойтись. Для детей ставят фильмы, играют пьесы в «настоящем» и кукольном театрах. И когда во время бомбежек по специальному постановлению все зрительные залы разрешено было заполнять только наполовину, самыми недовольными были малыши. Очень смешно было наблюдать за тем, как они толпились у выхода после окончания киносеанса или спектакля, стараясь расспросить обо всем у счастливых, вышедших из зала.

Но дети республики читают не только свои, вьетнамские книжки. Помню, однажды, еще в войну, я ждал паром на берегу реки Тхайбинь. Рядом с причалом уходили под воду разрушенные фермы бетонного моста, на них красно-синими буквами были начертаны лозунги и правила санитарии и гигиены. Надоедливый мелкий дождь загнал меня под навес. Там сидел уже мальчик лет двенадцати, с увлечением читавший какую-то книгу. У ног его лежала большая корзина и широкая, сплетенная конусом шляпа из пальмовых листьев. Минут через пять из домика у переправы выбежал человек и гулко ударил в висевшее на ветке автомобильное колесо. Тотчас откликнулись барабаны и гонги в соседней деревушке. Тревога...

Прямо на переправу шло звено реактивных самолетов.

Мальчик, отстегнув пуговицы у ворота рубашки, сунул за пазуху книгу и побежал к вырытой неподалеку щели. Под навесом остались корзина и шляпа (немалая, кстати, в деревне ценность). После отбоя я на минуту попросил у мальчика книгу. Она называлась «Приключения Гекльберри Финна»...

Сегодня на вьетнамской земле — и на Севере и на Юге — царит мир. Народ, столько лет сражавшийся за свою независимость и свободу, принесший ради них столько жертв, победил. Дети Демократической Республики Вьетнам, восторженно встретившие победу, помогают взрослым строить новую, мирную жизнь. Уже после окончания войны на Севере поднялись на ханойской улице Зянгво корпуса новых жилых домов, и маленькие новоселы сажают теперь вокруг них деревья и цветы. И тысячи старшеклассников в воскресный день 22 июня нынешнего года работали вместе со всей молодежью столицы, ломая на улицах ее и площадях бомбоубежища, засыпая щели, чтоб не осталось и следа войны в сердце республики.

Подведены итоги первого послевоенного учебного года в ДРВ. школьники в этом году занимались по новой системе, разработанной министерством просвещения (она включает в себя трудовое воспитание). И итоги эти, надо сказать, весьма отрядные. Так, 94 процента учеников четвертых классов сдали экзамены на «хорошо» и «отлично». Эта цифра общая для всей страны. А в ханойских

школах имени Куанг Чунга⁴ и Фан Тю Чиня⁵ вообще нет среди четырехклассников ни одного троечника. Высокие показатели также в школах горных провинций Лайтяу и Иенбай. Идет подготовка к широкой продаже учебных пособий к предстоящему 1975/76 учебному году. Всего будет продано больше, чем в прошлом, 1974 году, на 5 миллионов тетрадей, бумаги на 2—4 миллиона пачек, карандашей на 300 тысяч штук и т. д. Только с января по май текущего года число мест в детских садах страны выросло на 24 тысячи, выпущено около 3 тысяч воспитательниц и педагогов для детских учреждений. В ханойском районе Донгда открыты курсы по детскому питанию. А Комитет охраны материнства и детства столицы проводит конкурс на лучшие стихи и песни для дошколят. Интересную инициативу проявили работники просвещения в провинции Намха: там открыто более 100 детских клубов — ребята сами выбирают правление клубов и организуют их работу (чтение книг, встречи с интересными людьми, показ фильмов и т. д.).

Улучшается жизнь детей и в Южном Вьетнаме. Народно-революционные власти уделяют особое внимание системе просвещения, питанию детей. И среди вестей, приходящих с Юга, весьма и весьма, на мой взгляд, важное сообщение: 11 июня в Сайгоне открылся первый детский сад...

Бывая в Демократической Республике Вьетнам, сразу замечаешь еще одну важную сторону в воспитании подрастающего поколения — интернационализм. Пожалуй, особенно тесная дружба связывает маленьких вьетнамцев с нашей советской детворой. Давно уже идет переписка между юными гражданами наших стран. В обе стороны идут сотни конвертов со старательно выведенными адресами — только успевай читать. Помню, как капитан теплохода «Раздольное», на котором мы шли домой, из Хайфона во Владивосток, Трофимов показывал нам судовой журнал, и там в записях о двух предыдущих рейсах, кроме цифр, означавших тысячи тонн муки, доставленной во Вьетнам, значилось (дважды): «Подарки от советских детей». А сейчас капитан вез для наших пионеров благодарственное письмо от их вьетнамских сверстников. Потом уже мне довелось побывать на митинге в Центральном Дворце пионеров в Москве, где ребята торжественно вручали представителю посольства ДРВ медикаменты, книги, игрушки, купленные на собранные ими деньги.

Недавно моему сыну подарили вьетнамский детский значок — в голубом кружке юный зеленый росточек. Я сфотографировал сына с этим значком и послал карточку моему давнему другу, писателю Нгуен Туану, чтобы он видел — я выращиваю в своей семье новый росток дружбы. Первому я послал фотографию именно Нгуен Туану, потому что помнил, как он говорил, выступая в Ханое в Союзе писателей: «Это самое главное, самое важное — что дети наши дружат между собой. И я верю: когда они вырастут и станут взрослыми, они вместе — вьетнамцы и русские — полетят в космос».

⁴ Куанг Чунг — тронное имя Нгуен Хюэ (1752—1792), одного из вождей крестьянского восстания тэйшонов, который взшел на императорский престол, разгромив вторгнувшуюся во Вьетнам китайскую армию.

⁵ Фан Тю Чинь (1872—1926) — выдающийся деятель национально-освободительного движения.

В МИРЕ НАУКИ

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ,
академик

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

Тревога об истощении природных ресурсов и ухудшении состояния природной среды с каждым годом охватывает все более широкие слои населения многих государств. В печати Соединенных Штатов, стран Западной Европы, Японии часто появляются статьи об энергетическом кризисе, кризисе сырьевых ресурсов. Загрязнению среды посвящена огромная литература.

Действительно, многие реки на территории промышленно развитых стран превратились в сточные каналы, а в некоторых озерах совершенно прекратилась жизнь. Воздух крупных городов временами становится опасным для дыхания.

Проблема загрязнения быстро обрела глобальный характер. Сернистый газ, сажа, окислы азота, выбрасываемые в атмосферу индустрией Рура или Бельгии, переносятся потоками воздуха на сотни километров и выпадают вместе с осадками на поля и водоемы Скандинавии и Восточной Европы. Ртутные соединения, детергенты и многие токсичные вещества, попадающие в Атлантику вместе со сточными водами предприятий Западной Европы, США, Канады, подхватываются морскими течениями, разносятся ими в океане и чакапливаются подчас в весьма далеких от места выброса участках акватории, например в Баренцевом море, где многие страны ведут интенсивный рыбный промысел. ДДТ, применявшийся для борьбы с вредными насекомыми, обнаружен в теле антарктических пингвинов.

Биологи все чаще указывают на нарушение естественного равновесия, которое складывалось на нашей планете в течение миллионов лет, на разрушение множества тончайших цепей и контактов, связывающих между собой все живое на Земле, образующих сложную ткань биосферы.

Еще совсем недавно развитие человеческого общества представлялось неким неудержимым, победным маршем цивилизации. Рост энерговооруженности, строительство гигантских электростанций и искусственных морей, быстрое повышение скорости передвижения, выход в космос — все это убеждало в том, что нет предела силам человека, его способности покорять и преобразовывать природу.

Оптимистическая идея о безграничности прогресса на протяжении не одного столетия высказывается выдающимися мыслителями. И, кажется, чем дальше, тем больше появляется доказательств в ее подтверждение. Академик В. И. Вернадский писал в 1944 году: «С появлением на нашей планете озаренного разумом существа планета переходит в новую стадию своей истории — биосфера переходит в ноосферу (сферу разума. — Е. Ф.). Более того, мы, видимо, выходим за пределы планеты, так как все указывает, что действие геохимическое разума жизни цивилизованного человечества не остановится размерами планеты». Такие же мысли мы находим в трудах К. Э. Циолковского, А. Кларка и других совет-

ских и иностранных ученых. Оптимистическое представление о будущем заложено в философии диалектического материализма.

Мы давно знаем и о серьезных препятствиях, которые всегда мешали прогрессу, об отсталых, сдерживающих развитие производительных сил формах общественного устройства — с социальным и экономическим неравенством, войнами, угнетением человека человеком. Но теория марксизма-ленинизма, практическое претворение в жизнь этого гениального учения в странах социализма показывают, что такие препятствия могут быть преодолены.

Однако в последние годы обнаружилось новое, как будто иное по своей природе препятствие на пути человечества — общее, как уверяют нас многие западные исследователи, для стран с различным социальным строем, препятствие, якобы неизбежно возникающее вследствие роста населения, технического прогресса и развития производства. Грядущий, вернее, уже наступающий, конфликт с природой получил название экологического кризиса.

Ничто не может беспредельно развиваться на ограниченной своими размерами и ресурсами Земле. Развитие человечества, по мнению ряда исследователей США, а также многих их единомышленников из других стран, скоро подойдет к пределу. И если не остановить рост населения, не затормозить развитие производства, то человечество, достигнув лет через пятьдесят—шестьдесят численности около 6 миллиардов, начнет быстро вымирать из-за истощения природных ресурсов и невыносимого для жизни загрязнения окружающей среды.

При этом нам напоминают, что рост населения, выпуск промышленной продукции, выработка энергии — весь процесс развития человечества идет по экспоненциальному закону: темпы его постоянно нарастают с течением времени. Вместе с тем этот процесс обладает значительной инерцией. Следовательно, много раньше, чем наступит кризис, человечество пройдет ту последнюю критическую точку, где еще можно остановиться, можно изменить направление развития. Позднее уже нельзя будет избежать катастрофы, даже если люди поймут ситуацию и найдут в себе силы что-то предпринять.

Одна из характеристик любого автомобиля — определенное время и путь торможения. И если этот путь при скорости сто километров в час равен, например, двадцати метрам, то нажатие на тормоз за пять метров до препятствия уже не предотвратит столкновения. Поэтому, считают экологи, нужно срочно уже сейчас менять характер развития цивилизации на нашей планете.

О том, что именно предлагают сделать западные ученые во спасение рода людского, речь пойдет дальше. Сейчас лишь отметим, что тревога этих специалистов относительно нынешнего характера взаимодействия человека с природной средой, с нашей точки зрения, вполне обоснованна.

Взаимодействие человека с природой началось с того самого времени, когда человек выделился из окружающей среды.

Хотя под природной средой следует понимать всю Вселенную в границах и формах, которые известны нам в данное время, общество реально взаимодействует на каждом этапе своего развития лишь с некоторой частью среды, используя ресурсы, подвергаясь воздействию и, в свою очередь, оказывая влияние на природу в ограниченном пространстве.

С древнейших времен до XVI—XVII столетий нашей эры человечество развивалось в нескольких мало связанных друг с другом ареалах. Взаимодействие со средой происходило в каждом из них особо. Низкие темпы роста производительных сил и народонаселения обуславливали длительное существование одних и тех же форм взаимодействия с природой. Использовалась лишь небольшая часть природных ресурсов — каждый из ресурсов в малом объеме и с низкой эффективностью. Условия природной среды налагали жесткие ограничения на человеческую деятельность. Воздействие человека на природу было ничтожным.

К настоящему времени положение резко изменилось. Люди осваивают практически всю поверхность континентов, началось освоение ближнего космоса и шельфовых зон океана. Диапазон условий, в которых может существовать и дей-

ствовать человек, стал несравненно более широким, чем прежде. Люди работают в околоземном космическом пространстве и на океанском дне. Мы вовлекли в свою деятельность практически все возобновляющиеся и невозобновимые природные ресурсы, которые находятся близко к поверхности земного шара, — иные используются пока еще в небольшой части, другие в значительной или почти целиком. Наша деятельность заметно меняет естественный ход стихийных явлений на поверхности Земли, мы начинаем овладевать методами управления некоторыми из них.

И вместе с тем в силу своеобразной диалектики быстро возрастает новая форма зависимости человека от природы — теперь уже не от свойств и условий природной среды, которые раньше диктовали возможные рамки существования, а от всей совокупности природных ресурсов, от размеров и массы Земли. Сейчас уже нельзя не считаться с границами и пределами всего, что существует на нашей планете, ставшей единым и общим ареалом человеческой деятельности. Из этого некоторые зарубежные авторы делают вывод, что человечество подошло к пределу своего развития.

Однако сходные идеи появлялись и в прошлом. Еще в конце XVIII века Мальтус объяснял беды и несчастья тогдашнего общества тем, что численность людей возрастает быстрее, чем увеличиваются возможности обеспечить их продовольствием. Для этого он использовал свой печально известный «закон убывающего плодородия почвы».

Вот отрывок из нашумевшего в свое время труда Мальтуса «Опыт о законе народонаселения», впервые изданного в 1798 году: «Очевидно, что, какими бы ни были темпы увеличения средств существования, они должны ограничивать рост населения, по крайней мере после того, как продовольствие будет распределено в самых минимальных нормах, достаточных для поддержания жизни. Все новорожденные, за исключением тех, которые необходимы для сохранения данного уровня населения, неизбежно должны погибнуть, если только для них не освободится место благодаря смерти взрослых... Поэтому вместо того, чтобы неразумно и тщетно препятствовать этому, мы должны быть последовательными и способствовать действиям природы, вызывающим смертность; и если нас пугают слишком частые повторения голода в его ужасных формах, то мы должны усердно поощрять другие разрушительные силы природы, которые сами вызывают к жизни. Вместо того чтобы проповедовать среди бедняков необходимость соблюдения чистоты, мы должны поощрять как раз обратные привычки. Надо делать в городах более узкие улицы, перенаселять дома и способствовать повторению эпидемий чумы. Необходимо строить деревни близ непроточных водоемов и особенно способствовать заселению болотистых и вредных для здоровья мест. Но прежде всего нам следует осудить применение особых лекарств для лечения смертельных болезней, а также осудить тех добрых, но заблуждающихся людей, которые, изобретая способы искоренения определенных зол, думают, что оказывают услугу человечеству».

Как известно, многочисленные последователи развивают и распространяют подобные идеи и сегодня. Вот, например, что писал не так давно наш современник американский ученый Фэрчайлд: «...никогда за все времена, даже применяя всю свою изобретательность, на которую они способны, люди, число которых возрастает в силу естественных биологических причин, не могли улучшить технику производства настолько, чтобы обеспечить свою жизнь. Всегда и везде относительный избыток населения по сравнению с наличными продовольственными ресурсами порождал голод, нищету, столкновения, страдания и, наконец, смерть. Перенаселение было хроническим состоянием общества фактически во всем мире в течение всего периода существования человечества вплоть до последних поколений... В целом можно сказать, что сокращение численности членов общества пошло бы на пользу массам. Мы видели, как в перенаселенных странах, вроде Китая, голод действует как необходимый и, следовательно, оздоровительный инструмент, поддерживающий известное равновесие во всей экономике. Мы видели также, что закоренелая тенденция человечества размножаться быстрее, чем раз-

виваются техника и культура, превратилась в препятствие для повышения жизненного уровня, которое в противном случае было бы возможным».

Подобные взгляды разделяют многие современные западные исследователи, считающие, что «демографический взрыв» — основная опасность, грозящая человечеству. Отсюда вытекает требование — подавить «демографический взрыв» любыми способами, и прежде всего контролем над рождаемостью в развивающихся странах.

До последнего времени оценки столь важных для рассматриваемой проблемы параметров, как рост населения, истощение природных ресурсов, увеличение загрязнения окружающей среды, проводились изолированно, вне связи каждого из них с другими, главным образом методом простой экстраполяции.

Большинство авторов говорили об угрозе кризиса, основываясь на качественном, иногда несколько упрощенном рассмотрении отдельных сторон взаимодействия человека и природы. Используя множество примеров загрязнения и других нежелательных изменений среды, они стремились прежде всего создать у читателя представление о всеобщей взаимосвязи явлений в природе и внушить чувство опасности, возникающей от нарушения естественных связей в результате необдуманных действий людей.

В последние годы были сделаны попытки комплексного количественного анализа всех сторон взаимодействия человеческого общества с природой. Значительную роль в этом деле сыграл Римский клуб. Эта небольшая по числу членов международная общественная организация, созданная в 1970 году по инициативе А. Печчи (один из директоров компании «Фиат») группой ученых и общественных деятелей, поставила перед собой задачу — рассмотреть наступающий этап развития человечества в разрезе его взаимодействия с природой.

Важное значение в оформлении современной концепции о пределах развития сыграла вышедшая в 1971 году книга Дж. Форрестера «Мировые динамики». Автор — специалист в области системного анализа, профессор Массачусетского технологического института, известный своими успешными опытами по применению системного анализа для описания деятельности предприятий и фирм, — попытался в этой работе дать расчеты возможных вариантов развития всего человеческого общества.

Из расчетов Форрестера следовало, что при сохранении нынешних тенденций роста численность населения планеты может к 2030—2050 годам превысить 6,5 миллиарда человек, после чего в результате резкого истощения природных ресурсов, загрязнения и других непоправимых изменений окружающей среды начнется в буквальном смысле слова вымирание, которое приведет через двадцать—тридцать лет к снижению численности населения Земли до 1,5—2 миллиардов человек.

В 1972 году группа ученых того же Массачусетского института во главе с профессором Мидоузом провела по заказу Римского клуба аналогичными методами подобные же расчеты и пришла к тем же, по существу, выводам. Книга «Пределы роста», написанная этой группой, была переведена на многие языки и быстро приобрела широкую известность.

Форрестер и группа Мидоуза доказывают, что «демографический взрыв» не является ни единственным, ни главным фактором, ведущим человечество к экологическому кризису.

Если принять численность человечества за постоянную величину, то, согласно приведенным расчетам, все равно конфликт общества с природой и последующая катастрофа неизбежны, хотя масштабы их будут иными.

Основной причиной движения человечества к коллапсу, по мнению группы американских ученых, является некое «стремление к росту» — и к росту численности самого человечества и к росту производства, потребления, уровня жизни, скорости перемещения и т. д. и т. п. Это стремление к росту, как считают Форрестер, Мидоуз и его коллеги, свойственно всем социальным системам на всех этапах развития общества. И только преодолев его, можно избежать катастрофы.

Необходимо, говорят они, всему человечеству перейти к тщательно регулируемому состоянию «глобального равновесия», когда рождаемость была бы уравнена со смертностью, промышленность сохранялась бы на одном уровне, а все «приходные» и «расходные» элементы общественной деятельности были бы сведены к минимуму. Отметим, что проведение в жизнь этого требования привело бы, в частности, к отказу от индустриализации развивающихся стран.

Книга «Пределы роста» вызвала обширную и бурную дискуссию. Представители стран «третьего мира» не могли согласиться с идеей американских специалистов. Ученые, стоящие на марксистских позициях, указывали на то, что авторы книги «Пределы роста» не увидели различий в тенденциях и закономерностях развития разных социальных систем.

Римский клуб, учтя и широкий отклик на свои первые попытки количественно оценить перспективы развития человечества и критику, организовал новые разработки. Одна из последних работ, выполненных по его заказу Месаровичем и Пестелем — «Человечество на перепутье», — вышла в США в 1974 году. Выводы ее авторов несколько отличаются от тех, к которым пришли их предшественники. Рост промышленного и сельскохозяйственного производства, а также развитие других форм деятельности человечества (при сдерживании роста населения и экономном расходовании природных богатств), по мнению Месаровича и Пестеля, неизбежны и полезны. Однако развитие должно стать «органическим», то есть должно быть обеспечено согласованное в глобальном масштабе развитие различных стран. При этом нужно совместными усилиями способствовать ускоренному продвижению оставших и сдерживать более развитые.

Такова, как убеждают Месарович и Пестель, не только единственно возможная, но и наиболее выгодная для всего человечества перспектива, ибо она исходит из долговременных интересов рода людского.

Угрозе экологического кризиса посвящено большое число самых различных работ, среди которых мы отметим книги Б. Коммонера «Замыкающийся круг» и Р. Фолка «Планета под угрозой». Здесь перспектива взаимодействия общества с природой рассматривается в качественной форме, однако с учетом экономических, социальных и политических факторов.

Большой интерес к проблемам экологии проявляют коммунистические партии западных стран — США, Великобритании, Франции, Италии. Одна из самых интересных книг по этому вопросу, «Экология, сможем ли мы выжить при капитализме?», написана первым секретарем Коммунистической партии США Гэсом Холлом.

В нашей социально-политической и естественнонаучной литературе в последнее время также появилось большое количество публикаций, в которых на базе марксистско-ленинской теории рассматриваются многие аспекты проблемы взаимодействия общества и природы.

Таким образом, на наших глазах вопросы охраны природной среды вырастают в чрезвычайно интересную и важную проблему — проблему оценки возможных вариантов и поиска оптимальных путей развития человеческого общества на ближайшее столетие. Социальное и политическое значение этой проблемы не может вызывать сомнений.

В этой статье вниманию читателей предлагается ряд соображений, которые, по мнению автора, могли бы быть приняты в расчет при решении вопроса о том, каким путем может выйти человечество из экологического кризиса.

Ресурсы нашей планеты ограничены ее размерами и массой, а потому, безусловно, не могут обеспечить всем необходимым сколь угодно большое население. Однако далеко не ясно, при каких темпах роста производства и при какой численности населения ресурсы Земли окажутся недостаточными.

В дискуссии по этим вопросам многие исследователи справедливо указывают на то, что рост населения зависит от социальных и политических условий и имеет тенденцию сокращаться при повышении жизненного уровня и снижении смертности.

В связи с этим советский демограф Б. Ц. Урланис считает, что темпы роста населения в мире, по-видимому, достигли максимума в нынешнем десятилетии, а затем будут снижаться, и, по всей вероятности, рост населения в следующем столетии прекратится. Вследствие этого не будет необходимости сдерживать рост населения в глобальном масштабе, хотя меры по ограничению семьи, принимаемые некоторыми развивающимися странами, являются в их условиях целесообразными.

Мне представляется, что вопрос о том, появится ли в будущем необходимость регулировать численность человечества (в ту или иную сторону), лучше пока считать открытым. В связи с этим хочу напомнить слова Энгельса: «Абстрактная возможность такого численного роста человечества, которая вызовет необходимость положить этому росту предел, конечно, существует. Но если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет регулировать производство людей, так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то именно оно и только оно сможет выполнить это без затруднений».

О «демографическом взрыве» и регулировании численности населения говорится и пишется очень много. Однако, с моей точки зрения, незаслуженно обходится вопрос о регулировании других особенностей общественной жизни.

Речь идет, например, о том, что необходимо добиваться соответствия между численностью трудоспособного населения и объемом производства, в частности количеством рабочих мест. Отсутствие этого соответствия — хроническая безработица — является серьезным бедствием во многих капиталистических странах. И понятно, что ее причиной никак не являются «демографические взрывы». Или другой вопрос. Не вызывает сомнения, что качественный состав общества — распределение его по образовательным уровням, специальностям и профессиям — должен соответствовать уровню развития и характеру производства. Естественно, что качественный состав — это, в конечном счете, суммарный результат подготовки кадров. А подготовка кадров — система воспитания и образования в самом широком смысле этого слова — должна обеспечить гармоническое сочетание личных интересов каждого молодого человека, вступающего в жизнь, с интересами общества.

Эта задача становится все более сложной, поскольку время, требуемое для общей и профессиональной подготовки нового поколения к трудовой деятельности, систематически увеличивается, затрачиваемые на подготовку трудовые и материальные ресурсы растут, а технический прогресс все быстрее изменяет характер и методы производства.

Поэтому возникает необходимость планировать подготовку кадров в соответствии с перспективами развития производства не менее чем на десять лет вперед. И при этом необходимо, чтобы каждый молодой человек добровольно выбирал будущую свою специальность, руководствуясь личным интересом и способностями.

Здесь возникает ряд серьезных проблем: как в системе подготовки кадров сочетать общие и специфические элементы, как стимулировать интерес к тому или иному важному для общества виду деятельности, как объективно и заблаговременно выявлять потенциальные способности человека, как осуществлять своевременную и эффективную передачу новым поколениям всего наиболее ценного из огромной и быстро растущей сокровищницы мировой культуры? В странах, ставших на социалистический путь развития, отыскивается и находится правильное принципиальное решение этих вопросов.

Социалистические страны и в дальнейшем будут регулировать некоторые важные особенности развития общества. Прежде всего его качественного состава. Причем масштабы этого регулирования будут постоянно расти.

Примем во внимание исторический опыт нашей страны, который учит, что подавляющее большинство людей не раз принимало и выполняло — даже с трудностями и риском для себя — призывы и рекомендации общества, осуществляло сознательные действия огромного масштаба, когда понимало и разделяло их цель.

В то же время, как сказал товарищ Л. И. Брежнев, выступая на митинге в Гаване в январе 1974 года: «...никакие планы и решения не дадут должного эффекта, если народ не примет их близко к сердцу, если борьба за их осуществление не станет кровным делом миллионов и миллионов рабочих, колхозников, интеллигенции».

Мы знаем, что в некоторые критические моменты истории любой страны ее народ также обретал единство и предпринимал массовые добровольные акции, когда был уверен в их необходимости. Именно это, как мне кажется, и имел в виду Ф. Энгельс.

И еще одно замечание. Численность населения земного шара не может быть безграничной. Однако рассматривая дальние перспективы рода людского, нельзя не вспомнить гениальное предвидение Циолковского: «Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Конечно, сейчас трудно судить, каким именно образом будут осваиваться и использоваться ресурсы космоса. Этой теме посвящены некоторые научные прогнозы и многие фантастические произведения. Использование вещества астероидов, сооружение крупных обитаемых космических станций и даже создание необходимых для людей условий на других планетах в принципе возможно. Вряд ли стоит гадать о характере конкретных мероприятий этого рода, однако уже сейчас, задолго до того времени, когда могут подойти к пределу ресурсы нашей планеты, открываются пути для дальних полетов в космос, к другим планетам Солнечной системы.

Часто говорят, что в космические путешествия будут отправляться единицы, а не миллиарды людей. Разумеется, это справедливо для ближайших десятилетий. Но мог ли предположить кто-нибудь в начале XVI века, когда первые десятки людей отправились из Европы на вновь открытый материк, что за ними последуют многочисленные переселенцы, что на американском континенте возникнут государства, насчитывающие сотни миллионов человек? Таким образом, численность населения Земли и численность человечества вообще, если речь идет о далекой перспективе, с нашей точки зрения, понятия разные.

Чтобы удовлетворить основные потребности человека в пространстве для обитания, в продовольствии, в различных материалах и в энергии, используются конкретные природные ресурсы. Пространство определяется размерами нашей планеты, продовольствие и материалы создаются из того или иного природного сырья, находящегося на Земле, на их производство затрачивается энергия, которую мы получаем как за счет невозобновимых ресурсов — минерального топлива, ядерного горючего, — так и за счет естественных процессов, вызываемых на поверхности Земли, главным образом солнечным излучением (сток рек, ветер и т. п.).

При этом пространство остается неизменным, энергия расходуется безвозвратно. Превращаясь в тепло, она несколько изменяет тепловой баланс планеты и затем излучается в мировое пространство. Что же касается вещества, то в процессе своей деятельности мы главным образом лишь преобразуем его из одной формы в другую, получая или — чаще — затрачивая при этом энергию.

Безвозвратный расход вещества, происходящий при получении атомной и термоядерной энергии или при отправке космических аппаратов за пределы Земли, пока что весьма незначителен. Он составляет лишь ничтожную долю в балансе непрерывного обмена веществом между Землей и космосом. Каждые сутки наша планета получает за счет падения метеоритов и различных частиц, приходящих из космоса, несколько тысяч тонн вещества и в это же время теряет несколько сот тонн вещества за счет рассеивания газов из верхних слоев атмосферы.

Объем каждого из невозобновимых природных богатств Земли, естественно, только сокращается. Также сокращается и доля приходной части баланса того или иного возобновимого природного ресурса (пресная вода, рыба, лес и т. п.),

пригодного для дальнейшего использования. Но это не означает, что соответственно сокращаются возможности удовлетворения потребностей человечества.

Здесь следует вспомнить положение, высказанное В. И. Лениным в 1902 году в полемике с мальтузианцами того времени: «...закон убывающего плодородия почвы» вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной». Это положение, с моей точки зрения, следует рассматривать шире, его можно применить к проблеме соотношения между потенциальными возможностями человеческого общества и его потребностями в целом.

В связи с изменением способов производства понятие «ресурс» приобретает не только естественнонаучную, но и историческую сторону. Во-первых, уже в наше время повышается эффективность использования ранее известных ресурсов. Во-вторых, появляются новые ресурсы. И наконец, открываются принципиально новые пути удовлетворения нужд человеческого общества. Так, железная руда приобрела значение для человека несколько тысячелетий назад. Давно известные нефть и уран стали источниками энергии (соответственно) около ста пятидесяти и сорока лет назад, синтетические ткани, сырьем для которых служит та же нефть, появились двадцать—тридцать лет назад.

Примеры того, как расширяются возможности людей удовлетворять свои нужды, дают самые различные области человеческой деятельности. Фактический рост мирового производства энергии значительно обгоняет рост народонаселения, и производство энергии на душу населения все время увеличивается. Если же учесть все доступные для практического применения способы получения энергии, то станет ясно, что возможности дальнейшего роста энерговооруженности весьма велики. Используя все известные методы и ресурсы, в настоящее время можно было бы выработать примерно в 20 раз больше энергии на каждого жителя Земли, чем можно было выработать сто лет назад. И это не считая тех новых возможностей, которые обещают применение термоядерных реакций, непосредственное использование солнечной энергии и т. д.

Фактическое производство продовольствия на душу населения в мире также возрастает, хотя и гораздо медленнее, чем производство энергии, причем подьемы здесь сочетаются со спадами.

Однако, как показало недавнее обсуждение этой проблемы на одной из конференций ФАО (Всемирной продовольственной организации при ООН), можно было бы удовлетворить полностью потребности не только нынешнего населения Земли, но и примерно в 3 раза большего — около 10 миллиардов человек, — если современные передовые методы сельскохозяйственного производства применять на всех полях мира. Здесь мы снова не учитываем те новые возможности, которые открываются в использовании достижений микробиологии, химического синтеза, в использовании биологических ресурсов океана, в повышении чрезвычайно низкого кпд фотосинтеза и другие.

Быстро растут разведанные запасы полезных ископаемых. При этом надо иметь в виду, что разведкой и добычей затронуты лишь самые верхние слои земной коры, да и то далеко не на всей поверхности нашей планеты.

Естественно, что площадь суши — ареал нашего обитания — не изменяет своих размеров, однако возможности размещения на ней населения опять-таки в связи с изменением «способов производства» и прогрессом техники все время возрастают. Полвека назад вряд ли можно было себе представить, например, возможность существования в тундре такого крупного города, как Норильск.

Суша не единственно возможное место для обитания человека. Уже при нынешней технике встает вопрос о строительстве больших поселений на сваях в зоне материкового шельфа или даже на поверхности океана. Конечно, не нам с вами решать, захотят ли наши потомки жить в подводных домах или на плавучих искусственных островах. Но нам важно отметить, что принципиальная возможность для такого размещения людей на планете уже сегодня существует.

Таким образом, общий объем ныне известных и используемых природных богатств Земли не может быть единственной мерой возможности удовлетворения основных потребностей человечества в будущем. Нельзя согласиться с исследователями, приписывающими этой мере некоторую постоянную величину, которая в дальнейшем будет только убывать. Речь идет не о количественной оценке этой величины, скорости ее расхода или возможностей пополнения за счет, например, открытия новых полезных ископаемых. Неправомерно само представление о природных ресурсах (источнике всего необходимого для человека) как о некой константе на все будущие времена. Исходная точка зрения, как свидетельствует история, меняется, и притом коренным образом. Ведь когда-то первобытный охотник оценивал продовольственные ресурсы племени количеством мамонтов в ближайшей местности.

С развитием производительных сил каждый из конкретных природных ресурсов используется для удовлетворения все большего количества потребностей человека, в то же время путей удовлетворения каждой конкретной потребности становится все больше.

Можно полагать, что в перспективе масса Земли, а далее — масса доступного для использования человеком вещества космоса (учитывая также возможность получения энергии за счет затраты вещества) постепенно станет единой и универсальной мерой природных ресурсов.

Время от времени в биосфере происходят катастрофы, связанные с резким увеличением численности организмов того или иного вида в ареале их обитания при неизменном объеме имеющихся ресурсов. Восстановление нарушенного равновесия может осуществиться здесь только за счет уменьшения численности организмов — в результате вымирания или массовой миграции за пределы ареала. Ибо изменение способов и повышение эффективности взаимодействия животных и растений со средой происходит крайне медленно — в процессе биологической эволюции. Странники концепции «пределов развития», в сущности, распространяют этот эффект на человека. Но к человеку он неприменим. Оставаясь биологически неизменным, человек постоянно меняет, совершенствует способы взаимодействия с природой — способы производства.

«Мальтузианские тупики» могли бы возникнуть на любой стадии развития человечества, если бы не прогрессировала техника, если бы не повышалась эффективность производства. Не только нынешнее, но и много меньшее население Земли не могло бы, например, прокормиться охотой по примеру своих предков.

Однако из сказанного отнюдь не следует, что проблемы природных ресурсов не существует. Практические возможности использования ресурсов той или иной страны, как хорошо известно, значительно отличаются и от средних по планете, и тем более от принципиально достижимых. Потому большая часть населения Земли не удовлетворена нынешним своим жизненным уровнем, а сотни миллионов людей до сих пор голодают.

Все потенциальные природные богатства Земли могут быть поставлены на службу человеку только при достаточно оптимальном — с учетом достигнутого уровня знаний и техники — использовании этих ресурсов в интересах всего общества. Но всегда существовали и существуют сейчас серьезные причины, препятствующие этому. Они носят социально-политический характер.

Главная из них — частная собственность на ресурсы и средства производства. Эксплуатация ресурсов ради получения прибыли не только препятствует целесообразному использованию природных богатств, но и прямо ведет к хищничеству, которое с особенной силой проявилось при эксплуатации природных ресурсов колоний или экономически зависимых стран иностранными монополиями. Этот вопрос весьма обстоятельно рассматривался многими советскими и иностранными исследователями. Примеры хищнического использования ресурсов приводятся в большом количестве работ, и нет нужды здесь на них останавливаться.

Второе — затрата большой доли природных ресурсов (как и производительных сил в целом) на вооружение, на подготовку к войне, на само ведение военных действий, а также на удовлетворение различных ложных потребностей (мода, реклама и т. д.), искусственно создаваемых монополиями, особенно в развитых капиталистических странах.

Третья причина состоит в том, что народы бывших колониальных стран, отставших в своем развитии из-за многовекового хозяйничания империалистов (а эти народы составляют в настоящее время большую часть человечества), не имеют современных орудий, квалифицированных кадров и средств, необходимых для целесообразного использования имеющихся природных ресурсов, нередко чрезвычайно богатых. Этому способствуют также отсталые формы хозяйства, некоторые обычаи и т. п.

И наконец, следует отметить, что сейчас хищнически эксплуатируются «ничейные» природные богатства — главным образом биологические и минеральные ресурсы Мирового океана. Существующие международные соглашения лишь в небольшой степени регулируют использование этих ресурсов. Они не смогли предотвратить истребления некоторых видов промысловых животных. Причина этого, как нетрудно понять, — отсутствие действенного и широкого международного сотрудничества, которое могло бы развиться только в условиях длительного и прочного мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Вот каковы основные препятствия на пути оптимального использования природных ресурсов Земли. Они-то и создают разрыв между принципиальными возможностями удовлетворения потребностей человечества и их реализацией.

Оптимальная эксплуатация предполагает также культивирование возобновляющихся природных богатств — биологических ресурсов континентов и океана, леса, почвы, кислорода атмосферы, пресной воды и других. Эти ресурсы характеризуются не только общим объемом, но и балансом — соотношением между расходом и возобновлением, поддерживаемым естественными природными процессами.

Уже в наши дни человечество использует значительную долю приходной части баланса этих ресурсов, а иногда и почти всю приходную часть. Так, мы используем около 70 процентов всей почвы, пригодной для сельскохозяйственного производства при современных методах его ведения, около половины прироста леса, около 10 процентов пресной воды из стока рек, незначительную долю прироста всех биологических ресурсов океана, но существенную часть — около 70 процентов прироста популяций основных промысловых рыб. Потребности человечества в возобновимых природных ресурсах растут, а средства изъятия из природы становятся все более эффективными.

Далее, как показывает опыт, мы должны либо примириться с истреблением того или иного ресурса, либо установить равновесие между его приростом и использованием. Но в таком случае необходимо стабилизировать соответствующие отрасли производства. Однако есть третий путь — культивирование природных богатств, преобразование их балансов.

Такое культивирование ведется с давних пор, с того самого времени, когда люди перешли от охоты и собирания плодов к скотоводству и земледелию. Выделяя из окружающей природы поле или стадо животных и вкладывая большой труд, они добивались огромного повышения продуктивности поля или стада.

Масштаб культивирования непрерывно возрастает. В СССР уже осуществляется перераспределение водных ресурсов в границах одного региона, удовлетворяются потребности в воде наиболее населенных районов за счет ее переброски из других частей страны, проводится мелиорация значительных сельскохозяйственных угодий, разводится лес на больших площадях и т. п.

В ближайшее время перед человечеством встанет проблема культивирования природных ресурсов в масштабе всего земного шара. Научные и технические достижения современной цивилизации уже позволяют приступить к разработке и опытному проведению подобных мероприятий.

Известно, что ученые сейчас работают над такими проблемами, как культивирование промысловых рыб в Мировом океане, создание крупных гидротехнических систем, мелиорация огромных территорий, вплоть до проектов изменения климата. Реальность осуществления многих из них доказана, и сейчас необходима техническая проработка ряда проектов, тем более что воплощение их в жизнь станет совершенно необходимым уже в скором времени. Вряд ли можно сомневаться, например, что рыбный промысел подойдет к своему пределу (полное использование прироста) в самое ближайшее время¹. По подсчетам ряда гидрологов, использование пресной воды составит 50—100 процентов всего мирового речного стока в следующем столетии, если не изменятся методы ее использования.

Однако, как всем понятно, существующие социально-политические условия не обеспечивают практической возможности для культивирования природных ресурсов. Более того, сейчас не всегда возможно определять целесообразность или желательность того или иного мероприятия с общечеловеческой точки зрения.

Использование природных ресурсов и вся деятельность человеческого общества в целом оказывают все более возрастающее воздействие на природную среду.

Его можно свести к трем важнейшим формам. Первая — изменение структуры среды за счет преобразования речных систем, вырубки лесов, распашки степей и т. п. Вторая — изменение состава (точнее, баланса), сложившегося в естественном круговороте различных веществ, за счет изъятия части веществ из природного цикла и, в большей степени, за счет внедрения дополнительных веществ — продуктов горения, отходов промышленных предприятий, удобрений и химикатов, применяемых в сельском хозяйстве, — в атмосферу и водную среду. Третья — изменение энергетического, главным образом теплового, баланса планеты.

Все эти формы воздействия изменяют состояние природной среды, причем некоторые необратимым образом. В книгах и статьях, посвященных охране среды, часто говорится, что недопустимо нарушать «естественное равновесие», сложившееся в природе в течение многих миллионов лет. С нашей точки зрения, это положение необходимо уточнить.

Во-первых, отметим, что любая форма жизни, любая популяция живых существ не только приспосабливается к окружающим условиям, не только использует ресурсы природной среды для своего существования, но и вносит изменения, и притом существенные, в состояние окружающей среды.

Появление и поддержание кислорода в атмосфере — в основном результат жизнедеятельности растений. Выделение некоторых веществ, растворенных в морской воде, и образование осадочных пород — результат деятельности множества мелких морских животных. Огромная роль жизни в формировании лика нашей планеты показана в работах основателя учения о биосфере академика В. И. Вернадского и многих других ученых.

Как относиться к этому свойству жизни? Один из выдающихся астрофизиков начала нашего века, Джинс, назвал жизнь «болезнью стареющей материи», которая возникает, когда скорость реакций, температура, интенсивность разного рода излучений и другие характеристики «молодой» материи значительно понижаются. С этой точки зрения воздействие жизни на среду можно, пожалуй, считать негативным. Однако вряд ли такая позиция найдет много сторонников.

Воздействие человека на природную среду отличается от воздействия популяции любых других живых существ. Здесь примерно та же ситуация, что и отмеченная нами при рассмотрении вопроса об использовании природных ресур-

¹ Уже третий год мировой вылов рыбы стабилизировался на уровне около 70 миллионов тонн в год, хотя количество орудий промысла увеличивается. Считается, что прирост рыбы в океане составляет около 100 миллионов тонн.

сов. Человек, оставаясь биологически неизменным, изменяя характер и способы производства, расширяет и углубляет все формы своего воздействия на среду обитания.

Многие экологи считают негативной именно эту специфически человеческую особенность воздействия на природу. «Человека еще не было,— пишет известный швейцарский ученый Ж. Дорст,— а мир, подобный нашему или отличный от него, уже миллионы лет блистал во всем своем великолепии. Те же законы природы, что и сейчас, управляли его равновесием и размещением гор и ледников, степей и лесов на всех материках. Человек появился, как червяк в плоде, как моль в клубке шерсти, и выгрыз себе местообитание, выделяя из себя теории, чтобы оправдать свои действия».

Если согласиться с Ж. Дорстом, то, по-видимому, нужно считать ненарушенным, естественным состояние природной среды примерно на рубеже XVI—XVII столетий, то есть в период, предшествовавший эпохе основных колониальных завоеваний, промышленной революции, когда еще не началось массированное наступление на природу.

Так что же, вернуться к этому рубежу? В книгах, посвященных охране природной среды, приводится масса примеров отрицательных последствий вмешательства человека в природу за последние столетия. Но значит ли это, что основной результат воздействия человека на природу в целом за истекший исторический период был негативным и не отвечал интересам развивающегося человеческого общества? Разумеется, нет.

Можно, конечно, горевать об исчезновении лесов и степей, когда-то покрывавших огромные пространства нынешних сельскохозяйственных районов европейского и американского континентов, об истреблении многомиллионных стад бизонов, бродивших в американских прериях, но современное человечество не могло бы существовать, если бы лет пятьсот назад территория всех континентов была бы превращена в отлично охраняемый заповедник, если бы прерии Северной Америки и степи Европы оставались нетронутыми.

Здесь следует отметить исторический и социальный аспекты понятия целесообразности изменения природной среды или использования природного ресурса.

Племя, которое существует за счет охоты, заинтересовано в поддержании численности объекта промысла, чему, как правило, будет соответствовать сохранение по возможности неизменяемого состояния естественной — «дикой» — экологической системы. Но плотность населения при этом может быть только очень низкой.

Общество, перешедшее к земледелию, гребует для своего развития иного состояния окружающей среды, в частности преобразования значительной части леса и степи в сельскохозяйственные угодья. С его точки зрения, такое преобразование целесообразно, ибо допускает значительно большую (в 20—30 раз) плотность населения.

От древности и до наших дней в сельскохозяйственном производстве на каждом поле в данное время выращивается одна культура. Являясь сырьем для производства продовольствия или нужных обществу материалов, она дает определенный набор веществ в количестве много большем, чем дала бы дикая смешанная растительность, занимающая ту же территорию.

Однако расчеты показывают, что дикая растительность (лес, степь) при тех же климатических условиях и составе почвы способна более продуктивно использовать солнечную энергию и продуцировать большую биомассу.

Таким образом, если бы мы могли (или когда мы будем способны) использовать в качестве сырья любую биомассу, то, может быть, общество начнет вновь разводить леса на месте нынешних пашен. Пока же пашня дает нам больше, чем дикая растительность.

А теперь обратим внимание на те ненужные и прямо вредные для человечества последствия, которые возникают в процессе преобразования людьми лика Земли. Прежде всего имеется в виду загрязнение природной среды.

Хотя все большее число предприятий обзаводится очистными сооружениями, основной мерой, которой нейтрализуется загрязняющее действие промышленных выбросов в реки, остается разбавление отходов чистой водой. Для этого требуется все более значительная доля стока рек. Если положение не изменится кардинальным образом, то через пятьдесят—семьдесят лет для разбавления загрязнений, которые к тому времени будут выбрасываться в реки и озера, потребуется не менее половины стока рек всего земного шара.

Аналогичное положение складывается и в атмосфере. Выброс в воздух продуктов горения и различных химических соединений приобретает во многих местах характер серьезного бедствия.

Наряду с отходами промышленности существенное значение для загрязнения природной среды имеют химические удобрения, дефолианты и инсектициды, употребляемые в сельском хозяйстве, а также всевозможные отбросы жизнедеятельности современного общества — упаковочная тара, ненужные предметы домашнего обихода, старые автомашины и т. п., — которые, накапливаясь в огромном количестве, загромаздуют и загрязняют окрестности городов.

Промышленные загрязнения, химикаты и различные отбросы создают постоянно возрастающую нагрузку на природную среду, особенно в технически развитых странах. Отходы уже не успевают (а многие и вообще не могут) разлагаться, рассеиваться или осваиваться средой, как это было еще полвека назад. Накапливаясь, они неизбежно изменяют окружающую природу, и почти всегда во вред человеку.

Как уже отмечалось, накопление загрязнений, по мнению многих исследователей, является неизбежным следствием развития производства и приведет к возникновению кризиса во взаимодействии человека и природы через несколько десятилетий. Так ли это?

Американский эколог Б. Коммонер проанализировал механизм и причины загрязнения природной среды в США. За двадцать семь послевоенных лет (1945—1972) загрязнение выросло примерно в 10 раз, при этом население США увеличилось на 40 процентов, объем производства вырос также примерно на 40 процентов, а потребление на одного человека на 6 процентов.

Анализ показал, что не прогресс вообще, не увеличение производства и потребления на душу населения, а изменения в технологии производства, диктуемые стремлением получить наибольшую прибыль, были основной причиной резко увеличившегося загрязнения природной среды в США².

Надо иметь в виду далее, что основные научные и технические вопросы ликвидации промышленных загрязнений, замены в сельском хозяйстве вредных для среды химикатов на безвредные, полной утилизации всех видов отходов и превращения их в полезные строительные и другие материалы успешно решены. Почему же достижения науки и техники не применяются на практике? Дело в том, что соответствующее изменение технологии многих отраслей производства потребовало бы вложения огромных средств.

Но разве не требует значительных средств устройство самой обычной канализационной системы в любом городе? И мог ли бы существовать современный город без нее?

По оценке того же Коммонера, перевод всей промышленности США на экологически «чистую» технологию стоил бы сотни миллиардов долларов. Много. Но военный бюджет этой же страны за несколько лет превышает эту цифру.

Пример удачного решения проблемы загрязнения дает нам промышленность, вырабатывающая ядерные продукты, а также атомные электростанции. Они работают гораздо более «чисто», нежели, например, химическая промышленность. А все дело в том, что с самого начала развития этой отрасли были

---

² Из этого поучительного анализа Коммонер делает неправильный вывод о необходимости отказаться от ряда эффективных технологических процессов и синтетических материалов и призывает вернуться назад, к натуральным продуктам. На этом вопросе мы остановимся позже.

приняты меры, чтобы предотвратить попадание радиоактивных отходов в окружающую среду.

Мы не должны забывать (как это делают многие западные ученые и общественные деятели) и о том, что загрязнение природной среды в существенной, если не в большей части связано с войной. Испытания ядерного оружия, утеря ядерных бомб, утечка боевых отравляющих веществ — все это неизбежные эксцессы подготовки к войне.

Применение же боевого химического оружия американской армией, как свидетельствуют специальные комиссии, в которых принимали участие и авторитетные американские ученые, привело к уничтожению более трети лесов на территории Южного Вьетнама. Жертвами химического оружия стали тысячи мирных жителей. Такой результат далеко превышает все то, что могло бы причинить любое промышленное загрязнение этой территории.

Всем нам хорошо известно, какое воздействие на все человечество и на природную среду Земли оказало бы радиоактивное загрязнение в результате мирового термоядерного конфликта. Вряд ли нужно доказывать, что прекращение производства и применения оружия массового уничтожения и прекращение испытаний ядерного оружия полностью ликвидировало бы эту опасность.

Таким образом, загрязнение природной среды представляет серьезную опасность для человечества уже сейчас и действительно грозит кризисом в недалеком будущем, если промышленность, сельское хозяйство и другие виды деятельности будут развиваться и дальше бесконтрольно, если не будет ликвидирована опасность войны, если будет продолжаться гонка вооружений. Однако мы верим в разум человечества, в его способность устранить те факторы, которые ведут к гибели, и потому не считаем экологический кризис фатально неизбежным.

Вместе с тем если иметь в виду более далекое будущее, надо учесть и действительно неизбежные следствия развития производства. Например, рассеивание в природной среде некоторой части вещества за период службы сделанных из него предметов. Так, за счет ржавения всех сделанных из железа машин, станков природная среда непрерывно обогащается (или отравляется?) железом. В результате таких процессов могут возникнуть нежелательные эффекты, например заболевания людей, как это бывает при излишке или отсутствии некоторых микроэлементов в почве. Можно ли этого избежать? Полагаю, что в принципе можно.

Сама природа подсказывает один из возможных путей решения: ветер, морские течения, реки переносят и рассеивают продукты загрязнения в атмосфере и в водной среде, но биологические процессы ведут к их концентрации — растения «выбирают» некоторые вещества из окружающей среды и накапливают их в себе. Накопление этих веществ нарастает по мере продвижения по пищевой цепочке (животные поедают растения, растительноядных поедают хищники и т. д.). И не исключено, что в будущем появится возможность сознательно управлять подобными процессами, используя их для изъятия нежелательных веществ из природной среды.

Другая важная проблема экологии — выделение тепла в результате производства, источником энергии для которого служит ископаемое или атомное горючее. Это антропогенное тепло в настоящее время составляет сотые доли процента от того, что получает земная поверхность от Солнца³. Однако эта величина быстро растет, и при сохранении нынешних темпов развития производства лет через пятьдесят—шестьдесят она возрастет до одного или двух процентов, что приведет к повышению температуры нижнего слоя атмосферы в среднем по всей Земле на один-два градуса.

Неизбежны, по-видимому, также изменения в планетарном обороте влаги. В результате использования речных вод на орошение и для промышленных це-

³ В районах крупных промышленных центров эта величина много больше. Если бы окружить такую страну, как Бельгия, высокой стеной, то средняя температура здесь поднялась бы на 10—15 градусов. Непрерывная циркуляция атмосферы разносит это тепло по всей планете.

лей сток рек в океан уменьшается и, соответственно, увеличивается испарение на континентах.

Эти, казалось бы, небольшие изменения могут иметь существенные последствия в том случае, если климат нашей планеты нестабилен. Поэтому остановимся несколько подробнее на возможных изменениях климата.

Известно, что сейчас проводятся опыты по воздействию на некоторые явления погоды. В СССР разработаны способы предотвращения града, во многих странах ученые стимулируют выпадение осадков, при определенных условиях можно рассеивать облака. Метеорологи Соединенных Штатов работают над умирением ураганов.

Все эти воздействия на метеорологические явления основаны на их неустойчивости, на возможности возбуждения в атмосфере саморазвивающихся реакций. Сейчас такие реакции удастся стимулировать только в локальных масштабах. Однако вполне возможно, что и процессы крупного масштаба в атмосфере, ответственные за создание определенного климата, также временами оказываются в неустойчивом состоянии.

Известно, что климат земного шара на протяжении геологической истории неоднократно менялся. Существенные изменения климата наблюдались и в течение последних двадцати—десяти тысяч лет. Они не могут быть объяснены изменением расположения материков и океанов, изменением наклона земной оси и другими причинами такого рода. Пока еще не разработана теория изменения климата, однако ряд веских соображений свидетельствует о его нестабильности. Подтверждение этого взгляда имело бы и положительные и отрицательные последствия.

Если климат Земли действительно нестабилен, то появляется надежда, что, познав причины его изменений, мы сможем сами менять климат, сравнительно малыми средствами делая его более благоприятным для человека.

Однако нестабильность климата может означать и другое. Независимо от воли человека он способен изменяться, быть может, и в худшую сторону.

Пусковыми механизмами для таких перемен могут быть изменения в состоянии земной поверхности, например разрушение льдов в Ледовитом океане. Есть основания полагать, что повышение средней температуры атмосферы на один-два градуса также способно привести в действие некоторые из климатообразующих факторов.

Если загрязнение окружающей среды можно ликвидировать, то выход тепла в результате всей человеческой деятельности неизбежен, его нельзя предотвратить. Нельзя ли избежать нежелательных изменений климата? Думается, в принципе и это возможно. Так, можно гораздо шире использовать прямую солнечную энергию, падающую на поверхность Земли. Ее употребление для различных целей не изменит суммарного теплового баланса планеты, хотя и может привести к перераспределению составляющих его элементов по земной поверхности. Так, покрывая солнечными батареями часть поверхности пустыни, мы уменьшим нагревание атмосферы в этом районе, но, соответственно, увеличим нагревание атмосферы в местах, где будет использоваться электроэнергия, выработанная этими батареями.

Можно уменьшить поступление солнечной энергии на поверхность Земли, увеличивая облачный покров (он отражает около 70 процентов падающего излучения). Все же применять этот метод в районах с наличием растительности нерационально, так как в результате уменьшится производство биомассы.

Вероятно, будут найдены пути регулирования климата, позволяющие стабилизировать приемлемый, а может быть, и лучший климат при более высокой средней температуре.

Сейчас трудно говорить о конкретных мерах такого рода. Но в любом случае они потребовали бы очень крупных материальных затрат и поэтому могут быть претворены в жизнь только при согласованном участии многих — если не всех — стран мира. При этом надо иметь в виду, что и здесь наше влияние на природу возможно лишь до определенных пределов: по-видимому, никакие меры

не позволят расходовать любое количество энергии на нашей планете. Начиная с некоторого предела, расходование энергии (например, энергоемкие производства) потребуются переносить в космос.

Таким образом, сохранение «естественного равновесия», понимая под этим фиксированное состояние природной среды на планете — нынешнее или бывшее когда-то в прошлом, — практически невозможно. Для этого пришлось бы отказаться от развития человечества или даже от того уровня, которого оно достигло сейчас.

Вместе с тем негативных последствий воздействия человека на природную среду можно избежать. Необходимо перейти от бессистемных и зачастую совершенно неоправданных (с точки зрения интересов общества) нарушений естественного равновесия к планомерному и строго рассчитываемому преобразованию природной среды.

Эта задача стала актуальной уже сейчас. Изменения, которые мы вносим в структуру, вещественный и энергетический баланс природы иногда превышают флюктуации в естественном круговороте элементов среды. В ряде случаев такие изменения носят уже необратимый характер.

Готова ли наука к решению этой проблемы? И да и нет. С одной стороны, имеющиеся научные данные используются недостаточно, во многих случаях вмешательство в природную среду производится без учета научных рекомендаций. С другой стороны, нужно признать, что механизмы многих природных процессов еще далеко не ясны, и поэтому невозможно с уверенностью предсказать, в каком направлении пойдет их естественное развитие и как они изменятся под влиянием того или иного вмешательства.

И вместе с тем разнообразные формы воздействия на среду (прежде всего внесение в нее не перерабатываемых природными механизмами или плохо перерабатываемых ими веществ) нарастают с огромной скоростью, все более опережая научные исследования.

Вот почему часто слышатся призывы: остановить этот процесс, пока ученые не разберутся в том, что допустимо и что недопустимо, пока не научатся рассчитывать последствия вмешательства в природную среду. С нашей точки зрения, эти требования звучат утопически. Речь может идти о другом — нужно требовать полного использования уже имеющихся (и немалых) знаний, проведения всесторонних и тщательных расчетов при любом вмешательстве в окружающую среду. Можно и нужно требовать форсированного развития соответствующих научных исследований.

Особую важность, как уже указывалось на примере метеорологических явлений, имеет изучение неустойчивых состояний среды, когда могут возникнуть саморазвивающиеся реакции. Такие реакции свойственны и биосфере — вероятно, ими объясняются внезапные увеличения численности различных популяций животных или растений, эпидемии и эпизоотии.

Наряду с расчетом естественно протекающих процессов значительный интерес представляет проектирование процессов, заново организуемых в природе. Сама допустимость таких операций вызывает споры. Так, Коммонер утверждает, что «природа знает лучше», а поэтому введение в природную среду веществ, ей несвойственных, например синтетических волокон, вообще недопустимо. Они не разлагаются при взаимодействии с естественными компонентами природной среды, не вовлекаются в замкнутые круговороты веществ и, накапливаясь в биосфере, создают недопустимые перегрузки. Поэтому Коммонер ратует за возвращение к натуральным продуктам.

Думается, он не прав. Во-первых, выполнение призывов Коммонера привело бы к отказу от эффективной технологии, а следовательно, к снижению производительности труда, что противоречит всему ходу исторического развития цивилизации. Во-вторых, значительные изменения в соотношении естественных элементов среды (например, увеличение во много раз плантаций гевеи — на это пришлось бы пойти в случае отказа от производства синтетиче-

ского каучука) также могут вызвать нарушения природного баланса в определенных районах.

Выход нужно искать в другом. Заново вводимые в природу вещества должны включаться наряду с натуральными в замыкающиеся циклы. Это означает, как справедливо в данном случае говорит тот же Коммонер, что само существование каких-либо отходов недопустимо. Все отходы должны подвергаться дальнейшей переработке. То есть, создавая любой новый материал, любое изделие, следует заботиться не только с тем, чтобы они отвечали своему назначению при использовании, но и предусматривать их дальнейшую судьбу после того, как материал или изделие уже сослужат свою службу.

Вряд ли следует сомневаться в том, что современная технология может справиться с такой задачей. Она, вероятно, справилась бы с этим и раньше, например при разработке синтетических волокон, если бы, выражаясь инженерным языком, соответствующие пункты были включены в техническое задание на проектирование.

Сейчас вторичное сырье все шире используется в промышленности, однако пока что его использование зависит от соотношения стоимости его переработки и стоимости первичного сырья.

В скором времени, по-видимому, в расчеты должна войти также «стоимость выбрасывания», или, иначе, расходы по очистке от отходов окружающей среды. Это будет содействовать многократному длительному использованию одной и той же порции вещества в виде самых разнообразных изделий.

Нам действительно следует беспокоиться о поддержании постоянного равновесия не только между отдельными естественными компонентами, образующими в совокупности природную среду, но также между всей их совокупностью и искусственно вводимыми в среду элементами. Это «естественное равновесие» отнюдь не фиксированное раз навсегда состояние, а процесс целенаправленного преобразования природной среды, при котором изменения составляющих ее элементов не нарушают гармоничности их взаимосвязей друг с другом и ведут не к какому-то кризису, а к созданию условий, благоприятных для дальнейшего развития человеческого общества.

Думается, процесс взаимодействия человеческого общества с природой неминуемо должен принять такую форму.

Вряд ли нужно упоминать, что целенаправленное преобразование природной среды в крупных масштабах требует прочного мира. Не только мирного сосуществования государств с различным социальным строем, но и тесного их сотрудничества. Для таких преобразований требуется также иной, более высокий уровень развития наук о Земле. Современные достижения науки и техники позволяют приступить к проектированию и некоторым опытным работам по преобразованию элементов природной среды в региональном масштабе. Однако для широкого развития подобных работ, а также для правильной оценки всех тех преобразований среды, которые осуществляются уже сейчас (часто непреднамеренно), знаний пока не хватает.

Но история учит, что наука всегда справлялась с актуальными проблемами, которые вставали перед человечеством. Кое-какие достижения уже видны и в интересующей нас области. Мы еще не умеем как следует рассчитывать ход естественных процессов в атмосфере и в биосфере, но уже формируем автономные экологические системы. Нашу Землю часто сравнивают с космическим кораблем, где в малом объеме действуют свой собственный круговорот энергии и круговорот веществ. Для нормального функционирования всех систем «корабля» требуется точно рассчитанное и согласованное поведение экипажа. Но, рассуждая на эту тему, специалисты часто забывают отметить, что весь обособленный мирок корабля рассчитан и создан человеком. Нет оснований сомневаться в том, что и в сложной области взаимодействия человека с природой всей Земли наука выполнит свою задачу. Опасность не в нехватке научных знаний.

В любом организме, созданном природой, наряду со способностью к действиям заложены средства, обеспечивающие не только их безвредность, но и целесообразность для данной особи или — шире — для данного вида. Более или менее надежные регулирующие и предохранительные устройства составляют неотъемлемую часть каждого механизма, создаваемого человеком. Они заложены в любой организованной системе, будь то крестьянское хозяйство, предприятие, банк или ведущееся по единому плану государственное хозяйство социалистической страны. Однако человечество в целом в настоящее время не представляет собой организованной системы, не имеет механизмов, способных регулировать важнейшие аспекты деятельности людей вообще, их действий по отношению к окружающей среде в частности.

Позволяют ли сегодня данные науки указывать какой-то срок, к которому — при отсутствии необходимого регулирования — взаимодействие человека и природы дойдет до критического состояния? Полагаю, что позволяют. Как отмечалось, при сохранении нынешнего характера развития общества мы можем приблизиться к полному использованию приходной части баланса некоторых возобновимых природных ресурсов и к существенному изменению в тепловом балансе через пятьдесят — семьдесят лет, и это может создать серьезные трудности.

Такая очень приближенная оценка сходится с расчетами Форрестера, Мидоуза, Месаровича и других авторов о времени наступления экологического кризиса. Стоит добавить, что кризис, предсказываемый ими, может начаться значительно раньше в случае серьезного военного конфликта или усугубиться позже, если климат действительно начнет изменяться.

Выйдет ли человеческое общество из допустимых рамок своего взаимодействия с окружающей средой в не столь отдаленном будущем, удастся ли ему заблаговременно перейти к сознательному управлению своим развитием и найти оптимальные формы отношений с природой — зависит от социального прогресса.

Впервые на то, что во взаимодействии общества и природы может сложиться опасная ситуация, указал Карл Маркс. Он же отметил, что проблема эта имеет социальный характер. В одном из своих писем Энгельсу Маркс сделал следующее замечание о книге голландского агронома Фрааса: «Очень интересна работа Фрааса (1847): *«Климат и растительный мир во времени, их история»*, особенно как доказательство того, что в историческую эпоху климат и флора меняются. Он — дарвинист до Дарвина и допускает возникновение *видов* даже в историческую эпоху. Но в то же время он агроном. Он утверждает, что с развитием культуры — и соответственно степени ее развития — исчезает столь желанная для крестьян «влажность» (отсюда переселение растений с юга на север) и, наконец, образуются степи. Первоначальное влияние культуры благотворно, но в конечном счете она действует опустошающе, вызывая обезлесение и т. д. Этот человек столь же серьезный ученый-филолог (он писал книги *по-гречески*), как и химик, агроном и т. д. Вывод таков, что культура, — если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно* (до этого он как буржуа, разумеется, не додумывается), — оставляет после себя пустыню (разрядка моя. — Е. Ф.); Персия, Месопотамия и т. д., Греция. Следовательно, и у него бессознательная социалистическая тенденция!» (Маркс — Энгельсу, 25 марта 1868 года).

Эту оценку Маркса можно отнести ко многим нынешним западным исследователям проблемы взаимодействия общества и природной среды, и в частности к Форрестеру, Мидоузу с соавторами, Месаровичу, Коммонеру и другим. Как и Фраас, они понимают, что стихийно развивающаяся культура приводит к кризису во взаимодействии общества с природой, — их расчеты дают *неплохую* иллюстрацию того, какие формы этот кризис может принять. Как и Фраас, они обнаруживают, вероятно, неосознанные «социалистические тенденции». Форрестер много рассуждает о том, что следует отказаться от интуитивного представления о развитии социальных систем и искать объективные законы их поведения. Он считает необходимым переосмыслить социальные ценности «потребительско-

го общества», добиться регулирования социальных процессов. «Если мы не пойдем (законов развития социальных систем.— Е. Ф.) и не будем действовать достаточно быстро, то нас опрокинет социальная и экономическая система, созданная, но не управляемая нами», — пишет Форрестер.

«Человек имеет сейчас,— говорят Мидоуз и его соавторы,— в течение крохотного периода своей истории — наиболее мощный комплекс знаний, средств и ресурсов, который когда-либо существовал в мире. Он имеет сейчас все физически необходимое, чтобы создать совершенно новую форму человеческого общества, такую, которая послужила бы для многих поколений. Не хватает лишь двух составляющих: реальной долговременной цели, которая могла бы привести человечество к уравновешенному обществу, и желания человечества достигнуть этой цели. Без такой цели и без стремления к ней удовлетворение сегодняшних кратковременных потребностей вызывает экспоненциальный рост, который приведет мировую систему к пределам Земли и к заключительной катастрофе. Поставив такую цель и устремясь к ней, человечество было бы в состоянии начать сейчас постепенный контролируемый переход от роста к глобальному равновесию».

По мнению Мидоуза и его соавторов, должен быть отработан механизм, тщательно регулирующий взаимоотношения человека с природой, механизм, способный предохранить общество от нарушений равновесия, которые ведут к экологическому кризису. В то же время равновесие не будет застывшим состоянием. Любая деятельность, не требующая больших затрат невозобновимых ресурсов и не приводящая к значительной нагрузке на природную среду — воспитание, искусство, религия, спорт, фундаментальная наука и прочее,— может свободно развиваться.

Такова картина будущего, созданная, как убеждают нас авторы, в результате расчета, основанного на неумолимой логике ЭВМ. «Состояние глобального равновесия,— говорят они, формулируя один из основных выводов своей работы,— может быть спроектировано (!) таким, что основные материальные нужды каждого человека на Земле будут удовлетворены и каждый человек будет иметь равную возможность реализовать свои индивидуальные способности».

Как известно, почти теми же словами более века назад Карл Маркс охарактеризовал коммунистическое общество.

Месарович и Пестель, авторы второго отчета Римскому клубу, как уже говорилось, в отличие от Мидоуза признают необходимость и неизбежность развития, однако не стихийного, а «органического», то есть сознательно управляемого, целенаправленного, сбалансированного в рамках всей планеты. Для этого «мировое сообщество», как они называют нынешнее человечество, должно быть преобразовано в «мировую систему» — в комплекс четко и сознательно увязанных между собой частей.

Они считают, что таким образом будет возможно сократить разрыв между развитыми и развивающимися странами, между богатыми и бедными и обеспечить всему населению мира достойные условия существования. Они понимают также, что прочный мир и сотрудничество являются необходимыми для этого условиями.

В. Коммонер полностью отдает себе отчет в том, что наступающий «кризис среды» имеет в основном социальные причины и тесно связан с такими важнейшими современными экономическими и политическими проблемами, как проблема предотвращения войны и обеспечения мира, борьба с бедностью и безработицей. Он неоднократно возвращается к тому, что система частного предпринимательства не в состоянии обеспечить выполнение экологических требований.

«В действительности мы теперь знаем, что современная технология, находящаяся в частном владении, не может длительно существовать, если разрушает общественную ценность, от которой она зависит,— экосферу. Таким образом, экономическая система, базирующаяся на частном, а не общественном ведении дел, является неподходящей и неэффективной для того, чтобы использовать эту

жизненно важную общественную ценность. Следовательно, эту систему нужно изменить».

Каждый из упомянутых нами западных ученых, публицистов, общественных деятелей, рассматривающих проблему взаимодействия общества с природной средой, говорит о необходимости изменить характер развития человеческой деятельности, предпринять те или иные меры в стране и в мире в целом, чтобы предотвратить грозящий кризис. Они выдвигают несколько различные цели, которые должно человечество преследовать, предлагают разные способы их достижения, однако странным образом как бы не понимают того, что поставить перед собой цель и тем более достичь ее может отнюдь не любое общество. Устремлению к некоторой «глобальной» цели должно предшествовать согласование интересов и взглядов внутри человечества. Достижение такой цели потребует огромной работы, выполняемой по единому плану, сложной перестройки всей деятельности общества.

Обозначив цель, общество должно иметь долговременную перспективу своего развития. Только в этом случае оно может оценить благоприятность или неблагоприятность в целом ситуации в той или иной области (в частности, состояния природной среды) и в настоящем и в будущем. Далее общество должно иметь возможность планировать и постоянно регулировать развитие своей промышленности, сельского хозяйства и других отраслей практической деятельности на всей планете в целом на длительный срок в соответствии с принятой целью. Тогда оно сможет не только экономно и эффективно использовать все ресурсы Земли, но и культивировать их, принимая в расчет всю их глобальную совокупность. Общество должно иметь возможность использовать в необходимых случаях огромные материальные средства для согласованного проведения работ в различных районах планеты, например для целесообразного изменения природной среды. И наконец, в обществе не должно быть крупных конфликтов, так как любой из них способен нарушить все остальные условия.

Какая же форма общества удовлетворяет этим условиям? Вряд ли можно сомневаться в том, что полностью удовлетворяет этим условиям единое для всей планеты социалистическое общество.

И здесь опять важно отметить, что К. Маркс предвидел необходимость тщательного регулирования взаимодействия человека с природной средой. Он указал, что прогресс науки и техники ведет к такому этапу во взаимодействии человечества с природой, когда люди получают возможность включить в сферу материального производства практически всю внешнюю среду и тем самым активно воздействовать на нее. Маркс писал, что при капитализме это ведет к стихийному, неуправляемому и поэтому опасному вмешательству в природу и что лишь установление общественной собственности на средства производства и на природные ресурсы способно создать наиболее благоприятные условия для сознательного и эффективного взаимодействия человека и природы.

«...социализированный человек,— писал К. Маркс в третьем томе «Капитала»,— ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он как слепая сила господствовал над нами; совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей».

Идею объединения человечества в общей, организованной на научных основах социальной системе разделяют в той или иной форме многие западные ученые, рассматривающие будущее человечества. Однако их рассуждения невольно приводят на память слова Ленина: «...было много мечтателей, подчас гениальных, думавших, что нужно только убедить правителей и господствующие классы в несправедливости современного общественного порядка и тогда легко водворить на земле мир и всеобщее благополучие. Они мечтали о социализме без борьбы».

Кто будет бороться за осуществление идей о рациональном устройстве человеческого общества в западном мире? С каких ближайших конкретных целей следует начать борьбу? Об этом стоило бы подумать их авторам. Им стоило бы обращать внимание и на то, что проблемы экологии по-разному решаются сейчас

и будут по-разному решаться в течение долгого времени в различных государствах.

Советский Союз и социалистические страны уже сейчас представляют собой организованную систему. Здесь как раз и осуществляется то самое «органическое» развитие, к которому призывают Месарович и Пестель. Развитие, сознательно направляемое, в процессе которого, в частности, разрыв между отставшими и передовыми в экономическом и культурном отношении районами каждой страны и между странами социалистического содружества в целом быстро сокращается, а не растет, как в капиталистическом мире. Сокращается за счет ускоренного развития ранее отсталых стран, за счет технической, экономической и иной помощи более передовых.

Здесь открывается перспектива создать оптимальную систему взаимодействия человека и природы. Социалистический строй создает все возможности для рационального использования природных богатств, для сбережения окружающей среды. В нашей стране с первых лет советской власти по инициативе В. И. Ленина систематически проводятся порой очень дорогостоящие мероприятия общего государственного масштаба по охране природы.

В докладе Л. И. Брежнева «Пятьдесят лет великих побед социализма» ясно изложена позиция нашего народа и нашего государства по этому вопросу:

«Бурный рост науки и техники делает особенно актуальной вечную проблему отношений между человеком и природой. Еще первые социалисты считали, что важной чертой общества будущего явится сближение человека с природой. С тех пор прошли века. Построив новое общество, мы воплотили в жизнь многое из того, о чем могли лишь мечтать предшественники научного социализма. Но природа не утратила для нас своей огромной ценности и как первоисточник материальных благ, и как неиссякаемый источник здоровья, радости, любви к жизни и духовного богатства каждого человека.

Обо всем этом хочется напомнить, чтобы подчеркнуть, как важно беречь природу, охранять и приумножать ее богатства. Хозяйское, рачительное использование естественных ресурсов, забота о земле, о лесе, о реках и чистом воздухе, о растительном и животном мире — все это наше кровное коммунистическое дело. Мы должны сохранить и украсить нашу землю для нынешних и будущих поколений советских людей.

Чем разумнее мы будем использовать богатства природы, чем больших успехов добьются промышленность, сельское хозяйство, наука, чем выше станет производительность общественного труда, тем богаче, краше и культурнее будет жизнь советских людей».

Народное хозяйство нашей страны строится на принципе эффективного использования всех имеющихся природных богатств для удовлетворения потребностей развивающегося социалистического общества. Планирование всего народного хозяйства в целом позволяет и обязывает учитывать не только ближайшие, но и отдаленные потребности народа и последствия взаимоотношений с окружающей средой, обеспечивая, таким образом, интересы нынешнего и будущих поколений.

Водные ресурсы нашей страны очень велики. Общий сток рек СССР составляет около 5 тысяч кубических километров в год, или 18 тысяч кубометров на человека. Однако распределен сток по территории страны неравномерно. В европейской части Советского Союза, где сосредоточено около 80 процентов населения и около 80 процентов всего производства, рек не так много и сток составляет лишь около тысячи кубических километров в год, или 3 тысячи кубометров на каждого жителя, что значительно меньше, чем в США, Китае и многих других странах.

Сток наших рек подвержен значительным годовым и сезонным колебаниям — почти 80 процентов его приходится на весенний и летний периоды. Требуются большие преобразования речного стока в масштабе всей страны, чтобы оптимально использовать водные ресурсы. Достижению этой цели призвана способствовать Генеральная схема комплексного использования водных ресурсов. Она является составной частью общего плана развития народного хозяйства. Схема

учитывает план развития промышленности, потребность в орошении засушливых земель, наличие в том или ином районе полезных ископаемых, численность населения и его занятость, пути сообщения и многие другие компоненты.

Генеральная схема систематически претворяется в жизнь. В последние десятилетия полностью преобразованы главные реки европейской территории Советского Союза. Ныне на Волге и Днестре созданы системы водохранилищ и каскады мощных гидроэлектростанций. Воды этих рек пришли на поля многих колхозов и совхозов. Вместе с тем вся речная система европейской территории представляет собой единую транспортную сеть, связывающую Черное, Балтийское, Каспийское и Белое моря.

Большие работы по преобразованию речной сети и орошению засушливых территорий проведены в республиках Средней Азии и в Закавказье.

По мере развития народного хозяйства преобразование речных систем приобретает все большие масштабы. Сейчас, как известно, рассматривается проект переброски части стока северных рек Печоры и Северной Двины в бассейн Волги для пополнения ее стока, поддержания уровня Каспийского моря и дальнейшего орошения засушливых земель.

Рассматривается возможность поворота на юг части стока сибирских рек, воды которых послужат для орошения больших территорий в Казахстане и среднеазиатских республиках.

По долговременному плану развивается сельское хозяйство Советского Союза.

Разнообразие климатических особенностей в различных районах нашей страны позволяет вести многоотраслевое хозяйство. Вместе с тем эти особенности вызывают существенные трудности. Количество осадков, достаточное для основных сельскохозяйственных культур, выпадает на территории СССР в районах, где сосредоточена только одна треть сельскохозяйственных угодий. А две трети угодий расположены в зонах недостаточного увлажнения и время от времени подвергаются засухам. В других районах увлажнение избыточно. Поэтому рациональное ведение сельского хозяйства требует, чтобы не только тщательно учитывались климатические особенности и водные ресурсы, но и проводилась мелиорация земель — их орошение в одних районах, осушение в других. В нынешней пятилетке завершается орошение 3 миллионов гектаров засушливых земель и осушение 5 миллионов гектаров заболоченных земель.

Для защиты сельскохозяйственных растений от суховея разработана и осуществляется система лесопосадок. Лесные полосы, как показывает расчет и опыт, эффективно защищают сельскохозяйственные культуры от пыльных бурь, сохраняют влагу и задерживают снег. Особенно ярко защитные свойства лесных полос проявились во время очень сильных пыльных бурь зимы 1969 года. Лесные полосы, посаженные в 50-х годах, отлично выполнили свою роль, и поля, защищенные ими, практически не пострадали.

В течение девятой пятилетки создается более миллиона гектаров новых защитных лесонасаждений, засаживается лесом около 1,2 миллиона гектаров оврагов и берегов рек, закрепляется и улучшается почва на территории в десятки миллионов гектаров. На эти меры израсходованы значительные средства.

Большое внимание уделяется оптимальному использованию леса. Наша страна обладает самыми большими в мире запасами древесины. Территория, занятая лесными массивами, огромна. Здесь организована охрана леса, ведется борьба с лесными пожарами. Мы еще не используем пока весь естественный прирост древесины, однако в некоторых районах возникла необходимость организовать восстановление лесов в местах их рубки.

Проблемам рационального природопользования в нашей стране уделяют постоянное внимание партия и правительство, вся советская общественность. Ни одно предприятие в Советском Союзе не может быть сдано в эксплуатацию, пока не завершено строительство системы очистных сооружений. Постепенно вводятся в действие очистные сооружения на старых предприятиях, заводах, построенных в военное время или в грудный период первых послевоенных лет.

В связи с этим, несмотря на быстрый рост промышленности, а следовательно, и ее отходов, в природу попадает все меньше вредных веществ. Сейчас 70 процентов сточных вод промышленных предприятий подвергаются очистке (семь лет назад только 43 процента).

В марте 1972 года вышло специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, предусматривающее конкретные и очень серьезные мероприятия по очистке в короткие сроки от загрязнения рек Волги и Урала. В бассейне Волги сосредоточено большое количество разнообразных промышленных предприятий, многие из них, построенные несколько десятилетий назад, не имели очистных сооружений. Сейчас постановление партии и правительства претворяется в жизнь.

В нашей стране взяты под охрану государства особо ценные природные объекты. К ним относится, например, озеро Байкал. Всем известно, что сохранность и чистота этого уникального водоема волнует широкие круги общественности нашей страны. Поэтому не удивительно, что проблема Байкала вызвала большую дискуссию в печати.

Постановлениями Советского правительства прежде всего были четко определены цели, преследуемые государством в отношении района Байкала: сохранить уникальный природный комплекс и вместе с тем вести всю возможную в этих условиях эксплуатацию природных богатств. Был намечен и ныне осуществляется комплексный план развития народного хозяйства не только на самом озере и его побережье, но и в огромном районе, охватывающем, по существу, весь бассейн Байкала.

Прежде всего приняты необходимые меры для предотвращения прямого вредного влияния на режим Байкала. Заводы, расположенные на берегу озера и в устье реки Селенги, снабжены специально разработанными очистными системами, в которых совмещаются механические, химические и биологические способы очистки. По-видимому, эти системы самые совершенные в мире. Их сооружение обошлось почти в четверть стоимости самих заводов, но зато при очистке сточных вод содержание в них вредных и загрязняющих элементов оказывается ниже предельно допустимых концентраций, принятых в санитарной и рыбоохранной службах. В ближайшее время будет завершено строительство очистных систем и на предприятиях, расположенных в среднем течении Селенги и других рек, впадающих в озеро. Перестроено все лесное хозяйство в районе Байкала, ныне полностью прекращен молевой сплав по всем впадающим в озеро рекам. Министрство лесного хозяйства скоро завершит уборку погрузившегося в прежнее время на дно рек леса.

Приняты и иные меры против загрязнения Байкала, но это лишь первые шаги. Сейчас Академия наук СССР и другие научные учреждения наметили обширный план срочных исследований, в числе которых — оценка нынешнего гидрхимического баланса бассейна озера и расчет его изменений при различных вариантах развития народного хозяйства, а также оценка влияния этих изменений на флору и фауну Байкала.

Результаты этих исследований дадут возможность проверить, достаточны ли принятые меры, и позволят планировать дальнейшее развитие народного хозяйства на научной основе во всем районе озера. Советские ученые и хозяйственные работники считают, что комплекс работ на Байкале, не имеющий прецедента в мире, позволит не только решить проблему рационального взаимодействия народного хозяйства с природной средой в этом районе, но и послужит примером для планирования крупных хозяйственных мероприятий, воздействующих на режим окружающей среды, в других районах страны.

Большое внимание уделяется в СССР и проблемам борьбы за чистоту атмосферферы. Пока что они также сводятся в основном к совершенствованию очистных сооружений. Несмотря на быстрый рост производства, развитие и усовершенствование очистных сооружений позволят к 1980 году уменьшить выброс пыли, углеводородов, окиси углерода по сравнению с уровнем 1970 года. Ныне во мно-

гих крупных промышленных центрах организована служба систематического контроля и оперативной информации, дающая предприятиям указания о необходимости снизить количество выбросов при неблагоприятных метеорологических условиях — когда, например, дым предприятий не может быть рассеян ветром.

Выполняя такие указания, предприятия без ущерба для своей работы в период неблагоприятных метеорологических условий значительно снижают выброс загрязняющих веществ.

Однако применяемые ныне системы очистных сооружений уже не могут считаться достаточными. Основное техническое решение проблемы чистоты воздуха и воды специалисты видят в исключении выбросов и в применении замкнутых технологических циклов. В системах отопления, например, это достигается благодаря использованию в качестве топлива газа. Так, после перехода на газ централизованной теплосети Москвы воздух в городе практически не загрязняется тепловыми станциями. Над тем, чтобы столь же успешно решить и остальные проблемы охраны среды в нашей стране, работают многие специалисты различных отраслей знания. Можно не сомневаться, что их труд принесет значительные результаты.

Социалистический строй создает условия, необходимые для оптимизации отношения общества к природе, и опыт развития народного хозяйства в нашей стране это подтверждает. Однако все мы далеко еще не удовлетворены достигнутым. Об этом напоминает постоянная общественная критика случаев нерационального использования ресурсов или загрязнения природной среды в нашей стране. Такие случаи вызываются разными причинами. Здесь нужно отметить еще бытующую беззаботность в отношении к природе в связи с огромными нетронутыми просторами, исключительными природными богатствами и сравнительно небольшим населением нашей страны. Определенную роль играют ошибки и недочеты в планировании. А иногда специалисты пока еще не могут правильно рассчитать все последствия проводимых мероприятий. Но, пожалуй, основная причина тех случаев, когда нарушается принцип оптимальных отношений с природой, — отсутствие необходимых средств. В первые десятилетия существования Советского государства, а также в период Великой Отечественной войны и в трудные послевоенные годы ограниченность в средствах, необходимых для удовлетворения насущных нужд страны, и прежде всего ее обороны, заставляла подчас в кратчайший срок ставить на службу нашему хозяйству те или иные ресурсы. При этом нередко не оставалось ни времени, ни возможностей для того, чтобы детально взвесить и предотвратить все негативные последствия строительства того или иного предприятия, освоения определенного района или месторождения.

По мере укрепления и развития экономики нашей страны вопросам оптимизации отношений с природой уделяется все большее внимание. Сегодня, достигнув высокого технического уровня, страна вместе с тем имеет огромные резервы пространства и всех природных богатств, обеспечивающие широкие возможности и для роста населения, и для дальнейшего существенного повышения его жизненного уровня. Исключительно благоприятное положение СССР в этом отношении приобретает огромное значение на ближайшие десятилетия.

Лишь немногие развитые капиталистические страны — например, Австралия и Канада — имеют достаточные резервы пространства и природных ресурсов. Но рациональное использование природных богатств и взаимодействие с природной средой там, как уже отмечалось, существенно затрудняются частной собственностью на ресурсы и средства эксплуатации.

Почти все развивающиеся страны располагают значительными резервами природных богатств и пространства. Использование современной техники, помощь социалистических стран открывают перед ними возможность для создания рациональной системы взаимодействия с природной средой при прогрессивном социальном строе.

На последнем месте в рассматриваемом аспекте мы должны поставить Соединенные Штаты, большинство капиталистических стран Западной Европы и

Японию. Они уже в значительной мере использовали природные ресурсы, находящиеся на их территории. Загрязнение среды достигло здесь огромных размеров, особенно в Соединенных Штатах. Около половины всех видов промышленных выбросов, которые попадают сегодня в атмосферу, в моря, реки и озера Земли, приходится на долю заводов и фабрик США.

По-видимому, различия в запасах природных ресурсов, которыми располагают те или иные государства, не могут не влиять на характер их дальнейшего экономического развития, на их отношение к ресурсам — своим и всего мира в целом, — на их политику. Именно острота экологических проблем в США определяет активность этой страны в глобальной постановке вопросов природной среды, в изучении природных ресурсов мира.

Проблемы экологии в наши дни стали одним из важных аспектов идеологической борьбы.

Здесь уже шла речь и о «неосознанных социалистических тенденциях», говоря словами К. Маркса, и о высказываемых крупными западными учеными положениях по поводу принципиальных и практических преимуществ социалистического строя в организации рационального взаимодействия общества с природной средой.

Идеологи «свободного мира» не могут равнодушно выслушивать такого рода суждения. Например, журналист и юрист Маршалл Голдман в своей книге «Издержки прогресса. Загрязнение природной среды в Советском Союзе», посвященной, кстати сказать, озеру Байкал, старается показать, что загрязнение окружающей среды в СССР ничуть не меньше, чем в США.

«Многие из нас сомневаются в наличии разрушения природной среды в социалистической стране, подобной СССР, более того — среди консервационистов возникла легенда, что разрушение природной среды не может иметь место в обществе, где средства производства принадлежат государству», — отмечает Голдман и всей своей книгой пытается опровергнуть подобные взгляды. Для этого он использует критические выступления советской печати, беседы с достаточно компетентными специалистами, а когда материала явно не хватает, просто искажает факты. Однако такие «полемиические приемы» не достигают цели. Факты свидетельствуют, что это отнюдь не «легенда».

То, что создание общемировой социалистической системы исключает опасность какого-либо кризиса во взаимодействии человечества с природой, понимается, не новая мысль. Она высказывается в различных формах едва ли не каждым исследователем, рассматривающим те или иные аспекты взаимодействия человека и окружающей среды с марксистских позиций. Она лежит в основе оптимистической концепции о безграничных возможностях развития человечества, свойственной марксистско-ленинскому учению об обществе.

Однако нельзя откладывать национальные и международные мероприятия по упорядочению взаимодействия человечества и природы. Переход от стихийно развивающейся к сознательно направляемой культуре отношения к природной среде в глобальном масштабе должен произойти в самое ближайшее время. Непременное условие для этого — мирное сосуществование государств с различным социальным строем. Сама необходимость такого перехода — серьезный довод в пользу мирного сосуществования и сотрудничества. Здесь проявляется тесная связь задачи правильной организации взаимодействия с природной средой с задачей борьбы за прекращение гонки вооружений, за разоружение, за мирное сосуществование и сотрудничество государств с различным социальным строем.

Советский Союз активно сотрудничает с другими государствами в охране природной среды.

Это сотрудничество, во-первых, касается общих пограничных природных объектов. Так, все государства, расположенные по берегам Балтики, договорились о том, как предотвратить загрязнение моря, а в дальнейшем приступить к его очистке. Подобное же соглашение заключено СССР с Ираном в отношении Каспийского моря. Заботой о сохранении приграничных природных объектов про-

никнуты и соглашения Советского Союза с Финляндией, Польшей, Чехословакией, Венгрией и Румынией.

Сотрудничество в решении проблем экологии включает обмен информацией и совместные научные исследования методов контроля за состоянием природной среды, разработку способов и устройств для очистки промышленных отходов, создание безотходных технологических процессов. Соглашения о таком сотрудничестве подписаны между всеми странами — членами СЭВ, между Советским Союзом и США, Францией, Швецией, Великобританией.

Советские ученые и инженеры активно участвуют в работе многих международных, межправительственных и научных организаций, занимающихся вопросами охраны среды и рационального использования природных ресурсов.

Уже появляются первые плоды их деятельности — например, недавно заключено международное соглашение о предотвращении загрязнения открытого моря отходами, сбрасываемыми с кораблей.

Выше говорилось о целенаправленных изменениях состояния природной среды. Давно известно, что всякое достижение науки может быть использовано не только на пользу, но и во вред человеку. Это относится и к целенаправленному воздействию на окружающую среду. С 1966 по 1972 год, как следует из опубликованных в 1974 году документов конгресса США, Пентагон в строгом секрете проводил систематические опыты по военному применению искусственно стимулированного дождя в Индокитае. «Экспериментаторы» ставили своей целью удлинить распутицу на грунтовых дорогах, названных «тропой Хо Ши Мина», по которым шло снабжение патриотических сил, сражавшихся с войсками сайгонского режима.

Мировая общественность, в том числе и научные круги США, с пониманием и поддержкой отнеслась к инициативе нашей страны, представившей на XXIX сессию Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1974 года проект конвенции, запрещающей применять средства воздействия на природную среду в военных и иных враждебных людям целях.

Генеральная Ассамблея ООН подтвердила необходимость заключения подобного соглашения и поручила Комитету по разоружению рассмотреть эту проблему. Одновременно наша страна и США провели двусторонние переговоры по тому же вопросу.

Все это еще раз напоминает, что борьба за природную среду, за экономное и рациональное использование природных богатств теснейшим образом связана с борьбой за мир.

Прекращение гонки вооружений освободило бы значительные средства, которые необходимы для того, чтобы перестроить промышленность ряда стран, уменьшив или совсем сведя на нет вредное воздействие на природу отходов производства. Эти средства очень нужны человечеству и для культивирования природных ресурсов.

Выполнение программы мира, выдвинутой в Отчетном докладе товарища Л. И. Брежнева, одобренной XXIV съездом нашей партии и настойчиво проводимой в жизнь нашим правительством, совершенно необходимо для организации гармоничного взаимодействия человечества и природной среды. Понимание этого дает новые дополнительные стимулы для борьбы за мир и социализм.

Новые перспективы международного сотрудничества по защите окружающей среды открывает историческое Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, закончившееся в Хельсинки. В своем выступлении товарищ Л. И. Брежнев назвал важнейшим результатом совещания то, что «международная разрядка во все большем объеме наполняется конкретным материальным содержанием».

Подписав «хартию мирного сосуществования» — заключительный акт совещания, — главы тридцати трех европейских государств, а также США и Канады, взяли на себя конкретные обязательства по широкому кругу вопросов защиты природы и рационального использования ее ресурсов. В заключительном документе определены также основные направления международного сотрудничества

по охране окружающей среды. Мы уверены в том, что это важный шаг в сторону сознательного отношения к природе.

Я хотел бы закончить эту статью замечательными словами В. И. Вернадского: «Исторический процесс на наших глазах меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс — всех и каждого и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилом его представлений о справедливости.

Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого... Идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы. Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим».

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

ИННА ЧЕЖЕГОВА, МИХАИЛ ДОНСКОЙ

В ГОСТЯХ У ДОБРОГО КОРОЛЯ РЕНЕ

Когда на протяжении многих лет занимаешься литературным переводом, когда профессионально изучаешь географию и историю, литературу и искусство, быт и нравы страны, с которой ты завязал крепкую заочную дружбу, что может быть радостнее очного с нею знакомства?

Вот такая радость выпала нам; в один прекрасный весенний день мы впервые ступили на землю Франции. До той поры она была для нас несколько абстрактной, туманно-прекрасной родиной Расина и Мольера, Скаррона и Реньяра, Бодлера и Гюго, Арагона и Гильвика... И вот она живая, не книжная, в сиреневой дымке раннего апрельского утра, в зелени лугов и в заводской копоти, в задумчивой тишине перелесков и деловом шуме великой своей столицы — вот она перед нами..

Прошло время, и впечатления этого волнующего, длившегося два с половиною месяца свидания отстоялись, явилась потребность поделиться всем виденным. Разумеется, наши наблюдения ограничены кругом наших профессиональных интересов: Франция была любопытна нам прежде всего своей историей, культурой и бытом; именно с этими аспектами французской действительности, представшей перед нами в живом, неожиданном и вместе с тем узнаваемом обличье, мы и хотели бы познакомить наших читателей.

Благодаря гостепримству и энергии наших друзей, анжуйского поэта Жана Бенуа и его супруги, нам удалось познакомиться со многими городами и департаментами Франции. Мы жили в Париже и Анже, в Бордо и Тулоне, в древней папской столице Авиньоне и в провансальской деревушке, где погребен Альбер Камю. Мы изъездили Анжу и Турен, Сентонж и Прованс... А главное — познакомились со многими и многими французами и хотя волею судеб не часто выходили из круга средней интеллигенции, но зато имели возможность видеть своих собеседников в их естественной социальной и домашней обстановке, общались с ними на их языке и не смущали их журналистским блокнотом и кинокамерой.

НА ПОРОГЕ

Сборы начались задолго до того, как друзья пришли на Белорусский вокзал в Москве помахать нам на прощание платочками. Несколько месяцев сладкого предвкушения, блаженной озабоченности, обостренного любопытства: чем живут сегодняшние французы, о предках и старших братьях которых мы знаем куда больше, чем о них самих? Ну что ж, время еще есть — отныне наши досуги заполнены изучением карт и справочников, перелистыванием журналов и газет.

Случилось так, что в октябре 1970 года мы впервые попали в Узбекистан. Древний Самарканд, праздновавший той осенью свое 2500-летие, облитый золотыми лучами уже не испепеляющего солнца, принаряженный ко дню своего рождения, был прекрасен. Мы восхищались сокровищами Афрасиаба, вглядывались в сказочные орнаменты мавзолеев Шахи-Зинда, любовались бирюзовым куполом Гур-Эмира и просто бродили по улицам и площадям города. На площади Регистан, по

соседству с семью камнями средневековых медресе, мы увидели молоденькое айвовое деревце: всего две недели назад оно было посажено здесь высоким гостем Советского правительства Жоржем Помпиду. Во время церемонии Н. В. Подгорный выразил уверенность, что визит президента Франции в Советский Союз принесет, подобно этому дереву, «хорошие плоды для народов обеих наших стран».

Советско-французский протокол, подписанный в Кремле 13 октября 1970 года, укрепил узы дружбы и сотрудничества между двумя народами. И достаточно было бросить хотя бы беглый взгляд на французскую прессу того времени, чтобы убедиться во всеобщем живом интересе к советской действительности. Конечно, интерес этот проявлялся по-разному. Если «Юманите», «Франс нувель», журнал «Франция — СССР» старались удовлетворить пытливого и подготовленного читателя обстоятельными статьями об экономике и политике нашей страны, о жизни трудящихся многонационального Советского Союза, то издания, рассчитанные на обывательские вкусы, больше смаковали подробности сервировки обеда в Кремле и завтрака во французском посольстве на улице Димитрова. Так или иначе, каждый в меру своего вкуса и своих сил — кто обсуждая перспективы сотрудничества в области изучения космоса, кто умиляясь по поводу того, что Л. И. Брежневу пришлось по вкусу парижские батоны, — но французские журналисты в эти дни проявляли единодушие в одном: для них не было темы более важной, чем диалог СССР и Франции.

Идет время. Многого изменилось в мире за прошедшие годы. Но дружба между двумя великими странами, лежащими на крайнем востоке и крайнем западе Европы, становится лишь крепче. Регулярные встречи на высшем уровне между руководителями Советского Союза и Франции стали с 1970 года доброй традицией.

Но узы между народами сплетаются из волокон разной толщины, и, готовясь к нашей поездке, мы не могли не ощущать, что в этом сложном сплетении какая-то тоненькая ниточка протягивается от нас к одной из французских семей...

Раннее апрельское утро. Мы выходим на перрон парижского Северного вокзала. Мы на пути к друзьям. Приедем — и начнутся расспросы о здоровье, о делах, о детях и внуках... Но пока мы еще только в Париже и нам не терпится задать вопрос первому встречному парижанину: «Коман са ва?»

Первым встречным оказывается таксист, который везет нас и наши чемоданы в гостиницу, — немолодой плотный сангвиник в клетчатой кепке с красным помпоном. Судьба нам благоприятствует: первый парижанин, встреченный нами в Париже, симпатичен и словоохотлив. Включив счетчик, старый шофер тут же выключает автомобильное радио — явно предпочитает беседу с чужестранцами синкопам оркестра «ролинг-стоунз». Дикция его вполне приемлема, к тому же он время от времени вспоминает, что мы издалека (Ленинград — о-ля-ля!), и сбавляет скорость речи. Порядочное расстояние и возникающие порою уличные пробки позволяют беседе перейти за рамки обмена сведениями о погоде.

Наш знакомец обнаруживает немалую осведомленность в советской жизни. Во время войны был танкистом, потом маялся в немецком плену. Бывший убежденный сторонник де Голля, сейчас он ближе по своим политическим симпатиям к социалистам, хотя и не принадлежит ни к какой партии. Читает «Юманите» и время от времени наш журнал «Советский Союз». Его вопросы, адресованные нам, охватывают широкую полосу — от международных проблем до правил уличного движения в наших городах. Нам, в свою очередь, наш первый парижанин сообщает, что жить кое-как можно, зарабатывает он неплохо, но все дорожает, особенно квартиры. Хорошо еще, что он давний квартирант-наемщик и платит за квартиру (на бульваре Менильмонтан) по нынешним временам не так дорого — по старому контракту, но поговаривают, что дом будет сноситься, а уж тогда...

Париж — да, Париж (в ответ на наши восторженные восклицания) красавец город, но дышать в нем все труднее, чахнут водоемы (а он страстный рыболов), меняются привычные силуэты кварталов — вот полюбуйтеесь хоть на «Монпарнасскую башню» (тут следовало выражение, после которого шофер, изящно приподняв кепку, добавил «пардон, мадам»), в общем, цивилизация наступает со всех сторон. А современная молодежь! — бог знает на каком языке они говорят, только не на французском: все эти

сокращения, американские словечки, просто уши вянут, когда крутишь баранку и прислушиваешься к их болтовне! Впрочем, его сыновья не такие, они парни серьезные. один работает на «Рено», недавно сам стал отцом, а младший — подручный в небольшом гараже, присматривается к делу.

Забастовки? Да, они вспыхивают то и дело то тут, то там. А разве иначе рабочий человек может чего-нибудь добиться от хозяев? И, подруливая к подъезду отеля, темпераментный крепыш заключает:

— Нет, нам нужен Народный фронт, как когда-то! Даже если мы не будем в большинстве, пусть хозяева побаиваются и умерят свои аппетиты. Спасибо и хорошего путешествия, товарищи!

..Вечером мы сидим вчетвером — с Пьером и Мадлен — в одном из уютных ресторанчиков Латинского квартала. С Пьером мы познакомились десять лет назад на борту советского теплохода. Он старый боец Сопротивления, коммунист с тридцатилетним стажем, не раз бывал в нашей стране. Уроженец Парижа, Пьер влюблен в родной свой город, он увлеченно рассказывает нам малоизвестные эпизоды его истории: из эпохи революции 1789 года (нам стоит посмотреть спектакль «1789», который идет в Венсенском лесу в постановке Ариадны Мнушкиной), из героических дней Коммуны (советует прочесть книгу Жоржа Сориа «История Коммуны»), из славной летописи Сопротивления. Пьер, поощряемый одобрительной улыбкой молчаливой Мадлен, дает нам кучу советов, что нужно посмотреть в Париже, чертит на плане города наши будущие маршруты. Но вдруг помрачнеет, отбрасывает карандаш. За последние годы Париж необратимо уродуется. Обидно!

— Конечно, Париж не музей, он живой город. Старое уходит, возникает новое — естественный процесс. Но слишком часто, увы, городские власти пасуют перед напором капитала. Доходные дома и конторские небоскребы растут как грибы, беспорядочная застройка губит сложившиеся архитектурные ансамбли.

Парижские фотографы, профессионалы и любители, объявили своеобразный «марш протеста». Фотоснимки-обвинения часто появляются в периодической печати: то объектив фиксирует дом-коробку, видный в пролете Триумфальной арки на площади Звезды, то собор Нотр-Дам оказывается снятым на фоне строящегося делового небоскреба. Журнал «Галери», посвященный вопросам литературы и искусства, объявил фотоконкурс под девизом «Таким был Париж в 1970 году». Целью конкурса было запечатлеть для потомков те уголки Парижа, которые скоро уйдут в небытие. Составленный из лучших фотоматериалов, альбом выпущен осенью 1971 года как специальный номер журнала (№№ 107—108).

Как быстро бежит время! А ведь нам еще столько нужно расспросить. Кто как не Пьер поможет нам разобраться: чем живет современная Франция, Франция после 1968-го? Позднее мы имели много случаев убедиться, что май 1968 года был для подавляющего большинства французов знаменательным рубежом.

— Нет, — восклицает Пьер, — трудовой народ Франции не забыл манифестацию двадцать девятого мая! В тот день парижский рабочий подтвердил свою силу и достоинство. Мы не позволили тогда и не позволим впредь втянуть нас в бессмысленные авантюры.

И, рассказывая о безответственных выходках «гошистов», Пьер напоминает предостережение Антонио Грамши о том, что революционные силы, не имеющие точно сформулированной программы, оказываются порою на службе у реакции.

— От этих рыцарей «левой» фразы сейчас отвернулись не только рабочие, но и массы учащейся молодежи. Тогда, в шестьдесят восьмом, пролетариат не поддавался на провокации демагогов. В то же время, проявив волю к борьбе, он смог добиться улучшения условий труда. Правда, хозяева заводов и предприятий пытаются теперь отобрать у рабочих то, что тогда были вынуждены уступить. В их руках экономические рычаги: налоговая система, аппарат регулирования (точнее, повышения) цен.

— А рабочие?

— Конечно, отвечают забастовками. И зачастую одерживают победы. Впрочем, — добавляет Пьер, — для стачек есть и другие причины, не всегда спор с хозяевами идет из-за одной зарплаты. Так, например, болезнью современного производства (это в рав-

ной степени относится и к частным и к государственно-капиталистическим предприятиям, таким, как, скажем, автомобильная фирма «Рено») является бесперспективность рабочего средней квалификации: руководителей фирмы меньше всего интересует его профессиональный рост. Человек может тридцать лет стоять на одной и той же операции конвейера. Забастовка иногда представляет собою протест против антигуманной организации труда, против превращения рабочего в винтик производственного процесса. Не забудьте,— улыбается Пьер,— то, о чем вы читаете в книгах и газетах, схватки между трудом и капиталом, для нас самая доподлинная повседневность. Рабочий должен быть все время начеку, чтобы не дать себя облапошить. И ведь я говорю о французцах, а между тем во Франции сейчас более двух миллионов рабочих — пришельцев из менее индустриально развитых стран: Испании, Португалии, бывших французских колоний в Африке. Их материальное положение много хуже, а сознательность и опыт классовой борьбы значительно ниже. Импорт рабочей силы вообще немаловажный фактор, влияющий на обстановку в стране. Майские события,— заключает Пьер,— многим открыли глаза. Теперь редкий рабочий не понимает, какой огромной силой является пролетарская организованность.

Время позднее, пора уже расходиться, и для того, чтобы закончить разговор, в котором нам выпала скромная и благая честь слушателей, мы по русскому обычаю провозглашаем прощальный тост, подхватывая мысль, витающую вокруг нас весь нынешний день:

— За единый фронт!

Стоящий неподалеку гарсон в фартуке до пят, обхватывающем его так, что он похож на свернутый блин, лукаво подмигивает. Мы надеемся, что звон сдвинутых чetyрех бокалов не дает повода обвинить нас во вмешательстве во внутренние дела дружественной державы.

Только к полуночи мы добираемся до нашей маленькой гостиницы. Отели во Франции, как и коньяки, тем дороже, чем больше звездочек на их этикетке. Признаемся, что у нашей гостиницы созвездие поскромнее, чем у пятизвездных «Ритца» или «Крильона». У дверей нас дружески приветствует ночной портье мсье Кристоф. Вручая нам ключ от номера, он с благожелательным удивлением встречает просьбу о кипятке:

— Эти отважные русские даже перед сном пьют чай!

Щедро наполнив наш термос, Кристоф, конечно, первым делом осведомляется, как нам понравился Париж. Во-вторых, правда ли, что скоро Францию вновь посетит «господин генеральный секретарь»?

— Посоветуйте ему остановиться в нашем отеле. Я почту большой честью вручить ему ключ от номера. Ну, а если он выберет другую резиденцию — что ж, в любом случае мы все ему скажем: «Добро пожаловать!»

ИВАН ИВАНОВИЧ И ЖАКЛИН ПАРВЛОНА

Монпарнасский вокзал в Париже — последнее слово строительной техники: двери (с фотоэлементами) автоматически раздвигаются перед вами, эскалаторы вас поднимают, широкий пандус¹ позволяет автомобилям подъехать чуть ли не к самому перрону. А все-таки жаль, что современная стерилизованная архитектура бесцеремонно вломилась в старый Монпарнас — квартал артистической богемы, о котором мы столько читали у французов, у Хемингуэя, у Эренбурга. Знаменитый бульвар Монпарнас раздроблен на куски возникающим стеклянno-бетонно-алюминиевым архитектурным конгломератом, центром которого является гигантский деловой небоскреб «Монпарнасская башня». Видная чуть ли не из любой точки Парижа, она вызывает у парижан вопли негодования не менее громкие, чем вызывала лет восемьдесят назад башня Эйфеля. Что-то будут говорить парижане о «монпарнасском чудище» в середине XXI века?

На месте прославленной «Ротонды» — близкий коммерческий кинотеатр; не менее известный «Куполь» еще существует, но собираются в этом дорогом ресторане не столько художники и поэты, сколько туристы, тщето высматривающие среди наиболее

¹ Тут только мы обратили внимание на этимологию этого слова: «pente douce» — плавный подъем.

богемистых посетителей будущего Модильяни или потенциального Аполлинера. Утешаемся тем, что можем пока видеть негронутыми кафе «Клозери де лила», памятник маршалу Нею, Бельфорского льва...

Наперекор наступлению небоскребов у самого вокзала дерзко окопалось маленькое, почтенного возраста бистро из числа принадлежащих фирме «Дюпон». С нахальством шавки, «что лает на слона», не тушуясь перед гигантской неоновой надписью «ВОКЗАЛ МОНПАРНАС», бистро заявляет о себе белыми буквами на пунцовой маркизе: «ДЮПОНПАРНАС». Тут же, чуть помельче, рифмованная похвальба: «Chez Dupont tout est bon». Срабатывает переводческая привычка, и мы вольно перекладываем этот лозунг на русский язык: «Нет лучше пончика, чем у Дюпончика».

С Монпарнасского вокзала отправляются поезда на запад — в Бретань и Вандею. Нантским скорым мы едем в город Анже, некогда столицу герцогов Анжуйских, ныне главный город департамента Мен-и-Луара. В Анже мы приглашены друзьями — поэтом Жаном Бенуа и его супругой Жаклин. Там нас давно ждут, уже разработана подробная программа визитов и знакомств, ближних экскурсий и дальних поездок. Но так трудно расстаться с Парижем!..

В апреле Париж непередаваемо хорош: воздух по-весеннему — не прозрачен, нет, а скорее окрашен, и жемчужно-лиловый ровный свет (недаром излюбленный цвет Парижа — лиловый) плывет по городу, омывая здания, поднимаясь над Сенной, и голые еще ветви деревьев четко и черно вторгаются в это ровно льющееся свечение. Солнце греет почти по-летнему, лопаются почки каштанов, оживают после зимней спячки кафе, выставляя столики на тротуар, будто улитка, высовывающая из раковины рога. Сад Тюильри просматривается насквозь: еще нет зелени, которая летом разгорается его на строго геометрические, разнофигурные участки; плотным кольцом стоят вокруг фонтанов железные стулья: парижане наслаждаются первыми, но уже горячими солнечными лучами, а ребятишки в ярких курточках предаются занятию, множество раз описанному всеми туристами, — пускают разноцветные кораблики по воде. И вдоль Елисейских полей течет толпа разноплеменной молодежи, прикатившей в Париж на пасхальные каникулы...

Нантский скорый, попыхивая мазутным дымом (далеко не все железные дороги Франции электрифицированы), мчится почти без остановок, пересекая Иль-де-Франс, Турен, Анжу. Пассажиров немного. В нашем (шестиместном) купе второго класса, кроме нас, еще молодая пара. Они углублены в чтение парижских журналов, а мы не отрываясь любимся зеленым холмистым Туреном, пробегающим за окном. Когда журналы просмотрены, а мелькание пейзажей нас уже притомило, времени для разговора остается немного. Мы лишь успеваем узнать, что наши спутники едут в отпуск в Бретань, на ферму родителей.

Ферму в Бретани мы потом увидели. Не знаем, какова была та, куда направлялись наши попутчики, но эта — недалеко от города Динана — лежала на нашем пути, когда под конец поездки мы попали ненадолго в Бретань. Ферма довольно большая — двадцать гектаров яблонь, не считая подсобного хозяйства для внутренних нужд. Фермеры, молодые супруги Жан-Пьер и Жоржетт, радушно принимали нас в своем старинном деревенском доме. Нам показали ряды яблонь, опутанных нейлоновой «паутиной» (от птиц), сельскохозяйственные машины, в том числе и для сортировки яблок по величине (крупные — фруктовым оптовикам, мелкие — на сдир), амбары для хранения продукции. Жан-Пьер, получивший агрономическое образование в Париже, показывал свое достояние охотно, но особенно не бахвалился. А потом мы узнали, что он сводит концы с концами лишь благодаря помощи тестя, известного в Динане врача-гинеколога. Каковы же перспективы? Что будет, когда гинеколог уйдет на пенсию? Скорее всего ферма будет «съедена» какой-нибудь крупной акционерной компанией, которые постепенно прибирают к рукам мелкие владения, не выдерживающие конкуренции.

Колеса по дорогам Франции, мы не раз видели плакаты возле сельских участков: «Продается», «Продается», «Продается»...

Однажды — это было в Вандее, вблизи атлантического побережья, — мы отправились на болотистый луг, где вдоль каналов росли удивительные желтые ирисы. И неожиданно наткнулись на маленькую ферму. Приветливая старуха, улыбаясь щербатым ртом, показала свое жилище — убогую мазанку, где хозяйская комната располагалась под

одной крышей с хлевом. В хлеву лежал новорожденный теленок, по двору брела вереница утят, в закутке хрюкала свинья. Две лошади и три коровы паслись поблизости на лугу. Все было как сто лет назад. Однако, заглянув в горницу, мы увидели приметы современности: газовую плиту и холодильник. С холодильника вспорхнула и вылетела во двор ручная ласточка (французы дружат с птицами, и расхаживающая по столу сорока или ласточка не редкость).

Кроме старухи и работавшего поодаль старика, мы увидели трех ребятшек — внуки приехали на лето. А дети? Дети сюда жалуют нечасто: сын — железнодорожник, дочь — официантка в парижском бистро. Нет, в деревню они не вернуться, им здесь скучно. Да и заработать крестьянским трудом на жизнь все труднее. Молоко возить в город невыгодно, раз в неделю они возят на рынок масло, но прибыль грошовая. А домишко разваливается, вот надо чинить...

Увы, и над добротным домом бретонского фермера, который держит постоянного работника и нанимает в сезон пять-шесть сборщиков фруктов, и над лачугой в вандейском болоте одинаково повис дамоклов меч — если не дни, то годы их сочтены.

Однако мы отвлеклись.

Между тем нас уже встречает маленький анжейский вокзал Сен-Ло, отстроенный заново после войны. Поезд, выпустив нас и еще с десятков пассажиров на перрон, продолжает свой путь, а мы после нескольких минут встревоженного ожидания (даже в Западной Европе дамы не умеют не опаздывать на randevu) оказываемся в объятиях слегка запыхавшейся Жаэлин.

Но не пора ли познакомить читателя с нашими друзьями?

Жан Бенуа... Впрочем, дадим слово сомюрской газете «Западный вестник», которая по случаю поэтического праздника в городке Дуэ-ла-Фонтен (о нем мы еще расскажем) писала: «Жан Бенуа — один из самых значительных и самых скромных анжуйских поэтов. Он опубликовал три сборника стихов; его «Элегии» вышли с предисловием Поля Валери и были увенчаны призом Французской Академии Поэма «Мачты» удостоилась похвал самых известных критиков».

Поэма «Мачты» была вдохновлена знаменитой статьей Фредерика Жолио-Кюри, предостерегавшей мир об атомной опасности. Поэма, написанная еще до взрыва в Хиросиме, опубликована в местной газете в 1945 году, а в 1956 году вышла отдельным изданием. Вот что писал автору Фредерик Жолио-Кюри:

«76, авеню Ле Нотр
Антони (Сена)

28 мая 1956.

Дорогой господин Бенуа!

Весьма Вам признателен за столь любезно Вами присланную книжку «Мачты». Я был счастлив узнать, что написанная мною в 1937 году статья о возможности цепной ядерной реакции послужила источником Вашего поэтического вдохновения (боюсь, это утверждение несколько нескромно с моей стороны). Я не один раз перечел Вашу поэму и нахожу, что она очень хороша.

Я ознакомил с нею своих ближайших друзей.

У меня куда больше друзей среди поэтов, живописцев и скульпторов, чем среди ученых; общаясь с ними и соприкасаясь с их творчеством, мы с женою черпаем силы и, осмелюсь сказать, вдохновение для научных исследований — ибо Наука прекрасна. Она доставляет, когда ей служишь, такие же радости, а иногда, признаться, такие же разочарования, как те, что испытывает художник. Она живая, как искусство. Благодарю Вас от души.

Ф. Жолио-Кюри».

И сегодня, через столько лет после этого письма, разве потеряли силу предостережения ученого, предостережения поэта? Разве не по-прежнему зловеще звучат слова, с которыми по воле автора поэмы обращаются к людям бездушные их порождения — «мачты», опоры высоковольтных линий? Поэма напечатана как складень-триптих, и три колонки строф по своему рисунку напоминают контуры этих опор современной цивилизации.

Мы ждем когда среди развалин
строений тысячэтажных,
зарывшихся по горло в землю,
собой заменим мы деревья,

когда к созвездьям мы по-братски
железные протянем руки
И задрожит от нетерпенья
земля-сообщница под нами,

когда рубильник взбунтовавшись,
руке откажет в послушанье
и муравейник-мир взорвется,
как Апокалипсис пророчил!

Послушный бег частиц взрывает
незыблемость извечных связей,
у роботов ключи от вспышки,
чреватой светопреставленьем,
миг — и свободные нейтроны
о новой возвестят звезде!

Жан Бенуа надеется, что «герои» его поэмы ошибутся, что новая звезда не возникнет, что Земля останется планетой людей. А звезды и планеты ему хорошо знакомы: он астроном-любитель с большим стажем. Ему принадлежит, в частности, самое раннее сообщение в зарубежной печати о наблюдении первого советского «лунника».

Поэт и астроном добывает хлеб свой насущный, увы, довольно прозаическим трудом: он типографский корректор. Наследственное достояние — дом в Анже — позволяет сводить концы с концами. Работа вечерняя, утомительная, удовольствия поэту она не доставляет. Зато зимними ночами он смотрит в свой маленький телескоп на звездное небо и дружит с музами.

К тому, что уже сказано, прибавьте грустную и добрую усмешку, донкихотскую жажду справедливости и паганелевскую рассеянность — и вы получите некоторое представление о нашем анжейском друге.

Жаклин Бенуа — натура не менее поэтичная, но наделенная от природы бóльшим оптимизмом. Несмотря на тяжелые удары судьбы, она сохраняет неколебимую стойкость и неувыдаемую жизнерадостность. Ее любимое присловье: «Жить надо с фантазией!» И действительно, иной раз только фантазия ее и выручала... Она скрипачка, играет зимою во вспомогательном составе симфонического оркестра, участвует в любительских концертах, не гнушается играть за плату в ансамбле на свадьбах и других торжественных церемониях.

Однажды в детстве Жаклин остановилась, замороженная простой и странной прелестью еще невиданного ею желтого цветка, выросшего на школьном дворе. «Это русский цветок», — сказала подруга по школе. Может быть, это был лютик? С тех пор Жаклин часто мечтала о том, чтобы побывать в далекой снежной России, где, как всем известно, зимой ездят на тройках и пьют чай из самовара, где летом луга покрыты удивительными желтыми цветами. Позже пришло увлечение русским языком, Пушкиным. Жаклин влюблена в музыку русской речи: «Как черная лента вокруг ног обвилась...» Правда, говорить на этом языке она пока не может. Обожает «очество» и, несмотря на короткость нашей дружбы, бывает счастлива, если мы хоть в шутку назовем ее Жаклин: Павловна. Что же касается Жана, то он проявляет свою любовь к русскому языку более сдержанно, но не устает рассказывать всем знакомым о том, что русские друзья привезли ему в подарок «такую штуку, чтобы ставить в нее стакан», а на «штуке» выгравировано «Иван Иванович Бенуа». Он горд, что его имя (благодаря однофамильцам-художникам) вписано в историю русской культуры.

Старый дом наших анжейских друзей навсегда нам полюбился: крохотный садик между домом и гаражом, скрипучая лестница полированного дуба, с широкими перилами, множество закоулков и каморок, масса света: чтобы перезарядить фотокассету, приходилось запереться в стенном шкафу. Часто звучит музыка: то Жаклин разучивает скрипичный пассаж, то один из жильцов (у них квартируют несколько студентов консерватории) выводит сольфеджио, то другой посыпывается на флейте. Нельзя не помя-

нуть и еще одну обительницу дома: по-галльски изящную, независимую и несколько чересчур склонную к амурам кошку, в глазах у которой, если верить Жаклин, сверкают «голубые молнии».

В гараже стоит еще один, хотя и неодушевленный, член семьи: четырехместный «ситроен» модели «Диана». Эта маленькая, но отважная и выносливая машина доставила нам много радости, неумоимо возя нас всех четверых по дорогам Франции. Выглядело это так: Жаклин за рулем (увы, остальные трое могли быть лишь пассажирами), двое мужчин, вооруженных картами, подавали водителю советы, четвертый член коллектива сохранял право негодовать, когда его везли не так и не туда. Впрочем, несмотря на зачастую противоположные рекомендации советчиков (Наполеон и Кутузофф, как их прозвала Жаклин), «Диана» всегда в конце концов приходила к цели.

Но начали мы с Анже, столицы «сладостного Анжу», как назвал эту древнюю французскую провинцию поэт Жоашен Дю Белле:

Блажен, кто, странствие свершив, как Одиссей,
Или как тот, другой, добыв руно златое,
Вернулся в отчий дом, чтоб в мире и покое
Средь родичей своих провесть остаток дней.

Когда ж настанет миг — ах, если бы скорей! —
И мне вернуться вновь в жилище родовое,
В тот скромный уголок, что мне желанней вдвое,
Чем богатейшие из царств вселенной всей?

Вид наших черных крыш мне больше даст отрады,
Чем мраморных дворцов спесивые громады;
На пышность римскую со скукой я гляжу.

Милей, чем гордый Тибр, мне вольный плес Луары,
Милей, чем Палатин, в Лирэ мой домик старый,
Милей, чем ветр морской, мне сладость Анжу.

Рим, 1558.

СТОЛИЦА ДОБРОГО КОРОЛЯ РЕНЕ

Первое утро в Анже. Иван Иванович должен быть на службе в половине третьего, а пока он приглашает нас прогуляться по городу. Прогулка пешком — это шик: обычно французы, имеющие свой «вуатюр», ездят в нем даже в соседнюю лавочку.

Нужно сказать, что француз среднего класса не из одного тщеславия питает нежность к своей машине (а если ее нет, то мечтает о ней). Общественный транспорт во Франции довольно-таки разорителен. Стоимость проезда растет вместе с остальными ценами, а то и опережает их. Стоимость разового проезда в парижском метро достигла к концу 1974 года 1,3 франка, то есть более 20 копеек (правда, абонементная книжка на десять поездок стоит 9 франков). Автобус вдвое дороже. Видимо, поэтому нам не довелось видеть ни стоящих, ни тем более висящих автобусных пассажиров. Дорог проезд и в междугородных автобусах и в поездах. А шоссейная сеть в стране очень разветвлена, бензоколонки и ремонтные мастерские попадаются часто. И несмотря на дороговизну бензина, свой «вуатюр» дает французскую какую-то иллюзию стабильности. Главная забота автовладельца — это, конечно, парковка машины. Не будем говорить о больших городах, улицы которых забиты стадами машин, ночующих или днюющих, опершись двумя колесами на бровку тротуара. Но даже на проселочной дороге путнику негде приткнуться свою малолитражку, если он вздумал остановиться. Обочины дорог выкроены более чем скупой, а вплотную к ним — проволочка: «частное владение» (как не вспомнить митарства трех героев Джерома К. Джерома на берегах Темзы!). Однажды на длинном перегоне эта безысходность привела нас в отчаяние, и наши друзья, решительно выдернув два кола из загородки, завели машину на чужую территорию: «Если выйдет скандал, то мы свалим все на вас — ведь советские люди не признают частной собственности!»

Но сегодня по Анже мы бродим пешком. Он центр департамента и епархии, то есть в нем живут префект и католический епископ, а кроме них двоих (как ут-

верждает «малый Ларусс» выпуска 1971 года), еще 134 957 жителей. Возраст у города солидный: он был известен еще римлянам. Однако Анже и сейчас не склонен превращаться в музей и вносит свой вклад в современную экономику — тот же «Ларусс» аттестует его как значительный торгово-промышленный центр (металлургия, электроника, виноделие).

Думал ли граф Анжуйский Жоффруа, когда он сорвал ветку цветущего дрока (*plante genêt*) и кокетливо украсил ею свой шлем, что он вписывает первое слово в длинный свиток исторических хроник? Завоевав Нормандию, объявив графство Анжу герцогством, получив в жены дочь английского короля Генриха I Матильду, Жоффруа (иначе Готфрид), прозванный за свое пристрастие к дроку Плантагенетом, дал начало династии английских королей. Первые английские Плантагенеты — сын Жоффруа Генрих II, сыновья Генриха Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный — управляли Англией в основном с материка, они и погребены в родном Анжу. Что же до их потомков, то, обангличившись, они цепко держались за свои феодальные права на французскую территорию; их войны и междоусобные свары (Столетняя война, война Алой и Белой розы) на протяжении XIV—XV веков заливали кровью две страны... Впрочем, дорогой читатель, обо всем этом можно прочесть в хрониках Шекспира, а с Генрихом II и с его беспокойной семейкой нас недавно познакомил воочию английский режиссер Энтони Харвей в фильме «Лев зимой».

Французскому королю Филиппу II Августу, который долго враждовал с Генрихом и его сыновьями из-за Нормандии, Анжу и Турена, удалось пережить своих противников и значительно округлить королевство. После чего он первым делом начал укреплять Анже — западный оплот своих владений. Так в середине XIII века на черном утесе, нависшем над рекой Мен, в девяти километрах от ее впадения в Луару, вырос анжуйский замок.

Пройдя через лабиринт средневековых переулков с древними домами под черной чешуйчатой кровлей, с воздушными мостиками, перекинутыми через улицу на уровне второго этажа, с лавками ремесленников, которые льют оловянную посуду, изготавливают из фольги массивную на вид «чеканку», вышивают на флажках и лоскутках материи герб Анже, словом, трудятся в поте лица на потребу туристу, мы оказываемся перед замком.

Трудно поверить, что такое грандиозное сооружение было воздвигнуто семь веков назад всего за какой-то десяток лет! Толстые стены, сложенные из глыб того же черного камня, 17 грозных черных круглых башен, опоясанных кольцами светлого известняка, — замок и сейчас подавляет своим суровым величием. А ведь башни на десять метров ниже своей первоначальной высоты: в эпоху религиозных войн они были укорочены, чтобы можно было водрузить на них пушки.

Во время второй мировой войны немцы устроили здесь арсенал (Анже находился в оккупированной зоне). В мае 1944 года английские бомбы попали в пороховой склад. Но сейчас следов разрушений уже не найти: реставраторы залечили раны. Ныне средневековая цитадель трудится на мирном поприще — она превращена в городской музей. А в глубоком рву, в котором никогда не бывало воды, воркуют голуби и пощипывают траву косули. Однако трагический контур башен имеет какую-то притягательную силу для тех, кто отчаялся: за время нашего пребывания в Анже двое юношей-студентов, бросившись с башни, покончили счеты с жизнью.

Через подъемный мост переходим замковый ров и оказываемся... конечно же, перед окошечком кассы. И вот мы во дворе замка. Суровую готику шатле, где родился король Рене, замковой капеллы, стен и башен, окружающих двор, смягчает обширный и пестрый цветник и разнообразит большой современный павильон из кирпича и стекла. О павильоне несколько позже, а сейчас настало время пояснить читателю, кто такой был король Рене.

XV век. Идет неумолимый процесс объединения раздробленных феодальных вотчин в единое государство. Французские короли уже давно включили Анжу в расширяющийся круг своих владений и отдают его в лен своим родичам. Влиятельные анжуйские герцоги оказываются порою по совместительству графами, герцогами и даже королями в других частях Европы. Тот, кто бывал в Неаполе и видел там могучий королевский замок с круглыми черными башнями, мог бы в нем узнать умень-

шенное подобие анжейской твердыни: это память о господстве в Неаполе Анжуйской династии.

В 1408 году в небольшом внутреннем шатле на территории анжейского замка у анжуйского герцога Луи и его супруги Иоланты Арагонской родился сын Рене. Отец новорожденного, известный также под именем Людовика II Неаполитанского, оставил сыновьям не столько свой неаполитанский трон, сколько претензии на него. Вообще если верить полному титулу юного Рене, то он получил в наследство права на шесть королевских престолов (включая иерусалимский), не считая пустяков вроде герцогства Лотарингского. Однако королем он так и не стал, а попытка завладеть Лотарингией кончилась для Рене шестилетним сидением в плену у графа Водемона. Но похорохорившись в юности и не преуспев в честолюбивых намерениях, Рене зажил мирно и небесполезно в своих реальных наследственных владениях, а ими были герцогство Анжу и графство Прованс. Нужно сказать, что в этих краях он оставил о себе хорошую память, и поныне здесь с улыбкой вспоминают «доброего короля Рене». Да и в России он известен, по крайней мере любителям оперы: Рене, Иоланта, Водемон через французские легенды, через романтическую драму датчанина Х. Херда перекочевали в либретто оперы Чайковского. Только дочь исторического Рене звалась не Иолантой, а Маргаритой и была отнюдь не слепой, по крайней мере в прямом смысле слова. Выйдя замуж за одного из последних английских Плантагенетов, Генриха VI, Маргарита Анжуйская, не в пример своему кроткому родителю, оставила кровавый след в исторических хрониках как одно из главных действующих лиц истребительной династической междоусобицы — войны Алой и Белой розы (см. хроники Шекспира «Генрих VI» и «Ричард III»). Но вернемся к ее отцу.

Рене, герцог Анжу, граф Прованс и номинальный король неаполитанский, был одной из самых привлекательных исторических личностей французского Возрождения. Он был широко образован — знал языки: латинский, греческий, древнееврейский, итальянский, каталонский; играл на музыкальных инструментах и сочинял музыку; рисовал, писал стихи (сохранилась его пасторальная поэма «Любовь пастуха и пастушки»). Рене был сведущ в математике, геологии и юриспруденции; занимался он также и виноградарством, широко распространив в Провансе мускатные сорта винограда. Утратив вкус к войне, Рене увлекался рыцарскими турнирами и даже посвятил им ученый трактат; городской плац в Анже и поныне зовется Турнирной площадью. Не менее усердно устраивал он и простонародные праздники — так, в Тарасконе он положил начало сохранившемуся на века карнавалу в честь легендарной победы святой Марты над чудищем по имени Тараска. Есть слух, что добрый король был не прочь запросто поболтать с подданными за бочонком анжуйского. Судя по всему, король Рене и впрямь был славным малым!

С его именем в Анже принято связывать все исторически значительное. Замок, в котором Рене появился на свет, называют обычно замком короля Рене. О нем же вспоминают, говоря и о главной реликвии замка — стенных коврах на темы Апокалипсиса.

Ковры эти вытканы — будем справедливы — по указу не короля Рене, а его деда. Трудно сказать, чем руководствовался герцог Анжуйский — религиозным чувством, любовью к искусству или просто желанием пустить современникам пыль в глаза, когда давал заказ парижскому ткачу Никола Батаю и фламандскому рисовальщику Эннекену из Брюгге выткать ковры-иллюстрации к «Откровениям апостола Иоанна», известные также под именем «Апокалипсис». Заказ был выполнен за семь лет, и в 1380 году честолюбивый анжусец уже имел в своем распоряжении 98 (по иным подсчетам — 84) огромных тканых панно.

Здесь к месту будет сказать, что мы умышленно избегаем слова «гобелен», хотя оно просится на язык. Дело в том, что французы научили нас называть гобеленом лишь ковер, вытканый на парижской мануфактуре «Гоблен», так же как шампанским — шипучее вино, изготовленное не где-нибудь, а в Шампани. С точки зрения логики это неэкономно, но таковы законы языка. У нас ведь тоже ватрушкой называют не всякий открытый пирог, а лишь с творожной начинкой.

Создание Эннекена из Брюгге и Никола Батая считалось в свое время по праву одним из чудес искусства. Владельцы, уплатившие мастерам немалую за него сумму,

весьма им дорожили. Они украшали коврами стены своих замков и возили «Апокалипсис» за собою в походах. Первый торжественный выезд из Анже собрание ковров совершило в Арль на свадьбу будущих родителей короля Рене. Добрый король почитал «Апокалипсис» едва ли не главным из своих богатств, переезжал из анжуйского замка в свою летнюю анжуйскую резиденцию замок Лонэ непременно вместе с коврами и завещал их кафедральному собору Святого Мориса в Анже. В соборе коврам короля Рене пришлось претерпеть немало: в первое время их вынимали из сундуков и развешивали в соборе по праздникам, а позже служили они и для утепления оранжерей и даже, разрезанные на части, были использованы как конские попоны... Когда же в XIX веке ковры были заново открыты, то, увы, часть их оказалась навсегда утраченной.

Наконец, в 1950-х годах церковные власти окончательно передали уцелевшие вышивки музею, и сейчас они, заботливо реставрированные, размещены в специально выстроенном хранилище — в том самом здании из кирпича и стекла, о котором мы упоминали выше. Более или менее сохранилось 70 ковров; общая их линейная протяженность 107,5 метра — уже самые размеры делают собрание уникальным. Что же касается его художественных достоинств, то современное искусствоведение в этом вопросе единодушно. Споры идут разве лишь о том, не превосходит ли тканый «Апокалипсис» на целое столетие идеи Альбрехта Дюрера? Не беря на себя смелость участвовать в этой дискуссии, можем лишь подтвердить, что с благоговением созерцали непревзойденный шедевр средневекового искусства и жалели, что не можем посвятить этому больше времени.

Творение древних мастеров вдохновило на благородное соревнование современного художника Жана Люрса (1892—1966). В 1937 году, впервые увидев «Апокалипсис», он воскликнул: «Какого черта! Почему девятнадцатый век, почему век двадцатый не смогли нам дать творений такого масштаба? Мы-то кто такие?»

И Люрса на заданный им вопрос ответил делом. По его эскизам была создана серия тканых картин (выполненных на Обюссонской ковровой мануфактуре). Называется она «Песнь мира». Это произведение, наполненное тревогами и радостями сегодняшнего дня, показывает нашим современникам грозящие им апокалипсические бездны (панно «Великая бойня», «Хиросима», «Великая угроза», «Конец всего») и зовет их к мирному труду, к светлому будущему («Вода и огонь», «Шампанское», «Поэзия», «Завоевание космоса», «Человек в мирной славе своей»).

Смерть помешала Люрса продолжить, как было задумано, эту вторую часть «Песни мира», названную им «Радость жизни». Но его творение может быть смело причислено к шедеврам искусства XX века.

И как прекрасно, что «Песнь мира» соседствует с «Апокалипсисом»: по желанию художника она размещена в Анже, в бывшем госпитале Сен-Жан, в зале XII века...

Почем знать, может быть, нашему Эрмитажу удастся устроить в Советском Союзе выставку одной или даже обеих изумительных тканых эпопей?

Выйдя из галереи «Апокалипсиса» на замковый двор, мы поднимаемся на башню. Перед нами по обоим берегам реки Мен расстилается панорама Анже. На левом берегу жмется к замковым стенам старый город, за ним оживленные торговые магистрали, далее железная дорога и заводские окраины. Мы видим широкую площадь у замка, перед мостом Нижней цепи (в средние века Мен выше и ниже замка для безопасности перегораживался цепями). На площади стоит, даря добрую и величественную улыбку своим подданным, каменный король Рене — это работа известного скульптора прошлого века Давида Д'Анже (не путать с однофамильцем, живописцем Давидом, автором «Клятвы Горацев» и «Смерти Марата»). Подальше, вблизи вокзала, стоит тоже давидовское изваяние Маргариты Анжуйской. На правом берегу раскинулся район Дутр, то есть Заречье. Там и сям из моря крыш всплывают шпили древних и не очень древних церквей: кафедральный собор Сен-Морис, Сен-Серж, Сен-Ло на левом берегу, Сен-Жан и собор Святой Троицы на правом.

Но что-то в этом море крыш поражает взгляд. Море это — черное! Все кровли — кровли соборов и домов, новые и тысячелетние — покрыты крупной или мелкой чешуей

угольно-черного цвета, в лучах солнца она кажется сизой. Из чего же сделаны эти кровли?

Иван Иванович отвечает:

— Это ардуаз.

АРДУАЗ

В школьных классах, в вузовских аудиториях пишут мелом на доске. Доски эти сейчас почти повсеместно делаются из линолеума, но в недавнем прошлом изготовлялись они из твердого черного сланца, природного шифера. И по сейчас во Франции бытует выражение: «У меня в этой лавке ардуаз», то есть «Я могу здесь брать товары в кредит», как у нас говорилось — «на мелок». Но ардуаз идет не только на аспидные доски. На севере Франции пластинки шифера — как в наших деревнях дранку — используют для крыш, а иногда и стен домов.

Городок Трелазе, ставший сейчас, по сути, пригородом Анже, с XII века — общепризнанная «столица» французского шифера, местные шахты поставляют кровельный материал всем северным районам Франции, включая Париж.

У здания шахтоуправления нас встречает главный инженер по добыче господин Франсуа. Бельгиец по рождению, потомственный шахтер, он бежал во Францию во время гитлеровского нашествия весной 1940 года и остался здесь навсегда. У него большая семья — семеро детей; впрочем, многодетные семьи не такая уж редкость в современной Франции.

Было время, когда Франция отличалась едва ли не самой низкой рождаемостью в Европе. Убеждения и призывы не помогали. Помог экономический стимул. По существующему законодательству рождение третьего ребенка приносит семье тьму выгод: снижение налогов, жилищные и транспортные льготы. Теперь в редкой французской семье меньше трех детей.

Господин Франсуа уже в годах. Высокий, крепкий в кости, немногословный, с неулыбчивым лицом, он, как видно по всему, пользуется непререкаемым авторитетом у подчиненных.

Несмотря на высокую зарплату, к которой, что очень существенно, прибавляется и ведомственная квартира, никакой собственностью господин Франсуа не обзавелся — как мы могли понять, из нежелания «врастать в капитализм». Машина, правда, у него превосходная, одной из последних марок. В том, что он любитель быстрой езды, одному из нас вскоре пришлось убедиться.

Осмотр шиферных разработок мы начинаем с мастерских, где из доставленных на-гора глыб сланца изготовляют отделочные плиты и кровельные пласты. В огромном помещении цеха десятки людей под вечный стук, среди видимой и невидимой пыли заняты монотонным, отупляющим трудом: одни ломиком и молотком расщепляют сланец на пластины (а кровельные плитки имеют миллиметровую толщину), другие обрубаят эти пластины на немудрящих станочках и сортируют их по размерам. Нам, неискушенным зрителям, кажется, что весь этот процесс нетрудно было бы автоматизировать. Должно быть, невыгодно. К тому же чем займутся освободившиеся в результате рационализации люди? А лица у этих людей нерастраченные, серые от аспидной пыли. У многих рабочих силикоз. Условия работы здесь, правда, довольно выгодны: неплохой заработок, месячный отпуск, ведомственные квартиры, пенсия не с шестидесяти пяти лет, как обычно, а с пятидесяти пяти. Но материальные блага явно не могут полностью удовлетворить рабочих, повседневно занятых трудом вредным и скучным, лишенным даже тени творческого начала. Вот где мы вспоминаем слова Пьера о том, что забастовки в стране зачастую направлены не только на достижение каких-то конкретных экономических целей, но и являют собою протест против безрадостной производственной рутины.

Мы покидаем мастерские, и здесь авторам этих строк приходится расстаться: по рудничным законам спуск в шахту разрешен лишь лицам мужского пола. Вот почему мы не начали осмотр с естественного начала — с добычи шифера.

Мужская часть авторского коллектива направляется в кабинет главного инженера, где под его руководством совершает сложный ритуал переодевания в костюм

шахтера. Выходим мы с господином Франсуа уже преобразенные — на нас синие комбинезоны, пудовые резиновые бахилы, брезентовые рукавицы, металлические каски с укрепленными на них фонариками, прочный ремень с пряжкой, на ремне сумка с аккумуляторами, от которых к нашлемному фонарику протянут провод. В этом снаряжении шествуем к подъемной клетке. В подъемнике первым делом требуется продеть в специальные петли на поясных ремнях солидные стальные кандалы: они страхуют шахтера на случай, если бадня развалится в неподходящий момент, а она и впрямь жидковата. После всех приготовлений господин Франсуа подает команду, и мы на изрядной скорости ныряем в глубину.

Внизу, как полагается, темно и сыро; редкие фонари скупо освещают штольню, и лишь в штреках, где ведется добыча, света достаточно. Но до забоя надо еще добраться, путь неблизкий. Туда, в аспидную мглу штольни, ведет узкая колея, по которой сланец в вагонетках подкатывают к подъемной клетке. Господин Франсуа привлекает из незримого закоулка какое-то диковинное сооружение и ставит его на рельсах; это сооружение похоже на велосипед, как археооперикс на ласточку. Четыре колеса, пара педалей, поперечина для упора рук и толстое металлическое туловище, на котором, как выяснилось, можно сидеть верхом. Скажем в скобках, что чересчур приятных ощущений эта поза не доставляет, особенно на стыках рельсов. Взгромоздясь на железного Росинанта — хозяин спереди, а гость сзади, как Санчо Панса, утративший своего осла, — мы трогаемся в путь. Господин Франсуа явно желает поразить воображение пришельца из далекой России, привыкшего, разумеется, мчаться на тройках: он крутит педали с небезопасной для обоих седоков энергией. Ну так и есть! — на одной из стрелок Росинант сходит с рельсов и оба всадника вылетают из седла. Впрочем, мы отделяемся незначительными ссадинами и продолжаем поездку; водитель несколько умерил свою прыть — и то хорошо.

Раз-другой нам приходится отводить своего коня на запасный путь, пропуская встречную груженую вагонетку. Наконец доезжаем до выработки. Добыча в этом штреке ведется по старинке — в толще сланца закладываются шурфы, начинаются взрывчаткой, динамит отламывает крупные бесформенные глыбы шифера, которые с помощью примитивных механических орудий, а в основном извечной «дубинушки» в ее французском варианте, погружаются в вагонетки.

Однако не поторопились ли мы, сказав о «французском варианте» пресловутой «дубинушки»? Ведь горячки, как и представители других физически тяжелых профессий, в большинстве своем не французы: здесь, так же как и на стройках Парижа, на дорожных работах в Провансе, на причалах в Бордо, зачастую видишь лица отнюдь не галльского типа. На черную работу стекаются во Францию толпы испанцев, португальцев, африканцев из бывших французских колоний; много пришельцев из Италии, Югославии. Французы же — и в частности в Трелазе — это в основном специалисты более или менее высокой квалификации: мастера, бригадиры. Такое национальное расслоение рабочего класса — не чревато ли оно специфическими осложнениями для будущего страны?

Мы пробираемся в другой штрек. Те же аспидно-черные стены, те же слепящие фонари, но что-то неуловимо изменилось. В шиферном зале почти уютно: стоит рабочий стол, за которым мастер ведет какие-то расчеты, стоят аккуратные подмости, лестницы, не похоже, чтобы всему этому спокойному хозяйству угрожал взрыв и обвал тяжелых монолитов. К тому же добавляется новое, акустическое впечатление: непрерывный не то шорох, не то журчание. На поверку и то и другое: шуршит тонкий стальной трос, движущийся, как приводной ремень, по системе шкивов; журчат струйки воды, увлажняющие трос. Добыча сланца ведется здесь новым способом: куски отпиливаются от массива «пилой» — быстро бегущей по шкивам, медленно вгрызающейся в породу стальной струной. Способ явно передовой, сопряженный с меньшими опасностями для шахтеров, со сбережением запасов сланца (а его осталось в Трелазе при теперешних темпах добычи лет на сорок), с большим удобством последующей обработки. Будет ли метод распиловки введен повсюду? Трудно сказать — такие вопросы решаются вычислением и в конечном счете все определяется прибылью.

Но пора возвращаться. Уже наступило святое время завтрака. Шахтеры и святым

делом занимаются в забое: на это отводится им лишь пятнадцать минут. А всего шахтер проводит под землей по восемь с четвертью часов пять дней в неделю.

Поднимаемся мы наверх в другой клетки, более современной, где уже нет нужды страшиться железными цепями.

Уф!.. Как все же приятно глотнуть земного воздуха!

АНЖЕЙСКИЙ СВЕТ. ФРАНЦУЗЫ ЗА СТОЛОМ

С господином Франсуа, который только что был представлен читателю, мы познакомились на одном из собраний местной протестантской общины: наши друзья, будучи по убеждениям «свободомыслящими», по рождению к ней принадлежат. Собрание было отнюдь не молитвенным. Община, руководимая, естественно, пастором, ныне представляет собою скорее некий клуб, и пастор, видя лишь немногих на богослужениях, встречается со своей паствой в основном по разного рода культурно-благотворительным поводам. Протестантское меньшинство держится и в Анжу и в других французских провинциях по традиции сплоченно и не забывает о взаимопомощи. Что же до религии и вообще мировоззрения, то вопрос «как веруешь?» непременно всплывает в любой, особенно застольной, беседе. Те, кто причисляет себя к «свободомыслящим», то есть стоит в стороне от церкви, не удовлетворяются, как правило, повседневным материализмом в кавычках, а действительно размышляют об основах земного бытия в поисках собственного символа веры; люди же религиозные склоняются в большинстве к экуменизму (то есть сближению разных церквей), и официальные религии вынуждены подчиняться этой настойчивой тенденции.

Поиски духовных ценностей, которые могли бы послужить опорой в современной жизни, где столь многое подвержено инфляции, зачастую приводят французов к идеям, на наш взгляд, несколько странным. Так, например, весьма в моде сейчас психоанализ — им увлекаются старые и молодые, больные и здоровые. И то сказать, век нервный, хочется найти подручные способы успокоения.

В одной из семей, с которыми мы свели знакомство, психоанализ является не только духовным, но и материальным подспорьем: отец семейства, не довольствуясь скромной деятельностью экономиста по сельскому хозяйству, изучил книги Фрейда и его последователей и открыл кабинет психоанализа; там по четвергам собираются «люди из общества», страдающие различными «комплексами» (один женился на слишком молодой, другого тяготит служба, у третьей чересчур властная свекровь...). На этих встречах «пациенты» разбираются в своих внутренних неполадках, облегчают душу, а владелец кабинета, направляющий ход «самовыражения», получает гонорар, и немалый.

Но это уже XX век, а собрание протестантской общины, куда мы возвращаемся, своей уютной и трогательно-старомодной патриархальностью переносит нас в прошлое...

Здесь, в небольшом зале тампля, то есть протестантской молельни, дается благотворительный концерт, в ходе которого присутствующим предлагается музыкальная программа (исполняемая членами общины), прохладительные напитки и печенье, а от них ожидают пожертвования в пользу тех, кто терпит нужду. Атмосфера вечера почти семейная. Нам тепло пожимают руки, приветливо улыбаются, задают вопросы, на которые не всегда легко ответить. Когда снова приедут на гастроли «Бериоска́» и Риштé (лишь ценою отчаянного интеллектуального напряжения улавливаем, что речь идет о Святославе Рихтере)? В силу особенностей французской речи с неизменным ударением на конце слова, с отсутствием таких звуков, как «х», «ц», «ч», «щ», подчас нелегко угадать, какое имя собственное имеет в виду беседующий с вами, особенно на российские темы, француз.

Начинается концерт. Роль конферансье выполняет сам пастор. Серая пиджачная тройка ничем не выдает духовного сана приветливого человека в очках. В программе камерная музыка — «Мозáр» и «Эндéль», «Бетовéн» и Франк, Равéль и «Кабалевский»... Вначале наш слух улаживают юные музыканты. Гвоздь программы — выступление семилетнего скрипача, внука господина Франсуа. Маленькая заминка: триж-

ды играет фортепьянная ригурнель, но соляст не вступает. Выясняется причина: оказывается, взволнованная мама поставила ноты на попюитр вверх ногами. Нужды нет, что юный виртуоз знает свою партию наизусть,— порядок есть порядок. И только по восстановлению оноу удовлетворенный малыш, уже не глядя на попюитр, выводит незамысловатую мелодию.

В антракте опять знакомства, рукопожатия, улыбки. Новые знакомцы выбирают темы, для беседы наиболее интересные, по их мнению, для русских гостей. Этот — преподаватель древних языков в лице, большой любитель русской музыки, особенно Мусоргского; к сожалению, он не слышал о существовании оперы «Хованщина», да и произнести ее название ему не под силу. Тот — врач, отсидевший более года в Дахау и научившийся там нескольким русским словам. Тот — дантист, его дедушка был когда-то в Сибири и ездил на... как это... ах да — «тарантас»! Иногда вопросы и замечания наших собеседников заставляют нас внутренне улыбаться, ибо напоминают нам милого Александра Дюма-отца с его «развесистой клюквой»; но в своей наивности они столь учтивы, деликатны и полны доброжелательного интереса! Будем к тому же справедливы: «клюква» в основном относится к истории и этнографии старой России; о жизни Советского Союза французский обыватель имеет все же не анекдотическое представление. Есть французы и по-настоящему знающие и любящие нашу страну. Таковы наши друзья Бенуа, бывавшие в Советском Союзе, хорошо знакомые с русской музыкой и литературой, с нашими научными и техническими достижениями, тонко чувствующие прелесть русской природы.

То же самое можно сказать и о мадам Г. Она преподает в Анжейском университете и живет в заречной части города — Дутре, недалеко от университетского городка. У нее тесноватая квартирка, где, кроме нее и мужа, обитают трое детей: Жан и Клер дошкольного возраста. Самюэлю всего год с небольшим. Упитанный и веселый малыш передвигается с необыкновенной, нечеловеческой скоростью на четвереньках. Он вполне приветливо встречает гостей но вдруг пускается в рев: испуган тем, что мать издает совершенно непонятные звуки. А мать просто говорит с нами по-русски. Родители мадам Г. переехали во Францию из буржуазной Эстонии, она по рождению и по языку француженка. Но, видимо, какие-то родственные связи с Россией оказались прочными, и Элизабет специализировалась как филолог по русскому языку и литературе. Ей довелось пройти стажировку в Москве, и говорит она по-русски довольно бегло. Преподавая в университете сравнительное литературоведение (русского отделения на анжейском филологическом факультете нет), мадам Г. неустанно трудится над заветной рукописью: полным переводом поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Отрывки из поэмы переводились и ранее, однако лишь мадам Г. решилась на такое грандиозное предприятие, как создание полного перевода поэмы, да к тому же стихотворного: ведь французы до недавнего времени почти не отваживались переводить стихи стихами. Труд Элизабет еще далеко не завершен, но страницы, с которыми она нас познакомила, свидетельствуют, как нам показалось, что она на верном пути. Профессиональный разговор о стихотворном переводе был, видимо, для нашей знакомой очень важен: в Анже едва ли часто можно найти собеседника на такую специальную тему.

Элизабет хочет показать нам молодой Анжейский университет. В средние века слава Анжейского университета гремела по Европе, ненамного уступая славе Сорбонны. Однако впоследствии он захирел, а потом и вовсе прекратил существование. В наши дни Анже вновь занимает место в ряду университетских городов. Правда, в его стенах изучается уже не теология и схоластические премудрости, а предметы, имеющие непосредственное отношение к экономическим запросам современной Франции.

Мы отправляемся — о радостное удивление! — в пешую прогулку. Идем через лес, берегом ручья, минуем обширный пруд и через полчасу выходим на зеленый луг, где полным ходом идет строительство университетского городка. Часть учебных корпусов и студенческих общежитий уже вступила в строй, технологический и сельскохозяйственный факультеты, на которых учится около полутора тысяч студентов, получили уже свои постоянные здания, другие факультеты (медицина, фармакология) еще рассыпаны по городу во временных помещениях.

Наша провожатая исчезает и через минуту появляется уже не одна: с нею молодая приветливая дама, профессор физики Женевьев Ривуар. Она недавно провела в

Москве полтора месяца в порядке обмена научными кадрами. У нее сохранились лучшие воспоминания о Московском университете, где ей довелось работать. Недавно Женеви́ев избрана ректором Анжейского университета.

Ректор охотно и непринужденно рассказывает нам об университете, показывает новые, невысокие, полные света здания. В аудиториях студенты обсуждают что-то перед исписанной формулами доской, в лабораториях молодые люди, наморщив лбы, записывают показания приборов — все как всюду и везде, кроме разве того, что на ректоре университета мияи-юбка.

После посещения университета едем вместе с мадам Г. забирать детей из школы. Собственно, это еще не школа, а дошкольное учреждение, в составе которого, по нашей терминологии, детский сад и пригготовительные школьные классы. Шестилетняя Клер в детской группе; там она учится читать (по новой системе — сразу целыми словами), рисовать, рукодельничать. Примерно теми же делами занимается и восьмилетний Жан. В школе дети работающих родителей могут оставаться на продленном дне: занимаются ручным трудом, рисованием; есть хореографический кружок.

Кстати, нам сообщили, что любовь к России в эстонско-швейцарском семействе мадам Г. дошла до того, что несколько лет назад оно в полном составе приняло православие. А поскольку православного священника в Анже не имеется, то на крестины Самюэля был выписан «ле поп» из Парижа. Церемония была, по словам свидетелей-вольнодумцев, весьма импозантна, но нестерпимо длинна.

Во время нашего пребывания в Анже нас часто приглашали «на завтрак», «на аперитив», «на обед», «на после обеда». Приглашений было множество, однако никто не приглашал нас «на ужин» или «на чашку чая»... Чтобы это понять, нужно сделать небольшое отступление и рассказать читателю о французах за столом.

Как известно, француз любит покушать. Впрочем, слово «любит» надо уточнить: он не обжора, а гастроном. Для него еда не заправка горючим, а одна из радостей жизни. Ест современный француз разнообразнее, но реже и меньше, чем это привычно для нас; думается, что выработавшийся «типовой» режим питания скорее подсказан соображениями эстетико-гигиеническими (француженка панически боится потолстеть), чем продиктован фактором экономическим. И проведя немало времени за столом с французами разного достатка, мы не могли не призадуматься: не многовато ли впрямь мы едим у себя дома?

Ранний завтрак («пети-дежэне») француз поглощает едва проснувшись, порою в постели. Как правило, это лишь чашка кофе с одним-двумя сухариками, чайной ложкой джема, капелькой масла. Настоящий завтрак («дежэне») ждет француза в полдень. Перерыв на работе зачастую растягивается так, чтобы служащие могли позавтракать дома. Впрочем, огромное количество ресторанов, кафе, бистро, столовых самообслуживания (обычно при крупных универмагах) позволяет решить проблему завтрака без особых трудов. В этот час толпы служилого люда покидают место своей работы, чтобы подкрепиться; еще в XIX веке появилось слово «мидинетки» (от «миди» — полдень) — так прозвали молодых женщин — продавщиц и работниц, тысячами высыпавших в обеденный перерыв на парижские бульвары.

К этому времени, от двенадцати до двух, телевидение приурочивает передачи, которые развлекают семью, сидящую за столом.

Завтрак — еда основательная, по сути это обед, но без супа. Начинается он, особенно если это завтрак с гостями или в праздничный день, с разнообразной закуски, неизменной составной частью которой является «шаркютри», то есть всяческая гастрономия из свинины. Кстати сказать, кроме обычных гастрономических в нашем понимании магазинов, во Франции можно увидеть на каждом шагу лавочки с вывеской «Шаркютри» — там немислимое разнообразие колбас, паштетов, копченостей, словом, всего, что только можно изготовить из свиного мяса, сала и требухи.

Вслед за этой увертюрой, называемой «антре» (то есть вступление), и начинается истинное действо. Предвидеть заранее, что хозяйка или метрдотель предложит гостю, невозможно: то ли это будет мясо, поджаренное на раскаленной решетке, — «грийяд», то ли «эскарго» — запеченные в собственных раковинах крупные (бургундские) улитки с чесночным соусом, то ли отварная спаржа. Впрочем, весной спаржа и артишоки почти непременно появляются если не на завтрак, то в обеденном меню.

После одного или нескольких горячих блюд вам неукоснительно предложат салат — обязанность «турне ла салат», то есть перемешивать содержимое салатницы, чтобы зеленые листики салата пропитались оливковым маслом и уксусом, возлагаются на почетного гостя. Наше стремление объединять салат с жарким было воспринято с интересом, как русское чудачество. После салата на столе появляется блюдо с сырами, обычно их три—пять сортов. Тут уж полный простор для фантазии хозяев стола. Говорят, что Шарль де Голль, раздосадованный очередным разбродом в многопартийной палате депутатов, воскликнул в сердцах: «Ну как можно управлять этой нацией, у которой даже сыра четыреста сортов!» Есть сыр с орехами и с чесноком, козий и овечий, заплесневевший снаружи и внутри... Представьте, как мы гордились, когда уже дома, в Ленинграде, нам удалось удивить знакомую парижанку нашим копченым сыром. «О-ля-ля!» — она такого еще не пробовала.

После сыра подается десерт — фрукты или пирожное, чаще всего фруктовый торт. В магазине вы можете купить готовую форму, такую «сковородку», изготовленную из песочного теста, а дальше уж ваша добрая воля начинить ее чем пожелаете; обычная начинка — варенье или желе из свежесваренных фруктов.

Нечего и говорить, что завтрак, если он идет по полной программе, обильно заправляется вином. Точнее, винами, ибо разные блюда требуют и разной влаги. Оговоримся, что когда не хватает времени или средств, то количество бутылок (равно как и закусок) может быть сокращено до одной, а то и вовсе вино может быть заменено сидром. Тосты у французов не приняты, но откупоривание бутылки сопровождается своеобразным ритуалом — хозяин отливает несколько капель вина в бокал почетного гостя и тот долбает дегустироваг (иногда это делает сам хозяин). Милая формальность, ибо во всех случаях дегустатор говорит «бон», что означает «хорошее», хотя на самом деле бывает и не так. Однажды, когда мы уже прикончили бутылку «божоле» 1948 года, вынутую из погреба с благоговением, хозяин нам доверительно сообщил, что вино несколько прокисло.

Следующая, и обычно последняя, трапеза француза — обед. В зависимости от времени прихода со службы обедают в семь—девять часов вечера. По своему течению обед мало отличается от завтрака, разве что иногда после закуски подается суп. Но это бывает настолько редко (нам выпало такое удовольствие едва ли раз пять за два с половиною месяца), количество супа столь незначительно, что мы бы не стали о нем и говорить, если бы не два исключения. Одно из них было в Авиньоне, где мы гостили у четы французов, проживших большую часть жизни в Алжире. Их провансальское, с восточным акцентом, хлебосольство сильно расширило наш гастрономический кругозор. В частности, познакомились мы и с оригинальным «суп де гардьен де Камарг». В устье Роны, на обширной болотистой низменности, называемой Камарг, пасутся несметные стада. Их охраняет немногочисленная, но живописная и самобытная пастушья конница — этакие провансальские ковбои. Их экипировка — предмет бойкой сувенирной торговли в Арле. И вот в Авиньоне мы получили возможность попробовать пастушеский суп. Рецепт его остался нам неизвестен, но, видимо, эта забористая похлебка находится в близком родстве с ирландским рагу, столь живо описанным Дж. К. Джеромом в повести «Трое в лодке (не считая собаки)».

Кстати, за тем же обедом подавался среди закусок знаменитый «пате де пап» (папский паштет); хозяин игриво назвал его «паштетом из пап» — в устах атеиста и франкмасона шутка была вполне уместной, католиков за столом не было.

А как же устрицы? Устрицы — это шикарно, это дорого. И они уж не смешиваются с другими закусками, сами по себе, с белым вином, составляют изысканное «антре». Но в Париже и других не приморских районах Франции их продают лишь в месяцы, в названии которых есть буква «р», то есть с сентября по апрель; в теплые месяцы они быстро портятся, и любителям устриц следует ехать за ними в Бретань или Вандею.

Если вы приглашены к обеду и приходите, как это и положено, заблаговременно, то вам сначала предложат аперитив, то есть напиток, способствующий пробуждению аппетита. Здесь более, чем в других областях гастрономии, чувствуется налет заокеанских вкусов: обычно предлагается коктейль из вермута и Джина или виски с полагающимся при сем случае соленым печеньем или миндалем.

Званный обед (а также «прием», назначенный на послеобеденное время) сопровождается специфически вечерними напитками: подаются ликеры, коньяк, иногда в виде особого шика русская водка. Желаящие пьют кофе, обычно лишенный кофеина. Ликеры, коньяки, водка смакуются маленькими рюмочками; откупоренная бутылка служит не на одном приеме. Кстати, французы не понимают, что такое, скажем, молдавский коньяк: для них коньяк — это виноградная водка, производимая в окрестностях французского города Коньяк, на западе Франции. Аналогичная жидкость, изготавливаемая в области Арманьяк, что несколько южнее, так и называется «арманьяк». Прочие же разновидности виноградной водки называются английским словом «бренди». Равно и шампанским называется только шипучее вино, производимое в Шампани; прочие вина такого типа именуются «муссё» (то есть игристыми), и в названии их фигурируют место производства и фамилия фабриканта.

Анжу славится не только винами, но и ликерами, и настоящий анжуйский «куантро» — напиток изысканный. Но можем с гордостью сказать, что во Франции пользуется известностью не только наша «stolitchnaia» — знатоки весьма ценят ликер «Старый Таллин».

Чая французы, как правило, вовсе не употребляют (и мы ощущали это довольно болезненно). Иногда на приемах подается чай — либо из снобизма, либо из желания угодить русским гостям. Но, боже мой, что это за чай! Или он жасминовый (ох!), или мятный (ох-ох-ох!), или, наконец, просто бледно-соломенного цвета. Нет уж, чай будем пить дома.

Читатель, конечно, понимает, что мы описываем здесь быт домовитого французского обывателя. А случилось нам видеть и иное: скажем, парижских каменщиков, сидящих прямо на асфальте с бутылкой молока и батоном — это был завтрак без устриц и без телевизора; о том, как завтракают шахтеры Трелазе, мы уже говорили.

Ведя речь о еде, нельзя обойти молчанием продуктовые магазины, где еда покупается. В универсальных магазинах широко разветвленной сети «Призюник», «Монопри» и других фирм имеются отделы продовольственных товаров, построенные на принципе самообслуживания. Часто это наиболее простой и дешевый способ запастись провизией. В Анже, например, к огромному суперсаму «Карфур» хозяйки подъезжают на своих «рено» или «пежо», подхватывают у входа металлическую тележку (такие тележки стоят штабелями возле универмагов и на вокзалах, они к услугам покупателей и пассажиров) и углубляются в дебри магазина. Иная дама, делая запасы провизии на неделю, да еще прихватывая по пути кое-какую хозяйственную утварь, не довольствуется одной — берет две тележки. Покупки при выходе оплачиваются, тут же можно сложить товары в фирменные бумажные пакеты и, выкатив тележку на улицу, перегрузить ее содержимое в багажник автомашины. А у входа в суперсам вы можете заправить машину горючим: бензин в «Карфуре» тоже чуть дешевле, чем в придорожных колонках.

Если же вам не по вкусу обезличка и некоммуникабельность большого магазина, если вы предпочитаете пообщаться с любезным и словоохотливым продавцом — ступайте в маленькую частную лавочку или, того лучше, на рынок. Чего-чего, а уж общения тут будет предостаточно. И в конце концов, обсудив массу проблем и проведя в содержательной беседе о стоимости жизни и качестве современной баранины минут десять, вы ведь можете и ничего не купить. Вообще любезность продавца и официанта во Франции не находится в прямой зависимости от количества потраченных вами франков. Если вы сегодня ушли с пустыми руками, то принесете свои деньги завтра. Любезность не связана и с боязнью потерять свое место, на дверях многих магазинов висят афиши: требуются продавцы.

А что может быть красочнее, особенно для цветной фотопленки, чем витрина мясной лавки с разнообразнейшими вырезками, чем лоток зеленщика с неправдоподобной цветной капустой, чем выкладка всяческих сортов устриц перед рыбным магазином! Все выглядит, как на сельскохозяйственной выставке. Только ливу даешься: куда деваются чуть заветрившееся мясо или привядшие овощи? В самом деле — куда?

Но горе вам, если вы проворонили часы торговли или остались без пропитания на понедельник (в воскресенье и утро понедельника торговля замирает). Оставшиеся открытыми немногие лавочки мигом оценят конъюнктуру и не преминут ею воспользо-

ваться. Однажды в своих прогулках по Парижу мы увлеклись и забыли купить хлеб. Обежав весь квартал и тщетно толкнувшись в два-три бистро (они не торгуют на вынос), мы последовали совету одной сострадательной официантки и отправились в «драгстор», то есть в «американскую аптеку». Такие учреждения на потребу заокеанским и иным туристам завелись и в Париже. В чудо-аптеке можно приобрести и лекарственные таблетки, но едва ли кто-нибудь приходит туда за ними. Попросту это круглосуточная ярмарка, где торгуют всем, что только может понадобиться приезжему человеку: от пижамы до легкомысленного романа, от шампанского до горчицы. Там мы и приобрели малюсенькую булочку, которая стоила... Нет, лучше не вспоминать, сколько она стоила. Правда, можно было заплатить и дороже за одно погляденье на «аптеку» и ее «пациентов».

ФРАНЦУЗСКОМУ СОПРОТИВЛЕНИЮ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ

Колокольчик у входной двери резко звякает. По лестнице, быстро шагая через ступеньку, поднимается маленькая, сухая, слегка сгорбленная фигурка. Женщина лет шестидесяти, стриженная по-мужски, с острым взглядом из-под очков, с профилем Бонапарта. Знакомясь, крепко жмет руку. Быстрая отрывистая речь, властная повадка: так держатся военные в больших чинах и врачи с большой практикой. Доктор Жанна Зон-Канонн уже добрых тридцать пять лет лечит обитателей Анже, ее знает и стар и млад. Строго говоря, она детский врач, но не прогонишь ведь подросших пациентов, если они не хотят от тебя уходить.

Участница французского Сопротивления, Жанна Канонн написала книгу, озаглавленную цитатой из пророка Иова: «Вопиет душа убиваемых». В бесхитростной форме дневника она рассказала трагическую историю своей семьи за последний год войны — с июня 1944 по июнь 1945 года. Опубликованная в 1951 году с письмом-вступлением Альбера Камю, книга была дважды переиздана — в 1953 и 1966 годах. Но к ней мы еще вернемся.

Назначив нам свидание на четыре часа дня, маленькая докторша так же стремительно сбегает вниз, и через минуту ее тоже маленький и стремительный «пежо» скрывается за поворотом: она делает свои утренние врачебные визиты.

В назначенное время мы подходим к небольшому дому в старой части города, у площади, носящей звучное имя Край Света. Мадам Канонн не без гордости ведет нас через уютный зеленый дворик в свое городское обиталище. Типичное для французов среднего класса пристрастие к «антиките» (старине) сочетается здесь с подлинным вкусом. Достаток популярного врача (медики оплачиваются неплохо) позволил нашей хозяйке обставить свой дом так, что внутреннее убранство в полной гармонии с окружающей архитектурой; а ведь мы в самом сердце древнего Анже — рядом замок короля Рене, кафедральный собор, средневековый лабиринт улочек и переулков, фасады и мостовые в возрасте с полтысячи лет.

Из гостиной поднимаемся в жилые комнаты по винтовой дубовой лестнице; канат, натянутый на железные крючья, заменяет перила. Старинная мебель, оловянная и фаянсовая утварь... Долго, однако, любоваться не приходится. Жанна усаживает нас в свою машину и (хочется сказать — вприпрыжку) мчит на окраину: нам нужно захватить с собой монтера, который займется починкой электропроводки в «Haut Chemain», загородном доме семьи Канонн, куда мы сейчас держим путь.

И уже вчетвером (для маленькой машины это полный комплект) пересекаем Анже с севера на юг, направляясь к Луаре. Но в городском предместье наш «пежо» вдруг сворачивает с шоссе в тенистую аллею. Ворота на запоре, их открывает старик, восторженно приветствующий нашу водительницу. Жанна объясняет: ныне это больница, а в прежние времена здесь был монастырь. В годы оккупации этот особняк занимало гестапо.

Неугомонная мадам Канонн вдруг замирает, ее взгляд обращен внутрь. Цветущий сад, старинное здание, только что дышавшие миром и благоволением, наполнены для нее (и отраженно — для нас) жуткими тенями прошлого... Июнь 1944 года...

«— Мы следим за вами и вашим мужем уже несколько месяцев. Нам известно, чем вы оба тут занимались на протяжении этих трех лет. Назовите имена: кто еще из французов работал с вами в городе? Мы их и сами знаем не хуже, чем вы.

По счастью, этих имен они не знают. Не знают они также имен спасенных нами людей.

— Вы были на жалованье у англичан?

— О!

— Сколько они вам платили?

— ...

— Так чего же ради вы старались?

— Ради человеколюбия.

Они разом вскакивают. Удар кулака сбивает меня с ног.

... .

— Вы занимаетесь саботажем, вы не осматриваете больных, а только подписываете освобождение от работы. За два часа вы подписали шестьдесят больничных листов, оторвали от дела шестьдесят железнодорожников.

— Не моя вина, что врачебный прием продолжается два часа. Мне безразлично, приходят ли ко мне шестьдесят или десять больных. Я принимаю всех, кто пришел.

— Ну что ж, если из вас ничего не вытянешь, поглядим, не станете ли вы покладеетее в присутствии своих детей. Вы нас вынуждаете, и ответственность за испытания, которые им предстоят, ложится на вас. Начнем с самого младшего».

Самому младшему (он был бы четвертым) не суждено было родиться. До трех остальных, семи, пяти и двух с половиной лет (они были в деревне, в тридцати километрах от Анже), немцам было уже некогда добираться. В августе 1944 года, после полутора месяцев тюрьмы и гестаповских допросов, Жанна и Мишель Канонны были отправлены в Германию: ее увозили в Равенсбрюк, его в Бухенвальд. Жанне чудом удалось бежать из эшелона: помогла бомбежка...

У городка Пон-де-Сен мы проезжаем Луару. Мост украшен статуей. Жанна поясняет: это изображение Думнака, вождя галльского племени андекавов, которые вели в этих краях упорную борьбу с легионами Юлия Цезаря.

— Как видите, французскому Сопротивлению уже более двух тысяч лет.

За мостом мы сворачиваем и едем южным берегом Луары, вверх по течению.

Минуем деревушку Пор-де-Валле. Бежав из арестантского эшелона, пройдя за сутки шестьдесят километров, Жанна с северного берега Луары (уже занятого союзниками) переправилась в лодке сюда, на южный берег (еще находившийся в руках немцев). Она искала детей. Дети были в О-Шемане.

«...Пор-де-Валле — сколько воспоминаний!.. Мне нельзя здесь оставаться, меня могут узнать, выдать. А главное — я ставлю под угрозу расстрела тех, кто мне помогает, тех, кто принял меня с такой теплотой... Но уже послали подростка в О-Шеман, он должен привести сюда моих малышей. Немцы повсюду — в Сен-Сюльписе, в Блезоне, даже на соседней ферме».

В Пор-де-Валле Жанна встретила с детьми. вместе с ними ей удалось вновь переправиться через Луару и добраться до Анже...

Проезжаем Блезон. А вот и О-Шеман. Большой участок земли, спускающийся к Луаре, много плодовых деревьев, посаженных еще покойным Мишеlem. Просторный дом старинной деревенской кладки, любовно обставленный доподлинной деревенской мебелью и утварью былых времен. Внизу столовая и, если угодно, гостиная, квадратная комната с огромным камином, где по вечерам собирается вся семья. Наверху спальни детей и внуков. Старинные рукодельные столы и скамьи, кровати и колыбели, глиняная, фаянсовая, оловянная и медная посуда; с гордостью хозяйка показывает подлинные предметы (интимно-санитарного назначения), дошедшие до нее через посредство антикваров из средневековой монастырской больницы.

Сама глава семьи живет летом в божьем флигеле, там у нее свой «чердачок» — подалеже от семьи, поспокойнее. Большая же часть флигеля служит для приема гостей, которые не переводятся; в том числе нередко заходят монахини, паломники: поместье почитается как место святое и теми, кто чтит память о Соппротивлении, и верующими католиками. Вот и святая святых этого уголка: небольшая капелла, где нашел последнее успокоение доктор Мишель Канонн. Для ревностной католички Жанны было всегда большим горем, что ее муж — атеист, и он перед смертью доставил ей последнюю горькую радость: исповедался и причастился.

Эшелон, в котором Мишеля Канонна везли в Бухенвальд, не был разбомблен и «благополучно» дошел до цели. В лагере Мишель быстро терял силы; чудом он избежал газовой камеры. Но когда в апреле 1945 года пришло освобождение, он был уже в злой, безнадежной чахотке. Ему еще привелось увидеть родное Анжу, семью и друзей. В июне 1945 года тридцатисемилетний врач, человеколюбец и патриот, спасший во время оккупации ценой своей жизни много других жизней, скончался на руках жены.

Воспоминания Жанны Канонн были закончены в 1950 году. К этому времени на почве, щедро удобренной кровью героев, взросло немало чертополоха, и в души самоотверженных борцов начали закрадываться горькие чувства. Вот что писал Альбер Камю, прочтя книгу Жанны:

«...Вы признаетесь, что, глядя на нынешний мир, сомневаетесь порою: оправдано ли это самопожертвование? Но ведь такое сомнение сопутствует всякому самопожертвованию, которое в противном случае было бы лишь слепым шествием на заклание. Люди, знающие цену жизни — и лишь одни они, — имеют неотъемлемое право рисковать собою и глядеть смерти в глаза. Я верю, что человек, о чьем пути вы рассказали, принадлежал к их числу. И если когда-нибудь, как вы боитесь, его дети воскликнут, что живой отец был бы им нужнее, чем павший герой, то скажите им, что и он предпочел бы остаться живым для них и для самого себя и что если человек идет на муки и смерть, то его к тому побуждают исключительные причины. Эти причины входят как составная часть в понятие любви к своим близким. Человек готов лишиться радости этой любви во имя того, чтобы оградить любимых от худшего из унижений, называемого рабством. И к тому же нельзя позабыть ту истину, что любить других можно, лишь уважая себя. Не переоценивая, нет, но зная, чего стоишь. А чего стоит тот, кто затыкает уши, слыша крик жертвы, и кто перед окаменяющим взглядом произвола опускает глаза?»

Капелла построена на средства мадам Канонн; сюда с особого разрешения духовных властей был перенесен с кладбища прах ее супруга. Друзья покойного, его пациенты, люди, спасенные им и чтущие его подвиг, внесли свою лепту в создание этого своеобразного мемориала. Вот резные столбы крыльца — железнодорожники принесли обгорелые балки с разбитого бомбами анжейского вокзала, а дочь одного из путейцев, художница, превратила своим резцом эти балки в скорбные статуи, памятник напоминает надгробия жертвам фашистских концлагерей на парижском кладбище Пер-Лашез. Вот витражи, выполненные художниками, пациентами Мишеля. Вот медный колокол — приношение некоего маркиза. Вот венчающий капеллу крест — дар местного депутата-коммуниста.

«Перед моим взором, дорогой Друг, тот сияющий июньский день, — ты среди торжественного шествия. Цветы и знамена, толпа в благоговейном молчании... Они с тобой — идут твои близкие, твои друзья, ковыляют узники, только что вернувшиеся из концлагерей, идут железнодорожники, активисты профсоюза путейцев, твои больные, твои сотоварищи... Их сотни и сотни. Они сомкнулись вокруг твоего гроба, они чтут твою намять.

Я иду рядом с тобою в последний раз, мы вместе проходим через твой сад, который отныне станет мне прибежищем в трудные часы.

Процессия останавливается. Опускается трехцветное полотнище, к нему прикован мой взгляд, я вижу только его...»

Жанна вводит нас в капеллу, преклоняет колени, шепчет молитву. Стоя рядом с нею, мы вспоминаем о своем: о ленинградской блокаде, о детских санках, увозивших запеленатые трупы в последний путь...

Рядом с капеллой — земляной холмик, увенчанный каменным крестом: кто-то безымянный зимою в отсутствие хозяйки дома поставил свой памятник — то ли Мишелью Канонну, то ли просто всем жертвам войны.

Мы возвращаемся в дом. Электрику работы часа на полтора-два: надо кое-где сменить обветшалую проводку. Жанна усаживает нас в машину, мы едем вверх по Луаре. Прелестные мягкие пейзажи, зеленые берега коварной красавицы реки. Купаться в ней запрещено. Дно Луары постоянно меняется, мирные отмели соседствуют с бездонными омутами. Два года назад в этих местах утонуло разом девятнадцать подростков из летнего лагеря скаутов. Каждый год возникают новые островки, другие скрываются под водой. Ни судов, ни пристаней на широкой этой реке. Зато берега на диво живописны: луга, сады, перелески, деревни, замки, монастыри. Вот деревушка Кюно с замечательно сохранившейся церковью XI—XIII веков чистой романской архитектуры. Вот мост и памятник у моста: здесь погибли в 1940 году курсанты сомюрской кавалерийской школы, защищая переправу от немцев. Вот тихое сельское кладбище, притаившееся под сенью огромной круглой средневековой башни.

Но уже недалеко вечер, пора возвращаться в Анже. Заезжаем за электриком. Работа закончена, мы все покидаем О-Шеман. Мадам Канонн гонит машину вонсо: мы обещали вернуться к восьми часам. Впрочем, это не мешает ей затормозить при виде голосящего на обочине юноши. По коротко остриженной голове наметанный глаз Жанны сразу видит, что это солдатик, отпущенный из казармы на вечер: «Навещал старуху тетку». И вот мы уже стеснились впятером в маленьком «пежо». Мадам Канонн подробно, с пытливецостью терапевта расспрашивает солдатика про службу, про начальство, про семью... Единственно о чем она сожалеет — о том, что не может подвести и других таких же пареньков (а они попадались нам нередко). Уже стемнело, священное для французов время обеда давно наступило, но Жанна не успокаивается, пока не доставляет солдатика с шиком к самым воротам казармы, делая для этого изрядный кряк. Последние минуты в машине она посвящает доскональным вопросам: как осуществить поездку в Советский Союз? Она много путешествует.

Вот мы и дома. Спасибо, мадам Канонн! Но она, попрощавшись, спохватывается, выскакивает из машины и бежит за нами вслед — чуть не забыла вручить приготовленный для нас подарок, свою книгу.

«ЗОЛОТАЯ РОЗА» ДУЭ-ЛА-ФОНТЕНА

Городок с поэтичным названием Дуэ-ла-Фонтен не так-то легко отыскать на карте Франции. Между тем он древнее многих европейских столиц. Вода источника («фонтен»), давшего имя городу, считалась целительной для глаз еще у древних галлов. Не будем настаивать, что именно здесь испустил последний вздох полубогородный король франков Дагобер, но вполне вероятно, что король Аквитании Людовик Благодостивый, сын Карла Великого, действительно жила здесь подолгу, и не без удовольствия.

Неизвестно, устраивал ли король Аквитании (мечтавший о монастырской келье и проведший всю жизнь в войнах) поэтические турниры, но нас привел в этот маленький анжуйский городок, лежащий на востоке 49-го департамента, недалеко от Сомира, именно такой турнир — поэтический конкурс на приз «Золотая роза».

Дуэ-ла-Фонтен — город роз. Жители его разводят розы не только и не столько для красоты, сколько на продажу: в прошлом году, к примеру, ими было продано около пяти миллионов роз (а все население городка — шесть тысяч душ). Мягкий климат, щедрые почвы, благоприятная рыночная конъюнктура — все эти факторы содействовали тому, что в послевоенное время городок, да и весь кантон, центром которого он является, превратился в настоящее розовое царство.

Не преувеличивая роли личности в истории, мы все же полагаем, что городку повезло: уже более десяти лет во главе местного самоуправления стоит человек, отличающийся энергией, изобретательностью и доброй волей, — господин Жан Бего. Мэр городка — одновременно один из видных специалистов по выращиванию роз. Он немало сде-

лал для процветания (в прямом и переносном смысле) всей округи. На последних выборах в Национальное собрание господин Бего занял депутатское кресло в Бурбонском дворце.

Если последовать совету Козьмы Пруткова и поглядеть в корень — в данном случае в корень розового куста, — то мы, разумеется, увидим там коммерцию. Которая, понятно, нуждается в рекламе. Однако роза не автомобиль и не подтяжка, реклама такого товара требует изыска. И вот в 1963 году в Дуэ-ла-Фонтене впервые проводится широко объявленный поэтический конкурс на одно стихотворение, посвященное розе, конкурс на приз «Золотая роза». Пусть премия в финансовом выражении довольно скромна — поэзия во Франции имеет немало активных поклонников, а требования к соискателям не такие уж обременительные. И нынче на конкурс, ставший уже ежегодным, прислано свыше четырех тысяч произведений — и не только из десятков департаментов Франции, но также из многих других франкоязычных стран: Бельгии, Швейцарии, Канады, из молодых африканских республик. Поступило несколько стихотворений и на английском языке; скажем, забегая вперед, что одно из них (из США) даже удостоилось бронзовой медали.

В составе жюри, среди «двадцати садовников, взращивающих Золотую розу» (мы цитируем сомюрскую газету «Западный вестник»), можно найти имена людей искусства, известных далеко за пределами их отечества: Эрве Базена, Армана Лану, Тристана Майя, Ги Лафаржа и других. Непременным членом почтенного ареопага является и анжуйский поэт Жан Бенуа.

Оказался приглашенным в состав жюри и один из авторов этих строк, что, несомненно, объясняется как французской галантностью, так и повсеместным доброжелательным интересом к советским людям.

Неделя роз проводится в Дуэ-ла-Фонтене ежегодно в середине июля. Естественно, что центральное место в праздничной программе, сопровождающей выставку-продажу роз, занимает вручение призов поэтического конкурса. Члены жюри собираются для определения лауреатов заранее, примерно за месяц до праздника. Съезд «садовников Золотой розы» представляет собою, в свою очередь, любопытное и широко отмечаемое прессой, радиовещанием и телевидением празднество.

Нужно сказать, что устроители конкурса, воодушевленные его всефранцузским и даже международным резонансом (и, соответственно, коммерческой выгодой), расширили поле деятельности: в 1970 году было впервые организовано благотворительное мероприятие «Роза надежды» — часть прибыли от продажи цветов за Неделю роз отчислялась в пользу детей-инвалидов. С 1971 года в дополнение к поэтическому конкурсу проводится второй конкурс «Золотая роза» — песенный. По условию этого конкурса лауреаты его (авторы текста и музыки) передают авторские права вышеназванному благотворительному фонду; одна из фирм грамзаписи берет на себя массовое распространение премированной песни на пластинках. Таким образом, авторы получают известность, фирма — рекламу, обделенные судьбою дети — малую толику средств, а Дуэ-ла-Фонтен приумножает свою славу.

Итак, в начале июня, в нежаркий субботний день, в четырнадцать часов два десятка членов поэтического жюри садятся за большой стол в зале совета мэрии. Ответственный секретарь конкурсной комиссии передает судьям размноженные копии присланных стихотворений. Разумеется, не всех первоначальных четырех тысяч: местными силами уже произведен отсев и то, что признано заведомо несостоятельным, минует судей. Остается рассмотреть лишь с полсотни опусов. Судьи погружаются в чтение. Гостеприимный хозяин — мэр городка и председатель конкурсной комиссии господин Бего — заботится о том, чтобы работа протекала в наиболее благоприятных условиях: следит, достаточно ли бумаги и карандашей, предлагает прохладительные напитки, умеряет пыл находящихся в зале фоторепортеров...

Но вот уже шестой час, жюри спешит подвести итоги, в зал доносится шум толпы, собравшейся на площади, бравурная музыка: к шести часам ждут прибытия префекта из Анже, столицы департамента. Удастся улучшить момент и выглянуть на площадь с балкона мэрии, украшенного гроздьями национальных флагов. Внизу в строгом порядке расставлены «*maîtres de la Rose*» — юные трубачи и барабанщики, ученики музыкальной школы, наряженные в красочные средневековые костюмы. Население городка вы-

сыпало на площадь: местная газета права, утверждая, что его обитателей живо волнует все, что касается «Розы».

Жюри лихо радочно подытоживает результаты, долгий марафон «Золотой розы» заканчивается стремительным спуртом. Голосованием определяется пять лауреатов конкурса, и среди них — обладатель «Золотой розы» на текущий год. Нынче «Роза» уедет в Париж. Специальную премию для юных поэтов получает двенадцатилетняя поэтесса из Вандеи.

Одновременно в другом помещении заканчивает свои труды жюри песенного конкурса. Все судьи, утомленные долгим сидением, бродят по залу совета, делятся впечатлениями. Фотографы, репортеры, телевизионщики яростно набрасываются на беззащитные теперь жертвы.

Не будем кривить душой: среди лауреатов мы лично не усмотрели ни нового Гютье, ни второго Превера. Но то, что внимание тысяч людей привлечено к поэзии и цветам, сам по себе факт безусловно положительный.

Барабанный бой и трубы возвещают о прибытии префекта. В зале совета начинается парадная церемония. Смысл ее не только в объявлении итогов конкурса. В торжественной обстановке, при свете юпитеров и сверкании блицев господин Бего вручает префекту департамента Мен-и-Луара чек на 10 тысяч франков — сбор от прошлогодней «Розы надежды» в пользу благотворительного фонда. При этом мэр города и префект департамента дают присутствующим возможность удостовериться, что искусство красноречия в современной Франции отнюдь не пришло в упадок.

Вслед затем оглашаются результаты поэтического и песенного конкурсов текущего года. Секретарь комитета звучно читает удостоенное «Золотой розы» стихотворение, присутствующие аплодируют, школьницы в нарядных карнавальных платьях обносят гостей бокалами с шипучим анжуйским вином. Префект удаляется, труды участников торжества закончены. Мэр приглашает почетных гостей в ресторан «Король Дагобер», где нас ждет парадный обед. Тосты и дружеская застольная беседа скрепляют узы, завязавшиеся за рабочим столом, изысканные блюда французской кухни кажутся нам не менее поэтичными, чем лучшие из прочитанных за день строк, что же до золотых и рубиновых анжуйских вин, то они, бесспорно, не уступают анжуйским розам.

Назавтра, в воскресенье, то же общество собирается поутру у старинного особняка, где помещается мэрия. Энергичный и элегантный господин Бего знакомит своих гостей с достопримечательностями Дуэ-ла-Фонтена. Как ни странно, у маленького городка их бездна. Тут и пресловутый источник, и руины каролингской эпохи, обнаруженные прошлым летом при раскопках, и архитектурные памятники средневековья и Возрождения.

Отправляемся на окраину, где привольно раскинулся спортивный городок. К нему ведет широкая нарядная аллея, не без гордости мы прочли на белой эмалевой дощечке: «Promenade Y. Sagatine». В спортивном городке — площадки для игр, теннисные корты, гимнастический стадион, три плавательных бассейна, дорожки для верховой езды... И всюду кусты роз, кое-где уже зацветающие! Рядом со спортгородком территория кемпинга. Ведь летом Неделя роз привлекает количество туристов, чуть ли не вчетверо превышающее население Дуэ-ла-Фонтена.

Недалеке от спортивного комплекса — район новой застройки. Участки продаются застройщикам ассоциацией садоводов на льготных условиях, но с одной оговоркой: никаких заборов, вместо них живые изгороди из розовых кустов.

Мэр делится с нами планами на ближайшее будущее: задумано строительство второго кемпинга, четвертого (зимнего) бассейна, дома для престарелых жителей городка...

Далее наш путь — к замку местного феодала. В запущенном и обветшалом баронском замке идут восстановительные работы; он откуплен общиной у титулованных владельцев и в нем будут оборудованы комнаты для престарелых. А чтоб старикам не скучать в стороне от общественной жизни, тут же расположится городской культурный центр с собраниями, киносеансами, молодежными вечеринками. «Смычка» поколений — предмет особой заботы. В каждой из комиссий муниципалитета одно из мест занимает член совета старейшин, а одно предназначено для представителя юных. Кстати, Дуэ-ла-Фонтен в отличие от многих провинциальных городков Франции не жалуется на отлив

молодежи, и накануне, наблюдая городскую толпу, мы сами могли в этом зрительно убедиться.

Небезынтересно, что замок, которому уготована столь благородная и демократическая будущность, был построен сеньором Дуэ-ла-Фонтена бароном Фулоном, контролером финансов при Людовике XVI. В день взятия Бастилии он удостоился чести стать первым аристократом, вздернутым на фонарь.

Осматривая городок, мы узнаем, что под ним имеется целая сеть катакомб — каменных выработок, — которые во времена религиозных войн давали жителям убежище, в годы Революции служили тюрьмой для пленных вандейцев, а в период гитлеровской оккупации были приспособлены немцами под склады оружия. Эти подземелья будут расширены и войдут в туристский комплекс Дуэ-ла-Фонтена.

Экскурсия подходит к концу. В программе воскресного дня — завтрак в честь жюри «Золотой розы». Но куда же ведет нас мэр? Вокруг дикая романтическая природа: вековые деревья, скалы, в глубине чернеет узкая щель. И вот мы в огромном гроте, вырубленном в сердце скалы: это каменоломни, подобные тем, которые можно видеть в Сиракузах на Сицилии. И как же, как в Сиракузах, рядом театр, ступенчатая чаша, выдолбленная в камне. Конечно, масштабами и возрастом дуэ-ла-фонтенская «Арена» уступает театру Дионисия Сиракузского, но все же она весьма живописна. В Неделю роз здесь даются спектакли, а в гроте и его ответвлениях, где архитекторы и осветители помогли природе и средневековым каменотесам, устраивается выставка цветов.

Сегодня в этом каменном зале (как поэтично, не правда ли?) будет пировать наш поэтический ареопаг.

Впрочем, грот вполне приспособлен для ресторанных функций, но со вкусом, ненавязчиво, и ресторанный трапеза сохраняет характер пикника на лоне природы. Повара отлично вписываются в романтический пейзаж: в своих ярких куртках и шляпах, вооруженные длиннющими ножами, они скорее смахивают на оперных бандитов. Двое поворачивают огромные вертела, на которых жарятся целиком два барана — увы, музы требуют жертв!

Гостям вручаются смешные карнавальные маски и головные уборы. Под звериными масками и гусарскими киверами поди тут отличи профессора Сорбонны от автора модных песенок. Все шумно рассаживаются за длинным общим столом. Нас предупредительно усаживают с краю, у гигантского пылающего камина — день выдался пасмурный и прохладный.

Последующих добрых два часа ни в сказке сказать, ни пером описать: мы поняли, что значит очутиться на родине славного Гаргантюа...

Июньский день клонится к вечеру. Мы прощаемся с гостеприимными хозяевами. Мирного вам цветения, розы Дуэ-ла-Фонтена!

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

К 100-летию со дня рождения С. Н. Сергеева-Ценского

ПИСЬМА СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО К Н. С. КЛЕСТОВУ-АНГАРСКОМУ

В сентябре этого года наша литературная общественность отмечает столетие со дня рождения выдающегося советского писателя Сергея Николаевича Сергеева-Ценского (1875—1958). С. Н. Сергеев-Ценский, начав свой творческий путь на самом рубеже минувшего и нынешнего веков, обогатил русскую и советскую прозу целым рядом значительных произведений. Из того, что было им создано в советское время, особенно высокое признание и читательскую популярность завоевали два больших эпических полотна — «Преображение России» и «Севастопольская страда». Творчество С. Н. Сергеева-Ценского, в котором Горький видел одного из продолжателей традиций русской классической литературы, стало заметной вехой в развитии нашего искусства.

Николай Семенович Клецов-Ангарский — профессиональный революционер, член партии с 1902 года. Один из активных участников трех революций. Он был литературным критиком, издателем, редактором, с мнением которого считались писатели разных поколений.

В начале 1912 года возвратившись из ссылки, с берегов Ангары, куда был отправлен по этапу за участие в событиях 1905 года и за издание первого легального сборника статей В. И. Ленина в России «За 12 лет», Н. С. Клецов-Ангарский вместе с В. В. Вересаевым создает товарищеское «Книгоиздательство писателей в Москве». Членами этого товарищества стали почти все писатели реалистического направления того времени, в том числе и Сергеев-Ценский.

За двенадцатилетнее существование (с 1912 по 1923 год) «Книгоиздательство писателей» внесло определенный вклад в развитие реалистической литературы, выпустило в свет около четырехсот книг, главным образом писателей-реалистов.

В июле 1912 года общее собрание пайщиков «Книгоиздательства» постановило приступить к изданию литературных сборников под названием «Слово». Эти сборники объединили лучших представителей так называемого нового, «возрождающегося реализма». Все произведения сборника носили жизнеутверждающий характер. Такое восприятие жизни имело большое общественное значение в годы реакции, когда в литературе процветал культ смерти и увядания.

В 1914 году газета «Путь правды» выступила со статьей «Возрождение реализма», в которой говорилось об усилении здоровых настроений в литературе и обществе. Сборники «Слово» признавались одним из доказательств этого.

Сближение Сергеева-Ценского с «Книгоиздательством писателей», несомненно, содействовало утверждению новых тенденций в его творчестве.

Н. С. Клецов-Ангарский находился в дружеских отношениях с Сергеевым-Ценским. Их переписка продолжалась с 1912 года до конца 20-х годов.

Мы приводим небольшой отрывок из воспоминаний Н. С. Клецова-Ангарского и письма к нему Сергея Николаевича Сергеева-Ценского, относящиеся к 1912—1916 годам.

* * *

«С»ергей Николаевич был человеком легкоранимым, самолюбивым, часто противоречивым. Его резкие литературные суждения далеко не всегда были обоснованны, но мне он нравился. Нравился своей незаурядностью, непосредственностью, честностью, несомненно ярким талантом, умением разглядеть все разнообразие тонов и оттенков, которыми насыщена жизнь. После благонамеренной скуки так называемых честных писателей приятно было отдохнуть на произведениях Сергеева-Ценского, даже на таких, как «Печаль полей», не говоря уже о «Приставе Дерябине» и таком высокохудожественном рассказе, как «Недра». Лет восемь спустя этот рассказ был использован мною для названия литературных альманахов и самого издательства, которые мне довелось возглавлять. Литературные альманахи и издательство «Недра» просуществовали с 1923 по 1931 год. Сергееву-Ценскому удалось в своем рассказе «Недра» ярко и образно показать величие человеческого духа, красоту жизни, идущей из самых недр Земли, природы. Это как бы гимн всепобеждающей жизни, открывающей все новые и новые дали. Данное произведение Сергеева-Ценского как нельзя лучше отвечало тем задачам, которые ставили перед собой сборники и издательство.

В одной из своих статей о Сергееве-Ценском я писал, что задача художественного творчества состоит не в простом изображении жизни и описании действительности, а в художественной переработке наблюдений и связи жизни с вечностью. Вот именно этим и пронизан рассказ «Недра». Должен пояснить, что под вечностью я понимал такое изображение жизни, когда в сознании читателя неизбежно возникают те большие вечные проблемы, которые так отличают произведения художественной литературы от ремесленной. Я полагаю, что подлинное художественное произведение неизбежно раскрывает перед читателем бесконечные перспективы жизни. Такова сила образов и изображения природы в художественной литературе. Многие произведения Сергеева-Ценского отвечали этим требованиям. Хочется привести высказывание М. Горького о Сергееве-Ценском. «...в этой книге (имеется в виду «Преображение». — М. А.)... Вы встали предо мною, читателем, большущим русским художником, властелином словесных тайн, пронизательным духовидцем и живописцем пейзажа, — живописцем, каких ныне нет у нас» (М. Горький. Собрание сочинений. 1955, т. 29, стр. 412).

1912 г. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

Я хотел бы издать отдельно две мои повести «Движение» и «Печаль полей». Передайте Вересаеву, что я ничего не имел бы против, если бы москвичи пожелали бы издать. При этом я мог бы войти в пайщики книгоиздательства. Обе мои повести можно было бы издать по 2 тысячи экземпляров. Так как я, автор, для большей части публики известен только по пародиям, то можно было бы снабдить обе книжки краткой пояснительной статьей, что это, мол, не юмористические рассказы, а автор задался более серьезными целями и т. д.

Ваш С. Ценский.

1913 г. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

Получил и отправил корректуру «Медвежонок»¹. Посвящаю Репину, так и заставьте изобразить в сторонке под заглавием курсивом. Присылайте наконец договор... Как показалась Вам обложка?..

Ваш С. Ценский.

¹ Рассказ «Медвежонок» был напечатан в первом номере сборника «Слово».

1913 г. 26 января. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

На обложках художественных я не настаиваю, тем более что есть огромный круг читателей, которых художественные обложки только отталкивают (к таким читателям принадлежат пожилые люди). Поэтому делайте как знаете. Меня это, в сущности, не интересует...

Ваш С. Ценский.

1913 г. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

Сегодня получил от Ивана Сергеевича Шмелева¹ праздничный номер «Раннего утра». Храбрая газета собрала целый альманах листов в 15 (с Куприным, Каменским, Дымович и прочих). Моя «Благая весть» занимает 420 строк, что составит по 50 копеек за строку — 210 рублей, которые Вы из «Раннего утра» возьмете и перешлете мне телеграфом. Только тогда я смогу выехать на этюд, чтобы прислать рассказ для Вашего сборника. Думаю Вам прислать его через месяц...

Ваш С. Ценский.

---

¹ Ш м е л е в Иван Сергеевич (1875—1950) — русский писатель.

1913 г. 29 июля. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

Рассказ мой будет называться «Инженер Матиец», я хотел было сперва назвать его так: «...И сущие во гробах». Но это претенциозно. Рассказ будет представлять одну из предварительных глав к роману «Вера, Надежда, Любовь». Конечно, все эти главы будут презаконченными произведениями и связи между ними не будет никакой, но намеченные в них образы развернутся духовно в самом романе, который займет много листов. Рассказ пришлю не раньше чем 15-го августа. Но прошу со мной не считаться, если он не понравится, верните мне его. Свой роман «Преображение» я, кажется, устроил в журнал «Сев. зап.», «Прометей» хочет заказать обо мне книгу: ищет «чуткого» критика...

Жму руку.
Ваш С. Ценский.

1913 г. 9 сентября. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

Посылаю рукопись, которую пришлось задержать на день. 2-я и 12-я главы пишутся и через два-три дня будут готовы. Без них рукопись читать не стоит, ибо они представляют из себя весь смысл написанного, конечно в образах, а не в рассуждениях. Последняя глава в мажорных тонах!

Матиец, конечно, не умрет, а будет одним из главных действующих лиц моего большого романа. Во 2-й главе, как «дошел он до мысли такой». В обеих главах будет еще пол-листа, так что в общем рукопись будет 4½ листа.

...Роман «Вера, Надежда, Любовь» очень меня занимает оригинальностью конструкции и фабулой. Но эти 10 предварительных глав, из которых 2 будут 4-актные пьесы, очень затягивают подход к роману, а без этих глав нельзя. Людей в романе будет страшное количество... Затем паки и паки, если не понравится или что, верните, а предлог всегда готовый — дороговизна! Рад, что Вам понравилась идея «юношеских сборников». А рассказы я Вам просто выдерну из книг и пришлю...

Всего Вам доброго.
Ваш С. Ценский.

1913 г. 11 сентября. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

Оба отчета получены, и меня очень радует, что 500 экземпляров 6-го тома проданы. Но еще больше меня бы обрадовало, если «Инженер Матиец» был бы одобрен книгоиздательством, если не слишком ошеломит величина его и якобы запутанность изложения. Тенденция рассказа — демократия-победительница. Лучше всего назвать именно так, как я думал сначала, «...И сущие во гробах», а в скобках («Инженер Матиец»), так яснее будет тема рассказа для критиков, которые обыкновенно меня не понимают. Не нужно смущаться тем, что последний день Матийца подробен до чрезвычайности. В этих чрезвычайных подробностях и есть вся суть: тут цепи Земли, которыми она именно и сковывает. Не будь на Земле подробностей, она была бы только идеей, т. е. понятием философским.

Мне рассказ не нравится, но ведь мне не нравились и «Недра» и «Движение», которые так понравились критикам. И только потому, что я объяснил замысел и избавил их от нудной и нелюбимой работы вдумываться в вещь. Я пишу об этом подробнее, когда пришло все, и с тем, что напишу по поводу рассказа, прошу познакомить тех, кто будет читать рассказ. Но, может быть, рассказ уже поставил в недоумение. Тогда пришлите мне его обратно. Только не потеряйте ни листочка, ибо черновики у меня никаких не было и нет. Я пишу прямо набело...

Всего доброго.
Ваш С. Ценский.

1914 г. 28 марта. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

Когда закончу «Преображение», весь к Вашим услугам, но теперь я очень занят и очень зол, что приходится писать о зиме, когда кругом такая весенняя панорама. Почему Вы так гоните сборники? Куда мчитесь? Дайте ответ! Значит, в августе должна быть «Кошка»¹. Окочусь в августе!..

- Ваш С. Ценский.

¹ Имеется в виду рассказ.

1914 г. 5 сентября. Севастополь.

Дорогой Николай Семенович!

...Не вздумайте написать в здешнюю часть, что в Севастополе, мол, служит писатель такой-то, тогда как никому из своих сослуживцев не говорю, что я писатель. А что касается участия в сборнике? Голубчик, посудите сами, когда же мне тут писать? Да тут и минуты свободной не выберешь. И какие у меня тут наблюдения, впечатления? А думы... думать тоже некогда. «Не до жиру — быть бы живу».

Ваш С. Ценский.

1914 г. 24 ноября. Севастополь.

Дорогой Николай Семенович!

Как живете-можете? И как Вам нравится война, которая обещает затянуться до полного разорения, опустошения и одичания Европы и нас с Вами? Думаю, что Вы уже перестали думать об издании каких-нибудь новых книг, которые теперь никто покупать не будет, и очень удивлюсь, если услышу от Вас, что кто-нибудь покупал за время с 1-го августа по 1-е декабря мои книги. Я думал, что война эта, столь дорогая в смысле людей и денег, окончится не позже как к Рож-

деству, но вот уже Рождество на носу, а конца войны и не видать даже издали. Смело можно сказать, что до новых веников хватит и, пожалуй, что даже на новые салазки останется. Около двух лет я трубил в Японскую войну, приходится неведомо сколько трубить и теперь: в плену всяких уставов и дисциплин — очень это скучная вещь, и всем своим литературным врагам я мог бы теперь пожелать только своего положения: пусть их произведут в офицеры и пошлют на побережье в охрану. Напишите, как идут дела в издательстве и у Вас лично.

Всего доброго.
Ваш С. Ценский.

1914 г. 10 декабря. Севастополь.

Дорогой Николай Семенович!

Я потерял насчет войны всякую сообразительность и совершенно отупел, тем более что служба у нас, как на всяком театре военных действий, скучная, дикая, отнимающая буквально все время, с вечной шинелью и шашкой, с матерыми подполковниками и анекдотами, которым сто лет, с бессонными ночами на дежурствах, когда часы проходят за часами и не заполнены решительно ничем, точно ты в тюрьме, или в плену, или на другой совсем планете...

...Зима предвидится малодеятельная, скучная, а до весны еще так далеко, что совсем в нее не верится... Порадовали только сербы-молодцы. Дай им Бог здоровья! А у нас что-то неважно (да и откуда быть важному)... Ну хорошо.. Выпускать теперь литературу можно только что касаясь войны, а с остальным надо бы подождать! Теперь такое время, когда злободневность стала талантливей всех талантов. Снимем шляпу перед ней (или откозыряем) и пропустим ее вперед...

«Наклонную Елену» и «Лерика» набирать, конечно, можно. Набор этот будет три листа для VIII тома, который выйдет пусть в сентябре — октябре и будет называться «Наклонная Елена». Включать же в этот том надо будет «Наклонную Елену», «Лерика», «Кюшку» и еще 6 мелких рассказов. Затем допишу т. VII «Преображение» и издам вслед за VIII. Это и будет моя довоенная деятельность. Так как послевоенная пойдет по другому руслу. За время войны книги мои дают по 27 рублей в месяц... вот так «итог жизни». Хорошо еще, что получаю жалованье 135 рублей...

Ваш С. Ценский.

Р. С. Совсем забыл. Вот что у меня к Вам еще. Луначарский совместно с критиком Тугендхольдом задумал книгу о безвременно погибшем 24-летнем художнике — Василии Всеволодовиче Крестовском (сыне автора «Трущоб»). Книга будет в виде дневника Башкирцевой и с репродукциями с картин покойного, имевших крупный успех в Париже. Покойный эмигрант бежал из Сибири в Париж, где быстро выдвинулся как художник и скульптор. Женился перед войной. На войну пошел добровольцем и убит. Совершенно необыкновенная биография. Книга будет иметь несомненный успех. Если предложение Луначарского будет у Вас в комитете обсуждаться, прошу Вас и Ивана Сергеевича (Шмелева) вотировать за издание этой книги. Некрологи о покойном были во всех парижских газетах и у нас в «Русских ведомостях», «Русском слове» и др.

1915 г. 7 марта. Севастополь.

Дорогой Николай Семенович!

Перед возможной отправкой из Севастополя (хотя Феодосию, например, недавно, 5-го марта, опять обстреляли). Хотелось бы с Вами посоветоваться вот о чем. Издательство «Польза» издает книжечки современных писателей, я не

прочь был бы дать им, если бы они обратились ко мне: «Медвежонка», или «Пристава Дерябина», или «Лесную топь», или 2—3 отрывка из «Бабаева» («Кукушку», «Сумерки» или «Одну душу»), или серию мелких рассказов. Одно время я думал, что это, то есть издание отдельных книжечек в «Пользе», повредит моим томам, но теперь вижу, что повредить им ничто уже не может, все равно как мертвому телу... И, может быть, для издательства это будет полезно. Книги будут лучше идти, и тогда большая публика узнает меня хотя бы по фамилии. А то ведь никто не знает. Я вот сейчас служу с разными интеллигентными людьми (есть учителя, адвокаты, врачи). И мне даже маски носить не надо. Никто из них о моем существовании и не предполагает даже, что я что-то такое «писал в журналах»! И не только эти провинциальные люди! Недавно Кони спросил академика российской словесности в одном петербургском обществе: «А как вы, А. П., думаете о Сергееве-Ценском?» — «А... а... это... этот порнограф? Какой же это пи-са-тель!» Тогда спрашивающий разубедил его: не порнограф, дескать, он, это Анат. Каменский порнограф. Оказалось, что он, академик словесности российской, совсем никогда обо мне не слышал и не читал... Напишите мне по поводу всего этого. Крепко жму руку. Мне кажется из моего прекрасного далека, что никто ничего не читает, даже газет (за исключением «Нового времени» и «Русского слова»). Вам, конечно, в Москве виднее.

Ваш С. Ценский.

1915 г. Севастополь.

Дорогой Николай Семенович!

Иван Сергеевич Шмелев расскажет Вам, в каком маразме он меня нашел. И что я могу сделать больше, чем делал. Вот теперь опять суета на десять дней, без отдыха по случаю разных военных событий. Вы пишете: «работайте по вечерам». А не угодно ли Вам по ночам целым заниматься службой? Ведь служба не ждет и не справляется: «Не нужно ли вам пописать малость?» И Вы представьте это страшное отвлечение от той жизни, которую делаешь, например, в сторону «Кошки». Толстой писал в «Севастопольских рассказах» о том, что его окружало. Он не мог бы в то время написать «Крейцерову сонату». Придет время — кончу «Кошку».

Издайте книгу о художнике Крестовском.

Ваш Ценский.

1915 г. 29 мая. Севастополь.

Дорогой Николай Семенович!

На Ваше письмо отвечаю тут же.

1) Хотите облагородить мой 6-й том? Хорошо. Но почему не назвать его по 1-му рассказу «Медвежонок». Называть «Приставом Дерябиным» не годится, ибо приставы в России не в фаворе, даже у девиц.

2) Насчет аванса вполне с Вами согласен, тем более что на черта он мне! Я это хотел предложить как побудительную для меня причину. Но служба, хотя и не под обстрелом нахожусь, отнимает у меня много времени — то есть всего меня как творческую личность, оставляя только такого-то офицера и совсем ступенька вая когда-то что-то писавшего. Вам не вполне это понятно? Объясняю при помощи сравнения. Например, есть хорошая русская пословица «С волками жить — по волчьему выть». То есть посадили Вас в дом сумасшедших — отрешитесь от своей здравомыслящей личности и выкидывайте козлов! Выкидываете вы их месяц, другой, пятый, десятый, и что же должно получиться в конце? В конце концов Вы забываете все, что Вы знали о себе раньше, о Вас подлинном. И будь Вы хоть трижды Шекспиром, Вы не нужны сейчас как трижды Шекспир, а нужны только как командир роты. В голове у Вас поселяются разные приварочные, вещевые, хлеб-

ные, чайные довольствия и отчетности по ним. Миллион всевозможных солдатских нужд, больших и малых, строевые занятия, дежурства, караулы, наряды на погребения, выяснение разных предписаний, смотры и прочее, и прочее, и прочее. Вы сходите с коллегами, а они не Андреевы, не Шмелевы, не Толстые, а поручик Золотухин, капитан Бубликов, подполковник Лапшин. «Вы,— спросят они,— читали приказ насчет 2-й пары сапог?» Вот и все наши разговоры. А Вам в Москве, на Никитской, кажется все, что я писатель. Ничего подобного. Я уже давно вторая пара сапог. Мог бы несколько прийти в себя, если бы дали хотя бы 2-недельный отпуск, но отпусков не дают никому. Наконец, я должен еще сказать, что я весь в войне, я читаю каждый день гениальнейшие по захвату и масштабу произведения, представляющие продукт творчества миллиарда людей (имеются в виду письма на фронт и с фронта). И в сравнении со страницами этих произведений все мои «Кошки», что же они такое?! И мне сейчас стыдно даже думать о каких-то «Кошках»...

...Июнь мы, может быть, простои́м здесь еще. Вы удивляетесь, что мы долго стоим «на пороге к делу». Но ведь на войне все дело. И всегда нас могут перебросить на фронт, хотя и здесь мы тоже «на фронте», и если нам дадут ордена, то с «мечами». Хватит нас на какой-нибудь час современного боя (что такое по нынешним боям 6-тысячный отрядик?), а до линии боев мы можем добежать за три дня! Так мы и выполним в одно прекрасное время свое предназначение! Война затянется еще года на два, и состав армии обновиться должен еще раза три. Вот мы однажды на такое обновление и пойдем, а когда именно, про то высшее начальство знает. Ведь и Австро-Германия мобилизовала не меньше 15 миллионов солдат, а на фронте не больше пяти, остальные в резерве. Пополнять полки приходится ежедневно, и в иных частях переменялись все начиная с командира и кончая кашеваром. Только одно название части осталось да знамя!..

Ваш С. Ценский.

1915 г. 10 июня. Севастополь.

Дорогой Николай Семенович!

Конечно, печатать «Преображение» в сборнике не стоит, и если я предлагал, это только для очистки совести. Совершенно не стоит. Кроме того, я даже думаю, что издавать теперь, в такое страшное, тяжкое время, сборники художественных произведений, написанных до войны или вне войны, почти преступно. Теперь и литература должна быть только служебной работой, для армии и для тыла армии. Конечно, подобную литературную работу я нес бы с гораздо большим удовольствием, чем мою теперешнюю, так как в моей теперешней меня может свободно заменить любой мало-мальски грамотный человек. (Теперь в офицеры производят и окончивших городские училища.) Но я ведь не артист императорских театров, не певец цыганских романсов, не борец из чемпионата «дяди Вани». Я только писатель-художник, ergo в высшей степени вредный человек с точки зрения правительственной и никому не нужный с точки зрения общественной. Будь я академиком, меня бы не взяли. Таково различие между Бунным и мною. Будь я Куприным — я жил бы в Гатчине. Но я — я, и потому со мной происходит то, что происходит. А так как война протянется еще не меньше 2-х лет, то если меня не убьют и совершенно не искалечат, я тем не менее потеряю бесполезно три года. Говорят, нас скоро сформируют в линейные полки и отправят на позицию...

...«Кошку» я решительно бросил и кончать не буду. Не такое теперь время, чтобы заниматься пустяками. А дальше еще серьезней, еще грозней будет!.. Материал у меня, конечно, накапливается понемногу, и после войны, если останусь жив, буду писать много.. Насколько я понимаю, Вы хотите издать заново мой 6-й том (а на остатки его переменить обложку). Назвать его «Недра» можно, хотя это невыразительно. Как-то и публика покупать не будет. Нельзя ли наз-

вать «Васька Чудкин»? или «Любовь к мышеловке»? или «Разоблаченный Поддубный»? Письма Тургенева и Некрасова интересны. (Где Вы их взяли?) Спасибо за них. Поздравляю с новосельем и всего доброго. Каким это образом Книгоиздательство писателей издает книги, когда от этой скверной привычки война отучила все издательства?

Ваш Ценский.

1915 г. 26 июня. Севастополь.

Дорогой Николай Семенович!

Сто рублей получил, спасибо! Скоро уходим из Севастополя, а куда именно, на какую часть нашего фронта — этого мы еще не знаем. В августе, должно быть, будем уже в бою. И потом ищите меня в списках потери! Вот Вам и 7-й том, и сборники. А Вы, значит, так и не приедете меня навестить в Севастополь? Желая Вам здоровья и долгих лет жизни. Крепко жму руку.

Ваш С. Ценский.

1915 г. 2 августа. Севастополь.

Дорогой Николай Семенович!

Не позже 20-го мы уйдем куда-то из Севастополя. Поздно Вы вздумали набирать 7-й том. Да и хорошо, что поздно, не стоит его набирать совсем. Не то теперь время. Я начал было просматривать корректуру, но не мог — адская чушь. Это давно погибло, все эти беллетристики. Живу теперь в лагере в общей палатке, где же там читать корректуру...

Всего Вам доброго.

Ваш С. Ценский.

1915 г. 8 августа. Севастополь.

Дорогой Николай Семенович!

Не до книг мне теперь. Да и кому теперь до книг, кроме обитающих на свободе писателей и издателей? Недели через две я Вам напишу, что со мной и как. Ведь я совершенно болен, а добиться освобождения теперь — подите-ка добейтесь! В той же обстановке, в какой я сейчас нахожусь, решительно ничего не в состоянии делать! И не спешите, пожалуйста, с книгой. Будь она проклята, эта книга! Словом, я Вам напишу в Москву через две недели.

Всего доброго.

Ваш С. Ценский.

1915 г. 20 августа. Алушта.

Ну-с, дорогой Николай Семенович! Вот я наконец и свободен! Пишите мне в Алушту на дачу как и что. Гранки с замечаниями я Вам пошлю. Хотя с изданием книги погодить бы. Более неблагоприятного времени для издательской деятельности, конечно, нельзя и придумать. Говорят, и бумаги нет. На чем же печатать? Москва сейчас запружена, пишут в газетах. Кончится тем, что и издательство писателей реквизируют. Вот Вы тогда и издавайте как хотите. Мое мнение — с книгой не спешите, а после войны можно будет сразу издать 4 тома.

1915 г. 18 сентября. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

Виноград я Вам пошлю, но «Кошку» нет (и на черта она Вам?). Я рад, что хоть выбрался на берег и дышу. Хорошая стоит погода. Так Вы в Коктебеле? Ага — хорошо! Соблазнились, что там Макс Волошин. Зато у нас железная до-

рога скоро пойдет и станет Алушта «центром». А Коктебель так деревней и останется. Книгу издавать вряд ли стоит. Будет она лежать холодным трупом, и только! Ссылка на то, что других авторов издают, не резон. Другим, может быть, и нужно, а мне зачем? Я могу подождать. Буду себе понемногу работать над неоконченными вещами. А месяца через три-четыре можно издаться в количестве 1100 экземпляров, не больше.

Вашу руку жму крепко.
Ваш С. Ценский.

1915 г. 18 октября. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

Получил отчет и письмо Ваше, содержание которого предполагал заранее. Насчет «Преображения» я обращаюсь в «Сев. зап.», которые, быть может, вздумают еще издаваться в будущем году. Печатать отдельные новые главы совершенно нельзя, так как они всецело связаны со всеми остальными. А издавать отдельной книгой нельзя, так как я потеряю на этой операции свой гонорар, а книги все равно покупать не будут, как не покупают и всех прочих моих книг. Оттиски, какие я Вам послал, лучше выслать мне обратно, так как там есть кое-какие поправки...

Ваш С. Ценский.

1915 г. 22 декабря. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

Письмо Ваше получил. Ответил уже о книге Ивану Сергеевичу. Так и быть, рассыпать набора не будем. А дам я еще страничек 40—50, и издадим «Наклонную Елену», «Лерика» и этюды к «Преображению». Издавайте не больше 1500 экземпляров (и то, кажется, я много хватил). Пишу сейчас Вам, а на море залпы из орудий. Кто кого, неизвестно?! С праздниками Вас и с хорошим Новым годом.

Ваш С. Ценский.

1916 г. 10 февраля. Алушта.

Вот уже 10 февраля, дорогой Николай Семенович! А я все не получаю ни верстки, ни корректуры. Если решили мне не посылать верстки для ускорения издания, то не посылайте уж мне и самой книги, когда она выйдет. Я о ней забыл, и мне совершенно неинтересно ее видеть. Поставьте только даты под этюдами и «Преображением». А если будут грубые опечатки, то теперь уж какое это имеет значение, когда вся жизнь стала подлейшей опечаткой.

Ваш С. Ценский.

1916 г. 3 марта. Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

127 рублей 25 копеек получил, спасибо! От всяких писательских дел совсем отшатнулся. Лечу нервы работой на свежем воздухе и совершенно усталый вечером едва успеваю развернуть газету, как уже в сон клонит, а прежде у меня была такая бессонница, что хоть с ума сойди.

Всего Вам доброго.
Ваш С. Ценский.

1916 год. 15 марта Алушта.

Дорогой Николай Семенович!

Мои письма к Вам и Ивану Сергеевичу Шмелеву, должно быть, не дошли, так как я никакого ответа не получаю. Я согласился издать 7-й том и добавил к нему еще 40—50 страниц. Печатать я хотел ни в коем случае не больше 1500 экземпляров. В таком же количестве будем печатать и «Преображение» (тт. 8 и 9). Этюда два посылаю сегодня, третий через два-три дня...

Крепко жму руку.
Ваш С. Ценский.

Публикация МАРИИ АНГАРСКОЙ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Н. ШАМОТА

О ЧЕЛОВЕЧНОСТИ НАШЕЙ ПАРТИЙНОСТИ

Человеку нужна правда. И потому ему нужна литература. В правдивости ее человечность. Именно на пути постижения правды о человеке и его обществе литература добивалась и добивается подлинных художественных открытий. Путь этот труден, все знают. И не только потому, что вообще нелегко путь к истине, но и потому, что всегда находились силы, не желающие с ней мириться, готовые ее «закрыть». Ибо художественная правда всегда содержит в себе оценку, а оценка — всегда приглашение к действию. Литературе недостаточно найти истину — нужно уметь ее отстаивать.

В классовом обществе и в классовом мире правда сопровождается неправдою, правда имеет своего антипода. Как всякая «нечистая сила», он маскируется под ее двойника. Слово «социализм», например, входит в набор любимых слов буржуазных идеологов. Понятно, с добавлением «с человеческим лицом». Безобидное, казалось бы, добавление, но оно должно означать: реально существующий в мире социализм, наш социализм, мыслящий себя первой фазой коммунизма, не имеет человеческого, гуманистического содержания. Человечным они готовы признать «социализм», не мечтающий о коммунизме, более того — сделав его антикоммунистическим. Большой популярностью пользуется у буржуа слово «свобода». Жонглируя этим словом, буржуазная пропаганда стремится убедить мир, что только в странах «частной инициативы» знают цену свободе и ее секреты и что буржуазные идеологи — ее единственные защитники. Той же «операции присвоения» подвергается слово «гуманизм» и многие другие важные и острые идеологические категории.

Обо всем этом сказано для того, чтобы подчеркнуть, как усложняется в сегодняшнем мире само понятие правды, когда дело касается ключевых, решающих проблем жизни. Сегодня писателю, как и политику, экономисту, социологу, необходимо, говоря словами В. И. Ленина, «уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми *прикрывает* каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы»¹.

Поэтому вновь и вновь возникает вопрос о значении мировоззрения, гражданской, партийной позиции писателя. В конечном счете от этого зависит, сумеет или не сумеет он отличить правду от неправды и на чью сторону станет — на сторону правды истинной или правды в кавычках.

Настоящий писатель не может не считаться с тем, что человек — главный объект его внимания — должен войти в книгу как живое лицо, стать художественным образом с горизонтом своего мировидения, с глубиной своих чувств, с остротой своей реакции на внешний мир, с кровными своими интересами. А в классовом обществе и классовом мире писатель — в главном и решающем — обязательно отражает классовое мировидение, классовые интересы. Не понимать этого значит не понимать очень важного. Художнику в современном мире не видеть этого — все равно что лишиться зрения.

Великое гуманистическое назначение искусства заключается не в том, чтобы примирить противоположные интересы классов

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 70.

или выработать единые для всех успокоительные формулы вроде псевдооптимистического «что ни делается — все к лучшему», а в том, чтобы, отбросив всякие иллюзии относительно возможности примирения пролетария и буржуа на той платформе, что тот и другой «просто люди», честно и решительно стать на сторону передового класса, принять его правду. В современном обществе таким классом является пролетариат — единственный класс, у которого нет «эгоистических поползновений» и потому нет заинтересованности в «ходячих фразах и всевозможных софизмах», единственный класс, стремящийся к бесклассовому обществу потому, что он один не теряет при этом ничего, даже иллюзий.

А социальный пацифизм, который ищет «золотую середину» и надеется добыть общечеловеческое из смеси буржуазного и социалистического, ничего гуманистического в себе не содержит, как не стоит ничего реального за человеколюбивыми лозунгами там, где человек предстает умозрительной, среднестатистической и абстрактной величиной; объектом сочувствия «человеколюбцев», сочувствия, которое не требует никаких усилий, ни тем более жертв. Истинным гуманистом не может быть назван тот, кто не считается с жизненными потребностями и интересами трудящихся.

13 (26) ноября 1905 года вышла в свет знаменитая статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Со свойственной Ленину силой аргументации и страсти, откровенности и простоты в этой работе развенчана легенда о сверхъестественных, непознаваемых источниках и побудительных мотивах художественного творчества, опровергнуты либерально-прекраснодушные выдумки о неподотчетности художника обществу, о том, будто отношения между художником и его аудиторией не отличаются от отношений жрецов и верующих: одни глаголют, другие внимают. С выходом работы В. И. Ленина литературное дело поставлено на твердую, земную почву, в реальные условия жизни и борьбы классов и партий, за литературой признано то действительно историческое значение, которое она в себе несет, и убедительно показано, почему общество с готовностью и надеждой отдавало и отдает искусству столь много сил и внимания даже в самые трудные свои дни.

Это было очень своевременное выступление. Капитализм, переходя в свою последнюю стадию, имел уже достаточный опыт, чтобы понимать, что «фондовая биржа» не может вдохновить художников на создание симфоний и балета, а герою «частной инициативы» трудно рассчитывать на сочувствие писателя. И не случайно капитализм искал новые средства воздействия на искусство, стремился разлагать его изнутри, толкая на путь декаданса. Это делалось под привлекательным лозунгом свободы творчества, но здесь не было никакой уступки художникам: понятие свободы творчества искажалось до того предела, когда начисто исключался вопрос: для чего свобода? А на вопрос «от чего?» сам собой напрашивался ответ: от всего! И если в те годы, кажется, еще не решались прямо говорить, что и от совести тоже, то нетрудно было догадаться: путь для такого цинизма был открыт.

Ленин, большевики противопоставили лозунгу «абсолютной свободы», то есть абсолютной безответственности, лозунг открытого служения искусства революционному делу рабочего класса и всех трудящихся, лозунг партийности. Последовательное проведение его в жизнь, отношение большевиков к литературному делу как к части своего общепартийного, общепролетарского, общереволюционного дела уберегло русскую литературу и литературы других народов страны от целой полосы позора и поражений, к которым их неизбежно привел бы модернизм. Каждый, кто признает за человеком эстетические интересы и уважает в человеке художника, не может не оценить величайшего гуманистического значения этой работы Ленина.

Однако даже передовые, демократически настроенные писатели не все и не сразу встали на позиции партийности. Некоторые художники не понимали коренного различия в отношении к искусству партии пролетариата и буржуазных партий, считали одинаково неприемлемым сотрудничество с любой политической силой. Они еще не ощутили глубокого внутреннего демократизма пролетариата, но уже успели разочароваться в фальшивом и лицемерном «демократизме» буржуазии. Они еще не знали пролетариата как подлинного защитника художественных ценностей, но неоднократно убеждались в том, как дорого обходится искусству меценатство буржуазии. Писатель все еще верил, будто можно

никому не служить и оставаться писателем. Будто писательство вовсе и не работа или будто есть на свете работа — не служение! Но реальная действительность каждый раз рассеивала эти заблуждения: как только книга выходила, оказывалось, что кто-то именно ее ожидал, кому-то она союзник, кому-то служит. «Абсолютно» же свободным, независимым, «абсолютно» самим по себе мог бы быть лишь тот, кто никому не нужен, да и то лишь при условии, что и ему ничего ни от кого не нужно. Таких «привилегий», однако, общество никогда не дает.

И писатель, выше всего ценивший свою «самостоятельность», в глубине души чувствовал, как относительна эта величина — «самостоятельность» и насколько ненадежна и в моральном отношении зыбка позиция этой «самостоятельности». Писатель мог стать и нередко становился вопреки своим представлениям о независимости от классов и партий союзником внутренне чуждых ему сил, «своим» в чужой среде. Так случилось со многими.

Ленин, большевики предлагали художникам не работу по найму у пролетариата, а работу по велению совести, работу на благо народа. Жаль, что входящие в искусство не дают клятвы, подобной клятве Гиппократу, которую дают врачи. В ней было бы сказано: клянусь использовать талант только на благо людей. Наибольшим благом для России в то время была революция.

Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, говорил Ленин. Писательский индивидуализм, которым литераторы пытались (как правило, безуспешно) защититься от власти имущих, восставал уже против одного слова «частью». Но ведь быть частью целого — это означает не только подчиняться целому, но и играть определенную роль в нем. Самое же важное заключалось, наверное, в том, что партия не только относилась к литературе как к части своего дела активного служения народу, но и заботилась о ней как о своем кровном деле.

Говоря об историческом значении статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», нельзя не отметить того, что впервые литературе был предложен союз с такой общественной силой, которая гарантировала ей здоровое развитие на пути служения правде истории. Это была в полном смысле глубокая, бескорыстная заинтересованность литературным

делом — литературе не предъявлялось никаких требований, которые не вытекали бы из ее собственной природы.

Писателям открывался подлинно благородный, единственно достойный путь — путь открытого сотрудничества с самыми передовыми, революционными силами страны и служения самым гуманным — социалистическим, коммунистическим идеям.

По сути, Лениным был впервые сформулирован один из основных принципов социалистического реализма — о революционно преобразующем характере правды искусства, о партийном содержании художественного гуманизма.

Вот уже семьдесят лет буржуазные идеологи и их подручные — ревизионисты всех оттенков — ведут войну против выдвинутого и обоснованного Лениным положения о партийности литературы и искусства. Но, как все передовое и истинное, принцип этот все шире прокладывает себе дорогу и подтверждается новыми фактами литературно-художественного процесса. На основе открытого, сознательного, искреннего служения идеям социализма и его строителям — на основе коммунистической партийности — возникло и успешно развивается искусство социалистического реализма, искусство самоотверженной человечности.

Главной сферой идеологического противоборства в современной мировой литературе, где классовая борьба двух миров приобретает особую остроту и где проявляются принципиально противоположные, именно классово противоположные позиции, является в наше время проблема личности, ее свободы и ее будущего. Какой именно представляется писателю личность, в чем он видит содержание ее духовной жизни, ее интересы, как понимает ее свободу, как представляет будущее человека и человечества — вот коренные вопросы, в подходе к которым непременно сказывается уровень гуманизма искусства. Здесь пролегает водораздел между гуманизмом и антигуманизмом.

Буржуазные идеологи атакуют социалистический реализм именно потому, что он представляет ощущение, объемно, зримо наш социалистический, наш гуманистический идеал, утверждает тип человека, знающего личную ответственность за судьбу общества и мира. Его атакуют потому, что он несет в себе правду и что его правда, правда нашего общества, раскрывает красоту души революционера, труженика,

мыслителя и тем самым наглядно доказывает банкротство буржуазных концепций человека и истории. Словом, потому, что в основах нашего искусства — принцип коммунистической партийности.

К. Маркс и Ф. Энгельс еще в начале своей деятельности развенчали культ абстрактного человека, миф о человеке, созданный философией предшествующей эпохи. Они показали, что человека, не связанного с современным ему обществом, одинакового во все времена, нет в природе. Нет людей за пределами классов, существующих в данном обществе, за пределами производственных отношений, сложившихся в нем, людей, не зависящих от уровня культуры и уклада быта своей эпохи, — нет людей за пределами истории. Реальный человек есть совокупность общественных отношений, и имеет смысл говорить лишь об отношении к такому человеку. Вспомним: приведа слова К. Маркса о человеке как «совокупности «всех общественных отношений», В. И. Ленин подчеркивал: «...определенных конкретно-исторически»².

Поэтому и гуманизм может быть лишь конкретно-историческим понятием. Пока существуют эксплуататорские классы, он будет непосредственно связан с борьбой против их господства. Литература должна иметь мужество твердо произнести «против!»», когда речь идет о силах реакции и распада. Это не сегодня придумано, что добр не тот, кто не бьет, а тот, кто другому не дает бить. Гуманность литературы ныне состоит в том, чтобы поднимать людей на борьбу за социализм, за мир, ибо только в этом сегодня проявляется реальная защита человека.

Буржуазные идеологи любят спекулировать понятиями «гуманность» и «демократия». Вот частный пример. Западная печать, называющая себя объективной и открытой для всех новостей, весной этого года учинила подлинную истерику по поводу «попрания принципов демократии и гуманности» в Португалии. В это время был раскрыт реакционный заговор, возглавленный генералом Спинолой; Движение вооруженных сил приказало арестовать заговорщиков, запретило деятельность некоторых политических группировок, замешанных в заговоре, и распорядилось национализировать банки, руководство которых тоже оказа-

лось причастным к заговору. Вот тогда и появились кричащие заголовки в западной печати: «Конец демократии», «Португалия в опасности» и т. п. Около пятидесяти лет над народом Португалии измывалась фашистская клика Салазара, а затем Каэтану, и ни одной слезы по поводу поруганных прав народа не было пролито наемными ревнителями «свободы прессы». Но как только Движение вооруженных сил реально урезало интересы салазаровцев, как только оно заявило о сотрудничестве с прогрессивными силами страны, в частности с Коммунистической партией Португалии, начался лицемерный плач по демократии и гуманности. Между тем новости из Чили, комментарии по поводу действительно трагического положения ее народа в буржуазной печати появляются крайне редко. Потому что в Чили, в общем-то, «все как следует», ибо здесь коммунисты не в правительстве, а в тюрьмах.

Подобные факты достаточно красноречивы.

Социализм безмерно обогатил, развил понятие гуманизма, нравственности, свободы, человечности. Но не только обогатил их теоретически, а и возвел в твердые нормы нашего общежития. Фразеология «вообще гуманизма», «естественного гуманизма», «стихийного гуманизма», «национального гуманизма» в условиях, когда появился реальный, действующий социалистический гуманизм, звучит явным анахронизмом, а чаще всего является маскировочной сетью, с помощью которой буржуазные идеологи все еще надеются скрыть антигуманизм капиталистического образа жизни. Эта фразеология находится в одном ряду с другими средствами идеологической борьбы против социализма и коммунизма — против подлинного гуманизма.

Социалистический гуманизм, будучи понятием глубоко партийным, включает в себя чувства и действия в необозримо широком диапазоне: от сочувствия человеку, попавшему в беду, до героизма и самопожертвования личности в драматические моменты жизни общества. Героиня Чингиза Айтматова одинокая Толгонай посреди своего материнского поля — материнского горя — у каждого вызывает глубокое сочувствие. Глава еще совсем недавно большой и счастливой семьи, она стала жертвой войны, потеряв на фронте мужа и сыновей. Этого горя не утешить словами, перед ним можно только склонить голову в глубокой

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 53.

скорби. Помнить об этом и делать все необходимое, чтобы такого не повторилось, призывает нас наше сочувствие героине Ч. Айтматова.

Советская литература всегда искала и находила настоящих героев среди людей, которые и жизни своей не жалели для дела революции, социализма, Родины. И недаром книга об одном из них так и называется: «Повесть о настоящем человеке». Можно сказать, что наша литература активно помогает старшему поколению передавать в наследство последующим образцы подлинного мужества, красоты и величия. С точки зрения гуманизма, мы самые богатые наследники.

В книгах о гражданской войне и Великой Отечественной нередко встречаются ситуации, когда красноармеец, партизан, солдат отпускает попавшего ему в руки вражеского солдата, рассчитывая на то, что тот, мол, воздержится от враждебных действий в дальнейшем. Нередко за такую доверчивость наши воины платили дорогой ценой.

Лейтенант Плужников, который удерживал свою позицию среди руин Брестской крепости до апреля 1942 года, однажды захватил фашистского вояку, как видно, из тыловиков. Немолодой уже и отнюдь не воинственного вида немец молил о пощаде, совал советскому офицеру фото своих «киндеров», бесконечно лопотал «арбайтер», зная, что это слово у нас понятно каждому и уважаемо всеми. У Плужникова не было тыла, пленных некуда было отправлять, и он... отпустил солдата. А через час огнемётная команда сожгла все, что осталось в каземате, в том числе женщину, которую лейтенант не успел отвести в соседний отсек.

И хотя с точки зрения военной целесообразности поступок Плужникова не имеет оправдания, все же Б. Васильев (речь идет об эпизоде из его романа «В списках не значился») не осуждает своего героя. Писателю важно, что где-то в глубине души этого двадцатилетнего юноши сработало независимо от его сознания не искаженное критическими условиями войны чувство: нельзя поднять руку на безоружного, поверженного врага.

Кроме вполне понятного и жизненно необходимого призыва к бдительности, ситуации, подобные только что описанной, содержат в себе пусть прямо и не высказанное, но живое чувство гордости за советского человека, советского воина, кото-

рый и в нравственном отношении превосходит и побеждает своего врага.

В отличие от всех гуманистических течений в философии, искусстве, литературе прошлых эпох гуманность нашего общества проявляется не только в сочувствии к человеческой беде и к горю, не только в поддержке слабого, но и в естественной гордости при виде силы человеческого духа.

Гордостью за сильного человека проникнут рассказ В. Кожевникова «Ведущая деталь», опубликованный в апреле этого года «Литературной газетой».

Фрезеровщик Лобов пользуется большим уважением среди своих товарищей и сотрудников Научно-исследовательского института машиностроения за дружелюбный, открытый характер, за любовь к делу и знанию дела. Инженер-конструктор Зуев сконструировал новую деталь, которая может намного улучшить машину. Но конфигурация детали невероятно сложна, деталь надо делать из стали новой марки, литейщики делают заготовку с очень большими припусками. Словом, при изготовлении детали не обойтись без ручного труда, причем труда самой высокой квалификации. Нужен высший класс точности. Лобову же, которого инженер уговаривает взяться за дело, изготавливать деталь вручную неинтересно.

Деталь, однако, манит мастера именно своей новизной и сложностью. И если бы Лобову удалось ее по всем позициям на станке обработать, он испытал бы чувство профессиональной удовлетворенности, даже гордости.

И Лобов начинает с того, что заставляет литейщиков искать способы отливки такой заготовки, чтобы отходы металла в стружку свести к минимуму. От инструментальщиков Лобов добивается изготовления придуманных им приспособлений и особенных комбинаций фрез, чтобы по всем позициям деталь обрабатывать на станке: машину должна делать машина. Оборудование, инструменты должны отвечать современным техническим условиям.

Читатель с уважением отмечает высокий уровень государственного мышления рабочего Лобова. Лобов убежден, что заслуга инженера Зуева не только в том, что тот нашел новое техническое решение ведущей детали машины, но и в том, что изготовление таких деталей неизбежно должно поднимать уровень технологической культуры на всех участках заводского производства.

И теперь он, сделав уже несколько образцов сложной детали, живет вдохновением поиска, творчества.

Историей с деталью, однако, не исчерпывается содержание рассказа.

Случилось так, что инженер Зуев в свое время возмущился предложенной ему заявкой на изобретение, в раздражении написал отзыв: плагиат,— добавив, правда, что, может быть, и плод неведения. Но одно дело, не имея достаточной информации, изобретать изобретенное, и совсем другое — присвоить, иначе украсть, сделанное другими. Узнав случайно, что отвергнутая заявка принадлежала сыну Лобова, и понимая, что здесь, в этой семье, не могло быть речи о сознательном присвоении чужого, инженер пытается «выяснить отношения» и, может быть, встретиться с автором той заявки.

Лобов-старший пробует уклониться от разговора: это, дескать, к делу не относится. Но инженер оказался настойчив. И вот что он услышал от Лобова об Илье: «Да нет его теперь у меня. В Сибири электриком работал на линии, его током ударило, весь обгорел... Мне бы не горячиться тогда. Если уж отец обзывал — чего ж от чужих ожидать? Но вы ничего на себя от нашей беды не берите. Вы спросили, я сказал — все, точка».

Абсолютно непреднамеренный и тем особенно ценный урок деликатности, человеческого такта, преподанный рабочим. Формулируя свой верный в принципе отзыв, Зуев не представлял себе человека, которого он касается. Не задумался и над тем, как может реагировать тот конкретный человек на брошенное ему обвинение в присвоении чужого. Лобов, глубоко уважая Зуева и понимая, что тот будет считать себя виновником трагедии в его семье, оберегая его душу от этой тяжести, старается вообще на эту тему не говорить. Вынужденный открыть правду о сыне, он только одним способом может смягчить удар: просьбой к инженеру, или, точнее, советом ему, не принимать ничего на себя от этой беды.

Литература социалистического реализма, опирающаяся на принцип партийности, всегда заботилась о высокой культуре взаимоотношений между людьми. Она воспитывала и воспитывает у читателей чуткость, предупредительность, тактичность. Потому что сердце человеческое — «ведущая деталь».

Уровень художественного гуманизма

всегда определяется тем, от какой отметки ведется отсчет положительных и отрицательных явлений, добродетелей и пороков, что считается нормальным и что признается желательным, насколько верен тот эталон, из которого исходит художник в своих оценках и приговорах.

В последние годы в Соединенных Штатах много говорилось об успехе повести-притчи неизвестного до той поры писателя Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». Повесть-притча на первый взгляд воспеает стремление человека к совершенству, вполне естественное стремление, вечную неудовлетворенность узанным и достигнутым, тоже естественную неудовлетворенность. Но то пренебрежение, та брезгливость в отношении к будничному, к постоянным изнурительным заботам «остальных», «всех» о еде и приюте, то презрение к «рядовым», которое проявляет воспетая автором чайка по имени Джонатан Ливингстон, недвусмысленно говорит о том, где, в какой среде удобно ей «совершенствоваться» и какой идеологией навеяна притча о ней. Несомненно, это идеология индивидуализма. Ибо наиболее достойный стимул к знаниям и совершенствованию, самое высокое оправдание трудностей и жертв на пути к ним — это помощь людям, пример для людей, желание обогатить и украсить их жизнь, их самих поднять на подвиг.

Но в «Чайке по имени Джонатан Ливингстон» проявляется, так сказать, «безобидный» индивидуализм. А вообще-то в природе индивидуализма скрыт немалый заряд агрессивности. Так называемые сердитые молодые люди у так называемых сердитых молодых писателей — агрессивные эгоцентры. И хотя они как будто готовы перевернуть все вверх дном и столкнуть все в пропасть, камня на камне не оставят от существующих порядков, буржуазная критика их поддерживала и поощряла. Классовый инстинкт ей не изменил — она хорошо поняла, что никуда такой бунтарь не вырвется из своего общества и серьезного вреда ему не причинит. Она видела, что эти образы построены по эталонам так называемого свободного общества — буржуазного общества.

В нашем обществе и в нашей литературе отсчет доброго и прекрасного ведется от другой величины. «Мы — страна талантов, — говорит герой трилогии М. Стельмаха Свирид Мирошниченко. — Только крутило нас,

надвое разламывало, сушило да в гроб загонало прошлое... А теперь на нашей земле жизнь начинается. Нынче каждый человек может, как радуга, все свои семь цветов показать. Только не ленись, только работай от всей души для народа». Заметим, что это голос крестьянина, путь которого к социализму был, возможно, самым трудным. Человек счастлив великим счастьем народа, человек велик, когда отдает свет своей души всем,— вот она, другая точка зрения, другие критерии ценностей, то, что у нас определяет отношение человека к человеку, представления о возможном и должном. Перед Мирошниченко не было сердитых и кичливых эгоистов. Это не полемика с ними. Это размышления для себя, жизнь души человеческой.

«Общество потребления» заинтересовано в том, чтобы духовные запросы людей и моральные нормы, регулирующие их поведение, оставались на прагматическом уровне, чтобы представления о счастье не выходили за рамки бытового благополучия, а потребность в душевном покое была сильнее потребности действовать в защиту справедливости. И модернистская литература, сколько бы она ни воевала на словах против конформизма, на деле сотрудничает с капиталистическим обществом, когда представляет погрязшего в своих «проблемах» индивидуалиста в качестве единственного достойного внимания субъекта. В пропаганде индивидуализма, прямой или косвенной, она обнаруживает свою буржуазность.

Х. Вейли в докладе «Применение новых методов в экспериментальной эстетике», прочитанном на VI Международном конгрессе эстетиков в Швеции, утверждает, что «эстетическое состояние, испытываемое человеком, является состоянием, при котором сложные функции коры головного мозга частично отключены», и видит сходство между «эстетическим наслаждением» и тем состоянием, которое возникает под действием наркотиков. Обратив внимание на это положение, авторы книги «Мир человека» Б. Сафронов и Л. Дорогова отмечают: «Здесь налицо не только упрощенное понимание механизма воздействия эстетических чувств, но и, главное, стремление упростить социальное воздействие искусства, свести его к фактам, родственными физиологическим процессам, или к определенному виду «духовной сивухи»...»³. Все это верно. Надо

только учесть, что ряд направлений современного буржуазного искусства, претендующих на господствующее положение, сам настроен на то, чтобы отключать «сложные функции коры головного мозга». Вейли на основании своих экспериментов заключает, что, дескать, такова природа эстетического восприятия вообще. Понятно, что подобные выводы прямой дорогой ведут к отрицанию мысли в искусстве и, значит, к его деидеологизации.

В своих выводах Х. Вейли опирается в основном на практику модернистских течений, внешне сверхинтеллектуальных, то есть ведет речь об искусстве замаскированной или неосознанной буржуазной партийности. Что же касается массовой культуры, массовой литературы Запада, то вряд ли требуются эксперименты, чтобы понять: она рассчитана именно на отключение «сложных функций» мозга, ибо для современной буржуазии разум, дерзающий провидеть будущее,— враг номер один.

Стоит ли говорить, в каком резком разладе с принципами гуманизма находится такое искусство. Как назвать гуманистом того, кто не признает за человеком способности мыслить и права на мысль?

Забота о личности, гуманность литературы нашей выражается сегодня в ее стремлении к такой организации мыслей и чувств человека, чтобы он не представлял полноты жизни и счастья без духовных запросов и духовной отдачи, чтобы он не оставался потребителем в сфере духовной, так же как и в сфере материальной. В той анкете, которую мы заполняем всей своей жизнью, на вопрос о социальном положении нельзя ответить — «потребитель».

Гуманизм в нашем понимании заключается не в том только, чтобы способствовать удовлетворению потребностей — материальных и духовных — наших людей, но в том также, чтобы, открывая в человеческом труде высокое нравственное, эстетическое, духовное содержание, сделать первой необходимостью потребность в труде как потребность действовать на пользу другим, всем, как потребность общения человека с человеком на равной и честной основе. Гуманизм наш заключается в том, чтобы последовательно и необратимо утверждать как общественное мнение мысль о том, что общество, государство, мир — это мы, труженики. Ясно, что такая наша позиция — партийная позиция. Она партий-

³ В. В. Сафронов, Л. Н. Дорогова. Мир человека. М. «Мысль». 1975, стр. 127.

на и по своему коммунистическому содержанию и по своей творческой активности.

Со своим гуманистическим пафосом, со своим идеалом активной личности советская литература входит в мировую художественную культуру, вливает в нее исторический оптимизм и этим выполняет свое интернациональное, общечеловеческое назначение. Непредубежденный человек не может не видеть, каким однообразно-серым был бы мир современной художественной культуры без тех красок и того вдохновения любви к людям, которые вносит в нее искусство социализма.

Источником гуманизма нашей литературы является ее связь с социалистической действительностью.

Наиболее наглядно эта органическая связь литературы с делами и помыслами народа может быть прослежена на таких образцах, как Корчагин, Мересьев, молодоговардейцы. Взятые писателями непосредственно из жизни, имеющие реальных прототипов, эти герои приобрели силу эстетически активного обобщения и стали выразителями стремления наших людей, в частности молодежи, к совершенствованию, стремления, продиктованного самим духом социалистических преобразований. Они стали как бы той моральной вершиной, приближение к которой в мыслях и делах означает для миллионов людей приближение к своему социальному и духовному идеалу. А когда высокие образцы служения обществу становятся нормой поведения все больших масс людей, тогда и представление о том «уровне моря», от которого следует вести отсчеты всех личностных ценностей, решительно изменяется и обогащается. Эти изменения, это обогащение носят глубокий и необратимый характер.

Создавая образы положительного героя новой эпохи, литература социалистического реализма помогала и помогает человечеству развенчивать веками создававшиеся и веками «освященные» мифы о «сильных личностях», призванных править толпой, и об инертной толпе, чей удел — повиноваться силе. А ведь эти мифы укоренялись в сознании долгие времена, и потребовалась немалая работа, чтобы преодолеть пассивность «маленького человека», человека «из толпы», которому от колыбели внушали мысль о его малости и незначительности; совсем не легко было разбудить в таком человеке врожденную склонность к яркому и героическому. И может быть, это было самое

трудное дело, с которым справился социализм. И может быть, это самое благородное дело, в котором когда-либо участвовала литература.

Выдвигая тип положительного героя эпохи, советская литература утверждает самую гуманную из гуманных идей — идею роста личности, идею желательности движения, развития. Эти идеи составляют живую душу социалистического реализма. И без преувеличения можно сказать, что отразить динамизм нашей эпохи, процессы ускоренных социальных преобразований, происходящих в мире, — словом, правдиво изобразить человека в условиях научно-технической и социальных революций может только та литература, которая понимает и принимает идею революционного развития, — литература социалистического реализма.

В этой связи уместно напомнить о том глубоком разладе с жизнью, с ее движением, который характерен для модернистских школ и направлений в литературе. При всей эффектности и «новизне» формальных приемов они не способны постичь и запечатлеть новизну в жизни. Внешне в созданиях модернистов как будто все в движении; некогда перевести дыхание, все спешат. Но это вокзальная сутолока, причем у пассажиров нет билетов и они еще не знают, куда ехать и ехать ли вообще. Шараханье модернизма от любых форм социального прогресса — свидетельство его идейной и художественной беспомощности. Понятно, что герой такой перепуганной литературы не создатель, а «профессиональная» жертва обстоятельств, способная лишь оплакивать утраченные ценности и выискивать пути спасения от нового. Если такой герой и отражает что-нибудь в нашей эпохе, то разве что смятение духа определенной части буржуазного общества.

Литературу социалистического реализма интересует человек на всех стадиях его гражданского развития, включая и начальные моменты этого процесса. Иначе у нас не было бы, скажем, Кондрата Майданникова, образа, который показал, как формировался новый тип крестьянина. А ведь коренные процессы перестройки сознания миллионов Майданниковых — это и была поднятая большевиками целина. И нетрудно заметить, что как только советская литература ставит перед собой большую, дерзновенную цель — показать героя нашего времени, создать образ современника, она неизбежно выходит на проблематику героиче-

ского. Такая закономерность художественного поиска отражает закономерности самих жизненных процессов, с которыми она внутренне связана,— процессов коммунистического строительства.

В этой связи мне придется несколько задержаться на романе В. Липатова «И это все о нем», одним из примечательных произведений литературы последних лет.

«И это все о нем» — это значит о Жене Столетове, комсомольце, трактористе, вчерашнем десятикласснике. О молодежном вожже, верном товарище, оптимисте, влюбленном в чудесный мир и в свое запрятавшееся в приобских лесах село, юноше, наделенном развитым чувством человеческого достоинства и беспредельной отзывчивостью к людям. Он из тех, кто первым рвался на Байкало-Амурскую, кто пойдет осваивать Север и Дальний Восток. Он пойдет туда, куда призвет его долг, интересы общества, потому что такие, как он, и живут в полную силу — для людей.

Когда Женька впервые переплыл Обь и девушка спросила, страшно ли было, он признался: страшно. И, чуть подумав, добавил: на середине. Когда постепенно познакомишься с ним, в этих словах открывается второй смысл. Середина страшна не потому, что там самая глубина,— на Оби не надо доплачивать непременно до середины, чтобы не вернуться; не потому, что там самое крутое течение,— Обь не станет ждать, пока доплывешь до середины, чтобы испытать твои силы; не потому, наконец, что на середине, растерявшись, можно утратить ориентиры. Середина страшна тем, что там — конец неизведанного. Середина для таких натур, как Женька, сомнительная величина.

По мнению тех, кто его знал, он незаурядная личность. И останься он трактористом на лесопункте, стань инженером, поэтом, ученым, не был бы он никем другим, только тем и таким, каким знали его комсомольцы приобского поселка,— непримиримым врагом посредственности.

Нет ничего более чуждого Столетову и его друзьям, комсомольским активистам лесопункта, чем идеология индивидуализма, культ «избранной» личности, легко позволяющей себе переступать нормы человеческого общежития. Стремление выйти за пределы будничного, обычного у индивидуалиста обнаруживается стремлением выйти из общества, порвать с обществом.

Интересно, что герой «высоколобой» модернистской литературы, сосредоточенный

на своих «комплексах» индивид, и детище массовой культуры Джеймс Бонд, агент, имеющий право выносить приговоры и исполнять их, пошли от одного корня, имеют общую родословную. Стремление выйти из общества — не что иное, как стремление стать над ним. Индивидуализм — это, в конечном счете, перевернутые в головах людей претензии частной собственности на неограниченное право самообороны. Индивидуалист может просто не подозревать, каков на самом деле тот «комплекс», который диктует ему его поведение.

Впрочем, это уже разговор о разных образах жизни, о разных концепциях гуманизма. Хотя, на мой взгляд, о Столетове и нельзя говорить иначе как в контексте наших представлений о социалистическом образе жизни.

Как всякий типический образ, образ Жени Столетова раскрывается в деле, которое становится для него делом самой жизни. В данном случае речь идет о его конфликте с несоциалистическим, и он убежден — непорядочным, недостойным отношением к труду.

«И это все о нем»... О ком же? Только ли о Столетове? Нет, и о Гасилове, современном мещанине. У англичан в ходу пословица: «Каждый считает своих гусей лебедями». Думается, что мещанин из круга горьковских «окуровцев» без колебаний обменял бы лебедей на гусей, в зависимости от конъюнктуры, может, и трех за одного. Не то нынешний мещанин, который, как сказано у В. Липатова, пасется, пасется с выражением блаженства и покоя на лице. Этому подай ковра и хрусталь, отдельный кабинет для «размышлений», этот лебеда на гуся не обменяет.

Комсомольцы лесопункта обратили внимание на то, что и в дни, когда работа стоит, план выполняется. Частые неполадки в организации труда, прогулы, несвоевременный и некачественный ремонт техники и т. д. никак не влияют на показатели, они всегда оказываются выше удовлетворительных. Было чему удивляться. Никто не видел, чтобы мастер лесопункта Гасилов когда-нибудь засиживался допоздна, нервничал, спешил, переживал. Напротив, вел он размеренный образ жизни, уделяя лесопункту не больше двух часов в сутки.

Дело в том, что Гасилов планировал с «запасом», так планировал, что план можно было не выполнить лишь при известном старании. Такое планирование Гасилову сходило

ло с рук потому, что начальник лесопункта Сухов еще меньше уделял времени своему предприятию. Он занят изобретательством, ему не до «мелочей».

На что рассчитывал Гасилов? Не только на чью-то занятость, безответственность или некомпетентность. Он рассчитывал на поддержку рабочих. Нынешний мещанин знает, чья поддержка самая надежная. На его взгляд, рабочие должны были боготворить своего мастера, умеющего платить не по труду, а почти по «потребности». И вот здесь-то он и просчитался.

Конечно, были и такие, которые «боготворили». На лесопункте некоторое время, может быть до очередного конфликта с законом, работает некто Заварзин. Он, пожалуй, больше времени провел в заключении, чем на воле, потому что отказывается признать один из принципов советской жизни — кто не работает, тот не ест. Попад на участок Гасилова и осмотревшись, он сообразил, что этот принцип можно здесь обойти, не вступая в конфликт с уголовным кодексом. «Я тогда завязал... когда понял, что есть на свете человек, который не ворует, не грабит, не работает, а ест... Советская власть против эксплуатации человека человеком, а Гасилов нашел способ, не эксплуатируя человека, эксплуатировать саму Советскую власть... Вот у кого, думаю, надо учиться! Можно жить не работая и не воруя». Цинизм приведенных слов не должен нас шокировать, люди заварзинского типа самоутверждаются таким вот образом, считая, что только «сильные» смеют себе это позволить.

Принцип «кто не работает, тот не ест» давно победил. Нынешнее поколение советских людей не представляет, как это можно, чтобы жить не работая. Теперь речь идет о другом — о том, что тот, кто плохо работает, не в полную силу работает, не заслуживает нашего уважения.

Писатель обнажает суть нынешнего мещанина, показывая его через отношение к труду. Нынешний мещанин, говорит романист образом Гасилова, старается устроиться так, чтобы работать вполсилы, в четверть силы, в десятую силы. А плата чтобы сполна. И чтобы к тому же с моральным поощрением. Для людей без должной закалки, без «иммунитета» гасиловщина — явление инфекционное и опасное.

О романе «И это все о нем» говорилось достаточно много, в том числе о действительных и мнимых художественных просче-

тах автора. По-моему, общественная ценность его несомненна. Как в своей положительной, можно даже сказать, романтической части, так и в критической он активно утверждает одно из главных качеств социалистической личности — сознательное отношение к труду, непримиримость к тому, что через различные опосредствования доходит до нас от тех общественных отношений, где труд лишен моральной ценности, от того, что обычно называют пережитками прошлого. Утверждение писателем жизненной программы Столетова и его друзей — не только ровесников, но и людей других поколений — делает гуманистическую позицию автора определенной и активной, ибо это утверждение высокой гражданственности, благородного чувства коллективизма.

Коллективизм всегда рассматривался в литературе социалистического реализма как нечто большее и более значительное, нежели одна из черт характера, мировоззрения, морали человека. Это атмосфера, в которой формируются и проявляются все другие положительные качества личности, это — целый мир духовности.

Коллектив 41-го цеха, где работает Лука Лихобор, герой одноименного романа В. Собко, представляет собою вполне определенную самостоятельную социальную величину. Чувство принадлежности именно к нему, данному коллективу, определяет важную грань личности каждого его члена. Писатель внимательно всматривается в конкретные проявления этого единства, этой общности личности и коллектива. И он подчеркивает, что мораль коллективизма действует как одна из важнейших пружин поведения каждого рабочего. Это особенно важно отметить, ибо до сих пор кое-где можно услышать, что из рабочих, дескать, не разжалуют, дальше цеха не пошлют. Читая роман В. Собко, убеждаешься, каким заплесневелым анахронизмом веет от подобных сентенций. Даже ученик токаря, из «трудных детей», иронизирует над обывательскими представлениями о должности рабочего, ибо начинает понимать, как много ему надо уметь, чтобы стать полноценным членом этого коллектива, чрезвычайно чувствительного ко всему, что определяет общественное лицо каждого из его членов. К должности рабочего надо подниматься, потому что неизмеримо высок уровень тех нравственных ценностей, которые создаются и оберегаются рабочим классом.

Здесь раскрываются черты «действитель-

ной коллективности» людей, о которой писал К. Маркс, подчеркивая, что она не только не имеет ничего общего с «равенством», которое держится на безликости, а, напротив, означает расцвет и обогащение личности каждого. В самом деле: разве велика была бы цена общности, состоящей из безликоостей? «Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное,— писал Маркс,— а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы. В условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством ее»⁴.

Своими лучшими книгами наша литература последовательно опровергает все нападки на идею коллективизма, разоблачает вульгаризацию этой идеи там, где коллективизм противопоставляют не индивидуализму, а индивиду, личности. Конкретного, живого материала для этого у наших писателей предостаточно — процессы строительства социализма и утверждения социалистического образа жизни дают бесчисленное множество подтверждений Марксовой, подлинно гуманистической концепции коллективизма.

Буржуазия безнадежно скомпрометировала лозунг свободы, равенства и братства — три кита, на которых должна была держаться духовная жизнь общества. Марксизм-ленинизм давно показал, что эти «свобода» и «равенство» приставлены к частной собственности и выполняют охранительные функции при ней. Что касается «братства», то о нем вспоминают всякий раз, когда надо миллионы переодеть в шинели — когда затевается новая афера, имеющая целью присвоение чужого добра и чужих территорий. Особенно наглядно такое «братство» скомпрометировало себя в связи с идеей «тысячелетнего рейха». Будем надеяться, навсегда. Буржуазия и ее идеологи ничего не создали для здоровой духовной жизни людей. Таким образом, проблема бездуховности, широко обсуждающаяся в литературе,— это проблема именно капиталистического мира.

Нет ничего удивительного в том, что идеологи капитализма стремятся распространить

эту проблему вширь, выйдя за пределы конкретно-исторических условий капиталистического образа жизни, стараются придать ей характер общечеловеческий. Так возник жупел отчуждения, будто бы свойственного человеческой природе вообще, и жупел научно-технической революции, которая будто бы везде является деморализующим фактором и везде опустошает людей духовно.

Коварную и антигуманную роль играет в современной идеологической жизни философия и литература экзистенциализма. Это наглядно обнаруживается в ее претензиях на роль единственного выразителя и защитника принципов общечеловеческого гуманизма.

Как известно, сторонники экзистенциализма очень любят проповедовать свои идеи в беллетристической форме, так что нелегко бывает определить, где кончается философский трактат и начинается эссе или даже роман. Польский философ Т. Ярошевский в книге «Личность и общество» дает подробный анализ философии экзистенциализма, в частности двух направлений его так называемого атеистического крыла, представленных Хайдеггером и Сартром, и убедительно показывает несостоятельность этой философии вообще и ее претензий олицетворять собой «чистый» гуманизм особенно.

Один из основных постулатов философских трудов Хайдеггера — «бытие-к-смерти» в смысле «бытие-для-смерти». Нужно ли доказывать, насколько «близок» этот «вопрос вопросов» к действительным проблемам, с которыми на каждом шагу сталкивается современный человек в своей реальной жизни? «Эта концепция,— пишет Т. Ярошевский,— была, несмотря на свою мирскую форму, отрицанием того гуманизма (начало которому положено в эпоху Возрождения), который в противовес средневековой христианской мысли признает и утверждает саму жизнь, а не ее конец, ищет возможности реализации человеческого существования во временных категориях биологической жизни и во всем том, что человек привносит в историю человеческой культуры в результате своей практической деятельности»⁵.

Пожалуй, наиболее ярко проявляется бесплодие, иллюзорность гуманизма философии Сартра в его концепции свободы. «По мнению Сартра,— пишет Т. Ярошевский,— каждый человек не только находится в определенной ситуации, но и «образует ситуацию»,

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 75.

⁵ Тадеуш М. Ярошевский. Личность и общество. М. «Прогресс» 1973, стр. 177.

ибо он может по своему усмотрению придавать ей те или иные формы и смысл в зависимости от принятой иерархии ценностей. Сама ситуация, в которой я оказался, утверждает Сартр, может быть от меня независима, но от меня зависит выбор отношения к этой ситуации... Пролетарий находится под давлением определенных общественных сил, которые не им созданы и которые ему навязаны. Однако он всегда может выбрать либо примирение с этой ситуацией, приспособление к ней, либо позицию бунта, и в этом якобы заключается его свобода. Даже заключенный, лишенный возможности выбраться из тюрьмы, свободен, по мнению Сартра, так как «он может считать свою ситуацию либо ограничением, либо поводом к побегу; он всегда свободен стремиться бежать из тюрьмы»...

О такой концепции свободы можно было бы сказать, учитывая склонность экзистенциалистов к созданию сложных слов, что это «никому-не-нужная-свобода», если бы подобные толкования этого понятия не содержали яда более сильного, чем цинизм и равнодушие. Сказал же Сартр в «Ситуациях», что «мы никогда не были более свободны, чем в период оккупации!» Для абстрактного человека, за которым «ухаживают» экзистенциалисты, может быть, хватило бы и такой «свободы»: он не бывает ни пролетарием, ни заключенным и ему в действительности нет необходимости терпеть или мечтать о побеге. Но для реального рабочего примириться со своей ситуацией или бунтовать против нее — не равноценный выбор. А кроме того, существует не только бунт, но и организованная классовая борьба, которую никак уж не поставишь в один ряд с примирением. Как видим, абстрактная концепция абстрактного человека и абстрактного гуманизма превращается в совершенно конкретное средство идеологического разоружения рабочего класса, трудящихся масс, действует на руку буржуазному строю.

Маркс видел основу гуманизма в признании общественной природы человека. Экзистенциалист, «уточняя», «дополняя», «антропологизируя» марксизм, видит решение проблемы в том, чтобы освободить человека от его «общественности» как от чего-то постороннего, временного, чуждого ему. Вспомним ключевые формулы этого учения: каждый человек — исключение (Кьеркегор), ад — это другие (Сартр). Сама идея подобных «поправок» и «дополнений» к марксизму в корне враждебна ему, как

враждебна и основам гуманистической этики.

Мысль К. Маркса об отчуждении, которая прямо связана у него с существованием частной собственности, экзистенциализм растворяет в сентиментально-мелодраматической патоке, переносит исключительно в область психологии и морали, окружает рассуждениями об индивидуализме и эгоизме, будто бы данных каждому человеку от рождения. Таким образом, обсуждение классового, поистине драматического явления отчуждения превращается в «игру в бисер», от него «отчуждается» все то, что на самом деле угнетает людей и за что вина падает исключительно на буржуазию.

Говоря об отчуждении, К. Маркс приходил к выводу о моральном праве трудящихся на классовую борьбу, означающую борьбу против самого отчуждения. Экзистенциализм, атомизируя общество, исключает саму идею классовой солидарности и классовой борьбы.

И удивляться этому не приходится. На протяжении долгого периода своего господства буржуазия делала все, чтобы принизить историческую роль рабочего класса. Ныне этой цели служат идеи биологического уравнивания всех социальных элементов общества и всех «я»; идеи, исключающие из комплекса ценностей, которые входят в активный багаж личности, классовые интересы и симпатии. Верная идеям своей «демократии», где будто бы все дела решаются большинством и где не имеет значения, чьи голоса, но лишь сколько их, буржуазная идеология охотно обращается к статистике и указывает на то, что пролетариат в процентном отношении нигде не составляет большинства населения и, значит, нигде не может претендовать на ведущую роль. Будто сила буржуазии когда-либо была силой большинства, а не силой капитала.

Пролетариат силен своими идеями, и рано или поздно он поведет под знаменем своих идей всех трудящихся, как повел их уже на значительной части планеты. Вот почему мы считаем, что защита, развитие и обогащение высших духовных ценностей человечества — идея марксизма-ленинизма — является нашим главным гуманистическим, партийным долгом. И мы не можем при этом не обращать внимания на то, что экзистенциализм в философии и в литературе является не чем иным, как попыткой задерживать революционные процессы в современном мире, лишить пролетариат его мораль-

ных преимуществ, и особенно того, которое заложено в морали пролетарской солидарности и коллективизма.

Многие пишущие об экзистенциализме указывают и на его реальные истоки в капиталистическом обществе. Согласимся с тем, что он по-своему отражает разочарование части интеллигенции в буржуазных «свободах», неприятие искаженных форм буржуазной цивилизации, страх перед усилением технократизма и чистогана. Но точно так же верно и то, что он выступает и своеобразной реакцией буржуазного образа мышления на успехи социализма в XX столетии, реакцией с позиций защиты тех самых фальшивых, дискредитировавших себя «ценностей».

Несомненно, что из тех же источников берут начало и прогнозы относительно неизбежного упадка духовности в эпоху научно-технической революции, паника перед такой «перспективой». Эпоха научно-технической революции с ее обостренным вниманием к технологическим и экономическим проблемам будто бы неотвратно ведет человечество (все человечество! — здесь мыслят только глобальными категориями) к потере духовных интересов и принципов. При этом кое-кому из литераторов не приходит в голову простейшая мысль, что и эти вопросы, технологические и экономические, в конце концов тоже человеческие вопросы, что достижения науки, техники, экономики — тоже достижения человеческого разума, если хотите, человеческого духа, и нет смысла гадать, в чем выше проявил себя человеческий гений — в том, что создал «Город Солнца», или в том, что построил Магнитогорск. Констатируя опасности, которыми якобы чревато развитие науки, такие писатели не идут дальше рецептов, так сказать, домашней медицины, средств самолечения: назад, в прошлое, назад, к природе, — вот эти нехитрые рецепты. Но к духовному, культурному прогрессу они имеют такое же отношение, как разрушение луддитами машин к прогрессу технического.

Подлинно гуманистическая позиция заключается в том, чтобы без всяких колебаний и оговорок признать, что потребность прогресса — естественная, изначальная человеческая потребность и нельзя быть гуманистом, мешая удовлетворению этой потребности. Идея гуманизма предполагает, что прямой человеческий долг — содействовать всеми доступными средствами прогрессивным пре-

образованиям, в том числе, понятно, и успехам научно-технической революции, которая в условиях социалистических общественных отношений может и обязана служить людям.

Гуманистическое воспитание должно прививать людям такое отношение к природе, чтобы будущим поколениям передавать землю богатой и прекрасной, а не истощенной и обезображенной. Такое отношение к природе соответствует нашей общей социалистической морали, которая включает в себя идею ответственности человека перед историей и перед будущим. Твердо убежденные в том, что только социализм и коммунизм способны положить конец насилию над природой, как и вообще насилию, мы, люди советского общества, считаем, что единственно гуманный путь решения экологических проблем — это путь социальных преобразований под знаком победы социализма и коммунизма в мире. Мы считаем, и в том состоит наша партийная позиция, что развитие научно-технической революции должно ускорить и социальные преобразования. Так, обратившись к сфере, казалось бы, самой отдаленной от политики, к сфере отношений человека с естественной средой, мы убеждаемся, что реальным гуманизмом является гуманизм, оплодотворенный идеями и энергией коммунистической партийности.

Между тем люди вторгались и будут вторгаться в мир природы, брали и будут брать необходимое для себя из ее ресурсов: других материальных источников жизни нет. И человечество не может остановиться в своем развитии. Вопреки Мальтусу и мальтузианцам прогрессивные ученые верят, что будут найдены новые источники энергии, надежные пути повышения урожайности без нарушения естественных процессов, без злоупотребления властью над природой. Для научного сознания смехотворны предостережения вроде: на самолетах не летай — птиц распугиваешь, дороги в лесах не прокладывай — не вторгайся во владения животных, по морям и океанам — только на парусниках, куда торопиться-то?

Вполне понятно, что достижения современной науки ставят перед человечеством новые моральные проблемы, и литератор должен уметь решать их в духе подлинной гуманизма.

В пьесе А. Левады «Здравствуй, Припять!» мы видим столкновение двух точек зрения на красоту. На реке Припять, недалеко от

районного центра Чернобыль, строится атомная электрическая станция. Одним кажется, что вторжение такой техники в этот район угрожает природе всего Полесского края, что по вине строителей, погибнет красота припятских рассветов, умолкнет птичий гомон, увянут цветущие луга. Другие считают, что, напрогив, они несут сюда новую красоту, подобную Софийскому собору, Эйфелевой башне, космическим кораблям,— красоте, создаваемую человеком. Через разветвленную систему образов и психологически насыщенных эпизодов драматург приводит к мысли, что в основе своей эти позиции не исключают друг друга. «Здравствуй, Припятъ!» означает также «Здравствуй, Чернобыльская атомная!». Потому что одно и другое говорит: «Будьте счастливы, люди!» Самая большая красота на земле не реактор и не лес, а сам человек.

Румынский писатель Иоан Григореску в книге «Грязный рай», фрагменты из которой публиковались недавно в «Иностранной литературе», приводит многочисленные факты растущего загрязнения окружающей среды, хищнического или просто авантюристического отношения к природе, что ведет к нарушению равновесия в ней, иногда, может быть, непоправимому. Среди участников обсуждения проблем экологии, чьи высказывания приведены Иоаном Григореску, оптимистов не оказалось. Отдельные из этих высказываний продиктованы, кажется, не столько любовью к природе, сколько страхом перед ней, а кризисные ситуации, возникающие в отношениях с окружающей средой, кое-кому кажутся мстостью природы за вторжение в ее тайны. Но несмотря на то, что в этих высказываниях нет ни слова об успехах человечества в освоении природы, о разумном сотрудничестве с ней и не называются действительные виновники кризисных явлений, в них выражаются вполне обоснованные обеспокоенность и тревога. Находятся, однако, политические спекулянты, эксплуатирующие эти страхи и пытающиеся их использовать для того, чтобы лишить людей творческой инициативы и охоты к широким историческим начинаниям. Причитания о «конце света» должны, кроме всего прочего, отвлекать внимание трудящихся от других больших проблем капиталистического общества. Иоан Григореску, подытоживая различные взгляды на проблему «человек и природа», пишет: «Не впервой раздается вопль о «конце света». И недостатка в тех,

кто поверил бы этому, нет: сказываются суеверия, оседавшие тысячелетиями в сознании слишком многих. Перед лицом великих проблем мир всегда делился на оптимистов и скептиков. Но если неверие отнимает решимость, оптимизм всегда имел на своей стороне действия.

Тормозить? Замедлить? Остановить? Отступить?

Существует только один выход. Изменить! И именно страх перед изменением и приводит иных к идее «пропасти»...» Такой вывод делает писатель.

Но к «пропасти» может подвести не движение вперед, а именно попытки затормозить социальный прогресс.

Для гуманиста проблема борьбы за здоровую окружающую среду не исчерпывается только вопросами сохранения равновесия в природе, борьбы против загрязнения воздушного и водного океанов, защиты лесов и т. п. Вопрос о среде обитания человека — это также вопрос образа его жизни, социальной среды. Проблемы, возникающие в процессе научно-технической революции, решаются в зависимости от того, в какой социальной контекст включаются. Не менее важен для человека, не меньше значит для самочувствия человека духовный климат общества. Реальную угрозу для современного человека в капиталистическом мире представляет не только возможное злоупотребление знаниями, но и широко распространенное злоупотребление словами. В понятие окружающей среды наряду с водным и воздушным океанами должен быть включен также «океан слов», при помощи которых осуществляется связь между людьми, формируются жизненные принципы, мировоззрение людей, в том числе и их отношение к природе. Этот океан тоже загрязняется, и, может быть, с еще большей ответственностью. «Не секрет, что средства информации,— говорил Л. И. Брежнев на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе,— могут служить целям мира и доверия, а могут разносить по свету отраву розни между странами и народами».

То, что мода назвала взрывом информации, представляет собою нередко лишь извержение слов, безумство слов, и людям на Западе приходится немало герпеть от словесного смога. Слово, которое пропагандирует обскурантизм, провоцирует низменные инстинкты, бездумное, неискреннее,

безответственное слово становится общественным бедствием.

Бедствие усугубляется тем, что вследствие обесценивания слова понижается в обществе авторитет тех областей духовной жизни, которые имеют слово своим главным материалом. В первую очередь это, конечно, касается интересов художественной литературы. Процесс инфляции литературных ценностей в капиталистическом мире усиливается и тем, что сама литература нередко публично слагает с себя моральную ответственность перед обществом.

И когда мы говорим о защите среды су-

ществования человека, вкладывая социальный смысл в понятие «среда», то речь не может идти лишь о сохранении «равновесия» — речь идет о коренных изменениях в социальных условиях жизни людей, о таких изменениях, которые приведут к торжеству коммунистического идеала.

Литература социалистического реализма никогда не скрывала того, что участие в создании условий для такого развития человечества является ее высшей гуманистической целью, ее партийной позицией, и возражать против такой партийности значило бы возражать против человечности.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

А. Крушинский. Вьетнамский характер.— **Вл. Гусев.** Память и боль сердца.— **Г. Белая.** Умная ирония Зощенко.— **А. Свободин.** Фантазии на реальные темы.— **Н. Молева.** Мир Чюрлениса.— **Д. Урнов.** Мэлори и его книга.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Е. Никифоров. Динамика ленинской мысли.— **В. Преображенский.** Оружие интеграции наук.— **Леонид Лиходеев.** Долг и чувство.

Литература и искусство

ВЬЕТНАМСКИЙ ХАРАКТЕР

Человек из предместья. Рассказы вьетнамских писателей.
М. «Художественная литература». 1975. 256 стр.

Перед нами книга рассказов вьетнамских писателей. Она как бы изнутри знакомит нас с людьми и событиями, происходящими в стране. И потому позволяет еще ближе и лучше узнать о жизни этого героического народа.

Книга посвящена тридцатилетию Демократической Республики Вьетнам. В сборнике, составленном при участии Союза писателей Вьетнама, девятнадцать рассказов разных авторов. Большинство из них уже знакомо советскому читателю по рассказам, повестям, романам, издававшимся в нашей стране. Ряд имен читатель встретит впервые. Собранные вместе, рассказы как бы иллюстрируют основные этапы борьбы вьетнамского народа за свободу и независимость, за мирную счастливую жизнь.

«Нет ничего дороже независимости и свободы!» — этот девиз, провозглашенный Хо Ши Мином, близок и дорог миллионам вьетнамцев. Рассказы, вошедшие в сборник, красноречиво свидетельствуют об этом. Горячий патриотизм, готовность отдать жизнь за изгнание иноземных поработителей — все это передавалось у вьетнамцев из поколения в поколение. Много раз пытались

захватить Вьетнам «пришельцы с севера» — армады разных династий рабовладельческого и феодального Китая. Случалось, завоевателям удавалось закрепиться на годы и десятилетия, но зрели и сплывали народные силы и изгонялись поработители. Ни на минуту не могли чувствовать себя в безопасности и французские колонизаторы, захватившие страну в XIX веке. Никакое превосходство в военной силе не помогало врагам. Жажда свободы и независимости всегда жила в сердцах вьетнамцев.

Рассказ То Хоая «Человек из предместья», давший, кстати, название всему сборнику, как раз и посвящен этим особенностям вьетнамской истории. Его действие протекает в наши дни, однако в ткань повествования искусно вплетена история, рассказывающая об одной из попыток на рубеже XIX—XX столетий освободить Ханой от колонизаторов.

...Ютящаяся в городском предместье семья из трех человек — молодой крестьянин, его жена и отец — узнает, что на Ханой движется повстанческое войско. Мужчины без колебаний решают присоединиться к нему. Но вот беда: не во что парню облачиться. Весь его «гардероб» — малень-

кая набедренная повязка. Выручает парня жена: отдает ему единственную юбку. И тогда он «сложил ткань так, что вышла полоса длиною более обхвата, примерил и, улыбаясь, стал обматывать себе бедра. Потом тщательно расправил материю на животе и затянул узел, чтобы один конец ниспадал на бедро». Потом достал из-под бамбукового настила тесак и присоединился к отряду. Повсюду вливались в войско новые и новые добровольцы. «Люди предместий, давно уже жившие ожиданием и надеждой, поднимались и, прихватив немного рису, ножи и дубины, радостные шли навстречу войску повстанцев. В каждой деревне, в каждой общине находились жители, готовые выступить в поход». Эту трогательную историю из героического прошлого страны рассказывает внуку старик, пока они в поле устанавливают немудреную ловушку для горлиц. Но вот в небе появился американский самолет. «Раздался оглушительный грохот. Поле дрогнуло и покачнулось. Мальчик видел, как ракета неслась по небу, оставляя извилистый след, потом она настигла самолет, из которого вырвался ослепительный сноп огня». Писатель как бы подводит читателя к мысли: когда-то вьетнамцы сражались за свободу буквально голыми руками, но теперь благодаря бескорыстной помощи друзей есть у них самое современное оружие.

Книга рассказов знакомит читателя с целой галереей разнообразных характеров. Здесь есть горожане и сельские жители, воины освободительной армии и интеллигенты, представители разных социальных слоев Вьетнама и разных поколений. Но прочитав сборник в целом, подмечаешь одну особенность, которая оказалась мне закономерной. В рассказах есть люди добрые и злые, образованные и темные, в одних необычайно сильны гражданские начала, в других они приглушены. И тем не менее есть нечто общее у них всех, то, что как бы сближает людей, объединяет их. Это общее — в чувстве любви к своей родине, в ненависти к поработителям.

Явно не симпатизирует автор, писатель Ким Лан, квартирохозяйке в рассказе «Родная деревня». «В жизни, кажется, не встречал старик Хай такой противной особы, как их хозяйка. Костлявая, тощая будто щепка, бесцеремонная и любопытная — всюду сует свой нос, необыкновенно ленивая и жадная — так и норовит что-либо к рукам прибрать... Ей ничего не стоит взять

чужие кастрюли, тазы, ножи, дрова...» Но и у этой неприятной женщины, как и у всех окружающих, на первом месте ненависть к иностранным поработителям... Распространился слух, что жители деревни Тезау, откуда родом старик Хай, перешли на сторону оккупантов. Каждому ясно, что лично он нисколько в этом не виноват, он эвакуировался оттуда еще до прихода французских войск. Тем не менее со стариком и членами его семьи, «людьми из деревни предателей», теперь никто не хочет иметь дела. Хозяйка же требует, чтобы они немедленно съехали с квартиры. И несчастной семье этот остракизм кажется вполне понятным и естественным, они сами стыдятся глядеть людям в глаза.

«Старый Хай молча сидел, забившись в угол кровати, погруженный в невеселые думы. Одна мысль страшнее другой теснились в его голове. Куда податься? Да и примет ли кто-нибудь их теперь? Действительно, конец всему!.. И не только здесь, в районном центре Тханг, но и в соседних деревнях Дай и Нянам, Боха и Каохьонг, отовсюду выгоняли жителей Тезау, словно проклятых».

Слух о предательстве деревни Тезау, однако, оказался ложным. С каким торжеством рассказывает всем старик Хай, что бойцы самообороны мужественно защищали деревню и что враги дотла сожгли его дом!

«Хозяйка подбежала к нему и громко запричитала, выпучив глаза:

— Ах, вот как! Вот оно что! А я-то поверила... Я, конечно, ненавижу предателей... Но ведь все теперь выяснилось... Конечно, такое известие следует отпраздновать. Теперь бы свинью купить!..

— Конечно, купи! — радостно подхватил Хай».

Рассказ Ким Лана помогает понять, почему не оправдалась ставка Пентагона на вьетнамизацию войны, почему пал опиравшийся на огромную армию режим Тхьеу. По всем подсчетам американских специалистов, произведенным весной нынешнего года, выходило, что войска Тхьеу имели подавляющий перевес над войсками патриотов. В живой силе соотношение было три к одному в его пользу, по огневой мощи — семь к одному. Но армия Тхьеу буквально в считанные недели рассыпалась, как карточный домик. Ставка на предательство оказалась в условиях вьетнамского мораль-

ного микроклимата абсолютно нереальной. Понятней становится и изумивший западных журналистов факт, что за вступлением патриотов в Сайгон не последовало каких-либо массовых репрессий. Миллион вояк Тхиеу, загнанных под ружье обманом или насилем, были просто разоружены и по мере прохождения кратких курсов перевоспитания включены в трудовую жизнь как полноправные соотечественники, граждане Республики Южный Вьетнам.

Диктатор Тхиеу, разумеется, не единственный во всем Вьетнаме предатель. Тема предательства фигурирует и в рецензируемом сборнике. В рассказе Нгуен Динь Тхи «Старый проводник» к бойцам Народной армии приходит старик крестьянин, чтобы помочь им незаметно атаковать французский опорный пункт. В момент разработки операции возникает неожиданный диалог. «А как мы поступим с теми гадами, которые перекинулись к врагам?..— спрашивает проводник.— Неужели простим и отпустим?» «Наверное, отпустим...» — отвечает председатель уездного совета. «А если народ не простит им измены, если их смертно ненавидят — тогда как?» «Как народ решит. Смотря по тому, сколь тяжки их преступления». «Нет, не простим!— заявляет старик.— Я лично не могу простить!» В конце рассказа выясняется, что два молодых изменника, перебежавших к врагу, — его сыновья... Налицо исключение, как бы еще более подтверждающее правило. Предатель у вьетнамцев встречает такую всеобщую острую ненависть, что даже родной отец желает ему смерти.

Большинство рассказов сборника посвящено военной теме. И это неудивительно. Из тридцати лет, прошедших со времени Августовской революции, немногим более трети оказались мирными для Северного Вьетнама, на юге же война шла непрерывно, завершившись лишь весной нынешнего года. Целое поколение родилось и выросло под грохот бомб и снарядов. Воздушные тревоги и необходимость соблюдать маскировку, прятаться в убежище — все это стало для детей и подростков повседневной необходимостью, «прозой жизни».

Мальчик в рассказе «Человек из предместья» ничуть не удивляется, что мать его, как и другие крестьянки, собираясь в поле, вешает на плечо винтовку. В его понимании это нечто само собой разумеющееся, нормальная деталь быта.

«Ведь даже свадебные подарки здесь свя-

заны с войной: люди дарили вазы для цветов, сделанные из гильзы снаряда... а из парашютных строп, найденных в лесу, плели колыбели для младенцев», — пишет Нгуен Кхай, автор рассказа «На уборке арахиса». «Только луна да дорога — наши вечные спутники», — говорит шофер в рассказе Нгуен Минь Тяу «Луна и дорога». То, что жизнь шофера связана с дорогой, — аксиома, не требующая доказательств. Но при чем тут луна? Да при том, что из года в год по вьетнамским дорогам можно было ездить только ночью, пока тьма укрывает машины от американских самолетов... В рассказе До Тю «Город под бомбами» мальчик в наемку над девочкой-соседкой выводит куском известки на стене дома: «Берегись! Лиен воет громче сирен!» Образы, рождающиеся в мальчишечьей голове, связаны все с теми же воздушными тревогами!

Рассказывая о военных событиях, авторы сборника сосредотачивают внимание прежде всего на героических характерах своего народа, на побуждениях, движущих людьми, на особенностях психологии и настроения, передают их заветные мечты о счастливом мирном будущем.

Долгая война не лишила вьетнамцев способности радоваться жизни, мечтать — в этом мог убедиться каждый, кто побывал в сражающемся Вьетнаме. Герой сурового и поэтичного рассказа «Город под бомбами» юный боец-зенитчик До (тот самый, что начертал, будучи еще мальчишкой, озорную надпись на стене) размышляет: «И это правильно, что мы уже сегодня думаем о прекрасном будущем, о тех радостях, которых мы так жаждем и которые с каждым днем все ближе и ближе, потому что рождаются из нынешних наших тревог, сомнений и поисков».

Рассказы сборника, посвященные теме мирной жизни, можно разделить на две части: до и после освобождения. Мир до-революционный для простых людей был едва ли не горше, чем война. В рассказе Нгуен Конг Хоана «Как добыть средства к существованию», открывающем сборник, речь идет о нищем-неудачнике. «Не повезло ему в жизни: небо даровало ему судьбу попрошайки, но не наделило его телесным изъясном». Завистливо взирало бедняга на своих горбатых, безногих, увечных собратьев: тем все-таки время от времени перепадает милостыня. И вот чтобы поднять свою «конкурентоспособность», он решается на

отчаянный шаг — забирается на дерево и с головокружительной высоты бросается вниз. «Отныне,— читаем мы,— он не страшит голодной смерти. Теперь ему первому подают милостыню без единого слова! Он честно зарабатывает себе на пропитание... Он счастлив!..» Какая чудовищная трансформация психологии. До какого отчаяния может дойти человека жизнь!

Но особенно страшным показался мне рассказ Нгуен Хонга «Дорога». Бредут по дороге мужчина, его старуха мать и дочка. На плече у мужчины коромысло. На одном конце его в подвешенной корзине — младшая девочка, на другом в такой же корзине — мальчик постарше. Малыш не спит и видит, что в том же направлении, из районов, захваченных неурожаем, идут бесконечные толпы людей. «Многие из них мерзнут куда больше, чем отец или бабка с сестрой,— замечает мальчик.— У бабушки, у отца, у сестренки хоть и рваные, но все-таки есть штаны и рубашка, а эти совсем голые, нету даже повязки на бедрах — прикрывают руками срам и трясутся от холода. Холодный озноб бьет и тех, что лежат, и тех, что сидят скорчившись, и тех, что идут волоча ноги. А если кто не дрожит, значит, помер... Умирают прямо на обочине дороги, на поросшей травой меже, на краю поля, у самых дверей харчевен, и никто их не хоронит и не оплакивает».

Для Северного Вьетнама такого рода картины — далекое, почти забытое дореволюционное прошлое. На юге же зарубежные репортеры еще совсем недавно писали и о нищих и об умирающих с голоду. Поэтому и сражался все тридцать лет вьетнамский народ, чтобы все эти ужасы колониального и неоколониалистского режима на всей его земле навсегда ушли...

Рассказы, посвященные мирному труду в социалистическом обществе, представляют собой важный составной элемент сборника. Почти все они были написаны в промежутке между 1954 и 1964 годами — после подписания Женевского соглашения и до первых налетов американской авиации. В этих произведениях перед читателем предстает еще одна весьма существенная черта вьетнамского характера — необыкновенное трудолюбие.

Впрочем, это драгоценное качество было отчетливо видно и в рассказах на военную тему: читатель не может не восхищаться тем удивительным упорством вьетнамцев,

с каким они ремонтировали дороги и переправы, поддерживали нормальную жизнь в стране. Это был почти сизифов труд: восстановленные переправы и дороги днем подвергались бомбардировке, ночью же их опять восстанавливали.

В рассказах «Зеленые травы» Хо Фьонга, «На уборке арахиса» Нгуен Кхая, о «самолетном стороже» Нгуен Туана можно увидеть, с каким энтузиазмом вьетнамский труженик переключался от ратных дел к мирному труду. В ряде рассказов изображаются серьезные социальные сдвиги, происходившие под влиянием социалистического строительства. Вьетнамский характер обогащался новыми важными чертами, свойственными гражданину социалистического общества.

Буи Дык Ай посвятил рассказ «Рыба» серьезно моральному конфликту — столкновению эгоистической, частнособственнической психологии с нормами нового, социалистического общества. Старик рыбак продает «налево» принадлежащую кооперативу рыбу. Присутствовавший при этом сын резко его осуждает. Старик упрекает сына: он-де не знает жизни, не ценит тех усилий, каких стоило выходить его и вырастить в условиях старого строя. Человек, случайно услышавший этот спор, ждет, сумеет ли юноша найти убедительный ответ. И тот находит. «Я хорошо знаю, отец, какие трудности довелось тебе пережить,— произносит он.— Но почему, вспоминая прошлую жизнь, не задумываешься ты над тем, отчего нынче легче дышится?» Острые конфликты «нового» и «старого», трудности первых шагов кооперирования на селе исследуются в рассказе Нгуен Киена «Перед жатвой».

Еще в первую поездку по Вьетнаму мне бросилась в глаза удивительная художественная одаренность его народа. Делая, скажем, камуфляж для машины, вьетнамец не просто наляпает зеленые пятна на кузов, а разрисует его цветочками и птичками. Оклейка стекла, чтобы защитить их от воздушной волны, использует для этого непременно узорчатую бумагу. В июльские дни 1966 года, когда американские самолеты предприняли первые налеты на пригороды Ханоя (а в стране «северного соседа», между прочим, хунвэйбины начинали крушить, по их выражению, «тысячелетние оковы культуры на шее народа»), в четырехэтажном здании, где когда-то помещался французский лицей имени Жюль

д'Арк, был торжественно открыт музей национального искусства. «Мы не допустим, чтобы враг подавил нашу духовную жизнь!» — сказал мне тогда один школьный учитель. Подтверждение справедливости этих слов — и рассказы, включенные в рецензируемый сборник.

В дни войны жили не только дороги Вьетнама. Жили его школы и вузы, жили музеи, литературное и художественное твор-

чество. Нет сомнения в том, что в условиях достигнутого долгожданного мира, когда обретена наконец историческая победа над иноземными поработителями, вьетнамская литература расцветет новыми яркими красками. У литературы талантливого вьетнамского народа, всегда шедшей в ногу с жизнью, большое будущее.

А. КРУШИНСКИЙ.

ПАМЯТЬ И БОЛЬ СЕРДЕЦ

В. Богомолов. Рассказы. М. «Художественная литература». 1975. 176 стр.

Владимир Богомолов — эпический писатель, он именно рассказывает, притом интересно; мы привыкли, что в эпосе на первом плане «характеры», правда бывает, характер есть, а читать скучно. Не всегда тут виноват сам писатель, но «читатель-то всегда прав». Для В. Богомолова нет этой проблемы. Он центрирован, и даже если фабульной остроты особенной нет, как оно и случилось в рассказе «Иван», повествование нас «не отпускает».

В этом искусство «безыскусственного» Богомолова. Непосредственный сюжетный интерес прямо связан с идеей и атмосферой рассказа. Все повествование — как бы система отражений. Сам Иван фактически мало что делает и мало описан. Манера Богомолова вообще чрезвычайно скупа на подробности и нюансы. Мы несколько сбиты с толку фильмом «Иваново детство», с которого, как известно, начался наш «поэтический кинематограф» последнего периода. Там паузы, смена ритмов и темпов, крупнопланные детали, мелькания, замедления, ассоциативность и все такое. Сам же рассказ — проза и еще раз проза. Никакого «приема», кроме одного — открытого и естественного. Он состоит в том, что мы почти все узнаем об Иване по реакциям на него различных людей, а не по его собственным действиям в их реальности и подробностях. В Иване есть некая тайна, и ее чувствуют и рассказчик — молодой офицер, и солдаты, и полковник, и Холин, и иные. Особенно любопытен в этом плане Холин. Разведчик, сорвиголова, независимый и грубый человек, он держится по отношению к Ивану почти заискивающе, и тут не только интересы дела и заслуги Ивана перед высшим начальством (хотя есть и

этот фактор), но и искренняя любовь и пишет перед столь необычной натурой:

«— Тогда поехали,— вдруг сказал мальчик, поднимаясь и не глядя больше на стол.— Подполковник ждет меня, чего же сидеть?.. Поехали! — потребовал он.

— Сейчас поедem,— с некоторой растерянностью проговорил Холин. В руке у него была фляжка, он собирался, очевидно, налить еще мне и себе, но, увидев, что мальчик встал, положил фляжку на место.— Сейчас поедem,— повторил он невесело и поднялся.

Меж тем мальчик примерил шапку.

— Вот черт, велика!

— Меньше не было. Я сам выбирал,— словно оправдываясь, пояснил Холин...»

Причем суть ситуации не только в личных несчастьях Ивана и в возникшей отсюда его безграничной ненависти к врагам, в жажде мести, но и в некоем общем странном магнетизме его существа, так и не расшифрованном автором до конца. Это естественно: такие вещи и не расшифровываются, тут уже секрет самого автора, феномен таланта.

Это предельно экономный (а экономия — вторая натура В. Богомолова) и точно найденный прием. Таким образом рельефно передан нужный характер и сама атмосфера войны. Если бы Богомолов стал перечислять военные ужасы, было бы больше фактологической истины и больше описательности. Задача же автора рассказа — передать жесткость, «сухость», как говорил в таких случаях Блок, недетского характера Ивана. Как выразить эту скупость? Как рассказать о молчании пересыщенности? Писатель выходит из этой трудной ситуации непринужденно-художественным, а не риторическим способом. Рассказ вообще обладает тем

важным для произведения свойством, которое обыкновенно обозначают не очень точным словом «монолитный».

Второй центр сборника — «Зося».

Центр духовный. Это верное слово. Но если говорить о композиции, о конструкции, причем о композиции не только формальной, но и существенной, то «Иван» и «Зося» не два центра, а два края. Так они и расположены в книге. «Иваном» начинается, «Зосей» кончается. Другие рассказы и зарисовки, миниатюры — «Первая любовь», «Кладбище под Белостоком», «Сердца моего боль» — малы и все резко тяготеют к «Ивану», что тоже, как увидим, не случайно. Казалось бы, «Первая любовь» должна перекликаться именно с «Зосей», но нет. Любовь, боль, жестокость военной смерти — все тут свернуто в резких и твердых «ивановских» фразах, образах. Вознованность диалога не разрушает этого тона: слишком «гол» и пронзителен сюжет. Накануне боя двое, он и она, толкуют о том, что их не двое, а «уже трое». Думают, как быть. Война решает: наутро он остается один. «И никто, никто и не подозревал, кем она была для меня и что нас было трое...» Только и всего. В «Кладбище под Белостоком», в «Сердца моего боль» тоже речь идет о погибших — о боли войны, о строгом свете победы.

В рассказе «Зося» Богомоллов хочет выйти, условно говоря, в послевоенную проблематику. Действие происходит во время войны в Польше, но примерно в той обстановке, что в новом романе Ю. Бондарева (написавшего предисловие к сборнику) «Берег», — на отдыхе между боями. Война на миг отступила, в военном человеке пробуждается «мирный» человек. Сказано — «действие», но действия в рассказе практически нет, и это тоже недаром. Здесь весь «интерес» держится на молчаливом эмоциональном поединке героя, опять-таки молодого нашего офицера, и Зоси, хозяйской дочери. До самого конца не ясно, каково же реальное настроение этой самой Зоси, а это важно не только в житейском плане «любит — не любит», но, так сказать, и в идейном отношении. Дело в том, что, кроме двух героев, есть третий — Витька (как все время именует его рассказчик), приятель и командир героя. Он, что называется, настоящий мужчина по военным и вообще жестким представлениям о человеке. Друга не выдаст, храбр, силен, инициативен, болтать не любит, «гнилой сентиментализм» презирает.

Правда, несколько дубоват и однолинеен, но это уж кому что дано. А вообще по всем параметрам Зося должна полюбить Витьку, а не героя-рассказчика, упивавшегося Есениным, но не умеющего пить водку, ухаживать и быть дерзким.

Однако же Зося полюбила как раз последнего: «Ga sie Kocham, a ty śpierz!» Оказалось, что в мире есть нечто, кроме военных и вообще чисто мужских добродетелей. Герой, уезжая, сам растерян: все это событие явно тронуло не только его сердце, но и сознание. Две эпохи за двумя рассказами Богомоллова. «Зося» кончается тем, что война вновь вступает в свои права; но очевидно, что такой рассказ мог быть написан лишь после войны, притом лишь спустя долгое время (реальная дата его — 1963 год). Скупая проза Богомоллова обладает некоей особой типизирующей силой, возможно, в этом-то один из секретов ее популярности (видимо, играет тут роль и само эпическое мастерство и простота стилистики, что, кстати, несомненно способствовало переводам рассказов на многие зарубежные языки; но все-таки первое важнее). Вся наша литература в 50—60-е годы билась над проблемами новой личности, личного начала в человеке, думала о богатстве, разнообразии, тонкости душ. Тут почти не было каких-либо взаимных влияний — настолько дружным был порыв. Самые суровые и мужественные писатели, и прежде всего «военное поколение», «вдруг» ищут философию, высокую истину, сложность, красочность жизни. Богомоллов выразил эту потребность на своем тесном плацдарме.

Вся его жесткая, военная манера сопротивляется необычному материалу. Богомоллов — писатель четкой линии и крутого изгиба. Здесь же... эти сцены с Есениным... «Я огляделся: в саду и на дворе никого не было — начал читать и сразу же увлекся. Выйдя из-за стола, я с удовольствием декламировал то, что мне более всего нравилось, преимущественно по памяти, почти не обращаясь к тексту.

Я отчасти забылся, однако стоял лицом к хате и смотрел перед собой, чтобы вовремя заметить возвращение бойца.

Я читал с выражением и любовью, наслаждаясь каждой строкой и в душе радуясь, что часового еще нет и мне никто не мешает».

Заметим, как в стилистике Богомоллова появляется столь противопоказанная ей вы-

лость, «расплывчатость»: «...с удовольствием декламировал то, что мне более всего нравилось, преимущественно по памяти, почти не обращаясь...», «Я читал с выражением и любовью...» Неуютно здесь писателю. Мягкость — не его ампула. Сам этот мотив, упорно повторяемый в рассказе — мотив одинокого чтения вслух Есенина, — несколько натужен на свежий слух. Во-первых, теперь уже Есениным не удивишь, а Богомолов именно удивляет, а не «только упоминает»... Во-вторых, как-то это не очень правдоподобно. И вообще (мужчина, один) и в частности (фронт, командир, сам вчера-позавчера участвовал в рукопашном и зарубил немца саперной лопаткой, только что встал из-за стола, где заполнял двести три похоронки на товарищей). Все это слишком невозмутимо переходит одно в другое: подписал эти бланки, встал, продекламировал Есенина, покраснел, обнаружив, что Зося подслушала.

В рассказе «Зося» много прекрасных сцен, но лучшими, на мой взгляд, остаются приезд подполковника в батальон (это сонное царство усталых бойцов и властный порыв командира!), то же заполнение похоронки, воспоминание о бое и иное подобное. То есть именно война в «невойне». Трудно удержаться, чтобы не выписать такие, например, строки: «Мне с самого начала, как только я занялся похоронными, не понра-

вилось указанное в присланном образце официально-казенное обращение: «Гр-ке...» Третье или четвертое извещение, которое я заполнял, адресовывалось в Костромскую область матери моего друга Сережи Защипина, Евдокии Васильевне, милой и радушной сельской фельдшернице. Я ее знал: дважды она приезжала в училище и баловала нас редким по военному времени угощением, сдобными на меду домашними лепешками, и все звала меня после войны к себе в гости, на Волгу. И я почувствовал, что назвать ее «гр-ка» или даже «гражданка» я не могу и не должен. Уважаемая?.. Товарищ?.. Милая?.. Дорогая?.. Здесь — Богомолов. Даже «милая» и «дорогая» стоят у него в контексте замкнутости и сдержанности.

Видимо, воистину каждому свое. Владимир Богомолов — писатель мужества и суровости войны, для него проблема жестокости и милосердия в самой предельной жизненной ситуации (детство—война, смерть—любовь, выстрел — небо) — главная, и он не может уйти от этого.

Эта «заноза» в нем навсегда: таково главное ощущение от его произведений. Отсюда и его скупая стилистика и «прием».

Кажется, он понял это — и написал «В августе сорок четвертого...».

Вл. ГУСЕВ.

УМНАЯ ИРОНИЯ ЗОЩЕНКО

М и х. З о щ е н к о. Рассказы. М. «Художественная литература». 1974. 352 стр.

Новое издание Зоценко подчеркнуто нетрадиционно: в нем ощутимо желание представить читателю только «сильного» Зоценко. Этот принцип отбора глубоко оправдан.

С годами образ Михаила Зоценко многое потерял, но многое и приобрел. Его последние работы вытеснили из памяти современников легендарную легкость успеха, славу «самого веселого писателя Союза» и улыбку, всегда сопровождавшую имя писателя. Образ Зоценко стал строже, точнее, печальней.

Время рассеяло много парадоксов, но создало новые. Сегодня уже никого не удивила бы та настойчивость, с какою отмахивался Зоценко от звания юмориста. «Под юмористическими, — считал он, — мы понимаем рассказы, написанные ради того, что-

бы посмешить. Это складывалось помимо меня — это особенность моей работы». Сатира Зоценко ощущается как его истинное призвание, как природа таланта. «Мой характер, — говорил писатель, — сделан так, что я человек несколько иронический, мой глаз устроен так, что я вижу некоторые недостатки человека». Стремление писателя быть «посредником в хороших делах» вызывает в памяти желание Гоголя открыто и прямо воздействовать на нравы людей, а за наивной простотой зоценковских рассказов все отчетливее проступает напряженная поглощенность писателя размышлениями о судьбах и свойствах своих сограждан.

Зоценко — юморист, сатирик, моралист... В чем видел зло? С чем боролся? И почему долгие годы не всеми был понят?

Новый однотомник открывается «Расска-

зом про попа», написанным в 1922 году. Это хороший рассказ. Но все-таки истинный Зоценко, тот, который стремительно набирал высоту и «по виду без малейшего усилия, как в сказке, получил признание в литературной среде и в совершенно необозримой читательской массе» (К. Федин), — этот Зоценко начался раньше, и начался такими рассказами, без которых его обаяние, социальную природу его героя, основную проблему его творчества не понять.

В 1922 году были написаны «Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова».

Главный герой цикла Назар Ильич, господин Синебрюхов, побывал на германской войне и захватил начало революции. Но восторженность, с какою Синебрюхов говорил о «князе вашем сиятельстве», восторженность, не убитая революцией, обнаруживала рабское в этом человеке.

В рассказах о Синебрюхове можно было уловить удивление писателя перед отягощенностью психики героя старыми представлениями: настораживала любовь Назара Ильича, господина Синебрюхова, к бывшему своему хозяину («...вид, смотрю, замечательный — сановник, светлейший князь и барон. Бородища баками пребелая-белая. Сам хоть и староватенький, а видно, что крепкий»), его смирение и то, что все время «понимал он, конечно, свое звание и пост». Но одновременно был герой бойким и разбитым, цену себе знал, прежней «мужицкой жизнью» жить не хотел и нес в себе еще в те годы неясную, неоформленную, но явно наступательную претензию. Это тоже входило в комплекс того рабского, что хранилось на дне души прежних «униженных и оскорбленных». И Зоценко увидел и запечатлел это как художник одним из первых в новой, революционной литературе.

Такими серьезными раздумьями начинал Зоценко свой творческий путь. Незадолго до появления первых рассказов писатель, отравленный газами на первой мировой войне, воспринявший революцию как «гибель старого мира, рождение новой жизни, новых людей, страны», работал в совхозе Маньково птицеводом. Его ошеломили встречи с местными крестьянами. «Я подхожу к крестьянину. Он пожилой. В лаптях. В рваной дерюге. Я спрашиваю его, почему он содрал с себя шапку — за десять шагов и поклонился мне в пояс. Поклонившись еще раз, крестьянин пытался поцеловать мне руку. Я отдергиваю ее.

— Чем я тебя рассердил, барин? — спрашивает он.

И вдруг в этих словах и в этом его поклоне я увидел и услышал все. Я увидел тень прошлой привычки жизни. Я услышал окрик помещика и тихий рабский ответ. Я увидел жизнь, о которой я не имел понятия. Я был поражен, как никогда в жизни».

Эти встречи не прошли бесследно.

Поразивший Зоценко с первых же шагов творчества разрыв между масштабом революционных событий и консерватизмом психики российского обывателя сделал художника особенно внимательным к тем сферам жизни, где высокие идеи нередко предстают в сниженном, опошленном виде.

С негодованием писал Зоценко о тех людях, для которых демократические принципы революции означали прежде всего надежду на бесконтрольный потребительский размах. В рассказе «Тормоз Вестингауза» чуть подвыпивший герой хвастается тем, что все может сделать и все сойдет ему с рук, потому что он — простого происхождения. «Пушай я чего хочешь сделаю — во всем мне будет льгота». Все ему можно. «Потому у него, — пушай публика знает, — происхождение очень отличное. И родной дед его был коровьим бастином, и мамаша его была наипростая баба». И дернул Володька за тормоз Вестингауза и остановил бы поезд, да не сработал тормоз. А Володька только утвердился в своем «самосознании»: «Я ж и говорю: ни хрена мне не будет. Выкуси!» Так инертность человеческой природы, косность нравственной жизни, быт стали основными объектами художественного разоблачения Зоценко. «Я был жертвой революции», — заявляет один из героев Зоценко (рассказ «Жертва революции»). Читатель ждет описания крупных событий — ведь герой попал под «колеса истории». Но в рассказе Ефима Григорьевича, «бывшего мещанина города Кронштадта», все выглядит иначе. Служил он у графа в полотерах. «Натер я им полы, скажем, в понедельник, а в субботу революция произошла. В понедельник я им натер, в субботу революция, а во вторник... бежит ко мне ихний швейцар и зовет:

— Иди, — говорит, — кличут. У графа, — говорит, — кража и пропала, а на тебя подзрение. Живо!» Так продолжается и дальше. Где-то погибают за революцию люди, гремят бои, а герой все думает о пропавших часиках. Вдруг вспоминает, что «ихние часишки» он сам «в кувшинчик с пуд-

рой пихнул». И бежит он по улицам, и берет его «какая то неясная тревога. Что это, думаю, народ как странно ходит боком и вроде как пугается ружейных выстрелов и артиллерии?»

Спрашиваю у прохожих. Отвечают:

— Вчера произошла Октябрьская революция».

А в мыслях у Ефима Григорьевича только часики пропавшие...

Столкновение этих двух миров (мир Октябрьской революции и «мирок» Ефима Григорьевича) Зоценко рисует отнюдь не в традициях бытописательства: быт интересует его как прочная земная основа существования героев. Сталкиваются, в сущности, быт и бытие. Та духовная переключка между Зоценко и Маяковским, которую современники остро почувствовали в конце 20-х годов с выходом «Клопа» и «Бани», обозначилась значительно раньше, и внутреннее созвучие выросло из собственного обоим писателям нравственного максимализма. Оба писателя ощущали, что «быт» и «бытие» — это две разные системы жизни, где «быт» представляет собою неодолимую реальность. В пределах этого мира возникают особые отношения между человеком и действительностью, отношения, ставящие под угрозу человеческий дух и высокие идеи века. Так родилась центральная этическая тема Зоценко.

Однако не менее важно неожиданное отсутствие драматического накала в решении и разрешении этой драматической, казалось бы, темы.

«Все было ново,— пишет, вспоминая ранние рассказы Зоценко, В. Каверин,— позиция рассказчика, разговорный, удивительно «нелитературный» язык, тема, сам герой — мелкий человек, искренне удивлявшийся тому, что мешает его благополучию». С такой точкой зрения, «прочитывающей» зоценковского героя добродушно и беззлобно, мы встречались не раз. Но это не единственно возможная интерпретация зоценковских типов. «Несколько неожидан поворот,— писал о «героине» рассказа «История болезни» В. Шкловский,— что эта старуха вдруг оказывается агрессивной».

Разобщенность, незлобность, замкнутость героев Зоценко, казалось бы, только на себе, порожденные эгоцентрическим восприятием революции (какая «выгода» от революции мне — для себя — сегодня?), обнаружила свою относительность: обыватели оказываются способны к общению и актив-

ности, но на уровне извращенно понятых ими идей. И тогда их разрушительный потенциал неистощим: они издеваются над родной матерью, ссора из-за ежика перерастает в «цельный бой» («Нервные люди»), а праздная погоня за неповинным человеком превращается в злобное преследование («Страшная ночь»).

Жалость и сострадание, которые сопутствовали когда-то открытию темы «маленького человека» Гоголем, пройдя через сложное чувство симпатии и отвращения у Достоевского, пораившегося тому, как много есть в униженных и оскорбленных страшного, превратились у Зоценко в обостренную чуткость к мнимой инертности героя-мещанина, который теперь уже ни за что не согласился бы называться «маленьким человеком». «Средний человек» — так говорит он сам о себе и втайне вкладывает в эти слова «возвышенный» смысл. Спекулятивно и полуграмотно пользуясь фразеологией нового времени, зоценковские герои пытаются самоутвердиться за ее счет. «Я всегда симпатизировал центральным убеждениям,— говорит герой рассказа «Прелести культуры».— Даже вот когда в эпоху военного коммунизма нэп вводили, я не протестовал. Нэп так нэп. Вам видней». «Хочется сегодня размахнуться на что-нибудь героическое», — говорит герой рассказа «Мелкота». Этот мещанский апломб, закамуфлированный под гражданственность, и становится источником воинственного отношения зоценковских персонажей к окружающим. «Мало ли делов на свете у среднего человека!» — восклицает герой рассказа «Чудный отдых». Горделивое отношение к «делу» — от времени, от эпохи; но его реальное содержание соответствует масштабу мыслей и чувств зоценковского героя: «Сами понимаете: то маленько выпьешь, то гости припрутся, то ножку к дивану приклеить надо... Жена тоже вот иной раз начнет претензии выражать».

Сатира Зоценко образовала особый «отрицательный мир», с тем, как считал писатель, чтобы этот мир был «осмеян и оттолкнут бы от себя».

К. Федин был прав, когда писал о том, что «талант Зоценко вызвал самое разностороннее и трагикомическое непонимание». Прав был и тогда, когда одну из причин этого недоразумения видел, в частности, в стиле Зоценко — в том самом стиле, который он так высоко ценил, но который

в то же время нередко вводил в заблуждение. Разговоры о «лице» и «маске» Михаила Зощенко, длившиеся десятилетиями, были, в сущности, обсуждением авторской позиции и форм ее выражения в сказе, скрывали в себе недоверие к активности избранной Зощенко стилиевой манеры, к ее способности действительно и определенно выразить художественную мысль писателя. Основания для этих сомнений коренились в том, что ориентация на речь героя, присутствующая в форме сказа, видоизменяла стиль авторской речи даже тогда, когда писатель говорил, казалось, «от себя».

В прозе Зощенко позиция писателя действительно сложна по формам своего выявления — она обнаруживает себя не прямо, но через столкновение, монтаж разных смысловых пластов.

Героев «отрицательного мира» писателя разоблачала прежде всего его саркастическая интонация, та «умная ирония автора», которую так высоко ценил в таланте Зощенко М. Горький. Но и речевая «маска» героя стала способом его сокрушительного саморазоблачения: это «издевательство над несвободной личностью», кричат пассажиры, и гротескное словосочетание разоблачает мешанину в их умах, мешанину, разумеется, лишенную случайности.

«Это был изнурительный труд,— говорил много лет спустя К. Федин,— бороться с упрощателями искусства посредством приемов опрощения,— и только вера в безошибочность своего пути поддерживала силы Зощенко».

«Сентиментальные повести», написанные Зощенко в 20-х—начале 30-х годов, показывают, как интенсивно работал писатель над обнаружением разнонаправленных тенденций обывателя. Зощенко удалось раскрыть отрицательные свойства его психики. Эволюция Былинкина, героя повести «О чем пел соловей» (произведения, высоко ценимого Горьким), который ходил вначале в новом городе «робко, оглядываясь по сторонам и волоча ноги», а получив «прочное социальное положение, государственную службу и оклад по седьмому разряду плюс за нагрузку», превратился в деспота и хама, еще раз убеждала в том, что нравственная пассивность зощенковского героя иллюзорна: в нем отчетливо проступали черты мешанской агрессивности.

«Мне очень нравится,— писал Горький в 1926 году,— что герой рассказа Зощенко

«О соловьях» — бывший герой «Шинели», во всяком случае близкий родственник Акакия, возбуждает мою ненависть благодаря умной иронии автора». Зощенко создал не аналог традиционному представлению о «маленьком человеке» и даже не параллельный (еще один) вариант этого характера — он создал совершенно новую модель этого социально-психологического типа.

...Если бы Зощенко оставался только сатириком — и тогда его ожидание перемен в человеке, который «должен с помощью художественной сатиры воспитать в себе отвращение к уродливым и пошлым сторонам жизни», было бы плодотворным и жизнеутверждающим. Но Зощенко прошел через извечную тревогу сатириков: «ироническую» складку своего характера он с годами начал ощущать как собственную недостаточность. Можно ли не вспомнить при этом, какое огромное место заняли в размышлениях Зощенко 30-х годов поиски «светлой формулы»? «Ум не должен останавливаться на мрачном решении», — писал он в статье о Заболоцком; «...мрачные качества непригодны советскому сатирику...» — повторяет он в статье тех же лет об И. Ильфе и комментирует: «Народу не свойственно такое мировоззрение». Прежде уверенно отвергавший «рыхлую», как говорил писатель, мысль о необходимом присутствии в сатире положительного героя, Зощенко теперь это требование прямолинейной критики отождествляет с «мнением народным». И все интенсивней стремится к открытому, прямому воздействию на нравственную жизнь человека. Это удается ему, когда он пишет «Рассказы о Ленине», детские рассказы. Но отделенный от сатиры моральный пафос нередко приводил и к неожиданным результатам: как бы перестав доверять сокрушающей силе смеха, Зощенко в юмористических произведениях порой выводит морализм на поверхность. И тогда в его рассказах появляется прямое назидание, демонстративное «возрождение» героя на глазах у читателя («Огни большого города») и проповедническая интонация («Поминки»). Выступая в своем истинном облике, сатира Зощенко все-таки оказывается более глубокой и более меткой, и такие рассказы, как «История болезни», убеждают в нерастратченных силах Зощенко-сатирика.

С редкой ясностью определил Зощенко на рубеже революции тот склад жизни, который был для него неприемлем: «Духов-

ной жизни нет. Запросов нет. Мир понятен». Революция должна, убежден был писатель, привести к духовному и нравственному обновлению человека. Этой цели посвятил Зоценко свою жизнь.

Из веры в «нервную и огромную силу человека» родилось убеждение, что «смерть не бессмысленна, человек умирает только тогда, когда им сделано предназначенное. Я же еще не сделал своего. Я не умру.

Иначе как бессмысленна и отвратительна жизнь!»

Проходят годы. С каждым новым изданием книг Зоценко в его героях мы узнаем все новых «знакомых незнакомцев». Значит, писатель и сейчас идет рядом с нами. Значит, работа, которую делал Михаил Зоценко, продолжает оставаться нужной людям.

Г. БЕЛАЯ.

ФАНТАЗИИ НА РЕАЛЬНЫЕ ТЕМЫ

Леонид Зорин. Театральная фантазия. Одиннадцать пьес. М. «Искусство». 1974. 712 стр.

Мотивы драматургии Зорина прослеживаются явственно уже в пьесе, открывающей книгу, — одни в зародыше, другие в побочных темах, в обертонах, третьи разработаны подробно. В сущности, вся его драматургия — своеобразный рассказ о поколении, начавшем сознательную жизнь с войны, с дней победы. Особняком — исторические драмы, первую из которых, «Декабристы», он написал в 1966 году. Но и в исторических драмах отражается умонастроение этого поколения.

Открывает книгу пьеса «Светлый май» — так она называлась в то время, когда ставилась на сценах театров. Теперь это название переведено автором в подзаголовок, в заглавие же вынесено иное — «Конец и начало».

Рассмотрим ее внимательно — в ней как бы запрограммированы другие произведения драматурга. Это свое значение она не теряет и в том случае, когда Зорин откажется от многих ее элементов и приемов.

Внимание писателя сосредоточивается на жизненных явлениях победной весны 1945 года. Праздник народа вбирает в себя и счастье каждого и боль каждого — и одно неразрывно связано с другим. Показать природу этой связи, вскрыть ее драматические коллизии автор считает своей задачей.

Общая интонация пьесы передает ощущение невыразимого счастья справедливости и избавления, что владело тогда всеми пережившими четырехлетнюю беду. Эта интонация — и в легкости, приподнятом тоне офицерских разговоров, и в детской беззаботности, овладевшей вдруг взрослыми, оно и в снисходительном отношении к гнетущим трудностям военного быта.

Этой верностью тона драматург завоевывает наше доверие, и мы не сразу за-

мечаем, что с самого начала он строит достаточно жесткую сценическую конструкцию.

...Действующие лица едут в одном поезде и даже в одном вагоне. Старинный драматургический ход! Но автор и не скрывает это заданности, напротив — демонстративно обнаруживает. Вообще Зорин свободно пользуется, казалось бы, самыми наивными драматургическими приемами, которые в ремарках драм прошлого века обозначались: «Появляется Н.», «Внезапно входит Н. Н.», «Узнает в молодом человеке брошенного сына» и так далее и тому подобное. Разумеется, ремарки у Л. Зорина иные, но внезапные стыки судеб восходят к старинным приемам сцены.

В искусстве, как известно, прием всегда идеен. Итак, перед нами площадка, на которую приглашены автором люди, разными путями прошедшие через войну. Здесь высвечивается ближайшее и отдаленное будущее героев. В неповторимой весне 1945 года нащупывает Л. Зорин истоки будущих исторических сдвигов и достижений, но одновременно замечает и опасность отступления тех или иных героев от нравственных критериев, завещанных героическим четырехлетием.

Капитан Казаков. На войне он «приспособился» к обстановке ежеминутного риска. Когда военная судьба предоставляет ему выбор, для него главное — выжить, даже ценою компромисса, граничащего с предательством, даже ценою перехода этой зыбкой грани! Предательства ему, правда, совершить не пришлось, за что, впрочем, он должен был благодарить не себя, а обстоятельства...

Но теперь он рассматривает победу чис-

то потребительно, требуя своей доли жизненных благ, притом немедленно.

В пьесе есть и другая линия, связанная с образом Тани Рожновой. Драма Тани из числа тех жизненных драм, в которых, по выражению Льва Толстого, нет виноватых.

В двух небольших сценах, пожалуй, заключен материал целого романа. Тая Рожнова, отдавшая свою любовь там, на «ничьей земле», своему командиру старшему лейтенанту Агееву, здесь, на нашей, защищенной земле, встречается с его женой Марией Агеевой, четыре года не выходящей с завода. Тая видит сына Агеевых, не по годам повзрослевшего мальчика. Светлый майский день, порыв Тани навстречу мальчику, взгляд все понявшей матери. Ничего не сказано «об этом», все прощено...

Недаром эта сцена была лучшей в спектакле Центрального театра Советской Армии. В ней — неоднозначность жизни и протест против ханжеских поучений оправившихся казаков.

Итак, приспособленчество, беспринципность, моральная неразборчивость — вот что высвечивал в Казакове автор, вот на что он указывает как на общественную опасность. А любовь жертвенная, пусть грешная, но лишенная и тени душевной корысти, возведена как высшая ценность.

Заметим, что Зорин никогда не исчерпывает важного для него мотива в одной пьесе. Губительность прагматизма он подчеркивает неутомимо, меряя своих героев мерой гармонической цельности. Тема любви занимает особое место в его драматургии.

Если проследить мотивы «Светлой мая», «казаковское начало» — назовем это так — ярче всего представлено в комедийной серии «Удивительные карьеры» («Добряки», «Энциклопедисты», «Театральная фантазия»), которая могла бы составить целый плутовский роман. В этих трех пьесах есть длительные «объясняющие» монологи, порой слишком объясняющие, но любопытные в качестве прозы — изящные авторские отступления или исповеди героев.

В каждом из зоринских драматургических циклов обнаружим пьесу-лидера, она задает тон, очерчивает круг персонажей. Положение лидера ей обеспечивают не только художественные достоинства, но наиболее эффектно, наиболее парадоксально сконцентрированная, «имеющая место» житейская материя.

Зорин берет некую проблему и обобщает ее почти до символа. В диалоге он не стре-

мится к бытописательству, каждая реплика героев обладает сценической завершенностью, в ней одной заключен как бы маленький театр. Реплику нужно сыграть особым образом — бытовая речь здесь не годится. Когда режиссеры пытаются ставить, а актеры играть зоринские пьесы, не придавая значения этой его стиливой особенностям, а, так сказать, натурально, нередко получается угловатая ненатуральность и то, что было интересно читать, оказывается не так уж интересно слушать и смотреть.

Секрет здесь в том, что Зорин во многих своих пьесах близок к тому виду драматургии, который в прошлом именовали «лезедрама», то есть «драма для чтения». Зорин упорно работает в «пограничном» жанре, во имя литературы порой идет на риск утраты сценичности. Но он остается верен себе, а современный театр тем временем вырабатывает тонкие приемы воплощения таких пьес.

В цикле «Удивительные карьеры» лидирует пьеса «Добряки». Это сатира, «материя действительности» доведена до гиперболы.

Оттолкнувшись от анекдота (прохвост и невежда уговорил по отдельности каждого из членов ученого совета проголосовать за его «диссертацию»), драматург использует его как трамплин. Сатира здесь не в первоначальной посылке (жулик пролезает в «ученые»), а в гиперболическом исследовании мотивов приспособления ученых к жулику.

В «Добряках» лучшие черты Зорина-комедиографа. Разнообразное применение интеллигентного арго, юмор ситуаций и, наконец, один из постоянных его приемов — употребление примелькавшихся литературных оборотов, названий, фраз. Это сообщает диалогу иронию, пародийность. Так, Кабачков из пьесы «Добряки», завоевав место под научным солнышком, предъясвляет городу и миру: «Теперь мы свои люди. Сочтемся».

В пьесе «Энциклопедисты», где обнажается психология трех посредственностей, надувшихся, как лягушки, от ощущения собственной значительности и одновременно собственной ущемленности, — россыпь точных подробностей, сценические шаржи. Порой действие движется по законам капутника. Думается все-таки, что это не только сценический фельетон. Не история трех посредственностей — нерв происходящего, а то, как они «вамяются» в жизнь, то есть опять же гиперболизация сюжетного положения.

Пьеса «Варшавская мелодия» у Зорина — центр «Лирической трилогии».

О ней написано много, зрители ее видели на многих сценах, и не только в нашей стране. Определяющие мотивы творчества драматурга звучат здесь в полную силу. Важнейший — ценность подлинной любви в сопоставлении с обесценивающим личность прагматизмом. Их вечный конфликт выражен в истории отношений двух молодых людей.

«Варшавская мелодия» написана кантиленным диалогом, свидетельствующим о незаурядном мастерстве автора, об усвоении им традиции классических «диалогистов», на виртуозных словесных турнирах которых оттачивалось дарование не одного поколения актеров.

Лирический дуэт героя и героини внезапно становится трагическим. Герой Зорина отступает перед обстоятельствами, заменяя свою «звездную» ночь длинной жизнью, но это жизнь другого человека, не того, которого мы узнали и полюбили в начальных сценах. Он благополучен, но ощущение жизни как счастья покинуло его.

К «Лирической трилогии» относятся также «Палуба» и «Транзит». Пьесы эти нелегки для постановки. Однако они оказались трудными и для театральной критики. Последняя упорно разбирала их как «пьесы жизни», как некий слепок текущего дня и предъявляла свои претензии по этой части. Между тем и лирические пьесы Зорина при всей их погруженности в узнаваемые обстоятельства прежде всего лирико-философские поэмы. Драма идей в них преобладает над драмой характеров, человеческие коллизии при всей их трепетности олицетворяют драму позиций, драму взглядов. Даже «Палуба», пьеса наиболее «документированная», наиболее обставленная жизненными подробностями, тем не менее несет в себе важную философскую мысль.

Двое должны быть счастливы по-своему: — драматург на этом настаивает. Ошибки тут простительнее, нежели ханжеская осмотриельность. Любовь выявляет сущность человека, идеальное в нем.

В этом кругу идей пьесы Зорина о любви.

К пьесам сугубо философского плана (хочется написать — к «интеллектуальным драмам», но это понятие у нас не принято) надо отнести пьесы цикла «Легенды», а именно «Серафим, или Три главы из жизни Крамольникова» и «Стресс».

В первой из них герой мысленно помещает себя в страну мечтаний, в «область грез». Он живет в двух измерениях одновременно, но это существование не уводит его от действительности, а делает его упорнее в разрешении реальных «задач дня».

В «Стрессе» герой могучим нравственным усилием вырывает себя из повседневности, из условий, как он полагает, мелкого, каждодневного приспособления к обстоятельствам, в которых, как ему кажется, он погряз. Бегство от себя оказывается иллюзорным, личность надо «растить» в себе. Герой получает возможность пересмотреть свою жизнь, произвести переучет моральных ценностей.

Герои этих пьес движимы идеальным порывом к духовному совершенствованию, к обновлению. Драматург подчеркивает важность, необходимость таких порывов и стремлений, необходимость «недовольства собой», регулярного анализа своего духовного багажа. Гармоничный общественный человек не может быть лишен таких стремлений.

Пьесы эти, особенно «Стресс», — театральные фантазии. В них разрабатывается жанр нравственно-философской притчи, к сожалению, не слишком развитый в нашей драматургии.

И наконец, «Декабристы». В книге они помещены на втором месте, но оставлены нами напоследок не случайно. Историческая драма в сборнике одна. Между тем в последние годы Зорин все чаще обращается к русской истории. «Декабристы» вместе с недавно поставленной в МХАТе «Медной бабушкой» тоже могли бы составить цикл — в них есть общие характеристические черты.

Эта область творчества драматурга заслуживает специального разговора. Бросается в глаза научная оснащенность, тщательное воссоздание эпохи, в частности реконструкция языка. О методологии такой реконструкции, о соотношении эпистолярной, разговорной и литературной речи в пьесах Зорина можно было бы, вероятно, написать исследование. Эрудиция автора, его проникновение в дух русской культуры конца XVIII и начала XIX века служат ему добрую службу. «Декабристы» хорошо читаются и в известном смысле являются сжатым сводом истории движения.

Зорин избрал тип исторической хроники, построенной на монтаже сменяющих друг друга эпизодов, расположенных в строгой

хронологической последовательности. Таково, кстати, было задание театра «Современник», для которого написаны «Декабристы». Театр настаивал на просветительской, художественно-информационной функции всей историко-революционной трилогии, которую он посвящал пятидесятилетию Октября и начальную часть которой и составили «Декабристы».

Подобная форма хроники еще не использовалась театром для освещения первого этапа революционного движения в России. Однако новое в «Декабристах» не в форме.

Обратимся к истории драматургической обработки этой темы, надо думать, одной из важнейших тем русской литературы. Драматические произведения о восстании 1825 года появились сразу же после Октябрьской революции. Большинство их приходится на середину 20-х годов. Тому содействовал широкий общественный резонанс столетнего юбилея восстания. Сегодня, в канун приближающегося столятидесятилетия, появился ряд новых пьес и сценариев.

Тогда главный конфликт авторы пьес располагали в плоскости Николай—декабристы. Были пьесы, где преобладали интимно-лирические темы, были и такие, где происходила непрерывная открытая война между «южанами» и «северянами» на почве программы действий, да и вообще на почве отношения к «действию».

Зориным в качестве главного драматического нерва взят политический, философский и нравственный конфликт внутри декабризма. Он рассмотрен драматургом серьезно, без поверхностной тенденциозности.

По условиям избранного жанра «самой революционной голове» — Павлу Пестелю противостоит «самая благородная душа» —

Никита Муравьев. Их идейный конфликт движет действие. Печальный отблеск придает ему дружеское стремление этих антиподов друг к другу. В их спорах обнаруживается не только сила, но и ограниченность первого, не только слабость, но и мудрость второго. Подход автора к истории конфликта диалектичен, он решительно прорывает с черно-белой классификацией декабризма.

В пьесе есть и эпизоды допросов Николаем декабристов, столь выигрышные для театра (вспомним, что царь и в жизни действовал как лицедей). Но если в известной мхатовской постановке «Николай I и декабристы» 1926 года эти сцены держали все здание спектакля, то автор другой эпохи верит в действительное влияние на зрителя непосредственно драмы идей. Допросы в «Декабристах» лишь дополняют общую картину.

Но и здесь драматург вторгся в новую сферу, подошел к иному «горячему пласту» декабристской истории — поведению участников восстания перед лицом императорского следствия. Не в одинаковой степени близок тут автор к пронзительным свидетельствам документов, но главное для него — исследовать социально-психологические мотивы образа действий подсудимых.

...Одиннадцать пьес. По всей вероятности, меньше половины написанного — некий промежуточный итог. Драматург работает много, поражает завидной плодovitостью. Им создан большой и разнообразный репертуар, высок уровень его литературной культуры. Хотя, как мы уже имели случай заметить, театрам с ним нелегко. Присутствие Зорина в нашей драматургии ощутимо и зрителями и театрами. Его очередная пьеса ожидается с неизменным интересом.

А. СВОБОДИН.

МИР ЧЮРЛЁНИСА

Ядвига Чюрленис. Воспоминания о М. К. Чюрленисе. Перевод с литовского. Вильнюс. «Вага». 1975. 368 стр.

Удивительный художник, увлечение которым большинство из нас переживает одновременно с увлеченностью А. Гринем еще в ранней юности. За первым увлечением с годами приходят чувства более спокойные, но и стойкие — Микалоюсу Константинасу Чюрленису отводится ему одно-

му принадлежащее место в наших художественных впечатлениях, представлениях и привязанностях. Образы Чюрлениса — образы, невозможные для пересказа, рождающие сложные настроения, диктуемые необычайным, всегда внутренне взволнованным сочетанием цветов, внутренней их

гармонией, близкие по характеру впечатления на воздействие произведений музыки.

Казалось бы, сто лет со дня рождения достаточный срок, чтобы снять совсем или, по крайней мере, ослабить остроту споров о мастере и его работах, а между тем своеобразное творчество Чюрлёниса продолжает оставаться предметом самых горячих дискуссий. Похоже, что крайность точек зрения спорящих мешала рассмотреть действительные достоинства и действительные слабости художника. Деятельность Чюрлёниса анализировалась искусствоведами слишком редко и скупно, хотя число людей, увлекающихся его холстами, упорно продолжало расти. Но для того чтобы среди множества разночтений прийти к правильной оценке Чюрлёниса, определить его подлинное место в истории искусства литовского, а вместе с ним и русского, куда художник органически вошел своими работами, надо бросить ретроспективный взгляд на проблемы, стоявшие перед живописью его времени.

Микалоюс Чюрлёнис работал совсем небольшой отрезок времени (конец XIX — первое десятилетие XX века), совпадавший с наиболее сложными процессами в искусстве народов России.

Долгое время Чюрлёнис рассматривался исключительно в связи с обществом «Мир искусства», на выставках которого приобрели широкую известность работы художника. В момент создания — в 1898 году — «Мир искусства», как известно, вызывал большие надежды у широких кругов молодых художников. Помимо В. А. Серова и И. И. Левитана, в него входили К. А. Коровин, А. М. Васнецов, А. Е. Архипов, И. С. Остроухов, К. Ф. Юон, Б. М. Кустодиев, а также значительная группа петербургских мастеров — А. Н. Бенуа, являвшийся теоретиком группы, Е. Е. Лансере, К. А. Сомов, М. В. Добужинский, Н. К. Рерих, А. П. Остроумова-Лебедева.

Вошедших в новое общество художников объединяли протест против консерватизма во всех его проявлениях, стремление утвердить значение и роль индивидуальности художника. Но одного этого оказалось явно недостаточно, чтобы сделать группировку жизнеспособной. У ее участников не было общности взглядов в утверждении своих новых принципов, очень рано начали проявляться существенные разногласия. Этим и объяснялось то, что «Мир искусства» просуществовал сравнительно недолго

и деятельность его выразилась преимущественно в организации разноплановых по составу выставок, во главе которых стояли В. А. Серов и С. П. Дягилев.

Для художников «Мира искусства» характерно обращение к прошлым историческим эпохам, возрождаемым в образах романтизированных и вместе с тем надеваемых чертами декоративности, где поиски изысканности, внешней красоты исключали даже слабые попытки воссоздания духа времени, будь то фантазии на версальские темы А. Н. Бенуа, стилизация под французское рококо К. А. Сомова или темы русского XVIII века у Е. Е. Лансере.

Формально полотна Чюрлёниса имели что-то общее с работами такого рода, и это сходство усиленно подчеркивалось и развивалось художественной критикой тех лет, особенно в связи с публикацией работ Чюрлёниса. Критики усматривали в его картинах связи с мистицизмом и символизмом. Однако при том, что подобные элементы не могли не сказаться на полотнах Чюрлёниса, подлинное содержание его работ было иным.

Сказочные образы воспринимаются Чюрлёнисом как выражение духа и характера народа, его видения мира. Они остаются для художника формой выражения, хотя и очень своеобразной, восприятия человеком окружающей действительности. Сам же характер именно такого отношения присущ народу и в фольклоре проявляется очень полно. Основной акцент делается Чюрлёнисом на эмоциональном строе произведения. В его полотнах ощущается глубоко пережитая, тонко уловленная связь человека с окружающим его удивительным и прекрасным миром — лесами, полями, разливом рек, необъятными просторами неба, могучим и теплым дыханием земли, праздником солнечных закатов и восходов.

Художник редко обращается к каким бы то ни было бытовым подробностям, а если и использует их, то в утрированном виде, словно опять-таки пропуская через себя. В его собственном осмыслении каждое чудо делается человеческим, а потому понятным и внутренне близким современному человеку. Не фантастику во что бы то ни стало, не выдумку ради выдумки, чтобы поразить глаз и воображение, а те истоки, которые рождали фантастику в народном творчестве, то желание точнее и понятнее передать душевный строй челове-

ка, всю глубину и сложность его переживания, которое руководило безымянными создателями фольклора, находим мы у Чюрлёниса.

Национальной особенностью искусства в России на протяжении всего XIX века была теснейшая связь живописи с литературой. Литературное начало присутствует в творчестве мастеров самых разнообразных жанров, от портретов романтиков первых лет XIX века до картин Виктора Васнецова и панно М. А. Врубеля. Это начало ощущается как вдохновенная литературой внутренняя насыщенность полотен мыслями художника, идейным содержанием, преобладающим на протяжении всего столетия над началом пластическим. В творчестве Чюрлёниса большое значение имеют пластические поиски, но они не снимают присущей художнику литературной подосновы.

Если говорить о традициях, сыгравших роль в формировании Чюрлёниса, то следует отметить влияние художников Абрамцевского кружка, высоко ценимых Чюрлёнисом. Как и члены этого кружка, Чюрлёнис обращается к образам народного искусства, испытывает интерес к самому народному искусству. Он становится собирателем деревянной скульптуры, предметов литовского прикладного искусства.

Сказочные и фольклорные образы позволяли художнику свободно пользоваться цветом, создавать нарочито повышенные цветовые соотношения. «Раскрепощение» цвета открыло большие возможности для пластического решения различных сюжетов. Чюрлёнис относится к числу первых художников, у которых цвет выступает в эмоциональном звучании с такой силой и определенностью.

Как и многих членов Абрамцевского кружка, Чюрлёниса характеризует исключительная широта творческих интересов, охватывавших, по существу, все виды изобразительного искусства вплоть до декоративного и прикладного, увлечение историей искусства и стремление найти в живописи эмоциональный эквивалент выражению музыкальных образов. Последнюю задачу Чюрлёнис-композитор разрабатывает особенно углубленно.

В то время как о музыкальном образовании Чюрлёниса известно достаточно много — первые уроки у отца-органиста, занятия в Варшавском музыкальном институте, позже в Лейпцигской консерватории, —

художественная школа его остается как бы вне поля зрения искусствоведов. Непроизвольно возникает легенда о блестяще одаренном художнике-самоучке, сумевшем обойтись без профессиональной подготовки. В действительности все обстоит не так.

Первое знакомство М. Чюрлёниса с рисунком и живописью происходит еще в детстве под непосредственным влиянием учеников Вильнюсской художественной школы. Одно из старейших художественных учебных заведений, Вильнюсская школа была организована в 1866 году художником И. П. Трутневым и просуществовала под его бессменным руководством до 1912 года. Ее воспитанники, в свою очередь, создали целый ряд художественных учебных заведений, утверждавших аналогичные и совершенно своеобразные методические принципы. Речь идет, как принято теперь говорить, об академической учебе, о твердом овладении основами изобразительной грамоты без малейших попыток сообщить ученику творческие навыки. Считалось, что с полученной подготовкой, со знанием рисунка он сможет продолжить свое образование уже в собственном творческих учебных мастерских.

Следующим этапом обучения Чюрлёниса становятся занятия в Варшавской художественной школе, для которой были характерны интересные колористические поиски при значительно меньшем интересе к рисунку. Одна школа словно бы дополняла другую, и когда творчество Чюрлёниса станет предметом углубленного изучения, несомненно, всплывут имена художников-преподавателей Ивана Берлихингена и Петра Кедрова, сыгравших роль в его варшавских занятиях живописью.

Мы еще недостаточно знаем о Чюрлёнисе и хотим знать о нем побольше. Поэтому читатель с интересом знакомится с книгой воспоминаний сестры художника Ядвиги Чюрлёните. Однако чтение книги вызывает противоречивые чувства. Обстановка дома Чюрлёнисов, портреты матери и отца художника, его сестер и братьев рисуются очень живо и создают ощущение присутствия читателя при нехитрых событиях полной трудностей, но и бесконечных маленьких радостей семейной жизни. Правда, здесь — и это уже упрек, обращенный к редактору, — можно было бы избежать многочисленных повторов в описаниях и за этот счет добиться большей сюжетной четкости текста.

Но гораздо существеннее другое. Автор — младшая сестра художника, — ограничиваясь доступными ей по возрасту временными рамками воспоминаний, заключает в эти рамки и общий портрет Чюрлениса. Камерность, характерная для книги, оказывается введенной в определение масштаба творческой деятельности и художнического значения самого Чюрлениса. Это касается и художественных связей Чюрлениса в Варшаве, и не упомянутого даже лейпцигского периода, и, главное, недолгого, зато плодотворного пребывания художника в Петербурге. Во всех случаях выезды М. Чюрлениса из родного местечка получают трактовку некоего катаклизма, неизбежно приводящего его к болезни, нервному расстройству и наконец ранней гибели.

Наверное, автор воспоминаний и не могла рассказать о событиях, непосредственно

ей не наблюдаемых, и не ставила перед собой такой задачи, но возникающий пробыл можно было восполнить, скажем, за счет обстоятельной вводной статьи, которая давала бы точную историческую характеристику творческой биографии художника. Это тем более необходимо, что воспоминания дают несколько прямолинейное объяснение возникновения живописных образов Чюрлениса, не раскрывают их подлинного смысла. Чюрленис предстает в книге совершенно изолированным от художественной жизни своего времени, тогда как именно его творчество представляет блестящий пример единения национальных культур — литовской, русской и польской — в лице их талантливого представителя.

Н. МОЛЕВА,

кандидат искусствоведения.

МЭЛОРИ И ЕГО КНИГА

Томас Мэлори. Смерть Артура. Серия «Литературные памятники». М. «Наука». 1974. 899 стр.

Энтузиастом издания этой книги был академик Николай Иосифович Конрад. «Мэлори! У нас будет Мэлори!» — с воодушевлением говорил он. Кажется, странно: средневековая английская проза, XV век... Но следует вспомнить, чем как историк был занят последние годы своей жизни Конрад. Он писал о смысле истории, его интересовала реальность исторических представлений. В «Смерти Артура», книге Мэлори, видел он достоверное свидетельство о прошлом, достоверное при научно-объективном взгляде на сам этот памятник.

Томас Мэлори — земляк Шекспира. Автор «Смерти Артура» происходил, как считается, из рода тех Мэлори, что обосновались в графстве Варвикшир, где находится шекспировский Стратфорд. «Страна Шекспира» совпадает с «краем Мэлори»: тот же замок Кенильворт, впоследствии описанный Вальтером Скоттом, те же холмы и склоны — типичный, наиболее коренной пейзаж «старой веселой Англии».

Мэлори мог быть участником прославленной битвы при Азенкуре, которая венчала английские успехи в Столетней войне. Торжествующие клики, раскатившиеся широко среди англичан после этой исторической удачи и переданные впоследствии потомству

через шекспировскую хронику «Генрих V», отозвались в душе Мэлори. Ему было суждено оказаться свидетелем и постепенного спада: по возвращении на родину Мэлори был втянут в раздоры властвующей знати, в распри Алой и Белой розы. Он, видимо, считался завязтым и опасным феодальным смутьяном.

Вспомните, как шекспировский рыцарь сэра Джон Фальстаф хвастливо подтверждал выдвинутые против него обвинения в том, что он «избил слугу, застрелил оленя, выломал дверь в охотничьем домике», а также «целовал дочь сторожа». Если проделки Фальстафа перевести в план более суровый и реальный, то «избил... застрелил... выломал... целовал» как раз и явят образ действительного сэра Томаса Мэлори. И Мэлори, подобно Фальстафу (как истинный рыцарь), не скрывает своей зверской удали. Прославление рыцарства как оно есть (или, вернее, каково оно было) составляет откровенный пафос «Смерти Артура». Это реальный ответ на вопрос, существовал ли «золотой век» рыцарства. Существовал, но — вот он каков! Действительно, плоть и кровь его проступает в эпосе Мэлори.

В «Кембриджской истории английской литературы» о Мэлори сказано, что «ему до-

велось увидеть великолепие последних покровов феодализма». Это великолепие отличало зловещим отблеском: это самое время, которое у шекспировских персонажей из хроники «Генрих IV» вызвало мрачное восклицание: «О дни кровавые!» Как раз тогда старая английская знать раздробилась, распалась по лагерям и с пагубным упорством уничтожала друг друга, освобождая место для бесконечного числа «выскачков», что займут правящие позиции столетие спустя — уже в шекспировский век.

Путь самого Мэлори, не стоявшего в стороне от этих схваток, был, насколько можно его представить, полон превратностей и рискованных поворотов. Профессор Китредж, «открывший» Мэлори как реальную личность, счел даже нужным оговорить, что некоторые факты его биографии способны по меньшей мере покорибить современные понятия о нравственности. Но это наши представления, а не исторически реальные, не рыцарские.

А. В. Луначарский, занимаясь историей средних веков и эпохи Возрождения, вспомнил, в частности, известные слова Маркса и Энгельса о том, что «гибель прежних классов, например рыцарства, могла дать материал для грандиозных произведений трагического искусства». И тут же им было подчеркнуто: «Маркс и Энгельс не могли здесь иметь в виду никого другого, кроме Сервантеса (как романиста) и Шекспира (как драматурга и поэта), ибо других подлинно «величественных произведений», отражающих упадок «рыцарства», то есть феодального строя, мы, пожалуй, не найдем, если только — с известной натяжкой — не привлечем сюда драмы Лопе де Вега и некоторых других современных ему испанцев». Однако Сервантес с его достославным «рыцарем Печального образа» и хроники Шекспира, где действует «жирный рыцарь сэра Джон Фальстаф», — это уже завершение процесса, более ранний этап которого отражен Томасом Мэлори в «Смерти Артура».

Судя по тому, что могила Мэлори находится по соседству со знаменитой Ньюгейтской тюрьмой, есть основания полагать, что сэра Томас скончался узником. В общей сложности он перенес восемь тюремных заключений по разным поводам, когда он кого-то «избил» или «застрелил». Во время одного из заключений им и была написана «Смерть Артура». Он взял «бродившие» по Европе в течение столетий предания о ры-

царских подвигах, предания международные, и объединил их вокруг легендарного короля бриттов Артура. Это VI век, а Мэлори — XV. Таким образом, «Смерть Артура» подводит итоги, а вместе с тем содержит аллегорию: рассказывая о процветании и гибели древнего рыцарского содружества, Мэлори имел в виду беды своего времени, своего класса.

—Эпопея Мэлори сложилась на переломе: крутой исторический поворот — и оказался «вывихнут» век, сломлена судьба автора, все сотрясено. Представления о характере того, что осталось за гранью перелома, ушло за поворот, и очень остры и необычайно подвержены «деформации». Их сплющила, изменила до неузнаваемости сама историческая катастрофа. Вместе с тем что за силу должны были обрести воспоминания о прошлом, на которое Мэлори смотрел из-за решетки и которому готов был простить многое ради одной только безвозвратно упущенной полноты жизни!

Мэлори живописует уходящий мир. Мир еще более далекий, еще более «прежний», чем эпоха самого Мэлори. Но как бы далек от него ни был древний Артуров век, он, сэра Томас Мэлори, рыцарь, еще чувствует с ним кровную связь. Поэтому даже если он воскришает всего лишь предания, то — живые предания. Кровные корни, уходящие далеко под почву уже расшатанных основ, там где-то еще цепляясь, позволяют говорить ему с сознанием авторитета и права.

Мэлори уже слишком отдален от истинно эпического времени, когда такие представления оказывались бытовой реальностью, существовали, по словам А. Н. Веселовского, в своей «самородности». Для него переживания и вообще бытовые нормы далекого времени уже в значительной мере символы. Но все же не только символы. Он обладает еще не застывшим чувством всей этой символики. Артуров мир далеко отступил под натиском «прозаического распорядка», а Мэлори, последний среди последних, сопричастных этому миру, но уже стискиваемый «прозаическим образом жизни» (Гегель) и даже буквально плененный им, составляет свидетельство о том, что живет по крайней мере в нем самом в отношении к этому миру, в коренной, наследственной связи с ушедшим.

«Это как бы последнее прощание с миром легенд и вымысла куртуазной поры», — прекрасно о «Смерти Артура» сказано М. П. Алексеевым и нуждается разве лишь в при-

бавлении одного оттенка: эти легенды и вымысл необычайно тесно сплетены с реальностью, даже не отделились от нее. Вот почему книга Мэлори гораздо вещественнее передает век рыцарства, чем многие другие произведения, авторы которых либо приукрашивали этот мир, либо развенчивали его.

Мэлори по-своему тенденциозен и пристрастен, но у него «прежнее» сохраняет свою цельность. Создается впечатление, будто Мэлори даже не сглаживает шероховатостей прошлого, хотя на самом деле у него было, конечно, идеализировано. Однако со стороны благодаря внутренней цельности, соченности этого мира все выглядит жутким, кровавым, отталкивающим и вместе с тем властным, величественным и жизнеспособным.

«А сэр Галахад,— повествует Мэлори,— покинув Девиный замок, долго ехал и очутился в пустынном лесу, а там повстречал он сэра Ланселота и сэра Персиваля. Но они его не признали, ибо им незнакомо было его новое обличье. И завидев его, отец его сэр Ланселот тут же выставил копье и сломал его об сэра Галахада, а сэр Галахад в ответ ударил на него так, что рухнули наземь и конь, и всадник. А затем он обнажил меч и выехал против сэра Персиваля и такой удар нанес ему по шлему, что рассек сталь до кольчатого наглавника, так что, не подвернись меч у него в руке, быть бы сэру Персивалю убитым. И от этого удара вывалился сэр Персиваль из седла».

Это всего лишь одна из бесчисленных и наиболее кратких схваток, составляющих в «Смерти Артура» почти непрерывную цепь поединков и побоищ. Едва рыцарь отбил, как на него бросается новый противник или он сам опять устремляется в атаку. Мэлори беззастенчиво изображает, как хлещет кровь, он не устает описывать убийство рыцарями друг друга, их непрерывное взаимосокрушение: обязательно «кто-нибудь сокрушает кого-нибудь» (как пародировал уже в середине XIX столетия увлечение рыцарским жанром Льюис Кэрролл).

Знакомство с историей по книге Мэлори происходит «домашним образом» (Пушкин). Но «домашнее», близкое, органическое восприятие рыцарского уклада самим Мэлори не означает, будто уклад этот уже сделан «домашним», облагороженным, таким, как показывали его романы о рыцарстве. Нет, он полон дикости, живет ею. И дикость эта — история, а не прихоть сочинителя.

Когда исследователи стараются нарисо-

вать фон, на котором развернулась судьба Мэлори и создана его эпопея, то чаще всего ссылаются на слова современника Мэлори священника Пастона, произнесенные как раз в ту пору: «Мир просто одичал».

«Мир одичал», и на фоне непомерного зверства, когда национальный разброд не имеет границ, когда еще не остыла память о восстании Уота Тайлера, вспыхнувшем под девизом «Смерть всем богатым!», когда ведет своих бунтарей Джек Кед, когда разгораются церковные смуты, когда, словом, дают себя знать ранние реформационные сотрясения и феодальные распри, когда по стране шныряет целое воинство бездельников, возникшее из расплавшихся армий (они, эти бродяги, Шекспиром типизированные в фигуре Пистоля, не только не находят себе трудового самообеспечения, но и не испытывают иных склонностей, кроме как к «легкой жизни», то есть бандитизму и грабежу), и когда, наконец, те силы, которые совершили Великую буржуазную революцию XVII века, начали намечаться уже, — тогда на этом фоне «избил, застрелил» Томаса Мэлори выглядят если не вполне простительными, то достаточно заурядными. Кажется, именно его случай описан историком: «Прямой захват, судебное сутяжничество, связанное с подкупом или запугиванием судей и присяжных, всевозможные комбинации с браками и наследствами — вот что характерно для английской аристократии XV в. Она не брезгует и простым разбоем — «гангстеризмом»; наконец, важнейшим способом добывать деньги и ценности является грандиозный и узаконенный разбой — война»¹.

Весь этот ужас, эта дикость по меньшей мере нормальны, если не привлекательны для Мэлори, пока видит он в них принадлежность рыцарства. Но до каких же пор? В какой мере? Есть ли у него вообще эта мера? Эта мера обозначается во вражде двух главных рыцарей, Ланселота и Гавейна. Прежде друзья, великие бойцы сталкиваются, обнаруживая какую-то кость благородства: рыцарский кодекс ими свято соблюдается, однако, по существу, уже не действует. И все же трагически-прекрасно завершение этой борьбы: письмо умирающего Гавейна к своему другу-сопернику Ланселоту.

¹ Е. А. Косминский. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М. Изд-во АН СССР. 1963, стр. 168.

Гавейн извещает могучего собрата, что умирает от ран, полученных в бою с ним же. В свое время эти раны зажили, однако в новых боях они опять раскрылись. «Шлю приветствие и оповещаю тебя о том, что десятого дня мая месяца мне был нанесен удар по старой ране, полученной мною от тебя под стенами города Бенвика, и через эту рану настал теперь мой смертный час». Необычайно важно чувство, которое, как видно, ведет перо доблестного рыцаря: он знает, что говорит с противником, но на одном языке. И потому поверженный рыцарь не сокрушается ни о своей гибели, ни о ранах, не прилагает никаких разъяснительных усилий, но лишь просто и прекрасно пишет о старых ранах Ланселоту. Ведь Ланселот знает, как ужасны эти раны, он сам наносил удары. «Рану эту,— говорится в письме Гавейна,— еще прежде нанес мне ты, сэр Ланселот, и я не мог бы принять смерть от руки благороднее той, что убила меня».

Как ни слабо, на наш взгляд, это утешение, в рыцарском смысле оно человечно. О нем-то и закрепляется светлая память, когда откуда-то из-под земли выплывает кровососное пожирательство, хищничество, оказывающееся ниже всяких норм, чуждое каких бы то ни было сдерживающих понятий. «Вдруг слышат они крики на поле. «Пойди, сэр Лукан,—сказал король,—и узнай мне, что означает этот крик на поле...» Этот шум, эти крики возвещали конец Круглого Стола, распад содружества рыцарей, гибель царства Артура. Посланный увидел, что мертвых и недобитых в междоусобном бою рыцарей грабят какие-то вовсе неведомые люди. Рыцари погубили друг друга, нарушив основу своего содружества, но все же в пределах норм, ими же самими поставленных. А ночное поле боя, покрытое окровавленными телами, и вурдалаки, бродящие по нему в поисках добычи,— так автор «Смерти Артура» (сам, на наш взгляд, воплощенная бесчеловечность) представлял себе распад прежнего мира и судьбы отечества, такой устрашающий облик имели в его глазах силы, шедшие на смену феодальному устройству.

Это своеобразный историзм, поскольку Мэлори старается не идеализировать «свое» время, а осознать, что для него самого существование возможно исключительно в пределах уходящей эпохи. Замок Веселой стражи и Круглый Артуров Стол могут показаться со стороны, из другого времени,

чем-то ужасным и диким, но для Мэлори в них органическое веселье и подлинное содружество, и он всем готов пожертвовать ради сохранения единства Круглого Стола — позиция косности, однако осознанной косности. Шекспир в отличие от Мэлори находил силы двигаться вместе с временем.

«Смерть Артура» наряду с произведениями Чосера была одной из книг, выпущенных английским первопечатником Кэктоном (1485). Она сразу и надолго, фактически навечно, обрела популярность. Из нее черпал Шекспир. Уже в нашем веке монументально-«сокрушительный» стиль Мэлори породил Джайс. Но «Смерть Артура» популярна странным образом, «без того, чтобы быть действительно известной современному читателю», — таково мнение английского редактора наиболее авторитетного научного издания книги Мэлори. Причина этого, помимо прочего, заключалась в том, что лишь в наше время, в 1934 году, была обнаружена рукописная копия этой книги, где содержались сведения об авторе. Прежние изыскания, основанные во многом на догадках, подтвердились, и Томас Мэлори, оставшийся до поры личностью столь же легендарно-загадочной, как и его великий земляк, стал конкретной фигурой, а вместе с тем и «Смерть Артура» могла уже рассматриваться как выражение индивидуальной позиции.

У нас о Мэлори и его сочинении знал разве что узкий круг специалистов. За перевод «Смерти Артура» взялась И. М. Бернштейн, столь внушительно заявившая о себе как переводчик работой над «Моби Диком» Германа Мелвилла. Научное руководство изданием осуществлял видный специалист по литературе средневековья профессор Б. И. Пуришев, на хрестоматиях и книгах которого воспиталось не одно поколение студентов. Возглавлявший тогда редколлегия серии «Литературные памятники» Н. И. Конрад привлек к этой работе также академика В. М. Жирмунского, руководившего в Ленинградском университете специальным семинаром, где изучалась «Смерть Артура». Издание было снабжено основательным научным аппаратом — статьей сотрудника Института мировой литературы А. Д. Михайлова и очерком известного английского критика-марксиста А. Мортонна. Много было вложено в эту книгу высококвалифицированного труда, что по достоинству оценит читатель.

Д. УРНОВ.

Политика и наука

ДИНАМИКА ЛЕНИНСКОЙ МЫСЛИ

Е. Амбарцумов. Вверх, к вершине. Ленин и путь к социализму. М. «Молодая гвардия». 1974. 256 стр.

«Эта книга — об идее, изменившей мир, о ленинской идее социалистической революции в России и плане построения социализма в нашей стране» — так представляет нам свою книгу Е. Амбарцумов.

К Ленину возвращаются и будут возвращаться на самых разных этапах современной истории, потому что, как справедливо пишет автор, «Ленин, ленинизм органически входят в бурную жизнь современности». Осмысление того, что есть и чему предстоит быть, невозможно без учета и осмысления опыта социально-политического руководства, накопленного в первые послеоктябрьские годы, когда во главе Советского государства стоял Ленин.

Уроки первого величайшего в истории социального эксперимента, начатого в 1917 году, сегодня нужны для решения самых насущных проблем, стоящих перед многими государствами, вступающими на путь социальных преобразований.

Автор стремится показать процесс рождения советского пути к социализму во всей его сложности, вызванной тем, что «творцы революции и строители социализма в России взяли на себя смелость и риск тронуться в неизведанный путь...».

Это — книга о Ленине. О человеке, который искал, проверял практикой свою мысль, уточнял ее и снова искал, до конца уверенный в исторической правоте конечной цели.

Итак, перед нами опыт «социологического очерка советского пути к социализму на фоне истории первых лет нашей революции».

Как известно, слом государственной машины и подавление сопротивления эксплуататорских классов составляли только первый этап революционных преобразований. Основная задача сводилась к другому — сделать нищую, усталую от войны Россию счастливой. Но как конкретно ее решать?

Е. Амбарцумов перечисляет те средства, которые были в распоряжении большевиков после Октября 1917 года: революционная теория, дающая метод преобразования и указывающая его конечную цель; революционная власть — орудие преобразования; революционный энтузиазм масс — его «энергетическая база». Революционная энер-

гия масс, их стремление как можно быстрее избавиться от социальных язв были настолько велики, что часто выходили за рамки реальных возможностей. В книге рассказывается, например, как в первые месяцы советской власти развернулось массовое стихийное движение за экспроприацию промышленных предприятий. «Промышленность была в большой степени как бы «расхвата» революционными органами пролетариата на местах», — пишет автор. Рациональное же руководство предприятиями нередко отсутствовало. Предварительно рабочим предстояло освоить науку и опыт хозяйствования, иначе — дезорганизация экономики. Учебная программа имела только одну форму — осуществление длительного рабочего контроля над производством. Надо было научиться управлять, а это не могло произойти без трудностей, в том числе и непредвиденных.

Не менее сложной, как показал Е. Амбарцумов, оказалась проблема использования революционной государственной власти. Беря ее в октябре 1917 года, большевики руководствовались Марксовым учением о пролетарском государстве (основные положения этого учения были систематизированы и развернуты в знаменитой работе Ленина «Государство и революция»). Органы революционной власти в России 1917 года представляли Советы рабочих и солдатских депутатов, популярность которых среди масс определялась, по выражению автора книги, сочетанием в них «максимума революционности с максимумом демократизма». Но практика работы органов диктатуры пролетариата частично не совпала со сложившимися ранее представлениями. «С первых же дней революции, — пишет Е. Амбарцумов, — большевики были поставлены перед необходимостью создавать государственную машину, которая характеризовалась бы не только новизной, но и эффективностью, авторитетом, силой». Между тем попытки реализовать некоторые «традиционные марксистские воззрения» (замена постоянной армии и полиции всеобщим вооружением народа, ликвидация чиновничества путем соединения законодательной, исполнительной и судебной власти,

коллегияльный характер деятельности органов управления и др.) доказали, что в существующих условиях буквальное соблюдение этих принципов снизило бы обороноспособность страны, усложнило бы решение проблем организации и управления. Поэтому вскоре после установления советской власти был взят курс на создание регулярной армии, а также «специального, более или менее стабильного государственного аппарата, включавшего в свой состав группы людей, профессионально занимающихся управлением». Кроме того, был осуществлен принцип единоначалия.

Все эти коррективы, разумеется, не отменяли главного — пролетарского характера государства, политики слома старой государственной машины и ликвидации социальной несправедливости. Но опыт Октября показал, что «разрушение старой государственной машины не единовременный акт». «Советский государственный аппарат,— подчеркивает автор,— представлял собой в конкретном смысле слова определенный сплав новых элементов со старыми», причем эти «старые элементы» в известной мере деформировали новые. В книге приводятся полемически заостренные слова Ленина, что этот аппарат «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром».

Тревога Ленина понятна. Наибольшую опасность представлял бюрократизм, ибо его нельзя было удалить «хирургическим» путем. Тенденция к его развитию проявилась уже в первые годы советской власти. Как отмечает Е. Амбарцумов, это был бюрократизм «отнюдь не рационально-буржуазный, а отсталого, азиатского типа».

Можно удалить чужеродное тело, ликвидировав бюрократию как касту, но нельзя сразу переделать психологию людей, в чьем сознании столетиями культивировалась мысль о неограниченном праве «начальства» вершить судьбы общества и его членов.

Почвой, питающей бюрократизм, было прежде всего раздробленное, находящееся на низком культурном уровне российское крестьянство. Его стимулировали и обстоятельства, порожденные моментом: война, разруха, связанная с ними крайняя централизация управления. Именно поэтому удаленная было бюрократическая опухоль дала метастазы. «Можно,— писал Ленин,— прогнать царя,— прогнать помещиков,— прогнать капиталистов. Мы это сделали. Но нельзя «прогнать» бюрократизм в крестьян-

ской стране, нельзя «стереть с лица земли». Можно лишь медленным, упорным трудом его *уменьшать*». Е. Амбарцумов отмечает, что для преодоления негативных тенденций имелись реальные предпосылки. «Главное,— пишет автор,— заключалось в том, что существовало и развивалось государство нового типа, новая, подлинно демократическая организация общества. выработанная революцией».

Но нужно было определить программу деятельности этого государства по социалистическому преобразованию общества, чтобы окончательно излечить его от социальных язв. По бытовавшим тогда теоретическим представлениям, успешное социалистическое строительство могло быть возможным лишь при наличии развитых экономических предпосылок этого строя. В России же монополистический капитализм, являющийся преддверием социализма, охватывал лишь тяжелую промышленность.

Противники ленинизма широко спекулировали на известных словах Энгельса: «Самым худшим из всего, что может предостать вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство». Для того чтобы лучше понять характер поисков нужного пути, о котором рассказывается в рецензируемой книге, напомним читателю ленинскую характеристику социально-экономической структуры России, данную в одной из работ весны 1918 года. Свообразие этой структуры, по Ленину, заключалось в переплетении пяти элементов общественно-экономических укладов: 1. патриархального (натурального) хозяйства; 2. мелкого товарного производства; 3. частнохозяйственного капитализма; 4. государственного капитализма; 5. социализма. Все это сложное многообразие необходимо было свести к одному укладу — социалистическому. Первоначально, в первой половине 1918 года, Ленин планировал подчинить контролю и учету первые три формы общественного хозяйства с помощью государственного капитализма. «Наша задача,— писал он,— учиться государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавли-

ливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».

Но осуществлению этой программы мешала гражданская война, сделавшая необходимым проведение политики военного коммунизма. Достоинство книги Е. Амбарцумова в том, что он, не ограничиваясь констатацией этого, раскрывает и другие стороны военного коммунизма, подчеркивая, что он был «чем-то более... значительным, чем набор временных военномобилизационных мероприятий». Ожидание мировой или, по крайней мере, европейской революции, легкость победы Октябрьской революции, энтузиазм масс позволяли допустить, по словам Ленина, возможность «осуществления непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической». Система мер, характеризующая эту, по выражению автора, «попытку обогнать время», сводилась к экспроприации крупной и средней буржуазии, осуществлению принципа «не трудящийся да не ест». Была введена жесткая централизация управления экономикой без использования экономических стимулов как в городе, так и в деревне. Военный коммунизм, следовательно, если отвлечься от его военномобилизационной функции, был попыткой насаждения социалистических производственных отношений сверху, не дожидаясь вызревания необходимых экономических предпосылок.

История военного коммунизма, который позволил сосредоточить все силы на разгроме внешней и внутренней контрреволюции, показала в то же время политическую нецелесообразность и экономическую бесперспективность такого пути к социализму. Крестьянство, экономически не заинтересованное в увеличении производства, переходило к ведению натурального хозяйства. «В некоторые моменты,— подчеркивает Е. Амбарцумов,— экономическая напряженность переросла в политическую, рискуя разрушить союз трудящихся классов — основу самого существования Советского государства». Продолжение этой политики привело бы либо к гибели Советского государства от внешних врагов, либо к опасности его внутреннего перерождения в государство «казарменного коммунизма» типа современного Китая.

Опыт военного коммунизма, как отмечает Е. Амбарцумов, подвел Ленина к корен-

ному повороту в его подходе к основным вопросам социального и хозяйственного развития. Выяснилось, что административные меры, опирающиеся в основном на революционный энтузиазм масс, недостаточны. Главным методом социалистического строительства в крестьянской стране (да только ли в крестьянской?) могут быть лишь экономические стимулы. Не насаждение социализма сверху, как говорил Ленин, «непосредственными велениями пролетарского государства», а поощрение (причем экономическое поощрение) его постепенного роста снизу — таковы суть и смысл новой экономической политики, нового пути к социализму, по которому партия повела массы. Особенность новой экономической политики заключалась в первоначальном допущении всех общественно-экономических укладов, включая частнокапиталистический, а затем последовательного и постепенного вытеснения эксплуататорских укладов и социалистического преобразования мелкотоварного и патриархального хозяйства: в промышленности посредством индустриализации, в сельском хозяйстве — через кооперирование крестьянских хозяйств. Именно нэп был той найденной Лениным реальной экономической программой построения социализма в одной стране, тем способом, которым социалистическая надстройка могла подвести под себя соответствующий экономический базис, сведя к минимуму опасность и внешнего слома и внутренней деформации. Значение этого великого ленинского открытия для дальнейшего развития мирового революционного процесса трудно переоценить. Со временем оно, как утверждает Е. Амбарцумов, «не уменьшается, а лишь возрастает». Через нэп в тех или иных модификациях идет практически единственно возможный путь к социализму для всех стран современного мира. «Та задача, которую мы решаем сейчас,— писал Ленин,— пока — временно — в одиночку, кажется задачей чисто русской, но на деле это — задача, которая будет стоять перед всеми социалистами...»

Вопрос о том, когда проведение новой экономической политики было прекращено, является в нашей литературе дискуссионным. Автор присоединяется к точке зрения, утверждающей, что с нэпом было покончено в конце 20-х годов: «Ни по историческим целям, ни по преобладавшим методам, ни по социальным последствиям 30-е гг. советской истории невозможно считать продол-

жением 20-х. Это уже новый исторический период».

Подробно анализируя практику построения социализма, грандиозную работу, проделанную Лениным и большевиками по социальному переустройству России, раскрывая теоретические трудности, которые приходилось преодолевать в ходе этого переустройства, автор, к сожалению, недостаточно — возможно, из-за ограниченного объема книги — прослеживает их связь с теми теоретическими проблемами, которые большевикам приходилось решать еще до Октября 1917 года.

Дело в том, что проблемы, обозначившиеся после Октябрьской революции, были вызваны не только закономерными противоречиями между теорией и практикой. Нельзя забывать, что прежние теоретические принципы пришлось реализовывать в исторической ситуации, которая принципиально отличалась от времени рождения Марксовой теории социалистической революции и построения социализма.

Основным законом социалистической революции, которым руководствовалась в своей деятельности социал-демократия всего мира, было выдвинутое Марксом и Энгельсом положение о том, что степень готовности каждого данного общества к революции прямо пропорциональна степени противоположности классов буржуазного общества. Степень же противоположности пролетариата и буржуазии определялась тем, насколько развит капитализм. В главных государствах Западной Европы в третьей четверти XIX века (время, когда этот закон был выявлен) капитализм достиг примерно одинакового уровня. Соответственно примерно одинакового уровня достигла и классовая борьба пролетариата. Теоретически обобщая сложившуюся в то время ситуацию, основоположники марксизма, естественно, сделали вывод об общеевропейском характере возможной революции: объединенный пролетариат развитых стран Европы должен был выступить против объединенной же буржуазии. Вопрос о социалистическом преобразовании обществ капиталистической периферии, отставших в развитии, мог возникнуть лишь на последующих стадиях революционного процесса. Мир представлял собой группу региональных общностей, практически изолированных друг от друга. Существовавшие в этот период социальные связи между регионами были номинальными.

В эпоху империализма относительная равномерность социально-экономического уровня развитых капиталистических стран сохраняется. Но по сравнению с предыдущей эпохой происходят существенные качественные изменения, охватывающие весь мир. И развитые и отсталые страны интегрируются в единую мировую социальную систему. Настоящее и будущее стран зрелого капитализма теперь нельзя было рассматривать, абстрагируясь от остального мира. Социальная структура империалистического общества включает в себя наряду с буржуазной классовые структуры, находящиеся на до- и раннекапиталистических стадиях. Противоречия этой структуры не ограничиваются теперь только противоположностью пролетариата и буржуазии. Они включают в себя противоречия между угнетаемой и угнетающей нациями, между крупными и мелкими землевладельцами, между монополистической и немонополистической буржуазией и др. Различие в темпах социально-экономического развития народов мира имело следствием сложность и неравномерность развития структур, составлявших общество начала XX века. Это, в свою очередь, приводило к неравномерности распределения социальных противоречий, которые вместе с тем были сплетены в один клубок. В таких условиях революция, начавшаяся с решения одной группы противоречий, не могла протекать и одержать победу, не затрагивая всей их совокупности, то есть не перерастая в социалистическую революцию. Следовательно, закон социалистической революции эпохи империализма, на который опирался Ленин, можно сформулировать так: степень готовности общества к революции прямо пропорциональна уровню развития всех общественных противоречий.

Таким образом, суть и смысл того нового, что было внесено Лениным в теорию революции, состоит не в отрицании установившихся положений как устаревших, а в их обобщении и развитии с учетом новых исторических условий.

Не случайно именно русский революционер смог сделать обобщение закономерностей революционного процесса на новом этапе эволюции капитализма. Страна, которая могла бы самостоятельно совершить социалистическую революцию, должна была соединять в себе все противоречия империалистического общества: быть одновременно и развитой и отсталой, представляя собой общественный организм, сочетающий

монополистический капитализм и раннекапиталистические стадии, полуфеодалные отношения, отношения метрополии и колонии. Короче говоря, эта страна должна была представлять в миниатюре весь тогдашний мир. Но именно такой страной была царская Россия. Неразрывное сплетение рабочего, аграрного, национального и колониального вопросов, достигших вдобавок невиданной остроты в силу отсталого политического строя России, делали невозможным решение каждого из них по отдельности. И в этом смысле можно сказать, что ленинский план построения социализма органически связан с общим направлением движе-

ния ленинской мысли в предоктябрьский период. Его идеи непрерывности революционного процесса и авангардной роли пролетариата на всех этапах революции стали еще более важными. Книга, безусловно, выиграла бы, если бы эта связь была прослежена в ней конкретно.

Встречаются в книге и другие погрешности. Стремясь к доходчивому изложению материала, что в принципе можно лишь приветствовать, автор подчас недостаточно четко формулирует некоторые положения, и они могут вызвать спорные толкования.

Е. НИКИФОРОВ.

ОРУЖИЕ ИНТЕГРАЦИИ НАУК

В. Н. Садовский. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М. «Наука». 1974. 280 стр.

И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. Становление и сущность системного подхода. М. «Наука». 1973. 270 стр.

Идея системного подхода к сложным явлениям действительности зародилась еще в XIX веке. «...Маркс,— подчеркивают И. Блауберг и Э. Юдин,— дал не только первый образец успешного анализа сложной системы, но и специально для этого анализа построил логико-методологические средства». Вместе с тем системный подход как средство решения множества практических задач тесно связан с научно-технической революцией. Интенсивное развитие он получил лишь в наши дни — во второй половине XX века. Сейчас параллельно идет несколько процессов, связанных с осмыслением и внедрением понятия «система». Развивается системный подход, формируется общая теория систем, завоевывает сердца специалистов по управлению и планированию системный анализ. Идет острый спор об отношении системного подхода к философии, о его положении в структуре познания. Выявилась необходимость разобраться в том, что же такое «подход», в его отношении к традиционным элементам науки: гипотезам, методике, теории.

Институт истории естествознания и техники АН СССР предпринял смелую попытку проанализировать это весьма своеобразное явление современной науки. Необычны были сами условия работы ученых. Авторы не оставались лишь летописцами событий. С 1968 года они выступали организаторами специального семинара и регулярно выпускаемых Институтом истории естествознания

и техники АН СССР сборников «Системные исследования». Их экспериментальной площадкой стали и разнородные совещания, где удавалось наблюдать, как идет становление и развитие системного подхода.

В обеих книгах широк круг обсуждаемых тем, немало дискуссионных решений. Можно не сомневаться, что у философов, историков науки, представителей конкретных отраслей знания эти работы вызовут разную реакцию. Позиция рецензента — позиция представителя конкретной науки — географии.

Один из интереснейших вопросов, разобранный в обеих книгах,— статус системного подхода. Нетрудно заметить, что его методология выходит за рамки методологии конкретного научного (биологического, физического, географического и т. п.) исследования. Возникает большой соблазн приравнять этот подход к философскому. В связи с этим у некоторых ученых за рубежом появилась «надежда», что системный подход можно противопоставить диалектическому материализму как новую современную философию. Оба исследования убедительно показывают, что ставить вопрос «или конкретно-научное исследование, или философия» по отношению к системному подходу неверно. Какие бы широкие задачи перед системным подходом ни возникали, решение их не претендует на решение мировоззренческих вопросов. Здесь мы имеем дело с иным уровнем методологии — обще-

научными разработками. Вместе с тем исследователи подчеркивают, что марксистско-ленинская философия не только активно способствовала возникновению продуктивных методологических идей, но и продолжает вносить конструктивный вклад в разработку этого метода. Такова первая позиция, позволяющая уяснить положение и роль системного подхода в современном познании.

Вторая сторона вопроса связана прежде всего с уяснением понятия «подход». Множество публикаций — строго научных и популярных — посвящено понятию «система». Что же собою представляет «подход»? Слово, весьма часто употребляемое в научной лексике.

В системных исследованиях решение вопроса о соотношении подхода и теории породило дискуссию. В ее основе — различный ответ на вопрос: может ли и должен ли методологический подход успешно действовать в науке, не выступая в форме научной теории? Положительный ответ на этот вопрос И. Блауберга и Э. Юдина опирается на представление о различной роли теории и методологии. Если для теории главное — получение знаний о самой действительности, то для методологии — процесс получения знания. Любой методологический подход — принципиальная методологическая ориентация, принцип, руководящий общей стратегией исследования. Поэтому-то и велика роль системного подхода при постановке проблемы, формировании моделей исследуемого объекта, при организации понятий, средств и методов исследования. Этот факт заслуживает особого внимания. Еще недавно качества получаемых в исследовании результатов определялись лишь методикой сбора фактов. Сама «процедура исследования» при решении многих задач оставалась стандартной. Ныне же, при усложнении проблем, все чаще судьба исследования определяется еще до начала экспериментов, она зависит от того, четко или нечетко составлена программа синтеза получаемых знаний. Современные исследовательские средства создают такую ситуацию, при которой правильно поставленный вопрос раньше или позже будет решен. «Поставить правильно проблему», наметить схему исследования, в котором участвуют десятки научных учреждений, представители десятков наук, исследования, в котором сталкиваются сотни ученых и инженеров не только с различными характерами, но и

с разными целевыми установками и ценностными критериями, — это не только искусство, но и наука. Именно в организации процесса исследования проявляется конструктивная роль системного подхода.

Что же касается «общей теории систем», то, по мнению И. Блауберга и Э. Юдина, в настоящее время под этим именем выступают в основном лишь методологические принципы, не облеченные в форму строгой теории. Вопрос о создании такой теории остается открытым. Иную точку зрения развивает В. Садовский. Соглашаясь с тем, что в рамках системных исследований не возникла теория обычного конкретно-научного типа, он выдвигает тезис о возможности и целесообразности создания общей теории систем как метатеории. Метатеория — это также одно из новых понятий, вызванных к жизни все той же сложностью современной научной действительности. По В. Садовскому, эта метатеория должна быть теорией системных теорий, раскрывающей общие принципы построения знания о системных объектах. Любопытный итог: два исследования системного движения, дискутирующие друг с другом (порою достаточно остро), привели к уточнению двух связанных с единым процессом интеграции науки понятий: «подход» и «метатеория».

Эти две работы, по-разному рассматривающие одно явление, но рассматривающие его творчески, — хорошее свидетельство уверенного развития той ветви советской философии, острие которой направлено на анализ методологии науки.

Осмысление специфики и особой — конструктивной — роли подхода (и, в частности, подхода системного) выводит читателя на рубеж более широких проблем. И. Блауберг и Э. Юдин не случайно многократно обращаются к примеру экологии. Экологические проблемы рвутся на страницы толстых и тонких журналов, пожалуй, с еще большей силой, чем в свое время штурмовала их кибернетика. Человек и природа. Человек и среда. Экологический кризис. Пределы роста. Охрана природы. Охрана окружающей среды. В самих названиях этого круга проблем тревога за будущее человечества. Но кто же берет на себя тяжесть их решения? Экология? Очевидно, что этой отрасли биологии, исследующей отношения растений и животных к среде, даже при современном научном вооружении и безграничном пополнении кадрами

не под силу решение проблем, в центре которых сегодня стоят «человек» и «общество». Очередной парадокс развития науки! Отрасль знания, породившая название острейших современных проблем, не может одна их решить! И вновь мы встречаемся с проблемой «статуса экологических проблем», с проблемой «подхода» и общей теории.

Не будем предъявлять претензий к экологии. Она помогла выявить многие проблемы, создала модель экологической системы, заложила основы экологического подхода. Экологическая система — система особого рода. В ней мы одновременно имеем дело с множеством разнородных элементов — водой, воздухом, минеральным субстратом и биотой; различаем две крупные части — хозяина и его «дом», среду (вспомним дословный перевод: экология — наука о доме). Вот эта модель, родившаяся в недрах биологии, и выступила мощным средством ориентировки в реальной действительности. Сегодня ее взяли на вооружение десятки наук — технических, медицинских, социальных. И вместе с тем нет науки, которая обняла бы разом все экологические проблемы. Не видно и единой «общей теории экологии», объединяющей, скажем, решение проблем экологии растений и экологии городского населения. А экологический подход уже живет и продуктивно работает, выступая как особый вариант системного подхода. Своеобразие его в том, что один из элементов системы рассматривается как ее центр: изучаются прежде всего связи, ориентированные на «хозяина». И вторая особенность — связи не только измеряются, но и оцениваются. «Ухудшение условий», «ухудшение среды», «оскудение ресурсов». Такие формулировки не появлялись бы, если бы мы не задавались целью качественно оценить последствия изменения среды для жизни «хозяина дома» и ограничивались лишь точнейшими измерениями.

Человеческое общество не сумма индивидов. Поэтому «хозяином» в экологической модели может выступать при анализе и семья, и население конкретного города, страны, и человечество в целом. Естественно, что при этом будет меняться и то, что мы называем средой. Вообще расчленение среды и объекта относится к числу наиболее сложных задач системных исследований. Поэтому очень сильное впечатление оставляет тщательный анализ этого вопроса, выполненный В. Садовским.

Экологический подход, экологическая модель — сильнейшее научное оружие. Оружие, которое скромная отрасль биологии — экология дала в руки многим дисциплинам, и прежде всего тем, которые участвуют в конструировании нашего будущего, — градостроительству, экономике. Так рисуется сегодня превращение представлений одной из конкретных наук в подход, который используется рядом наук.

Любопытные процессы отмечаются сегодня и в географии, науке старой, но ориентирующейся на активную роль в разработке научных основ территориальной организации жизни общества. Кроме роста новых ветвей — наук, именующихся часто пограничными (геоморфология, рекреационная география и т. д.), — здесь все более отчетливо начинает просматриваться тенденция вычленения своеобразного «географического подхода», суть которого в постоянном использовании географических моделей за пределами географических наук.

В экономике эта тенденция привела к созданию региональной экономики, в проектом деле — районной планировки, в медицине — медицинской географии, в истории — исторической географии. Любопытно, что наиболее велика роль географического подхода в постановке проблем, в формировании моделей, с помощью которых синтезируется материал. А теория? О возможности существования единой теории, объединяющей естественные и общественные ветви системы географических наук, о метатеории и теоретической географии идут бурные споры...

Экологический и географический подходы, опирающиеся на идею системности и выступающие в качестве междисциплинарных, обладают разными уровнями общности, их способность вовлекать конкретные науки в сферу своей деятельности неодинакова. Но для нас важно сейчас другое: появление междисциплинарных подходов, так же как и тяга к метатеории, — это ответная реакция науки на быстро идущий процесс ее дифференциации.

Как видим, проблемы, рассмотренные в двух работах, о которых идет речь, имеют прямое отношение к решению актуальнейших вопросов развития науки.

Книга И. Блауберга и Э. Юдина, так же как и книга В. Садовского, — не только методологическое, но и историческое исследование. Процесс становления нового науч-

ного явления не завершено. Отсутствует единая исходная содержательная база, не созданы специальные средства изучения систем. Поэтому новый подход пока чаще всего вынужден опираться на стандартный на-

учный аппарат. Здесь еще остается необозримый простор для дальнейших исследований.

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
доктор географических наук.

ДОЛГ И ЧУВСТВО

Александр Борин. Я отвечаю. М. Политиздат. 1975. 144 стр.

Вот уже лет десять на страницах «Литературной газеты» появляются очерки Александра Борина. Их тему я бы определил так: этика научно-производственных отношений.

Время постоянно испытывало человека на нравственную прочность, создавая этические нормы. Так было всегда. Но никакое время не может сравниться с нашим по степени интенсивности этого испытания. Оно нас испытывает непрерывно — от звонка до звонка и еще по ночам, не давая заснуть: правильно или неправильно было сделано и как быть завтра перед лицом новых задач.

Старинный конфликт долга и чувства приобрел иные масштабы. Каждый рабочий день ставит перед человеком немалое количество не только производственных проблем, но и нравственных задач. И далеко не всегда они азбучны и элементарны.

В очерке «Пыль» А. Борин рассказывает, как в одном городе пустили гигантскую мебельную фабрику. Сказали какие надо торжественные речи, сыграли какую надо музыку, разрезали ленточку, распечатали событие в местных газетах. Фабрика была внушительной по размаху и замечательной по виду. Но у нее имелся все же недостаток: работать на ней пока было нельзя. Торопясь открыть фабрику к юбилею родного города, строители не отладили как следует оборудование. И директор новой фабрики приказал производство не начинать.

Этот очерк, написанный с большим знанием дела, как, впрочем, и все боринские очерки, дает, как говорится, пищу для интересных размышлений на тему «долг и чувство». Лица, торопившиеся открыть фабрику, несомненно полагали, что руководствуются высоким долгом. Они делали все, чтобы выполнить этот долг. Что же они делали? Они торопились. Они не вникали. Они решали вопрос в «высоком смысле» — надо, товарищи, надо! И тем не менее они в самом начале спутали эти два если не взаимоисключающих, то, во всяком случае, не одно-

значных понятия. Они руководствовались не долгом. Они руководствовались чувством. Они стремились поскорее достичь такого замечательного положения, при котором наряду с иными объектами гордости за свой замечательный город они получат к юбилею еще один внушительный объект. Они в суматохе решили, что гордость — это долг. Но гордость, увы, только чувство.

И Борин это очень убедительно показывает.

Но вернемся к упрямому директору. Чем руководствовался он? Он руководствовался тоже чувством. Ему было совестно. Он мог бы уговорить себя, мог пойти на то, чтобы недоделки исправлялись на ходу. Правда, это обернулось бы большими затратами. Но ведь директор представлял, какой град камней посыплется на него, если он остановит производство. И все же он настоял на своем. Его упрекали в отсутствии «славного городского патриотизма», а также в равнодушии. Но директор уважал свою совесть. Он не наступал ей на горло. Он не был как раз равнодушным человеком. Потому что его чувство было нравственным. То есть оно на самом деле соответствовало долгу. Он понимал, что если уж гордиться, так такой фабрикой, которой можно гордиться...

В очерке «Мой бывший начальник...» писатель показывает, как директор научно-исследовательского института, исходя из интересов специализации производства, концентрации научных сил, экономии средств, рационального использования ресурсов и других замечательных вещей, берет и губит техническую идею своего соперника. Придаться к директору нельзя. Все его аргументы солидны и неопровержимы. Директор отнюдь не так прост, чтобы его доводы смахивали на рядовую демагогию. Он умен. В его словах действительно много здравого смысла и веских соображений. Казалось бы, он выполняет свой долг. Однако, увы, директор руководствовался только чувством. Причем весьма банальным и пошлым. Будь

он чуть попроще, его бы можно было легко схватить за руку. Этот директор оказался большим маленьким человеком. У него хватило разума «вырасти на работе», но не хватило ума стать крупнее, стать личностью, то есть достичь того состояния, когда долг и чувство объединяются, не противореча совести.

Писатель рисует во всех тонкостях взаимоотношения на «служебной лестнице», по которой то властно, то робко ступает техническая революция.

Когда мы говорим о научно-технической революции, мы чаще всего касаемся небывалых возможностей науки и техники. Мы говорим о скоростях, объемах, материалах, коммуникациях — все это действительно превосходит фантазию. Но часто ли мы задумываемся о рядовых буднях рядового участника научно-технической революции? Александра Борина интересуют именно эти будни.

Вот, например, разговор писателя с нашим известным биологом Н. П. Бехтеревой о том, что такое «неудачник в науке».

«В наши дни,— пишет А. Борин,— над общей научной проблемой работают плечом к плечу люди самых разных профессий... и люди самых разных дарований... Талантливые и не очень». Здесь нужны, как говорится, и пророки и исполнители. Но у всякого ли хватит здравомыслия, мужества и совести трезво оценить свои возможности, у каждого ли хватит достоинства, оставаясь только «исполнителем», не чувствовать себя неудачником?

«Вы знаете,— говорит писателю Н. П. Бехтерева,— я иногда задумываюсь: а что, если бы как-нибудь подсчитать число интриг, затеянных... так называемыми «неудачниками»? Понимаю, подобная статистика весьма условна... И все-таки ответ был бы, наверное, достаточно красноречив...»

Этот разговор помещен в главе «От каждого по способности». В ней мы сталкиваемся все с тем же размышлением о долге и чувстве. Испытание чувств происходит с утра до ночи. Но вот что любопытно: мелкие банальные чувства всегда находятся в противоречии с долгом. Парадокс заключается в том, что чем мельче чувства, тем больше энергии они требуют для своего самоутверждения. Не дай вам бог встретить

на своем пути энергичную бездарность. Она уж покажет, где раки зимуют. Борин об этом говорит очень убедительно.

Конфликт «старого» и «нового» известен давно. «Новаторы» и «консерваторы» уже изрядно нам надоели. Из их отношений мы не раз делали весьма справедливый, но не весьма точный вывод, что новатор хочет нового, а консерватор наоборот.

А в жизни все оказывается куда сложнее.

Так называемые консерваторы такие же люди, как и новаторы. Мало того, они очень часто глубже и тоньше новаторов разбираются в некоторых конкретных проблемах. Очень часто новаторы со своими прекрасными идеями руководствуются горячим чувством, которое воспринимается ими как долг. Но «приблизительный» расчет жестоко подводит их. Александр Борин рассказывает историю конфликта, который был вызван бурным жилищным строительством в одном районе Ленинграда. Кто может сказать, что много жилищ — это плохо? Никто. Но много жилищ без соответствующего оснащения транспортом и сферой обслуживания, медицинскими учреждениями, школами, кинотеатрами, а также производственными предприятиями, на которых можно было бы занять растущее население,— такое «много жилищ» не так уж и весело. Долг в этом случае состоял в том, чтобы точно, со всей ответственностью учесть все «составляющие» человеческого бытия, а уж потом с радостным чувством браться за строительство.

Книга «Я отвечаю» представляет собою логическое продолжение предыдущих книг Александра Борина — «Случай 99-й», «Дело принципа», «Авария» и других. Во всех этих работах исследуется этика научно-производственных отношений. Особенное достоинство книг Борина состоит в том, что писатель отклоняет странное, но бытующее в публицистике представление о какой-то особой «производственной» этике. Этика едина. Облагораживая или, наоборот, оскверняя бытовые отношения, она облагораживает или оскверняет сферу производства. И в этой сфере она производит созидательное или разрушительное действие. Нравственность достигается наибольшим сближением чувства и долга. Эта мысль красной нитью проходит через книги Александра Борина.

Леонид ЛИХОДЕЕВ.

КОРОТКО О КНИГАХ

АХМЕДХАН АБУ-БАКАР. *Солнце в Гнезде Орла.* Повесть. «Октябрь», 1975, № 2.

В даровании Ахмедхана Абу-Бакара, писателя наблюдательного, верного своей теме и много работающего, есть одна выразительная и, можно сказать, редкая черта: он умеет вскрыть внутреннюю логику, а проще сказать — найти пружину поступков и суждений, внешне, казалось бы, нелогичных, а иногда чуждаковых.

На одной из первых страниц повести «Солнце в Гнезде Орла» есть не столь уж значительный, но интересный в этом отношении эпизод. Относельчане хоронят старика Дингир-Дангарчу. «Незыблем обычай у горцев: идешь на кладбище — надевай папаху, в кепке не положено, в шляпе тем более — настоящие мужчины их не носят..»

— Кепки носят гяуры.

— А ботинки? Ведь раньше не было их.

— Ботинки — другое дело. Ботинки на ногах, а тут ведь голова».

Немного смешно, не так ли? Но если вдуматься, логика здесь есть. Логика традиции. Она отступила перед ботинками, но не перед кепкой. Потому что там ноги, а тут голова...

Собственно, все творчество Абу-Бакара, а им написано немало произведений, связано с проблемой преодоления традиций. И еще с одной проблемой: как вместе с водой не выплеснуть и ребенка, как в преодолении косных обычаев, заскоружлых принципов не обезчеловечить отношения между людьми разных поколений, разных взглядов на жизнь.

Первая глава повести по хронологии избранных в ней событий должна была бы стоять предпоследней. Автор поместил ее в начале. Оправдана ли такая композиция чисто художественно? По-видимому, да, потому что первая глава убеждает нас в серьезности сконцентрированного здесь конфликта, в его большом человеческом содержании.

Старик Ашурали и его сын Мурад спорят в этой главе. Спор, в котором по-своему правы оба, начался с того, что, казалось бы, уже не имеет особого значения. Почему Дингир-Дангарчу, один из первых комму-

нистов аула, завещал похоронить себя на старом кладбище, когда аул переселяется в новый поселок и есть уже новое кладбище? Мурад негодует, он винит в этом своего отца, будто бы повлиявшего на друга перед его смертью. Отец негодует тоже — и потому, что на самом деле он не влиял на друга, и при мысли о том, что рвутся старые, кровные связи между людьми, а новых, как ему кажется, не возникает. Мурад убежден: расцветет на земле новая общность людей, духовная.

Их спор не отвлечен. Читая повесть, мы видим, что он непосредственно касается и Ашурали и Мурада, их личных судеб. Спор этот прекращается, так сказать, физически, со смертью Ашурали. Но умирая, отец оставил сыну завет: расстаться с любимой им Султанат, фактически женой Мурада. Бывший муж Султанат, Хасрет, с которым она давно развелась, не простив ему пьянства, драк, измены, отбыл срок заключения и вернулся в аул, надеясь, что Султанат снова примет его. Поняв, что потерял ее, Хасрет мечется, ему, если можно так выразиться, грозит вторая гибель.

Мы расстаемся с Мурадом, терзаемым тяжкими сомнениями. Это понятно и естественно; быть может, естественно и то, что здесь Мурад еще не решил их — он слишком потрясен. Менее естественным кажется то, что Султанат, о чувствах и поступках которой так много говорится в повести, которая не мыслит себе жизни без Мурада и готовится стать матерью его ребенка, как-то искусственно «удалена со сцены», и, что еще важнее, вместе с ней удалена определенность отношения автора к столь сложно и глубоко задуманному им конфликту.

Это жаль. Надо сказать, что характерные для Абу-Бакара жизненность, острота ситуаций не всегда сочетались у писателя с глубиной конфликтов, положенных в основу сюжета. Он остроумен, афористичен, хорошо владеет «искусством орнамента», умеет строить фабулу, но нередко получалось так, что за стремлением к броскости, яркости, внешней занимательности пропадали характеры в их сложных взаимоотношениях.

В повести «Солнце в Гнезде Орла» присутствуют все атрибуты стиля Абу-Бакара,

и это закономерно. Но думается, что самый тип конфликта этой повести требует от писателя большей сдержанности, отказа от перегрузки всякого рода орнаментом. Мысль о Солнце — источнике жизни, источнике света, сопровождающем каждого человека от колыбели до могилы, о Солнце, отражение которого надо «искать в своем сердце», уместна в повести и выражена своеобразно, но словесно она повторяется столь часто, что тоже становится элементом орнамента.

Жанр произведения четко определен автором — повесть. И, пожалуй, это верно, если иметь в виду основной конфликт. Но, по-видимому, привлеченный желанием представить в повести действительность во всем ее живом разнообразии, писатель вместил в нее множество действующих лиц и событий: переселение аула на новое место в связи с постройкой водохранилища; землетрясение, уничтожившее новый, еще не обжитой поселок; угроза наводнения. Можно спорить, допустима ли подобная многоплановость в рамках жанра, то есть допустима ли она в принципе. В данном случае она, пожалуй, сделала повествование в чем-то конспективным, разбросанным и не позволила «довести до кондиции» некоторые характеры и сюжетные линии. Стремление Ахмедхана Абу-Бакара к углубленности отрадно, хотелось бы пожелать писателю сочетать его со стремлением к лаконичности, экономности повествования.

Л. Лебедева.

А. АКБАРОВ. Гафур Гулям. *О жизни и творчестве народного поэта Узбекистана.* Ташкент. «Еш гвардия». 1974. 375 стр.

«Трудно отделить Гафура Гуляма — поэта от Гафура Гуляма — человека, — пишет К. Симонов. — Он был цельной личностью, и поэтому стихи его неотделимы от жизни и, наоборот, его жизнь неотделима от стихов. И в жизни и в стихах он был человеком большой и щедрой души, он глубоко любил людей».

Творческий путь Гафура Гуляма отразил в себе почти всю историю узбекской советской литературы, всех ее тематических и жанровых исканий почти за пятьдесят лет. Последовательный продолжатель поэтической традиции Маяковского, Гафур Гулям по праву считается и одним из основоположников узбекской прозы. Законный преемник опыта классической поэзии Востока, он вместе с тем оказывается и дерзновенным новатором. Публицист, писавший многие стихи в расчете на газетную полосу, он не чурался, однако, ни философской лирики, ни кропотливого труда исследователя литературы.

Универсальность писательских интересов Гафура Гуляма — это естественное проявление его богатой, многогранной натуры, столь полно выразившейся в печатном слове. Но Гафур Гулям жил интересной, насыщенной жизнью не только на страницах

своих произведений. Его человеческие поступки находили отражение в творчестве, а его поэтические декларации, как правило, воплощались в поступках.

Показать взаимосвязь между писательским наследием Гафура Гуляма и его живым обликом, взглянуть на творчество классика советской многонациональной литературы, лауреата Ленинской премии сквозь призму его биографии — такую задачу поставил перед собой автор книги «Гафур Гулям» А. Акбаров.

Работа А. Акбарова основана на богатом документальном материале. Тут и переписка поэта, и личные впечатления автора, и записанные им воспоминания Михаила Светлова, Аделины Адалис, Ивана Ле, Николая Тихонова, Константина Симонова, сестры поэта Бахри Гулямовой и многих других.

О детских и юношеских годах поэта в книге рассказано с тонким пониманием времени, национального колорита, выразительно и точно по психологическому и этнографическому рисунку. Особое место занимает на этих страницах фигура бедного ремесленника Гуляма Арипова, сумевшего привить своему сыну Гафуру вкус к поэтическому слову.

Разумеется, в центре авторского внимания — творчество Гафура Гуляма. На мой взгляд, особенно удались автору страницы, посвященные разбору повести «Четай» (где, по словам А. Акбарова, «молодой писатель стремился дать... широкую картину жизни дореволюционного Туркестана»), поэм «Юлдаш» и «Куқан», взволнованных и строгих стихотворений ленинского цикла.

По своему жанру произведение А. Акбарова синтетично. Это и традиционный критико-биографический очерк и монографическое исследование академического толка. Но это и мемуарная проза, а местами проза беллетризованная. Столь разнородные элементы соединились в органическое целое, сцементированные аналитическим замыслом автора.

Книга А. Акбарова интересна и в другом отношении. Это первый выпущенный на русском языке под маркой издательства «Еш гвардия» научно-художественный очерк из серии «Жизнь замечательных людей». Понятно, что начальная нота во многом предопределяет будущую «мелодию» издания. Она верно взята, эта нота. Рецензируемая книга, несомненно, расширит и углубит представление всесоюзного читателя о личности и произведениях замечательного узбекского поэта.

А. Вулис,
доктор филологических наук.

Г. БОЯДЖИЕВ. Душа театра. М. «Молодая гвардия». 1974. 368 стр.

А. АНИКСТ. Поэт театра. «Театр», 1974, № 12.

Рассказывая о Григории Нересовиче Бояджиеве, А. Аникст не только излагает содержание его жизненного и творческого пу-

ти, но и делится с читателем воспоминаниями о своем учителе и друге. Многолетняя привязанность и высокое уважение, пронизывающие эту статью, родили одновременно взволнованные и точные слова об одном из старейшин советской театральной литературы.

Несмотря на то, что это первый очерк о жизни театроведа и критика Г. Н. Бояджиева (а надо думать, что появятся и другие), автор не облегчал себе задачу. Он постарался зорко увидеть и показать читателю главные особенности бояджиевского творчества, бояджиевского мастерства. И среди них одну из главных — умение «видеть» и воспроизводить для других спектакль».

Впрочем, без этого умения, отличавшего многих деятелей русского театра (из сравнительно недавнего прошлого достаточно вспомнить статьи Н. Е. Эфроса или записки Ю. М. Юрьева), ни рецензия, ни статья, ни книга о театре не имеют права на существование. Газетные и журнальные отклики Г. Бояджиева на живую жизнь советского и зарубежного театра еще свежи в памяти современников, и мы все помним, как он умел в немногих абзацах «показать» спектакль не видевшему его читателю, раскрыть, говоря его же словами, «изысканную гармонию линий и тончайшую гамму тонов».

Однако описание никогда не было для Бояджиева самоцелью. Главной задачей автора был анализ. Вот тут-то и сказывалась основная черта литературного таланта Бояджиева: описание и анализ не подразделялись, но органически входили друг в друга; рассказ о спектакле, об исполнении той или иной роли был аналитическим.

Охарактеризовав эти качества бояджиевского таланта, А. Аникст с полным правом поставил в заглавии своей статьи — «Поэт театра». Может быть, следовало добавить «и рыцарь», ибо было в отношении Бояджиева к театру, как ни говори, а потесненному в последние десятилетия кино и телевидением, нечто от благородного рыцарства, от стремления помочь и защитить.

Допускаю, что и замысел его посмертно вышедшей книги во многом проистекал из этого стремления. Обращаясь в ней к молодежи, рассказывая ей о материальной и духовной сущности театра, адресуя ей воспоминания о лучших минутах своей жизни, проведенных в зрительном зале, и свои выношенные мысли о сценическом искусстве, Бояджиев как бы вербовал театру новых adeptов, новых друзей.

Шаг за шагом, глава за главой вводит читателя автор книги в театральную — нет, не кухню! — мастерскую, рассказывая и показывая, как создаются граммы, караты, зерна искусства; как взаимодействуют слово драматурга, интонация и мизансцена актера, звук музыкального оформления и живописное пятно декорации и костюма; как творческое воображение создателей спектакля направляется силой режиссерского решения, как зависит все от всего — жанр,

ритм, композиция спектакля и, скажем, минутное поведение на сцене актера в роли без слов; как нерасторжимы в театре эстетическое и этическое начала. Автор ни на миг не забывает сам и не дает забыть читателю, что любое, самое материальнейшее действие в подготовке и жизни спектакля исполнено духовного смысла, что театр и мастерская и храм одновременно, что это две его неразделимые ипостаси.

И — обращается к истории театра, вспоминает... Уже в самом начале книги возникает Михаил Чехов в образе Эрика XIV, а потом пойдут и Бульхов Б. Шуклина, и Машенька В. Марецкой, и Каренин Н. Хмелева, и Фаюнин В. Ванина, и Отелло А. Остужева и Н. Мордвинова, и многие другие. Опираясь не только на собственный опыт, но на отзывы и свидетельства своих товарищей, Бояджиев рисует яркую картину вышних достижений советского театрального искусства, но говорит и о неудавшемся, чтобы на анализе просчетов учить своего читателя пониманию сцены.

В замысле и исполнении книги сказалась, не могла не сказаться одна из наиболее привлекательных черт Бояджиева — демократизм (об этом хорошо сказано в статье А. Аникста). Глубокое осмысление им театральных процессов, сопереживание и сопонимание с каждым из творцов спектакля, наконец, его литературный дар никогда не поселяли в нем самообольщения, что вот ему, дескать, дано, а другим нет и можно чувствовать себя выше прочей зрительской «толпы». В книге (одна из ее глав так и называется — «Пробудить в зрителе художника!») ощущается искренняя вера, что каждый зритель в потенции несет в себе качества художника и потенцию эту возможно развить и поощрить. И на закате своих дней исследователь создал книгу благородного просветительского звучания, в которой есть такие, например, слова: «Быть зрителем — это тоже искусство. И учиться этому искусству нужно на каждом спектакле». Что он и делал сам всю жизнь.

Ю. Болдырев.

Переславль-Залесский.

В. ИВАШЕВА. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М. «Художественная литература». 1974. 464 стр.

Еще сравнительно недавно развитие критического реализма XIX века в Западной Европе рисовалось в ряде наших литературоведческих работ по такой примерно схеме: восходящая линия — до 1848 года, нисходящая — после. Подобная точка зрения не учитывала или умаляла достижения критического реализма второй половины XIX века и, кроме того, ориентировала исследовательские интересы только в одном направлении — на изучение реалистов 30—

40-х годов. Многие мастера реализма более позднего времени нередко выпадали из поля зрения нашей критики. Упомянутая концепция, или, точнее, схема, по существу, обедняла представление о реализме и многообразии его форм, пусть невольно, но ставила под сомнение его жизнеспособность и ведущую роль в литературном процессе последних ста лет: ведь если после 1848 года начинается упадок реализма, то что же остается на долю XX века?

Несостоятельность концепции «затухающего реализма» применительно к английской литературе убедительно доказывает в своей новой книге В. Ивашева. Доказывает самым анализом конкретного литературного материала. В работе четко обозначен фон — социальный, политический, общелитературный, факты биографии отобраны с таким расчетом, чтобы дать представление о тех сторонах личности и жизни писателя, которые найдут отражение в его книгах, вдумчиво проанализированы философские и эстетические взгляды художника. обстоятельно рассмотрены важнейшие произведения. Широко привлекаются в анализе мнения современников и литературоведческие работы, главным образом последнего времени, наши и зарубежные (перечень упомянутых автором работ мог бы составить солидную библиографию новейшей критики по английским реалистам XIX века). И все эти «кирпичики», из которых обычно строится — а в данном случае и выстроено — серьезный научный труд, сцементированы стремлением автора выявить общие закономерности становления английского реалистического романа XIX века.

Закономерности эти, по мысли автора, определяются тем, что XIX век создал в Англии два типа реализма. Первый тип господствовал в 30—40-х годах, второй — начиная с 50-х. С другой стороны, обе разновидности сосуществовали, иногда боролись, на протяжении всего XIX века. Первый тип реализма ярче всего выразился в творчестве Диккенса и Бронте, искусство которых уплатило богатую дань романтизму и отличалось непосредственным, не всегда тонко нюансированным откликом на социальные бури их времени. Реалистическая литература второго типа уделяет большее внимание обыденному, индивидуальному, больше интересуется внутренним миром человека, совершенствуется в изображении психологии, в стилистических приемах, в построении сюжета и отработке деталей. Именно эти особенности характерны для произведений Д. Остен, Дж. Элиот, Э. Троллопа (книги которых, равно как и Б. Дизраэли и Ч. Кингсли, по существу, впервые в нашей критике стали объектом пристального рассмотрения), У. Теккерея (особенно после «Ярмарки тщеславия»), а также — частично — для поздних романов Диккенса и Гаскелл.

Такова — в несколько схематизированном виде — концепция, лежащая в основе труда В. Ивашевой и аргументированная всеми ее конкретными наблюдениями. Речь здесь идет, таким образом, не об упадке реализ-

ма, а лишь о новом его качестве, предвосхищающем некоторые особенности реализма XX века. Подобная трактовка литературного процесса в Англии XIX века плодотворна не только потому, что исходит из реального положения вещей и позволяет «реабилитировать» некоторых выдающихся художников второй половины века и дать объективную картину английской литературы (и не одной английской; все это актуально и для других европейских литератур). Она помогает автору успешно решить задачу, декларированную в заголовке работы. Современное звучание английского реалистического романа автор обосновывает и тогда, когда акцентирует те стороны творчества рассматриваемых писателей, которые созвучны веку XX; и тогда, когда указывает, что именно и какими писателями XX века было воспринято от того или другого писателя XIX века; и тогда, когда рассуждает о причинах возросшей за последнее время в Англии популярности викторианской литературы. Всем содержанием, всей исследовательской логикой книга убеждает читателя в том, что реалистическая традиция — самая богатая, самая влиятельная и самая живая традиция английской литературы и что все лучшее в литературе XX века было подготовлено реалистами XIX века.

Игорь Рацкий,
кандидат искусствоведения.

В. М. ВАСИЛЕНКО. Народное искусство. Избранные труды о народном творчестве X—XX веков. М. «Советский художник». 1974. 295 стр.

Книга профессора В. М. Василенко включает работы, написанные в разные годы (некоторые из них печатаются впервые) и посвященные русской народной резьбе и росписи по дереву, северной резьбе по кости, лаковой миниатюре, отдельным видам украинского народного искусства, ювелирному ремеслу Древней Руси. Главная ценность этой книги заключается в том, что она содержит глубокий и весьма убедительный взгляд на суть народного декоративного искусства. Взгляд, подытоживающий то, что было сделано советским искусствоведением в этой области в прошлые десятилетия, и одновременно открывающий новые перспективы.

Является ли народное искусство истинным искусством или лишь виртуозным мастерством? Вопрос этот отнюдь не относится к числу легких. Ответ на него может быть найден лишь в тщательном изучении археологических памятников, анализе произведений народного искусства разных эпох и народов, умении разобраться в сложных взаимоотношениях народного и профессионального искусства на разных этапах их исторического развития, знании и глубоком

проникновении в фольклор, обряды и обычаи и, наконец, в способности понять весьма сложные законы художественного и морально-этического мировидения крестьянства прошлых эпох. Прослеживая истоки и различные этапы бытования в русской народной резьбе по дереву образов коня, птицы, льва, русалки, В. М. Василенко показывает, как изменилось восприятие этих образов в сознании мастера и его аудитории, сохраняя верность многовековой традиции и одновременно обретая постоянно возрождающуюся свежесть современного взгляда. Таким образом, утверждая вновь большое значение традиционности в народном искусстве, исследователь показывает его как явление развивающееся, отнюдь не косное.

К числу наиболее важных открытий В. Василенко относится его вывод о том, что в основе любого истинного произведения народного искусства лежит специфический подход к осмыслению действительности, определяемый ученым как «волшебный реализм». К этому точному и весьма содержательному определению ученый приходит, размышляя над стилистикой народных художественных изделий, усматривая в «волшебном реализме» некий общий стиль народного искусства.

Ясность научного видения позволила Виктору Михайловичу еще в 30-е годы на основе отдельных анализируемых памятников предсказать наличие на Севере России трех центров художественной росписи, сегодня широко известных и детально исследованных, — Пермогорья, Борка и Нижней Тоймы. Логика научного исследования привела В. М. Василенко и к другому прогнозу — о наличии широко развитого промысла уральских кистевых росписей, их последующее изучение открыло новую страницу в истории русского народного искусства.

Статьи В. М. Василенко «Славянское язычество XI—XIII веков» и «Размышления о вятических кольцах», включенные в избранные труды, — яркий пример того, как даже в древнейших археологических памятниках исследователь может увидеть черты живого, рожденного чувством и мыслью человека искусства. Удачно сочетая энциклопедические познания в этой области с обостренной интуицией и пытливостью, ученый раскрывает мир истинного, полнокровного искусства.

Углубляясь в серьезные теоретические размышления, автор приходит к выводам, имеющим немалое прикладное значение. Истинная теоретичность умозаключений В. Василенко отнюдь не ведет к их отвлеченности: мысли, высказанные автором по вопросам содержания народного искусства, его образного строя и стилистической направленности, являются злободневными для современной художественной практики.

Книга профессора В. М. Василенко открывает нам весьма поучительную картину углубленных и плодотворных поисков на

одном из интереснейших участков эстетического знания, тесно связанного с народной художественной практикой.

А. Канцеджас,
кандидат искусствоведения.

ПЬЕТРО ДИ ГОТТАРДО ГОНЗАГА. 1751—1831. Жизнь и творчество. Сочинения. М. «Искусство». 1974. 276 стр.

В Музее истории Ленинграда хранится эскиз занавеса с видом на Адмиралтейство. Выполненное на бумаге акварелью и сепией, произведение это поражает живостью воспроизведения природы в соединении с чисто театральной эффектностью. Изящество стройных и строгих линий, благородство колорита, композиционная ясность — все здесь просто и привлекательно. Автор эскиза — Пьетро ди Готтардо Гонзага. Его имя известно немногим. А меж тем вклад этого художника в искусство декорации русского театра, в искусство создания парковых ансамблей, дворцовых росписей огромно.

Монографическое исследование Ф. Сыркиной впервые дает развернутую характеристику творчества Гонзага, рассказывает о его жизни, полной неустанныго труда, частых разочарований и редких радостей на родине — в Италии, и в России, ставшей его второй отчиной.

В России раскрылись многообразные дарования художника — знатока тайн и законов оформления сцены в соответствии с образными задачами самых различных спектаклей; именно здесь он создал прекрасные сады Павловска с его лиричными хороводами берез, с его живописными куртинами и боскетами...

Сын декоратора, внук сапожника, Гонзага прожил в России сорок лет, и наследие этого талантливого практика, одаренного теоретика и литератора стало достоянием нашей национальной культуры. Об этом напоминает и это доказывает рецензируемая книга, которая, думается, будет полезна для узких специалистов и для тех, кто просто любит театр. Кроме нового знакомства, любители театра получат массу попутных сведений о сценах Италии и России XVIII — начала XIX века, о художниках и архитекторах, меценатах и народных талантах, которыми всегда изобиловала русская земля...

В книге приводятся любопытные строки из дневника польского короля Станислава-Августа, который присутствовал в октябре 1797 года в Гатчине на представлении оперы Анфосси «Зенобия в Пальмире»: «Декоратор Гонзага превзошел самого себя: в этом роде живописи он может похвастаться одним из превосходнейших художников на свете... на занавесе нарисован храм, который, будучи видим вблизи, не более как

на расстоянии шести шагов, кажется совершенно отдалившимся. Декорация леса могла бы спорить в совершенстве с картиною Брейгеля. Луч солнца, ударяющего сквозь узкое окно тюрьмы, обманывал зрение. Уверяют, что в Италии нет ни одного декоратора, который превосходил бы Гонзагу в искусстве».

Мне остается подчеркнуть, что весь об-

ширнейший иллюстративный материал, включая перечень работ художника, увеличивает ценность книги. Переводы трудов Гонзага сделаны А. Мовшеноном. И надо сказать, что множество высказываний Гонзага о театральной живописи, этой «музыке для глаз», и сегодня звучат весьма актуально.

Анна Илупина.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ПОЛИТИЗДАТ

В. И. Ленин. Памяти Герцена. 15 стр. Цена 3 к.

В. И. Ленин. Три источника и три составных части марксизма.— Карл Маркс. 64 стр. Цена 8 к.

Атеистические чтения. Вып. 7. 128 стр. Цена 62 к.

Марксистско-ленинское учение о социализме и современность. 487 стр. Цена 1 р. 95 к.

М. Соломенцев. Нечерноземье: перспективы и проблемы развития. 46 стр. Цена 7 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Б. Кербабаев. Капля воды — крупица золота. Роман. Перевод с туркменского. 416 стр. Цена 84 к.

В. Коротич. Отзвуки. Стихи. Перевод с украинского. 110 стр. Цена 33 к.

Д. Кугультинов. Зов апреля. Стихи и поэмы. Перевод с калмыцкого. 166 стр. Цена 62 к.

Э. Межелайтис. Микропоэмы. Перевод с литовского. 256 стр. Цена 1 р. 82 к.

Л. Скорино. Мариэтта Шагинян — художник. Жизнь и творчество. 358 стр. Цена 1 р. 6 к.

А. Турков. Открытое время. Портреты. Проблемы. Полемика. 392 стр. Цена 96 к.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Литература в изменяющемся мире. Актуальные проблемы современной идейно-эстетической борьбы. 464 стр. Цена 1 р. 36 к.

Т. Манн. Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Левверкюна, рассказанная его другом. Перевод с немецкого С. Алта и Н. Ман. 608 стр. Цена 2 р. 5 к.

Д. Марков. Проблемы теории социалистического реализма. 352 стр. Цена 95 к.

Н. Некрасов. Избранное. Стихотворения и поэмы. 511 стр. Цена 97 к.

В. Петрович. Избранное. Перевод с сербскохорватского. 413 стр. Цена 1 р. 64 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

С. Мнацанян. Станционная ветка. Стихи. («Молодые голоса») 31 стр. Цена 13 к.

В. Киселев. Кордоийская быль. Повесть. («Честь. Отвага. Мужество») 144 стр. Цена 19 к.

«СОВРЕМЕННОИ»

Н. Коноплин. Цвета времени. Повесть и рассказы. («Новинки «Современника») 240 стр. Цена 61 к.

М. Колесников. Ищу свою высоту. Роман. («Новинки «Современника») 397 стр. Цена 85 к.

Е. Носов. «И уплывают пароходы...» Повесть и рассказы. 447 стр. Цена 1 р. 1 к.

М. Шолохов. Россия в сердце. Сборник рассказов, очерков, публицистики. 366 стр. Цена 98 к.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

С. Есенин. Стихотворения и поэмы. Вступительная статья и составление Ю. Прокушева. 191 стр. Цена 42 к.

У. Маттсон. Бриг «Три лилии». Повесть. В 2-х чч. Перевод со шведского Л. Жданова. 302 стр. Цена 66 к.

А. Плещеев. Стихи. Предисловие В. Гакиной. 32 стр. Цена 6 к.

М. Прилежаева. Собрание сочинений. В 3-х тт. Т. 3. Удивительный год.— Три недели покоя.— Жизнь Ленина. Повести. 576 стр. Цена 1 р. 22 к.

Солнечный конь. Словацкие сказки. Составление Ю. Преснякова и В. Чешихиной. 207 стр. Цена 1 р. 56 к.

ВОЕНИЗДАТ

К. Блэйр. Страна Пентагон. Роман. Перевод с английского В. Михайлова. 247 стр. Цена 78 к.

Е. Войскунский. Море и берег. Повести и рассказы. 304 стр. Цена 68 к.

В. Иванов. Русь великая. Роман-хроника. 607 стр. Цена 1 р. 19 к.

И. Уйвари. Особенный год. Роман и рассказы. Перевод с венгерского Ю. Сазорощ. 384 стр. Цена 1 р. 20 к.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

М. Горький. Очерки и воспоминания. Предисловие И. Вайнберга. 144 стр. Цена 26 к.

Памятники Сибири. Восточная Сибирь и Дальний Восток. Альбом. Автор Г. Вогуславский. Художник Г. Дмитриев. 470 стр. Цена 8 р. 47 к.

«ПРОГРЕСС»

М. Бенсон. В точке покоя. Роман. Перевод с английского А. Файнгара. 192 стр. Цена 51 к.

Э. Бухгольц, Д. Лекшас и Р. Хартман. Социалистическая криминология. Сокращенный перевод с немецкого. («Общественные науки за рубежом Прав») 272 стр. Цена 1 р. 12 к.

Ж.-Л. Кюртис. Мыслящий тростник. Роман. Перевод с французского Л. Лунгиной и Ю. Яхьиной. 297 стр. Цена 1 р. 2 к.

Писатели против фашизма. Произведения писателей социалистических стран Европы. Переводы. 543 стр. Цена 2 р. 49 к.

«ИСКУССТВО»

Драматургия ГДР. Перевод с немецкого. Послесловие К. Шмидта. 589 стр. Цена 1 р. 89 к.

М. Садовский. Записки актера. 303 стр. Цена 1 р. 41 к.

Ю. Шведов. Эволюция шекспировской трагедии. 464 стр. Цена 2 р.

«НАУКА»

В. Волков. В. И. Ленин и развитие химической промышленности СССР. 285 стр. Цена 1 р. 5 к.

Голоса доброй надежды. Стихи современных поэтов Южно-Африканской Республики. Перевод с английского. Составитель Ф. Бурташов. Предисловие А. Давидсона. 191 стр. Цена 77 к.

А. Федоров. Авиация в битве под Москвой. Издание 2-е, дополненное и исправленное. Предисловие С. Красовского. 343 стр. Цена 1 р. 75 к.

«МЫСЛЬ»

А. Гулыга. Гердер. («Мыслители прошлого») Изд. 2-е, доработанное. 182 стр. Цена 22 к.

Л. Коновалова. Мораль и познание. Критика гносеологических основ современной буржуазной этики. 165 стр. Цена 55 к.

В. Порицкий. Ленинский Декрет о земле и его буржуазные критики. 126 стр. Цена 60 к.

Проблемы научного коммунизма. Вып. 9. Рабочий класс и строительство коммунизма. 317 стр. Цена 1 р. 30 к.

МЕСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Р. Бородулин. Баллада Брестской крепости. Поэма. Перевод с белорусского Г. Куренева. Минск. «Мастацкая литература». 111 стр. Цена 70 к.

Ю. Мориц. Поэт — человек влюбленный. Литературно-критические статьи. Ташкент. Издательство художественной литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 160 стр. Цена 37 к.

А. Панферов. Мой старший брат. Штрихи жизни Ф. И. Панферова. «Московский рабочий». 248 стр. Цена 61 к.

А. Плитченко. Дневник. Стихотворения Новосибирск. Западно-Сибирское книжное издательство. 94 стр. Цена 40 к.

Козьма Прутков. Плоды раздумья. Мысли и афоризмы Пермь. Книжное издательство. 320 стр. Цена 1 р. 20 к.

С. Славич. Послесловие к подвигу. Повести Симферополь. «Таврия». 304 стр. Цена 67 к.

Главный редактор **С. С. Наровчатов**

Редакционная коллегия:

Ч. Айтматов, Ф. К. Видрашку (ответственный секретарь), **Е. М. Винокуров, Р. Г. Гамзатов, М. Б. Козьмин** (первый зам. главного редактора), **В. А. Косолапов, А. А. Кулешов, В. М. Литвинов, А. И. Овчаренко, А. Е. Рекемчук, А. Я. Сахнин, О. П. Смирнов** (зам. главного редактора), **Д. В. Тевекелян, К. А. Федин**

Редакция: Малый Путинковский пер., д 1/2. Тел. 299-81-77
 Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»
 Почтовый адрес: 103006. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5.

Слано в набор 22/VII 1975 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 4/IX 1975 г.
 Формат бумаги 70×108^{1/8}. 28,7 уч.-изд. л., 9 бум. л. (25,2 усл. печ. л.)
 А 02334. Тираж 170.000 экз. Зак. 2580.

Типография издательства «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Сєворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 70 коп.

70636